

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
И АФРИКАНИСТИКА

Материалы
научной
конференции

Москва,
28 марта -
3 апреля 2024 г.

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки**

**ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА**

28 марта - 3 апреля 2024 г

Материалы научной конференции

Москва

2024

УДК 908 (5/6)082
ББК 26.89 (5+6)я431
Л75

**Издание подготовлено в рамках программы мероприятий, проводимых к
270-летию юбилею МГУ имени М.В.Ломоносова**

Рецензент

У.П.Стрижак, кандидат педагогических наук, НИУ ВШЭ

Главный редактор

Доктор исторических наук А.А. Маслов

Ответственный редактор

Кандидат исторических наук А.Г.Фесюн

Рекомендовано к печати Ученым советом

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Редакционная коллегия:

*А.В. Бочковская, М.В. Воронцова, Н.В. Громова, В.Б.Иванов, Р.Б. Карамурзов,
М.В.Карпов, С.А. Кириллина, О.А. Машкина, В.В. Орлов, К.А. Панченко, М.Л.
Рейснер, Н.Г. Румак, А.Л. Сафронова, Ж.С. Сыздыкова, М.А. Сюнненберг, М.Р.
Урб, Т.А. Барабошкина, Т.Д. Черкасова, Е.В. Черновол*

Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика
(Москва, 28 марта - 3 апреля 2024 г): материалы научной
конференции /Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки; [главн. ред. А.А.
Маслов] – Москва [Электронный ресурс] М.: ИСАА МГУ имени
М.В.Ломоносова, 2024.

Л-75

*Предлагаемое издание представляет собой сборник материалов
научной конференции «Ломоносовские чтения. Востоковедение и
африканистика» сотрудников ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова и
приглашенных специалистов из ряда ведущих институтов России и
зарубежных стран.*

УДК 908 (5/6)082
ББК 26.89 (5+6)я431

Публикуется в авторской редакции

ISBN 978-5-19-012027-1 (e-book)

© ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024

© Коллектив авторов, 2024

Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа

Территория расселения и этнический состав казахов Среднего жуза (на примере племен: найман, аргын, кипчак)

Сыздыкова Ж.С.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой

стран Центральной Азии и Кавказа

ccsa-iaas@yandex.ru

Проблемы, связанные с родоплеменным составом и расселением трех казахских жузов являются одними из самых сложных вопросов в историографии истории народов Центральной Азии. Данная тема привлекает пристальное внимание историков, этнографов, антропологов, лингвистов и др. В зависимости от политических и экономических причин происходили видоизменения, речь идет о миграции и о взаимовлиянии отдельных племен и групп, что могло приводить к укрупнению какого-либо объединения и возникновению нового этнонима (часто принимался этноним более сильного племени). В истории имели место и такие факты, когда некоторые племена в силу политико-экономических и демографических факторов входили в состав различных народов, прежде всего, тюркоязычных. Рассмотрим самые крупные племена Среднего жуза: найманов, аргынов, кипчаков. Найманы-племя о происхождении которого до сих пор нет единой точки зрения. В исторической науке существует два утверждения, первое о том, что найманы имеют монгольское происхождение, сторонники этой точки зрения опираются на само название «найман», что в переводе с монгольского означает «восемь», т.е. союз восьми племен. По мнению востоковеда Н. Аристова найманы все же являются тюрками, исследователь считает, что невозможно было оторочить союз восьми племен. Ученый считает, что наименование племен зависит от их места проживания и что найманы, скорее всего, получили свое имя по названию реки Найма, притока Катуня, где, возможно, они первоначально кочевали [2,с.274]. Согласно Н. А. Аристову найманы известны с IX века и расселялись на территории Монголии к западу от рек Тамир и Орхон до Иртыша. Напомним, что о государстве найман писал и автор «Родословного древа тюрков» Абульгази. До появления единого монгольского государства найманы были одним из самых могущественных племен и их кочевья проходили по Алтаю, Зайсанской котловине, а затем найманы дошли до оз. Балхаш и на юг до оз. Алаколь, а часть ушла в Туркестан, на Сырдарью и к горам Улутау, и далее до реки Ишима. Были и те, кто откочевал вверх по Иртышу и осел на его берегах. Найманы, расселившиеся к северу от гор Улутау, вошли в состав кочевых узбеков и составили одну из основных сил государства Абулхайр-хана. В период распада

государства кочевых узбеков часть найманов в массе других племен ушла с Шейбани-ханом в Мавераннахр и сыграла видную роль в судьбах народа Узбекистана. По преданиям, записанным Б. В. Андриановым [1,с.40], узбекские племена, в числе которых были найманы, пришли из Туркестана в район Аральского моря и далее на юг Хорезма 400 лет тому назад. Происходит постепенное слияние с местным населением, и найманы становятся одним из компонентов каракалпакского и узбекского народов. Дальнейшая консолидация этнических групп привела к парной связи племен. Среди арыса конрат каракалпакского народа есть роды баканлы (у казахов — баганалы) и терис-тамгалы. Эти роды в казахской генеалогии составляют крупные родовые объединения племени найман.

По мнению Ч. Валиханова основная масса аргынов до нашествия джунгар проживала на Сырдарье, на юге распространяясь до пределов Самарканда. В XIV—XVI вв. их кочевой путь лежал от Сырдарьи на север до низовьев Ишима и на восток до Иртыша. Это был тот кочевой путь, по которому следовали караваны древних кипчаков [4, С.638].После начала походов Тимура на земли Туркестана, аргыны оказываются в зависимости от завоевателя. Историк Ибн- Арабшах указывает на тот факт, что Аргун-шах был сподвижником Тимура во время его похода на Тохтамыш. В то же время часть аргынов продвигаются на север от озера Балхаш. С нашествием джунгар аргыны продвигаются к Самарканду, а часть идет на север, вдоль традиционных меридиональных кочевков. Продвижение аргынов на север подтверждает автор «Джами-ат-та-варих» Джалаири, описывая избрание Ураз-Мухаммеда в касимовские ханы, указывает, что с левой руки от престола хана находились два бека — один из рода аргын, а другой из рода кипчак. Как известно, Ураз-Мухаммед со своими сподвижниками был пленен воеводой Данилой Чулковым летом 1588 г., т. е. в последней четверти XVI века [5,с.242]. Это значит, что в управлении ханством Ураз-Мухаммеда принимали участие представители двух крупных племен—аргынов и кипчаков, кочевавших от Сырдарьи до Тюмени. Это говорит также о распространении аргынов до Западно-Сибирской низменности. После разгрома джунгар казахи возвратились на прежние места и Средний жуз достиг Ори и Уя.

В источниках упоминаются: кимаки, кипчаки, команы, половцы. Большинство исследователей считают, что кипчаки имеют тюркское происхождение, такой же позиции придерживается академик В. Бартольд, считая их «чистыми тюрками [3, с.12] А. Х. Маргулан считает, что в XIII—XV вв. кипчаки составляли основное ядро казахского народа.

О единстве кимакско-кипчакской группы племен говоря и многочисленные археологические исследования, относящиеся к этому периоду. В VIII—IX вв. началось движение кимаков и кипчаков в двух направлениях. Кимаки, вытеснив карлуков, заняли область Гаган, соответствующую Алакульской котловине (сев-вост. часть Семиречья)

Кипчаки двигались на запад от Иртыша и на юг, вплоть до Сырдарьи, в страну гузов. в XI в. вместо названия «Степь гузов - «Дешт-и-Кипчак»- «Степь кипчаков» . В эпоху монгольского нашествия кипчаки идут далее на запад и в южнорусские степи, и на Северный Кавказ. Кипчаки вошли в состав башкирского народа, став самым многочисленным компонентом. После распада государства кочевых племен (конец XV — начала XVI в.) часть кипчаков ушла в Среднюю Азию и составила один из компонентов среднеазиатских народов. При хорезмшахе Мухаммеде высший командный состав войска составляли представители кипчакской знати.

Литература:

1. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Соч., т. V. М., 1968.
2. Андрианов Б.В. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме (XVIII-XIX вв.). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. III. М., 1958.
3. Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1927.
4. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч., т. I. Примечания. Алма-Ата, 1984.
5. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., ч. II, 1864.

Национальная политика Советского государства и Туркестанская АССР

Кадырбаев А.Ш.

*ИБ РАН, главный научный сотрудник,
kadyr_50@mail.ru*

О практическом воплощении на практике национальной политики Советского государства в Центральной Азии можно говорить с 1919 года, с деятельности Туркестанской комиссии, посланной в регион в соответствии с решением ВЦИК и советского правительства, мандат которой был подкреплён письмом В.И. Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана», в котором он призвал русских коммунистов региона «установить товарищеские отношения с народами Туркестана» и «искоренить все следы империализма великорусского». Прибытие комиссии и укрепление власти центрального Советского правительства в результате поражения белых армий Колчака и Деникина способствовало укреплению советской власти в Центральной Азии. Но Туркестанской комиссии оказалось нелегко проводить в Туркестане «восточную» политику

союза с мусульманскими народами, которая начала осуществляться на национальных окраинах России с 1920 года. ЦК РКП (б) направил циркулярное письмо партийным организациям Туркестана, в котором говорилось: «Прежде всего долг русских коммунистов - завоевать доверие трудящихся угнетенных наций». Турккомиссией были сделаны серьезные попытки уничтожить национальную дискриминацию в партийных органах Туркестана. До января 1922 года эта проблема не была снята с повестки дня, когда ЦК РКП (б) все еще публично призывал коммунистов Туркестана избавиться от «колониаторского уклона», были приняты постановления о партийной работе среди мусульманского населения, о признании государственными языков местного коренного населения Туркестана, о необходимости привлечения мусульман к советской работе. На VIII съезде Советов Туркестана было создано Мусульманское бюро, занимавшееся мусульманскими организациями РКП (б) в регионе. Был избран новый Туркестанский ЦИК, где большинство составляли мусульмане и который возглавили Т. Рыскулов и Ф. Ходжаев. Но, полнота власти в Туркестане по-прежнему принадлежала Турккомиссии, которая действовала под контролем ЦК РКП (б) и лично В.И. Ленина [Кадырбаев. Сыздыкова. М. 2017, с.290-293].

В 1920 году состоялась V краевая конференция туркестанских коммунистов, решившая создать компартию тюркских народов и III краевая конференция мусульман-коммунистов объявила о создании «Тюркской советской республики». В ее состав должны были войти все коренные народы и земли Средней Азии и Казахстана. Было объявлено о ликвидации Турккомиссии как органа управления Туркестаном, о выводе частей российской Красной Армии, о проекте создания «тюркской Красной Армии». Данное предложение было поддержано на объединенном заседании Крайкома компартии Туркестана, Мусульманского бюро и Турккомиссии, а также III краевой конференцией мусульманских коммунистов. Попытка Т. Рыскулова создать республику тюркских народов была основана на идее создания тюркско-мусульманской федерации. ЦК РКП (б), обеспокоенный этими тенденциями в среде мусульманских коммунистов Туркестана, вызывает в Москву инициаторов проекта Рыскулова и Ходжаева, а Турккомиссия во главе с М.В. Фрунзе берет под контроль деятельность делегатов конференции. «Тюркский проект» Рыскулова был отвергнут, сам он был удален из Туркестана в Москву [Кадырбаев. Сыздыкова. М. 2019, с.325-327].

Хотя национальная проблема в Туркестане оставалась злободневной на всех уровнях партийной и советской власти, 11 апреля 1921 года согласно декрету ВЦИК была создана Туркестанская Социалистическая Советская республика, ставшая автономией Российской Советской Федеративной Социалистической республики. Высшим законодательным

органом власти в республике стал «Съезд советов рабочих, дехканских, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов» и включение в него дехкан, т.е. мусульманских крестьян, было свидетельством перехода к новой политике национального равенства. В состав новой республики вошла Средняя Азия от Каспия до Восточного Туркестана, Южный и Юго-Восточный Казахстан от Арала до Балхаша, она граничила с Персией и Афганистаном на юге и с Казахской автономной республикой в составе РСФСР - на севере [Кадырбаев. Сыздыкова. М. 2021, с.381-385].

На территории бывшей Российской империи - Союза Советских Социалистических республик - СССР, что знаменовало появление в мире нового государства. Первыми членами этого Союза были четыре союзные республики - РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Закавказская Советская Федеративная Социалистическая республика - ЗСФСР. Эти союзные республики де-юре имели право выхода из СССР, т.к. проект «автономизации» И.В. Сталина, предусматривавший вхождение всех республик в состав РСФСР как автономных без права выхода из ее состава, был отвергнут В.И. Лениным. Туркестанская АССР вошла в СССР в составе РСФСР на правах автономной республики.

Литература:

- 1.Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С. Страна в междуречье (Очерки истории Узбекистана). Серия «История стран Центральной Азии». М., 2017.
2. Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С. Страна на Тянь-Шане и в Прииссыккулье. Очерки истории Кыргызстана с древнейших времен до начала XXI века. Серия «История стран Центральной Азии». М., 2019.
3. Кадырбаев А.Ш., Сыздыкова Ж.С. Страна от Кара-Кум до предгорий Копет-Дага. Очерки истории Туркменистан с древнейших времен до начала XXI века. Серия «История стран Центральной Азии». М., 2021.

Суверенитет и субъектность государства в эпоху неоглобализации

Махаматов Т.М.

профессор финансового университета при Правительстве РФ
makhamatov.tair@mail.ru

Начало процесса формирования многополярного мироустройства создаёт субстанциальную основу качественно нового исторического этапа глобализации человеческого бытия. Новый этап глобализации как неоглобализационный, перед странами

всех континентов, особенно глобального Юга, открывает реальные перспективы для укрепления своих национально-политических идентичностей, для защиты и сохранения традиционных национальных ценностей, для реального суверенитета и социально-экономического развития. Одним из таких перспектив является возможность и малым, и большим *суверенным* государствам достичь *субъектности* в политико-дипломатических, финансово-экономических, научно-технических и иных областях международного сотрудничества.

При анализе проблем субъектности государства в поле международной политики, на наш взгляд, целесообразно подчеркнуть два чрезвычайно важных концептуальных положений в философии глобализации, лежащих в основании рассматриваемой нами проблемы.

Первое положение – это *объективность процесса глобализации*, ее обусловленность самой природой человечества. Финансово-экономическая, военно-политическая, научно-исследовательская деятельность стран разных континентов, демографической динамикой с объективно-исторической неизбежностью связывают их друг с другом в единый и противоречивый клубок.

Согласно одному из ведущих российских исследователей в области философии глобализации А.Н. Чумакову, «глобализацию можно определить как объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Глобализация выступает также и как явление, и как феномен, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе территориальной замкнутостью глобального пространства, единым мировым хозяйством, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями, разрушением информационных границ и т. п. и в таком качестве никем не может быть проигнорирована. Понимаемая таким образом глобализация в своем развитии может иметь временные спады, подъемы и стагнации только лишь в отдельно взятых сферах общественной жизни, например в экономике, демографии или касательно международной военно-политической напряженности» [Чумаков 2023: 27].

Второе положение. Глобализация, как и любое человеческое образование, находится в поступательном изменении, имеет качественно отличающиеся друг от друга этапы своей эволюции. Потому, как пишут И.В. Ильин, О.Г. Леонова, «весьма важным для исследования и прогнозирования развития глобализации, - является эволюционный подход. Интенсивно развивающаяся и актуальная новая дисциплина – эволюционная глобалистика – делает акцент на изучении эволюции и коэволюции глобальных процессов и систем в их системно синергетическом единстве – глобальном развитии, в котором свое место занимает

глобальная политика, отражающая специфику глобальных политических процессов». [Ильин, Леонова 2023: 44; см. также: Гранин 2014].

Переход глобализации на *качественно новый этап* ее исторического диалектического отрицания начинается с 2000-х годов. Отметим, что и этот новый этап общечеловеческого бытия формируется как *объективный результат* исторической поступательной динамики глобализации, обусловленной процессом образования многополярного мироустройства, переходом от западно-центрической к полицентрической глобализации. На формирующемся этапе эволюции человечества, как обосновывают И.В. Ильин, О.Г. Леонова, «именно геополитические цели восходящих держав будут оказывать доминирующее влияние на динамику глобальных политических процессов» [Ильин, Леонова 2023: 42].

Результатом такой эволюции является *умножение центров, дающих импульсы процессу глобализации*. Одновременно наблюдается возрастание политической активности, проявление самостоятельности ранее пассивных, но суверенных азиатских, африканских и латиноамериканских государств, прежде во многом зависевших от Западных держав; происходит *приобретение субъектности* этими государствами. Данный феномен демонстрирует различие между суверенитетом государства и его субъектностью. Для суверенитета достаточно иметь Конституцию, гимн, флаг и международное признание, что еще не означает субъектность этого суверенного государства [Конуров 2010].

Данный этап глобализации общечеловеческого бытия, который качественно отличается от ее предыдущего этапа, есть начало нового исторического периода глобализационного *процесса*, который, как обоснованно замечает А.Н. Чумаков, не корректно и не логично обозначать как *деглобализацию* [Чумаков 2023], или же как *постглобализацию* [Волобуев 2021]. Нынешний исторический этап глобализации мы предложили определить как *неоглобализацию*, которая имеет свои специфические имманентные противоречия, новые тенденции, порождает новые проблемы и новые способы их разрешения, формирует принципиально новые подходы, правовых норм международных военно-политических, финансово-экономических, торговых отношений и межкультурного сотрудничества, которые укрепляют действительное равенство стран разных континентов [Махаматов 2017].

Одной из важнейших черт рождающейся эпохи неоглобализации является фактор стремления формально суверенных государств к реальному суверенитету и субъектности в международной политике. Здесь реальным политико-экономическим основанием выступают такие международные объединения как ШОС, БРИКС, СНГ и т.п., которые создают пространство и политический базис для приобретения субъектности суверенным

государствам - членам этих организаций. Субъектность государства означает защита национальных интересов своих народов, выступают инициаторами оригинальных предложений в решении актуальных проблем международной политики.

Литература:

Ильин И. В., Леонова О. Г. Новые подходы к исследованию феномена глобализации в зарубежной науке //Век глобализации 3/2023 35–47

Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация?// Век глобализации 3/2023 19–34.

Гранин Ю. Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления//Век глобализации. 2014. № 1(13). С. 90-103.

Конуров А.И. Глобальная политическая субъектность и ее влияние на суверенитет государства//Вестник Военного университета. 2010. № 1 (21). С. 147 - 152

Волобуев А.В. Постглобализация и грани фундаментализма//Век глобализации. 2021. № 3 (39). С. 33-44.

Махаматов Т.М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект//Век глобализации. 2017. № 4 (24). С. 55-61.

Центральноазиатский «логос» в «Красе известий» Гардизи: тюрко-монгольский мир глазами новоперсидского хрониста XI в.

Кораев Т.К.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры

стран Центральной Азии и Кавказа

timur-koraev@mail.ru

«Краса известий» (*Зайн ал-ахбар*) Абу-Са‘ида ‘Абд-ал-Хайя ибн аз-Заххака Гардизи – первое из известных на данный момент самостоятельных памятников историописания на новоперсидском языке (*фарси-йи дари*). Существенно, что хотя самые ранние из трудов хроникального типа на фарси-йи дари восходят ко 2-й половине X в., все они являются переложениями или переработками с классического арабского, хотя в ряде отношений очевидным образом демонстрируют независимость в подборе тем и стилистике. Важным обстоятельством является то, что настоящей родиной новоперсидской исторической литературы стал крайний восток *дар ал-ислама* в тех границах, которых он достиг в IV в. хиджры (920-е – 1010-е гг. н.э.), – страны Мавераннахр и Хорасан. Уроженцем небольшого города Гардиз (Гардез – ныне столица юго-восточной афганской провинции Пактика) был

Абу-Са'ид 'Абд-ал-Хайй ибн аз-Заххак, о котором известно только по его собственному единственному произведению.

«Краса известий», критический текст которой устанавливается по 2 поздним рукописям с территории Индии и датируемым: 1-я – XVII, 2-я – XVIII в., была открыта западным востоковедением в начале XIX в., но типографского издания более или менее обширных фрагментов из нее пришлось ждать до конца столетия. Оно было связано с именем В.В. Бартольда, который опубликовал разделы, посвященные странам и народам Центральной Евразии, уделив наибольшее внимание тюрко-монгольскому миру Великой степи и соседствовавших с ней на западе балто-славянских, а на востоке – тибето-бирманских народов. После установления Советской власти к Абу-Са'иду 'Абд-ал-Хайю Гардизи, как и к его арабо- и персоязычным современникам из X – XI вв., возрос системный интерес как к источнику о средневековом прошлом новых среднеазиатских республик Союза. Именно в таком контексте увидели свет фрагменты из *Зайн ал-ахбар*, описывавшие события на землях современных Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана, прежде всего те, которые переводились под редакцией А.А. Ромаскевича для сборника «Материалы по истории Туркмении и туркмен» (1939). Наконец, в середине 1940-х гг. за цельный (хотя и не полный даже по замыслу) перевод хроники взялся А.К. Арендс – один из лучших в СССР знатоков персидского языка домонгольской эпохи. Завершить свою работу изданием ему не довелось, и только в конце 1980-х гг. она была доведена до публикации. Однако речь идет только о тех ее главах, где описана военно-политическая история Хорасана как обширной административно-территориальной единицы сначала в рамках Халифата, затем династических эмиратов его преемников – Тахиридов, Саффаринов и Саманидов. В 2018 г. Клиффорд Эдмунд Босворт издал свой тщательно комментированный английский перевод, учитывающий обе рукописи и имеющиеся издания оригинала на персидском языке, осуществленные Мухаммадом Назимом (1920-е), Абд ал-Ваххабом Казвини / Саидом Нафиси (1930-е) и Абд-ал-Хайем Хабиби (1960-е). Однако он сводится к той части *Зайн ал-ахбар*, которая освещает политическую историю Хорасана (в широком смысле – практически всего Восточного Ирана), и не учитывает ни мифоисторические, ни этнологические, ни географические экскурсы, из которых состоит почти половина сочинения.

Ввиду этого центральноазиатский «логос» Гардизи по-прежнему доступен для критического прочтения на русском языке (в данном случае – единственном из европейских, наряду с венгерским, на который его основная часть переводилась в 1900-е, с большим числом текстологических неточностей и ошибочных чтений) только в переводе В. Бартольда. Последний при своих достоинствах и наличии параллельного текста местами

заметно устарел и нередко ограничивается пересказом текста без точной передачи его лексических и грамматических особенностей. В предлагаемом сообщении обсуждаются терминологическая, этно-, социо- и политонимическая специфика разделов *Зайн ал-ахбар*, посвященных народностям и племенам Великой степи и их соседям, и намечаются пути к выработке методологии их наиболее адекватного отражения на русском языке, а в перспективе – применение ее к полноформатному переводу всего памятника.

Литература:

1. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893 – 1894 гг.» // *Академик В. В. Бартольд. Сочинения. Том VIII. Работы по источниковедению. М., 1973.*
2. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. VII – XV вв. Арабские и персидские источники. М. – Л., 1939.
3. *Абу Са‘ид Гардизи. Зайн ал-Ахбар / Пер. А.К. Арендса. Ташкент, 1991.*
4. *The Ornament of Histories: A History of the Eastern Islamic Lands AD 650 – 1041. The Persian Text of Abu Sa‘id ‘Abd al-Hayy Gardizi. Translated and edited by C.E. Bosworth. London, 2018.*
5. *Minorsky V. Gardīzī on India // Bīst maqāla / Iranica: Twenty Articles. Tehran, 1964*

Кочевая цивилизация: локальная кыргызская цивилизация

Джаманкулова К. Т.

Национальный университет имени Ж.Баласагына,

доктор филологических наук

Цивилизация является самым высшим этапом развития общества. Цивилизацию характеризуют как ступень общественного развития и материальной культуры, характерная для той или иной общественно-политической формации. Цивилизация — это состояние материальной культуры человечества, достигнутое обществом в данную историческую эпоху; состояние развития, противоположное состоянию варварства. Началом становления цивилизации принято считать изобретение письменности и создание государства (Словарь иностранных слов, 2006).

Зарождение понятия цивилизация восходит к XVIII веку. Понятие «цивилизация» было исследовано в трудах французских исследователей. Они не разделяли границ понятий

цивилизации и культуры. Французский экономист В.Р.Мирабо этот термин использовал в 1757 году.

Одним из заложивших основу теории цивилизации считается философ Ф. Вольтер. Он в книге «Опыт о нравах и духе народов» (1744-1745 гг.; 1756 г.) противопоставил задачи истории цивилизации и политической истории. Ф.Вольтер писал об «угасании, возрождении и прогрессе человеческого духа». Культурно-поведенческая модель Вольтера направленная от культурологии к социологии в изучении цивилизаций станет определяющей чертой французской философии истории конца XVIII — первой половины XIX в.

Шотландский философ А.Фергюсон считал, что термин цивилизация обозначает стадии человеческого общества. Предложение А.Фергюсоном разделить историю на мировые стадийные эпохи было принято в научной среде в конце XVIII - начале XIX века. А.Фергюсон противопоставлял цивилизацию против дикости и варварства.

Французский историк Л. Февр в книге “Цивилизация: эволюция слова и группы идей” пишет, понятие цивилизации - это равнодействующая сила материальных и духовных, интеллектуальных и религиозных, воздействующих в данный отрезок времени в данной стране на сознание людей. Впервые данный термин в напечатанном виде появился в книге «Древность, разоблачённая в своих обычаях» (1766) французского инженера Н.А. Буланже. С этого времени термин «цивилизация» входит в научный оборот. В 1798 в «Словаре Академии» цивилизация определялась как высшая степень духовности.

Позднее среди исследователей стал популярен плюрально-циклический метод на историю развития человечества. Появились труды о восточной цивилизации, различие ее от западного. Постепенно понятие «цивилизация» начала подразумеваться как «локальная цивилизация».

Термин «локальная цивилизация» был упомянут в трудах французского философа Ш. Ренувье (1844), французского писателя и историка Ж. Гобино (1853, 1855). Генрих Рюккерт подчеркнул, что история человечества – это сумма параллельных друг к другу процессов культурных и исторических организмов, которые невозможно расположить на одной линии. Русский социолог Н. Я. Данилевский противопоставил устаревшую западную европейскую цивилизацию с молодой, восточной европейско-славянской цивилизацией. Немецкий философ и культуролог О. Шпенглер (1918) в своей книге “Закат Европы” рассматривал цивилизацию как независимую культуру, которая как живой организм имеет такие этапы, как зарождение, становление и умирание. Английский историк А.Тойнби в 12 томном труде “Постижение истории” (1934-1961) подчеркнул, что появление, становление и упадок цивилизации характеризуется следующими факторами: как внешний

Божественный толчок и энергия, вызов и ответ и уход и возвращение. Таким образом, столетиями в целом описывали возвышение и упадок (падение) цивилизации как процесс циклический или стадийный.

К сожалению, в описаниях о цивилизации XVIII-XIX в., в концепциях локальных цивилизаций второй половины XIX – первой половины XX в. отсутствуют сведения о кочевой цивилизации, в частности о локальной цивилизации енисейских кыргызов.

Цивилизации составляя самые лучшие достижения человечества, имеют между собой множество общностей. Цивилизация означает различные состояния социально-культурных процессов, а также обозначает принцип “единства мира состоит из его же разновидностей”.

Енисейские кыргызы пережили три цикла локальной цивилизации, как зарождение, рассвет и падение. О предпосылках зарождения кыргызского этноса: енисейские кыргызы на базе Афанасьевской, андроновской и тагарской культурах кыргызы появились как этнические явления. Памятники, принадлежащие к периоду Таштыкской культуры характеризуют культуру енисейских кыргызов. Феодалному кыргызскому обществу V-VIII вв. было присуще патриархальный племенной элемент. Кыргызское общество VI-X вв. славились высшим развитым обществом среди других кочевых народов. Ремесло и металлургия были очень развиты. 840-945 гг. – это этап процветания государства, цивилизации енисейских кыргызов, названный В.Бартольдом “Кыргызское великодержавие”. Этап падения цивилизации приходится, когда был повержен Кыргызский каганат.

Туркмены в восточной политике Российской империи 20—30-х гг. XIX в. по материалам Азиатского комитета.

Ганич А.А.

Институт российской истории РАН, с.н.с.;

Финансовый университет при Правительстве РФ, доцент
astganich@gmail.com

В 1820 г. по инициативе Комитета министров Российской империи был сформирован межведомственный орган, целью которого являлась защита торгово-экономических и политических интересов российского государства в среднеазиатском регионе. Он получил наименование Азиатский комитет и успешно работал на протяжении 30 лет, с 1820 по 1850 гг., разрабатывая и утверждая внешнеполитическую стратегию Российского государства в юго-восточном направлении [4]. Хотя Азиатский комитет учреждался как

межведомственный орган, управление его делами было поручено директору Азиатского департамента МИД, а ведение делопроизводства возложено на чиновников того же департамента. На заседаниях комитета обсуждались вопросы управления и инкорпорации казахских жузов, торговые и дипломатические отношения со среднеазиатскими ханствами, Ираном и Китаем, а также политические планы России в регионе. Каждое заседание документировалось, составлялся журнал, который подписывался его участниками. В нем уточнялось количество присутствовавших членов, излагался предмет обсуждения, фиксировались мнения участников заседания, указывались особые мнения и решение по тому или иному вопросу. В 1827 г. комитет получит статус постоянного [1, л. 17].

В состав комитета первоначально входили министры иностранных дел (К.В. Нессельроде), финансов (Д.А. Гурьев), внутренних дел (В.П. Кочубей) и начальник Главного штаба (П.М. Волконский). В последствии, в зависимости от обсуждаемых тем и вопросом, состав менялся и расширялся за счет высших чинов других ведомств. Так, например, в июле 1821 г. указом Александра I в состав Азиатского комитета были включены бывший генерал-губернатор Западной Сибири М.М. Сперанский и командир Кавказского корпуса и главноуправляющий в Грузии генерал-от-инфантерии А.П. Ермолов. Если Сперанский принимал активное участие в работе комитета, то Ермолов присутствовал только на одном заседании комитета, обсуждавшим отношения с Хивинским ханством [2, лл. 60—68].

Процесс инкорпорации казахских жузов в состав Российской империи, интенсивно протекавший в 30-х гг. XIX в., не мог не отразиться на деятельности Азиатского комитета. Многие, в частности административные, вопросы из ведения Министерства иностранных дел были переведены в ведение Министерства внутренних дел. Азиатский комитет сосредоточил свое внимание на обсуждении дипломатических и торговых отношений с Хивой, Бухарой, Кокандом и сопредельными государствами, а также вопросами о принятии в российской подданство туркмен [3].

В этой связи интерес представляет 8-й журнал от 29 июня 1820 г., в котором зафиксировано обсуждение проекта «учреждения теснейших сношений между Россиею и турхменцами», предложенный А.П. Ермоловым [2, л. 33]. Сам текст проекта в документе отсутствует, однако из обсуждения становится ясно, что генерал Ермолов был уполномочен принять посланцев от туркмен-йомудов и объявить им об учреждении «твердых и постоянных сношений как дружественных, так и торговых». Однако, осознавая возможность превратного истолкования подобного союза, он предлагал изложить их ожидания и требования в письменном виде, в форме публичного акта, в ответ на который они бы получили подобный документ от российской стороны. «Акты сии будут

представлять некоторый род договора, обязующего туркменцов, и притом будут служить доказательством совершенного равенства выгод, обоюдными сторонами ожидаемых; необходимо нужно только иметь при сем наблюдение, чтоб акты те были составлены таким образом, дабы Россия ни в каком случае не имела надобности отречься их» [2, л. 34 об.]. Важным представлялся выбор безопасного и выгодного места для взаимного торга, для чего главноуправляющий в Грузии считал необходимым снарядить морскую экспедицию для исследования заливов Красноводского и Кендирли. Для выражения доброй воли со стороны царского правительства, предполагалось закупить пшеницу и перевести ее туркменам, продав «по умеренной цене». Кроме того, «чтоб удержать иомудское поколение туркмен в благонамеренном расположении, которое ныне изъявляет: послать при отправлении хлеба и несколько подарков, состоящих в мануфактурных изделиях, для раздачи старейшинам того поколения» [2, л. 36 об.]. Азиатский комитет признал эту инициативу и меры вполне достаточными для того, чтобы направить их на высочайшее утверждение.

Помимо обсуждения указанного проекта, 8-й журнал содержит записку на французском языке о туркменах и желании отдельных племен, прежде всего йомудов, принять российское подданство, а также о том, почему российское правительство не уделяло этому вопросу пристального внимания [2, лл. 38—43 об.].

В 1830-е гг. Азиатский комитет неоднократно возвращался к обсуждению возможности подданства туркмен в связи с вопросами о разведке местности между Каспийским и Аральским морями, оказании политического и экономического давления на Хиву, защите российских караванов от грабежа хивинцев и сочувствовавших им племен, об открытии торгового пути через Астрабад и противодействии влиянию англичан на Среднем Востоке [3].

Правительственные органы, в особенности внешнеполитическое ведомство, в указанный период крайне осторожно относилось к вопросу расширения своего политического влияния, а тем более возможности территориальных приобретений в пограничных с Ираном и Афганистаном среднеазиатских владениях. Это было обусловлено нежеланием провоцировать дипломатическое и военное недовольство геополитических соперников в регионе.

Литература:

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 488.
2. АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 489.
3. *Васильев В.Д., Васильев С.Д.* Туркменские и хивинские дела на заседаниях Азиатского комитета // Государственный аппарат управления в империи Романовых:

эффективность деятельности властных структур и бюрократии // Материалы Всероссийского научного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Н.Ф. Демидовой. Уфа, 2021. С. 32—37.

4. Куликов В.И. «Для рассмотрения всех вообще азиатских дел составить Особый комитет». Документы об Азиатском комитете. 1819—1848 гг. / Исторический архив, № 1. 2009. С. 174—185. //

https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1800-1820/Azia_komitet/text1.htm?ysclid=laaxzna9p2593935533

Багратиони в кавказской политике России в первой четверти XIX в.

Рахаев Ж.Я.

*Институт российской истории РАН, с.н.с.
jamal_rv@mail.ru*

В начале 1780-х гг., в период очередного ослабления Ирана, Ираклий II заключил с российской императрицей Екатериной II «дружественный договор», по которому картли-кахетинский царь порывал с Каджарским Ираном и признавал над собой верховную власть России. Ираклий II давал обязательство не вступать ни в какие отношения с соседями без согласования с российским пограничным военным командованием и российским представителем при царском дворе. Внутри своих владений правитель Картли-Кахетии обладал полной автономией и сохранял за собой и своим потомством наследственные права на трон. Инвестируемые царей осуществлял отныне российский император. Несмотря на заключение Георгиевского трактата, Иран продолжал считать Грузию своим владением. В 1795 году шах Ага-Мухаммед-хан организовал военный поход, разгромил армию Ираклия II в Крцанисской битве, затем без боя занял и разорил Тифлис. В 1798 г. Ираклий II скончался, и в Восточной Грузии начались династические раздоры. Болезненный царь Георгий XII, сын и преемник Ираклия II, желая предотвратить смуту, обратился к императору с предложением присоединить Картли-Кахетию к России, сохранив царственные prerogatives династии Багратионов. Первой реакцией Павла I на это обращение стала идея преобразовать Картли-Кахетию в губернию под управлением одного из местных царевичей. Однако затем российский император радикально изменил своё видение будущего Восточной Грузии, император решил превратить Картли-Кахетинское царство в административную единицу Российской империи без каких-либо признаков самостоятельности. В это время грузинские царевичи фактически разделились на две

противоборствующие группировки – пророссийскую и проиранскую, каждая из которых рассчитывала утвердить свои права на восточно-грузинский престол опираясь на военно-политическую поддержку Романовых или Каджаров. Царевич Александр Ираклиевич эмигрировал в Иран, в Тавриз, в июне 1800 г. В ноябре 1800 года царевич Александр намереваясь объединиться с братьями и с имеретинскими войсками, вместе с аварским нуцалом Умма-ханом (Омар-ханом) вторгся в Кахетию, но потерпел поражение от объединённых сил русско-грузинской армии в битве на реке Иори. Царевич Александр со своими сторонниками нашел прибежище у правителя Карабахского ханства Ибрагим-Халил-хана, затем переехал в Дагестан. Фатх Али шах узнав о разгроме своих союзников, отказался от похода в Грузию и остановил свою армию в Тебризе. Кавказское командование объявило царевича Александра изменником. 28 декабря (8 января) 1800 г. царь Георгий XII скончался. Согласно повелению императора Павла I, царством стал управлять царевич Иоанн с помощью мдиванбега (придворного советника) Игнатия Туманишвили и генерала И.П. Лазарева. Вскоре из Санкт-Петербурга прибыли грузинские послы с рескриптом Павла I об одобрении просительных пунктов царя Георгия XII, по которым царский титул передавался царевичу Давиду. Однако кавказское командование не позволило Давиду занять Картли-Кахетинский престол. Царица Дареджан и её сыновья категорически отказались признать власть Давида XII. В конце января 1801 г. грузинские царевичи со своими подвластными князьями съезжаются в Марткопи. Царевичи Юлон, Вахтанг и Александр уведомили российские власти в Грузии о своем категорическом непризнании наследственных прав Давида и намерении его свергнуть. Планируя привлечь на свою сторону лезгин и войска мусульманских ханств Закавказья, а также имеретинское войско, царевичи в конечном счете хотели добиться изгнания российских войск из Грузии. Российские войска при поддержке грузинских войск под командованием царевича Иоанна нанесли упреждающий удар по собравшимся. Царевичу Александру удалось бежать. Император Александр I манифестом от 12 сентября 1801 г. окончательно закрепил присоединение Картли-Кахетинского царства к России на правах имперской провинции. В начале 1802 г. царевич Александр Ираклиевич и Теймураз Георгиевич направили письма горцам Северного Кавказа с предложением перекрыть Военно-Грузинскую дорогу.

В июле 1802 г. сторонники царицы Дареджан собрались в урочище на речке Кельменчуро, близ селения Магаро, провозгласили Юлона царем Картли-Кахети и присягнули ему в верности. Российское командование отреагировало незамедлительно: войска генерала Лазарева вошли в Кахетию, часть князей была арестована, большая – вынуждена эмигрировать. 8 сентября 1802 г. новым главнокомандующим в Грузии, инспектором Кавказской линии и астраханским губернатором назначался генерал князь П.Д. Цицианов.

В начале февраля 1803 г. князь Цицианов вступил в Тифлис. Вскоре последовали важные административные и судебные реформы, а затем главнокомандующий в Грузии нанес удар по царскому дому Багратионов, кардинально видоизменивший всю политическую культуру грузинского общества. Испросив соизволения Александра I, Цицианов проявил непреклонную волю в стремлении выселить всех Багратионов из Грузии. В течение 1803–1805 гг. все царевичи и царица Дареджан выехали в Россию – добровольно или под арестом. Последними, в апреле 1805 г., выдворялись царевичи Юлон и Парвоз – первый в Воронеж, второй – в Тулу. Кроме того, была выселена супруга Георгия XII, царица Мария, и царевич Баграт. Значительная часть кахетинской знати (41 князь) во главе с царевичем Теймуразом, сыном Георгия XII, эмигрировала в Иран, Теймураз Георгиевич присоединился к Александру Ираклиевичу в Дагестане. Все члены отстраненного от власти царского дома получили особое место среди высшего сословия Российской империи.

Царевичи Александр и Таймураз активно продвигали проиранские интересы на Кавказе во время русско-иранской войны 1804–1813 гг. Таймураз Георгиевич 16 октября 1810 г. Теймураз сдался в плен русским властям. Вскоре он переехал в Санкт-Петербург, где получил жалование от государства и пенсию. С 1813 г. он сосредоточился на научной работе, собирал и исследовал старые грузинские летописи и памятники грузинской литературы, анализировал греко-римские и армянские источники о Грузии, на основе которых написал ряд работ по ранней истории грузинского народа, организовал кружок «грузиноведения» в российской столице. В 1832 г. опубликовал сочинение «История Иберии и Грузии», в 1840 г. «Историю древней Колхиды». Темураз был избран почетным членом французского Societe Asiatique (1831), Российской Императорской Академии наук (1837) и Датского королевского общества антикваров (1838). Царевич Александр в 1810 г. принял участие в запланированном в крайне неудачном турецко-персидском вторжении в Грузию. Едва избежав плена, Александр бежал в Тебриз. В сентябре 1812 г. он принял участие в Кахетинском восстании, которое было полностью подавлено русскими властями к концу года, царевич снова бежал в Иран. В 1844 г. Александр Ираклиевич в крайней нищете скончался в Тебризе.

**Политика Турции и Ирана на Южном Кавказе после Второй Карабахской войны:
Сравнительный анализ**

Чедия А.Р.

*Департамент зарубежного регионоведения ФМЭиМП НИУ ВШЭ, научный сотрудник
achedia@hse.ru*

После завершения «Второй Карабахской войны» в ноябре 2020 года политическая динамика на Южном Кавказе стала объектом внимания многих стран, в первую очередь Турцию и Иран. Обе страны играют ключевую роль в этом регионе, и политика Анкары и Тегерана имеет важное значение для стабильности и развития. В данном сравнительном анализе рассматривается то, как Турция и Иран формируют свою политику на Южном Кавказе, учитывая их стратегии, интересы и взаимоотношения со странами региона.

Турецкая позиция: Турция продемонстрировала высокий уровень поддержки Азербайджана в ходе Второй Карабахской войны, включая не только выражения политической солидарности, но и поставки военной техники, а также активное участие турецких военных сил в совместных учениях. Это подчеркивает стремление Турции к укреплению союза с Азербайджаном, а также активное участие в региональных военных вопросах [2, 28]. Проекты в сфере инфраструктуры и транспорта, такие как «Железнодорожный коридор Кавказ» и «Южный газовый коридор», «Восток-Запад», «Зангезурский коридор» [3, 132], служат инструментами расширения влияния Турции. Для укрепления своего воздействия на Южном Кавказе Анкара активно использует инструменты «мягкой силы» посредством структуры ТИКА – Турецкое агентство по сотрудничеству и координации, а также просветительского фонда «Маариф». Поддержка образовательных и культурных программ направлена на укрепление отношений формирование положительного образа Турции в регионе.

Позиция Ирана: Иран, будучи соседом и имея исторические связи с Арменией и Азербайджаном, стремится к поддержанию нейтралитета в региональных конфликтах. Страна активно продвигает политику баланса интересов, избегая явной сторонности и подчеркивая важность дипломатии и мирного урегулирования [1, 12]. Иран развивает тесные экономические связи с обеими странами Южного Кавказа, а также с Грузией. Это включает проекты в области энергетики, транспорта и торговли, такие как Северный транспортный коридор. Такие инициативы способствуют укреплению экономического сотрудничества и уменьшению зависимости региона от внешних игроков.

Экономическое влияние: Иран и Турция активно используют экономические связи с Южным Кавказом для укрепления своего влияния. Они инвестируют в проекты, способствующие развитию региона, что создает дополнительные возможности для сотрудничества и влияния. Например, Турция продолжает инвестиции в транспортный коридор «Баку — Тбилиси-Карс» и заинтересована в реализации проекта «Зангезурский коридор». В то время как Иран заинтересован в строительстве транспортного коридора «Персидский Залив-Черное море» и реализации проекта «Север-Юг».

Дипломатическая активность: Обе страны проводят активную дипломатическую деятельность, предпринимая шаги для урегулирования конфликтов и поддержания стабильности в Южном Кавказе. Влияние Турции проявляется в активных политических шагах, тогда как Иран преимущественно придерживается дипломатии баланса и посредничества. Обе страны выступают за мирное разрешение конфликтов и поддерживают диалог между сторонами.

В контексте постконфликтной обстановки на Южном Кавказе, политика Турции и Ирана представляет собой сложный мозаичный образ, отражающий их стратегические приоритеты, геополитические интересы и влияние в регионе. Обе страны играют важную роль в поддержании стабильности и развитии, при этом учитывая сложные политические и религиозные динамики на Южном Кавказе. Несмотря на отличия в подходе к решению региональных вопросов, Турция и Иран имеют общие интересы в обеспечении стабильности и экономического развития на Южном Кавказе. Это может создать основу для сотрудничества в сферах, где их интересы пересекаются, таких как торговля, энергетика и инфраструктурные проекты.

Литература:

- 1) Аватков В. А., Касьяненко А. В. Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран»//Мировая политика, 2021. (3), 1–18.
- 2) Гузаеров Р., Майорова М. Карабахский конфликт и последствия его разрешения для безопасности Южного Кавказа//Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы, 2023. (71 (87)), 27-36.
- 3) Н. Гегелашвили. Позиция Турции и Ирана в Закавказье в контексте событий в Нагорном Карабахе // Россия и новые государства Евразии. 2023. № III (LX). С. 128–140.

Детские дома в Казахстане в 1930-е гг.

Сактаганова З.Г.

*Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, д.и.н., профессор-исследователь
кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории
zauresh63@mail.ru*

Социально-экономические и политические катаклизмы, происходившие в советском обществе в 1920-1930-х гг., стали главными причинами роста количества детей, лишенных

родительской опеки. Государство стало своеобразным социальным гарантом для детей, лишенных средств к существованию или не имеющих нормальных условий жизни и воспитания в семье. Система детских учреждений в СССР должна была способствовать воспитанию человека новой советской формации – активного строителя социализма. Однако созданные детские дома в 1920-е – 1930-е гг. не всегда соответствовали поставленным задачам в силу различных объективных и субъективных обстоятельств. Дети в детских домах столкнулись с такими проблемами как отсутствие соответствующих санитарным нормам жилых помещений, антисанитария, дефицит продуктов питания, нехватка средств гигиены, одежды, учебных принадлежностей и т.д. В 1932 г. согласно краткому отчету в Деткомиссию при ВЦИК [ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп.1. Д.580. Л.3] в Казахской АССР на май было 115 детских учреждений и всего было учтено 47409 беспризорных детей. На декабрь 1932 г. насчитывалось 251 детское учреждение в системе Наркомпроса, из них – детдомов – 115, детских коммун – 8, интернатов – 19. В системе Наркомата здравоохранения работал 31 дом младенца с числом в 1511 детей [1, л. 5]. О количестве детских домов и численности детей в Казахской АССР в начале 1930-х гг. В докладной записке представителя ДТК ВЦИК Президиуму о состоянии детдомов в КАСССР от 3 апреля 1933 г. приводится, что на 1-е апреля в детдомах было 57000-58000 детей и ориентировочно 2500-3500 нужно было подобрать детей с улицы [ГАРФ. Ф.1235. Оп.141. Д.1533. Л.46]. Из докладной записки о состоянии детской беспризорности и детдомов, датированной 1 июля 1933 г. следует: «В связи с неурожаем, постигшим ряд краёв и областей РСФСР и союзные республики, Казахскую и УССР, 1933 г. характеризуется ростом детской беспризорности и соответствующим ростом сети детских домов, приемников и организацией других мероприятий по борьбе с детской беспризорностью». Анализ статистических данных показал, что в среднем контингент детей, охваченных детдомами за период с января по август 1933 г. вырос: Северный край – в 1,2 раза; Северный Кавказ – в 3 раза; Урал – в 1,3 раза; Нижняя Волга – в 2 раза; Средняя Волга – в 1,4 раза; Западно-Сибирский край – в 1,3 раза. В документе не приведены полные сведения по количеству детских домов, Известно лишь только, что по состоянию на 1 августа 1933 г. контингент детей в детских домах, расположенных на территории Казахстана, составил 61000 человек. Если учесть ранее приведенные данные от 1 апреля 1933 г. – 57000-58000 детей, то в Казахстане количество детдомовских детей выросла в 1,1 раз. [ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп.1. Д.580. Л.3] В ГАРФе имеется архивный документ, позволяющий уточнить «примерное количество детских домов и детей в них» на май 1935 г. [ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп.1. Д.581. Л.4]. В г. Алма-Аты находилось 10 детдомов и 2469 детей в них; в Актюбинской области соответственно – 32 и 4708; в Алма-Атинской области – 25 и 5130; в Западно-Казахстанской – 30 и 3428; в Восточно-

Казахстанской – 43 и 6408; в Карагандинской области – 35 и 7332; в Каркаралинском округе – 7 и 602; в Южно-Казахстанской области находился 51 детдом с контингентом в 8375 детей. Таким образом, в 1935 г. в республике было 233 детских дома и в них содержалось 38452 ребенка. [ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп.1. Д.581. Л.4] Качественное состояние детских домов характеризуют также архивные документы, содержащие материалы проверок, обследований и др. «Детдома остались без оборудования, без топлива, а дети без одежды, белья, обуви и постели, а часто и без продуктов питания, так как даже те крохи, которые доходили до детского дома, нечем было выкупить, в результате чего «в громадном количестве детдомов большая смертность детей, а о воспитании уже и говорить не приходится. Кроме того, при той косности и бездушии КазНаркомпроса и его органов на местах к беспризорным детям, у меня нет никакой уверенности в том, что отпущенные Деткомиссией ВЦИК средства не пошли на другие цели и не расхищались» [ГАРФ. Ф.1235. Оп.141. Д.1533. Л.46-46об]. Попытку решить проблему с беспризорностью, как массовым явлением в СССР и структурировать детские учреждения, государство предприняло в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (31 мая 1935 г.), в котором были утверждены новые типы детучреждений: в ведении Наркомпросов, Наркомздоров, Наркомсобесов союзных республик – детские дома нормального типа для детей, лишенных средств к существованию, детские дома, содержащиеся на средства родителей, детские дома для трудновоспитуемых; специальные детские дома для детей, которые нуждаются в длительном лечении, дома малюток (дети до 3-х лет); специальные детские дома для инвалидов-детей; и в ведении Наркомвнудела СССР – изоляторы, трудовые колонии и приёмники-распределители [Дети ГУЛАГа, с.184]. Несмотря на предпринятые изменения, увеличение финансирования, положение в детских домах не изменилось ни в 30-е, ни в 40-е гг. XX века.

Литература:

ГАРФ. Ф.1235. Оп.141. Д.1533. Л.46.

ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп.1. Д.580. Л.3.

ГАРФ. Ф.Р-5207. Оп.1. Д.581. Л.4.

Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Под ред. акад. А.Н. Яковлева. Сост. С.С. Виленский и др. – М.: МФД, 2002. – 631 с.

**Гендерные стереотипы в казахстанском обществе в контексте традиционных
взглядов на социальную роль мужчины и женщины**

Досова Б.А.

*Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, ассоциированный профессор кафедры
всемирной истории и международных отношений
bibigul.dosova@mail.ru*

Гендерные стереотипы, безусловно, влияют на установление гендерного равенства в любом обществе. Особенно с таким следствием сталкиваются общества, где до сих пор сильны традиционные взгляды на социальную роль мужчины и женщины. Современное казахстанское общество представляет собой синтез современности и традиционности, который выражается в рациональном понимании необходимости гендерного равенства и при этом, необходимое следование обывательскому стереотипному мышлению, основанного на обобщенном и эмоционально окрашенном понимании образа мужчины и женщины. Такая позиция исходит из сложившейся парадоксальной ситуации, когда официальная гендерная политика, основанная на гендерном равноправии, не учитывает сложившихся гендерных стереотипов, исходящие от традиционного понимания общественной роли мужчины и женщины.

Стереотип, заключенный в убеждении, что женщина создана только для роли жены и матери, до сих пор сохраняется в некоторых регионах страны, в основном на юге и западе. Например, в южных областях Казахстана популярны необразованные невестки, так как ими легко манипулировать, делать их материально зависимыми от мужа. И как следствие, в таких обстоятельствах легко поддерживать гендерные стереотипы, связанные с ролью женщины в обществе – жена, мать и как особая роль – казахская келин (невестка). При этом не имеет значения, какой национальности невестка, так как «судьба невестки» будет одинакова для всех. Стереотип «бьет, значит заслужила», как ни странно, поддерживается свекровью невестки, которая сама в свое время была подвергнута насилию со стороны своего мужа. Это своего рода какой-то изощренный буллинг со стороны взрослой женщины по отношению к молодой женщине. И не сразу разглядишь в «милой» енешке (свекрови) главного абьюзера в семье.

Стереотипный образ казахской женщины – кроткой, скромной, послушной домохозяйки, согласная стать многодетной матерью и «закрывающая глаза» на существование второй жены – токал, активно поддерживается экономически успешными мужчинами. Социологические опросы подтверждают тот факт, что экономически успешные мужчины-казахи предпочитают жениться на тех женщинах, которые готовы отказаться от своей карьеры и полностью посвятить себя семье. Муж, в свою очередь, берет на себя заботу по обеспечению жены-домохозяйки и совместных детей, желательно в

количестве не меньше трех [1]. В социологических опросах 39,9% респондентов в 2015 г. и 42,4% в 2022 г. основным препятствием в достижении в казахстанском обществе гендерного равенства назвали преобладание традиционных стереотипов о роли и месте женщины в обществе [2].

В последние годы в Казахстане увеличилось количество преступлений, связанных с бытовым насилием. Эксперты это связывают с кризисом моральных ценностей в стране, а также отказом или наоборот культивированием традиционных ценностей, попыткой заменить их светскими или религиозными. Обращение определенного количества казахстанской молодежи к религии также выступает одним из отрицательных тенденций в деле борьбы с гендерными стереотипами. Религиозные ценностные установки, особенно ислама, не поощряют активность женщин за пределами ее приватной жизни. Мусульманки считают, что для женщины на первом месте должна стоять семья, а потом все остальное – образование, карьера, хобби т.д. В результате, они не стремятся к достижению гендерного равенства, а наоборот, поддерживают гендерные установки о предназначении полов. При этом такая поддержка часто от безысходности и в целях самоуспокоения. Для светской части казахского общества пресловутое «ұят болады» («будет стыдно») приводит к тому, что женщины и мужчины загоняют себя в определенные рамки, приводящие к не афишированию семейных и личных проблем.

В целом, несмотря на то, что в Казахстане ситуация с гендерным равноправием более или менее стабильная, она могла бы быть еще лучше, если бы на нее не влияли гендерные стереотипы, связанные с патриархальными взглядами населения на социальные роли мужчин и женщин. Изменение сложившейся ситуации зависит от совместных усилий государства и общества по проведению эффективной просветительской деятельности в области гендерного равноправия. Концептуальные идеи эгалитаризма, ставшие основой проводимой гендерной политики в Казахстане, будет способствовать разрушению традиционных гендерных стереотипов, стоящих на пути к установлению гендерного равенства.

Литература:

[1] Резвушкина Т.А. Брачные установки и гендерные стереотипы экономически успешных мужчин Казахстана//Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. №4(55). С.50-57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brachnye-ustanovki-i-gendernye-stereotipy-ekonomicheski-uspeshnyh-muzhchin-kazahstana> (дата обращения 26.01.2024).

[2] Социолог объяснила, как меняется роль женщин в казахстанской политике. URL: <https://eurasia.expert/sotsiolog-obyasnila-kak-menyayetsya-rol-zhenshchin-v-kazakhstanskoy-politike/> (дата обращения 27.02.2024).

Национальные меньшинства Советского Востока в материалах периодического издания "Революция и национальность" (1930-1937): от научной дискуссии к новой переписи населения

Сапрынская Д.В.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник кафедры стран Центральной Азии и Кавказа
saprinskayadv@gmail.com

Одним из вызовов для советской науки периода 30-х годов XX века стала проблема разработки терминологического аппарата, раскрывающего вопросы национальной политики. Советская власть, реализуя на практике право наций на самоопределение, наделяла автономией ту или иную признанную нацию. Однако сам процесс признания подобного статуса зависел от ряда принципиальных признаков: этнические общности, находившиеся на более низком уровне социально-экономических отношений, нуждались, по мнению советских идеологов, в культурном строительстве¹ – что было определено как задача партийной власти на местах. Процесс строительства сопровождался не только практикой, его исполнители опирались и уточняли новый терминологический ряд и фактически устанавливали взаимосвязь между термином «нация» или «национальное меньшинство» и реальными реформами.

Изначально принадлежность к национальным меньшинствам продолжала концепцию «инородчества», то есть объединяла все нерусское население. После Октябрьской революции Конституция РСФСР предложила новый подход, указывая на то, что нельзя допустить «какое бы то ни было угнетения национальных меньшинств или ограничения их

¹ Под культурным строительством понималось проведение комплекса мер по повышению и развитию национальной культуры. На XVIII съезд ВКП(б) при подведении итогов культурного строительства в период второй пятилетки, Сталин отметил, что «внедрение в жизнь всеобщего-обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции,— такова общая картина культурного подъема народа». (Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 33.).

равноправия» [3]. Значение термина национальное меньшинство было уточнено в 1921 году в постановлении X съезда РКП(б). Его, как и термин нация, предложил И.В. Сталин. В 1913 году в своем труде «Марксизм и национальный вопрос» [5] он отметил, что под национальным меньшинством стоит понимать «отдельные текущие национальные группы, вкрапленные в инациональные компактные большинства», такие группы по замечанию Сталина не имели определенной территории проживания [5]. В отношении народов Туркестана такое замечание было необходимым, потому как хозяйственное деление региона сохранялось у части тюркоязычных народов. При этом оно не было исчерпывающим, хозяйственное деление на оседлых и кочевых подразумевало конкретные ареалы проживания сартов, узбеков, таранчи и др.

Поэтому политическая составляющая продолжалась и в научной дискуссии. Важную роль в ней играли разнообразные периодические издания. Они были представлены как регионально, в том числе на национальных языках – «Туркестанские ведомости», «Туркестанское слово», «Восточное обозрение», «Новый Туркестан», «Свободный Туркестан», «Азад Бухара», «Адабиёти совети» [1], «Садаи таранчи» [2] и др., а также были научные издания, например «Революция и национальности», которые раскрывали общие академические проблемы и вызовы в процессе социалистического строительства. Издание «Революция и национальности» издавался от Совета Национальностей ЦИК СССР и был уполномочен рецензировать и раскрывать актуальные проблемы в области национальной политики. Период издания: 1930-1937 гг.

Проблема реализации отдельных реформ и мероприятий находила свое отражение на страницах журнала, так для советского Востока важным событием стало проведение переписей и соответственно уточнения ряда этнонимов, характеризующих народы региона. Научная дискуссия была представлена в работах московского востоковеда, профессора М.Б. Гранде, статьях советского этнографа З.Е. Чернякова, а также трудах исследователей З.Л. Амитина-Шапиро и И.И. Зарубина [4]. Проблема этнического обозначения, совершенствования списков переписей, а также и вообще укрепления востоковедной и исторической школы бывшего Туркестана ставилось в одну из основополагающих задач для развития региона.

Литература:

1. Адабиёти совети: журнали ҳармоҳаи омави ва адаби / Органи Наркомпрос ва Союзи Нависандаҳои Советии Ўзбекистон. - Тошкент = Тошкент : Vajroqi Mihnati = Байроқи Михнат, 1935-1941. - 30 см

2. Газеты СССР, 1917-1960 [Текст] : Библиогр. справочник / Всесоюз. кн. палата и др. ; Редкол.: ... Г. Л. Епископосов (пред.) и др. - Москва : Книга, 1970-. – 26 см.
3. Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Статья 22. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm>
4. Революция и национальности: Журнал Совета Национальностей ЦИК СССР; М., 1935-1936 гг.
5. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос - [Москва] : Госполитиздат, 1950 (Л. : тип. "Печ. двор"). – 64 с.

О роли Ибрахим-ходжи в истории Хивинского ханства в последней четверти XIX в.

Вдовин С.С.

*Институт востоковедения РАН, научный сотрудник Центра исламских рукописей
sergey1vdovin@gmail.com*

В истории Хивинского ханства было много персоналий, которые оказали серьезное влияние на социально-экономические и культурно-политические процессы в хорезмском обществе. Одним из них был Ибрахим-ходжа (ум. в 1889 г.) – отец Ислам-ходжи (1872-1913). Если фигура сына в исследовательской литературе изучена весьма подробно, то самому Ибрахим-ходже, на наш взгляд, уделено недостаточное внимание.

Ибрахим-ходжа происходил из рода ходжей сайидатаи¹ г. Ханка (совр. Хорезмская область Республики Узбекистан), являлся сыном *мутавалли*² Сайид-Мухаммад-ходжи и приходился дядей по материнской линии хивинскому хану Мухаммад-Рахиму II (1864-1910 гг.) [2, 75].

Баяни³, приводя историю возвышения Ибрахим-ходжи при хивинском дворе, писал, что тот в 1881/1882 г. исполнил повеление Мухаммад-Рахима II по усмирению и задержанию предводителя туркменского племени чоудор – Хал-Мухаммада. Тогда хан вознаградил Ибрахим-ходжу и вскоре возложил на него функции и полномочия, которые раньше находились в руках лиц, занимавших две высшие административные должности – *мехтера* и *кушбеги* [2, 76]. Данное обстоятельство стало одним из многих, демонстрировавших отсутствие полной регламентации полномочий чиновников и изменчивость

¹ Сайидатаи – потомки пророка Мухаммада; нисходят от известных исламских личностей, которые носили прозвище Сайид Ата.

² *Мутавалли* – попечитель вакуфного имущества и поступающих от него доходов.

³ Мухаммад-Юсуф Баяни (1859-1923) – внук хивинского хана Эльтузара (1804-1806 гг.); поэт, историк и переводчик; автор исторического сочинения «Родословная хорезмшахов» (*Shajarayi xorazmshohiy*).

административного аппарата в зависимости от той или иной политической ситуации в Хивинском ханстве эпохи Кунгратов.

В том же году Мухаммад-Рахим II отправился в поездку в Санкт-Петербург, оставив управление Хорезмом на это время своему родному брату Туре-Мураду и назначив его помощником Ибрахим-ходжу. Примечательно, что после возвращения из столицы Российской империи хан пожаловал Ибрахим-ходже новый титул – «*вазира* всего царства» (*vaziri jumlat ul-muluk*) [2, 76]. До этого *вазиром* в Хивинском ханстве титуловались только *мехтер* и, гораздо реже, *кушбеги* [4, 463-468].

Баяни описывал Ибрахим-ходжу как «крайне находчивого и предприимчивого человека», который принес Хорезму «хорошие порядок и устройство» [2, 76]. Однако, несмотря на полученные титул и полномочия, удержать главенствующее положение при хивинском дворе Ибрахим-ходже было непросто. Представители царской администрации сообщали, что в 1880-х гг. шло постоянное противостояние между ним и *девонбеги* Мухаммад-Мурадом (ум. в 1901 г.), который в 1890-х гг., после смерти Ибрахим-ходжи, сосредоточил в своих руках более значимые государственные дела [1, 43; 3, 21].

Ибрахим-ходжа скончался в 1889 г., оставив после себя четырех сыновей, одним из которых был Ислам-ходжа. Он стал вторым преемником на посту своего отца, получив соответствующее назначение в 1899 г. [2; 79-80]. Хотя в хронике Баяни Ислам-ходжа «*вазиром* всего царства» не именовался, за ним все же был закреплен титул *вазира* – «великого» (*vaziri akbar*) [1, 43]. Впоследствии Ислам-ходже было суждено стать ведущей фигурой в политической жизни Хивинского ханства рубежа 1900-х – 1910-х гг.

Литература:

- [1] Абдурасулов У. «Тайны хивинского двора»: политическая борьба в Хиве в период Российского протектората // Восток Свыше, №3 (28), 2015. С. 38-56.
- [2] Баёний. Шажарайи Хоразмшохий. Сўз боши: Н. Жумахўжа, И. Адизованики. Т.: Ф. Фулом номидаги Адабиёт ва санъат нашр., 1994.
- [3] Военно-статистическое описание Хивинского оазиса / Сост. Ген. штаба кап. *Гирифельдом*; Перераб. нач. Аму-Дарьин. отд. ген.-майором Галкиным Ч. П. Ташкент: тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1903.
- [4] *Мунис ва Огахий*. Фирдавс ул-икбол. Масъул мухәррир: Шодмон Воҳидов. - Тошкент: «Янги аср авлоди», 2010.

**Сопряжение категорий прогресса и нации в дореволюционных воззрениях
туркестанских джадидов**

Раимов Р.И.

Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова,

ведущий специалист

mr.raimow@yandex.ru

В докладе рассматривается важный с точки зрения понимания истории развития туркестанского джадидизма вопрос о сопряжении категорий прогресса и наций в воззрениях и дискурсе джадидов в 1900-1910-е годы. Материалами по изучению поставленного вопроса послужили публицистические и художественные произведения, а также статьи в периодических изданиях туркестанских джадидов.

Рассматриваемая проблема нашла отражение в работах американского историка и антрополога Адида Халида. В настоящем исследовании уточним и расширим имеющиеся в нашем распоряжении сведения.

В качестве основных выводов по итогам исследования поставленной проблемы выделим следующие положения:

1. Сопряжение категорий прогресса и нации шло параллельно развитию туркестанского джадидизма и знаменовало формирование нового модернистского дискурса в среде коренного населения Туркестана;

2. Трагедия, переживаемая всеми туркестанскими джадидами, заключалась в том, что Туркестан в аспекте прогресса не соответствовал требованиям современности, в связи с чем туркестанская нация находилась на пороге гибели. В этом контексте джадиды искали способы спасения своей нации;

3. Данный дискурс определил дальнейшее направление исторического развития туркестанского джадидизма. Категории нации и прогресса стали фундаментальными в аспекте формирования представлений джадидов о роли образования, науки, печати, культуры, политики, общества и государства.

**Научное исследование историко-культурных памятников Сырдарьинской области
Туркестанского края русскими учеными (XIX- начало XX вв.)**

Абилкасим А.

Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави,

Туркестан, Казахстан, аспирант

ardakabilkassym2000@gmail.com

Исаев М.С.

Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави,

Туркестан, Казахстан, доцент

mukhtar.issayev@ayu.edu.kz

Туркестанский край, вошедший в состав Российской империи в 1865 году, был богат историко-культурными памятниками. Исторические памятники Сырдарьинской области, одной из 3 областей в административном составе края, отличались сочетанием оседлых и кочевых культурных ценностей. Об историко-культурных памятниках на территории области в средневековье оставили обширные сведения арабские и персидские путешественники. Но его профессиональное изучение в научном контексте и работы в отношении объектов в государственный реестр осуществлялись в период Российской империи. Российские ученые первыми сделали шаги по вопросам систематизации, классификации и охраны видов исторических памятников данной области.

Русские ученые придавали большое значение средневековым мусульманским архитектурным памятникам. В этом направлении они впервые предприняли научное описание строительства мавзолея, построенного в честь авторитетного средневекового суфиста Ходжи Ахмеда Ясави, минарет в городе Сауран и других памятников. Кроме того, российские ученые проявили большой интерес к изучению историко-культурных мест на территории Сырдарьинской области, имеющих тотемное и суфистское религиозное значение. В том числе значение имели подземные мечети. Одна из таких подземных мечетей была Кылуе в городе Туркестан. По рекомендации ученых царская администрация впервые инициировала меры сохранения и охраны, крупных историко-культурных памятников. Материалы русских ученых, оставленные по изучению исторических памятников, до сегодняшнего дня не утратили своей ценности.

Территория Туркестанского края очень обширна и историко-культурный ландшафт имеет разную степень. В связи с этим российские ученые обратили внимание на комплексное изучение тех или иных регионов края. На территории Сырдарьинской области располагались историко-культурные объекты, представлявшие период тюркских, арабских, монгольских и последующих тюркских государств. Эти исторические памятники сочетали в себе ценности религии, природы и национальных традиций [1, 17 с.]. В этом смысле у них были свои особенности из других регионов.

С первой половины XIX века русские послы и путешественники оставили ценные данные об исторических памятниках Туркестана. Вхождение Туркестана в состав Российской империи и создание Сырдарьинской области сформировали новый этап

научных исследований. Это было началом профессионального научного исследования. Российские ученые провели археологические работы по определению количества историко-культурных памятников на территории Сырдарьинской области и их культурного возраста. Вместе с тем, была предпринята попытка организовать работу по сохранению подлинности исторических объектов и защите от внешних факторов.

Учитывая специфику темы исследования и исходную базу материалов, источников можно разделить на две группы: Основную долю материалов, относящихся к проблеме, представляют документы Центрального государственного архива Казахстана и Центрального государственного архива Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан). По происхождению документы характеризуются постановлениями и приказами канцелярии Туркестанского генерал-губернатора и решениями администрации Сырдарьинской области. При написании рукописи руководствовались историко-генетическим методом по изучению явлений зарождения сакральных мест, ставших местными объектами паломничества в Туркестанском крае. В определении критериев статуса и степени образования исторических памятников опирались на принцип системного анализа.

Особую роль в анализе религиозно-духовных аспектов проблемы регионального паломничества Сырдарьинской области играет академик В.В. Бартольд. В основном исследования В.В. Бартольда [2] о процессах становления и развития исламской религии в Средней Азии берут свое начало в раннем средневековье. Особое значение имеют обобщенные научные подходы В.П. Наливкина [3] который рассматривал становление и развитие исламских памятников в Туркестанском крае. По мнению исследователя, в Туркестанском крае прошло двенадцать веков с момента установления принципов ислама.

В исследовании историко-культурного значения древних памятников и сакральных мест, расположенных на территории Сырдарьинской области Туркестанского края, ярко упоминается имя академика Н.И. Веселовского. Судя по материалам, Н.И. Веселовский проводил опрос среди местного населения о священных памятниках и стремился понять их роль в устном народном творчестве и преданиях. Роль Н.О. Остроумова, которого В.В. Бартольд назвал «Туркестанским патриархом», в изучении этой темы значительна. В своих работах автор, опираясь на факты, дал оценку этнографическим, культурным, географическим особенностям исламского учения. В обобщающем исследовании особенностей ислама в Туркестане и отношения людей к религии ценность представляют научные материалы Н.С. Лыкошина. В работах Г. Сафарова, Т. Рыскулова, Е. Федорова, А. Аршаруни, Х. Габидуллина, П.Г. Галузо и др., опубликованных в 1920-1930 годах, дана косвенная оценка положения мусульманства в крае. Следует отметить, что в

вышеупомянутых исследованиях мусульманское духовенство и принципы ислама были описаны как один из инструментов царской власти в эксплуатации простого народа [4].

Следует отметить, что в зарубежной историографии проблема историко-культурных объектов в Туркестане не стала основным объектом исследования. В работах дореволюционных британских исследователей ситуация ислама в Средней Азии рассматривалась в рамках религиозной ситуации. С этой целью были изданы британские труды, которые предусматривали какую-либо специальную пропагандистскую идею. Среди них интерес представляют работы следующих авторов [5]: Х. Раунсон, Д. Булджер, А. Колкхаун, Э. Рональдшоу, У.Э. Кертис и др.

Научные основы работы по изучению исторических памятников на территории Сырдарьинской области сложились при Российской империи. В этом направлении была проделана археологическая, этнографическая и историко-познавательная работа. Русские ученые уделили значительное внимание анализу традиционных, религиозных и связанных с природой аспектов историко-культурных памятников. Были систематизированы типы исторических памятников и предприняты попытки установить генетические связи. Подводя итоги данной статьи, следует отметить, что археологические, картографические и исторические описательные работы российских ученых по изучению историко-культурных объектов Сырдарьинской области до сегодняшнего дня не утратили научного значения.

Литература:

1 Литвинов В.П. Местное паломничество мусульман Туркестана и Кавказа: опыт сравнительного анализа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исламоведение. 2016. № 2. С. 16-24.

2 Бартольд В.В. Сочинения. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Том 1. М.: Наука, 1963.

3 Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

4 Mekebayev T., Omarbayev Y., Kumganbayev Zh. Activities of the passport bodies of the Bolshevik government in Kazakhstan in the 1920s // The Journal of Slavic Military Studies. 2019. Vol. 32. Is. 3: 435-442.

5 Curtis W.E. Turkestan the Heart of Asia. New York, 1911.

Россия и Казахстан-ядро Шанхайской организации сотрудничества

Гао Юе

Среди успешно функционирующих международных организации можно выделить Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Начало было заложено в 1996 году на съезде лидеров в китайском городе Шанхай. Появилась так называемая "Шанхайская пятерка", куда помимо Казахстана вошли Россия, Китай, Киргизия и Таджикистан. Далее произошло присоединение Узбекистана в 2001 году, в итоге появилось ШОС. июне 2002 года на Санкт-Петербургском саммите глав государств ШОС была подписана Хартия Шанхайской организации сотрудничества, вступившая в силу 19 сентября 2003 года. В ШОС входят Индия, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Пакистан и Узбекистан. Страны-наблюдатели - Афганистан, Беларусь и Монголия, страны-партнеры - Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, ОАЭ, Турция и Шри-Ланка. В июле 2023 года на саммите ШОС в Нью-Дели Иран стал полноправным членом организации. Там же Беларусь подписала меморандум об обязательствах в целях получения статуса государства - члена организации. Стоит отметить, что ШОС подписала партнерские соглашения с такими международными организациями, как ООН, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и рядом других организации. На протяжении последних лет наблюдается растущий интерес со стороны стран Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. к вступлению или сотрудничеству с организацией.

На саммите ШОС, который проходил в Уфе в 2015 году. В рамках мероприятия лидеры России, Казахстана, Киргизии, Китая, Таджикистана и Узбекистана подписали Уфимскую декларацию и Стратегию развития Организации до 2025 года. ШОС является ключевой евразийской площадкой международного сотрудничества. Доминирующее положение в ШОС занимают Китай (появление и развитие организации, которая является стратегической опорой КНР на мировой арене, служит национальным интересам государства, способствует стабильности и безопасности на севере и западе страны) и Россия (организация является инструментом реализации российских стратегических интересов в регионе Центральная Азия и на восточных рубежах государства) [2]. За прошедшие годы Казахстан четырежды принимал форум глав государств ШОС, из них три раза в г. Астане и один раз в г. Алматы. Россия и Казахстан продолжают укреплять ШОС как опору формирующегося демократического и справедливого многополярного миропорядка.

"РФ и Республика Казахстан будут и впредь укреплять ШОС в качестве одной из опор формирующегося более представительного, демократического и справедливого

многополярного миропорядка, основанного на верховенстве международного права, прежде всего Устава [ООН](#), уважении цивилизационного многообразия и самостоятельного выбора народами пути своего политического, экономического, социального и культурного развития, на равноправном партнерстве государств в интересах обеспечения равной, совместной, неделимой, комплексной и устойчивой безопасности, обеспечении поступательного роста и процветания на пространстве ШОС", - говорится в декларации, подписанной президентом России [Владимиром Путиным](#) и президентом Казахстана [Касым-Жомартом Токаевым](#) [1].

Республика Казахстан и Российская Федерация являются стратегическими партнерами и связаны глубинными взаимоотношениями в самых разных отраслях. Россия и Казахстан намерены развивать сотрудничество в рамках ШОС в сферах политики, безопасности, торговли, экономики, финансов и инвестиций, культурных и гуманитарных связей. Хотя позиции стран совпадают, при этом каждый формирует свою внешнюю политику самостоятельно. Плюс к этому отдельная тема ШОС и ОДКБ, сотрудничество в международных организациях в Азии, где обе страны играют огромную роль. Одну из ключевых ролей в реализации инициативы «Пояс-Путь» играет Казахстан, на который приходится 70% сухопутного транзитного трафика из Китая в Европу и наоборот. В Казахстане был выстроен новый инфраструктурный транспортный каркас, обеспечена интеграция в глобальные транспортные коридоры, восстановлен исторический статус связующего звена между Азией и Европой[3].

«Российская Федерация и Республика Казахстан будут развивать взаимовыгодные торгово-экономические отношения и инвестиционные связи на основе экономического суверенитета, технологической и продовольственной безопасности в целях повышения благосостояния своих народов, продолжат укреплять межрегиональные и приграничные контакты на основе равноправия и взаимовыгодности»[4]. Кроме того, страны создадут благоприятную среду для ведения бизнеса, будут развивать сотрудничество в области здравоохранения, углублять связи в сферах культуры и искусства, образования, науки, туризма и спорта, продолжат всемерно способствовать сохранению духовной и культурной близости народов двух стран. Россия и Казахстан придают особое значение углублению многосторонних экономических связей в формате СНГ, Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и выступают за совместное наращивание потенциала Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Очередной, 23-й саммит лидеров государств—членов Шанхайской организации сотрудничества проходил в онлайн-формате 4 июля 2023 года. По словам президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева, казахстанская сторона предлагает свои услуги в качестве цифрового хаба на пространстве ШОС[5]. В предстоящем Саммите [ШОС](#), кроме глав государств-членов Организации, ожидается участие президентов стран-наблюдателей — Беларуси, Ирана, Монголии. Гостем председательствующей страны станет президент Туркменистана. Также примут участие руководители исполнительных органов структур [ООН](#), Комиссии [ЕАЭС](#), СНГ, [ОДКБ](#), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, СВМДА.

Литература:

1.Россия и Казахстан продекларировали дальнейшее укрепление ШОС - РИА Новости, 28.11.2022 <https://ria.ru/20221128/shos-1834793802.html>

2. <https://www.nur.kz/zhanakazakhstan/1988546-tokaev-nazval-ukreplenie-regionalnoy-bezopasnosti-glavnym-prioritetom-shos/>

3.Перспективы ШОС через призму национальных интересов Казахстана<http://kazanalytics.kz/перспективы-шос-через-призму-национа/?ysclid=ltwd40vfmi3646699>

4.<https://www.belta.by/society/view/gensek-shos-nazval-datu-vozmozhnogo-reshenija-o-prieme-belarusi-v-organizatsiju-621900-2024/?ysclid=ltwd7kiam4505901202>

5.Цифровой форум ШОС пройдет в 2024 году в Астане<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18182629?ysclid=ltwdguqa99920531612>

Реперные точки сотрудничества Центральной Азии и России

Ашуров М.Д.

*Институт Востоковедения РАН, магистрант
mehrubon.ashurov.0304@mail.ru*

Сапрынская Д.В.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова,
научный сотрудник кафедры стран Центральной Азии и Кавказа
saprinskayadv@gmail.com*

После распада СССР страны региона перешли на новый уровень взаимодействия, отойдя от советской термина «Средняя Азия и Казахстан» к геополитическому –

Центральная Азия (*далее ЦА*). При этом с 90-х гг. страны региона уделяли внимание своему внешнеполитическому вектору вне контекста региона значительно больше, чем собственно форматам регионального сотрудничества, несмотря на существование форматов Центрально-Азиатского Содружества, Центрально-Азиатского Экономического Сообщества, Организации Центрально-Азиатского Сотрудничества и т.д.

Китай стал значимым экономическим партнером всех стран ЦА [2], Турция, имея большие амбиции начала инвестировать в тюркоязычные страны не только финансово, но и в культурно-гуманитарный сектор. Иран наладил партнерство с Таджикистаном. Традиционный партнер региона – Россия оставалась важным фактором безопасности стран ЦА (в ОДКБ, созданном в 1992 г. входили все страны за исключением Туркменистана) и активно участвовала в урегулировании военного конфликта в Таджикистане [3]. В рамках внешнего курса Российской Федерации страны ЦА связаны с целым спектром инициатив: ЕАЭС, ОДКБ, двусторонние проекты, а также кооперация внутри ШОС.

Платформы «Центральная Азия плюс», впервые предложенные по инициативе Японии в 2004 г., а затем набравшие поддержку среди других внерегиональных игроков могут свидетельствовать о международном позиционировании государств региона. Сегодня уже существуют платформы «Центральная Азия плюс...» Индия, Южная Корея, ЕС, Германия, США, РФ, ССАГПЗ и Южная Азия [1]. Функционирование такого формата говорит о все более увеличивающихся тенденциях «признании ведущими центрами силы геополитической идентичности региона Центральной Азии, а также способности центральноазиатских государств поддерживать политическое единство в своих рядах и их умении артикулировать общие интересы» [5].

Наиболее сильными сторонами во взаимоотношениях между странами региона и РФ традиционно выступают: военно-политическая сфера, экономика и гуманитарный блок. Россия по-прежнему главный фактор безопасности стран региона, политика проецируется через ОДКБ. Отметим, что за последние два года отношения между Россией и ЦА приняли качественно новый характер, участились неформальные встречи глав государств.

В экономической сфере также наблюдается активизация: российские компании обратили внимание на центральноазиатские рынки, увеличились инвестиции.

Тем не менее проводимая странами ЦА политика «открытых дверей» и многовекторная внешняя политика оказывают сильное влияние на характер во взаимоотношениях между Россией и ЦА.

Литература:

1. Бордачев Т. В. Причины мира в Центральной Азии // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/prichiny-mira-v-tsentralnoy-azii/>
2. Ван Х. Китайская инициатива «Один пояс - один путь» в Центральной Азии: проблемы и препятствия реализации. // Общество: политика, экономика, право, no. 2 (103), 2022, С. 23-28.
3. Дадабаева З. А. Присоединение Таджикистана к ЕАЭС: преимущества и риски // Россия и современный мир, No. 4 (93), 2016, С. 161-168.
4. Таджиев Ш.Ш. Центральная Азия в условиях трансформации мирового порядка: методологические и концептуальные подходы [Текст] / Ш.Ш. Таджиев. – Ташкент: "Complex Print", 2023. – С. 180-181.

Особенности гендерной политики в современном Кыргызстане

Шаньчуань Чжицзы

*Институт региональных исследований Пекинского университета, аспирант 3 курса
shanchuanzhizia@gmail.com*

В современном мире важное место занимает гармоничное развитие личности. Равенство и полноценное участие женщин в решении политических и социально-экономических задач общества является необходимым условием экономического развития, демократичности власти и общества, ее открытости и безопасности, а самое главное стабильности и укрепления мира. Социально-политическое развитие современного Кыргызстана во многом определяется тремя основными тенденциями. Эти тенденции пересекаются и иногда создают ряд противоречий, которые влияют на государственную гендерную политику и отношение граждан к гендерным вопросам.

Первая тенденция — тенденция сохранения наследия советской гендерной политики. Положение женщин в предсоветский период определялось конкретным стереотипом поведения, женщинам нельзя было переступить за грань допустимой системы социальных и политических взаимодействий. С момента наступления советской власти произошел пересмотр гендерной политики. Главной ступенью в политике СССР стало создание «новой женщины» и «нового мужчины», новых отношений между полами, внедрение женщин в политику и общественное производство, государственный контроль семьи, появился свежий взгляд на такие понятия как женственность и мужественность. Слабый пол стал овладевать мужскими

профессиями: столярничеством, трактористами, летчиками, водителями общественного транспорта, строителями. Благодаря экономической активности женщин, распространению высшего образования и установлению системы квот, женщины стали занимать руководящие должности и играть значительную роль в общественной жизни. Эта важная тенденция сохраняется в Кыргызстане после обретения независимости и по сей день.

Вторая тенденция — развитие на постсоветском пространстве различных форм неотрадиционализма. Во времена СССР традиционные формы гендерных отношений во многом исчезли, в постсоветской реальности консервативно-традиционалистские гендерно-семейные модели во многом конструируются заново и поддерживаются рядом авторитетных институций до советской власти, и прежде всего, религиозных, что на ментальном уровне способствовало традиционному пониманию роли и места мужчины и женщины в развитии семьи и общества. Криминализация социально-экономической сферы способствовала распространению культа брутальной архаической мужественности и инфантилизации образов женщины. В то же время консервативно-националистски настроенные интеллектуалы стали играть существенную роль в постсоветском обществе. В этой ситуации в социуме широкое распространение получило представление о мужчине как о «добытчике» и «главе семьи» и о женщине как о «хранительнице домашнего очага». В итоге для женщин вновь стали актуальными проблемы с домашним насилием и с трудоустройством. Например, по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, среднее количество похищений женщины для вступления в брак в стране с 2010 по 2015 год составляло около 500, а в период с 2015 по 2020 год произошло всего 900 похищений и браков.[1] И 36% женщин и 58% мужчин Иссык-Кульской области твердо убеждены, что «похищение невест» является традиционным способом заключения брака.[2] После обретения независимости и до установления гендерных квот число женщин-парламентариев в Кыргызстане сокращалось год за годом. В парламентах, избранных в 1990 и 1995 годах, женщины составляли 7% и 5%. В третьем парламенте, избранном в 2005 году, не было ни одной женщины-члена парламента. В 2022 году Народный курултай стал важным институтом в политической жизни страны, для которого гендерных квот не использует. Парламентские выборы были заменены с системы партийных списков на смешанную систему, и можно предвидеть, что доля женщин в политической жизни страны будет еще больше сокращаться.

Третья тенденция связана с вхождением Кыргызстана в мировое общество и единое коммуникативно-информационное пространство, что дало жителям Кыргызстана

возможность путешествовать по миру, с доступом к зарубежным источникам информации и с появлением и развитием Интернета. По приказу первого президента Кыргызстана Акаева А.А в 1995 году впервые делегация женщин суверенной Кыргызской Республики участвовала в работе IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине. Это участие стало новой эрой женского движения в республике — эры переосмысления женских и гендерных вопросов. Кыргызская Республика является одной из первых среди десяти стран, которые успешно выполняют свои обязательства по Пекинской платформе действий, которая представляет собой один из самых важных международных документов по дальнейшему развитию гендерного равенства. В 1996 году Жогорку Кенешом Кыргызской Республики были ратифицированы пять Конвенций по правам женщин, 1996 год был объявлен Годом женщин, в том же году была создана Государственная комиссия по делам семьи, женщин и молодежи. На период 1996-2000 годы была разработана Национальная Программа “Аялзат” для улучшения положения женщин Кыргызской Республики. Эту тенденцию можно охарактеризовать как встраивание части населения Кыргызстана в динамику развития гендерной проблематики, характерную для западного мира. В той или иной степени утверждаются такие тенденции как снижение рождаемости, более позднее вступление в брак, удлинение времени между вступлением в брак и рождением первого ребенка, рост количества людей, осознанно не желающих иметь детей и т.д. Средний возраст вступления в первый брак для кыргызских женщин увеличивается год от года, с 22,4 лет в 2000 году до 24,0 лет в 2022 году, и средний возраст вступления в первый брак для мужчин также увеличился с 25,6 в 2000 году до 27,9 лет. В развитых районах на севере, таких как город Бишкек и Иссык-Кульская область, средний возраст вступления в первый брак для женщин составляет более 26 лет, а для мужчин - более 30 лет. [3]

Отдельно следует сказать об образе феминистского движения в сознании «постсоветского человека». С одной стороны, феминизм на постсоветском пространстве многими воспринимается как элемент «разлагающейся» культуры Запада, оружие Запада в борьбе с «традициями», с другой — видится частью населения как «ужасный большевистский эксперимент». Достаточно распространено мнение, что советские женщины завоевали себе равенство прав раньше женщин других стран мира. Такая позиция способствует восприятию современного западного феминизма как явления нелепого, излишнего или устаревшего.

Что касается нынешней власти Кыргызстана, то она в большей степени склонна поддерживать консервативно-традиционалистскую гендерную тенденцию, хотя можно

говорить, что идеология нынешней власти в отношении гендерной проблематики включает в себя все три тенденции, описанные выше. Гендерный порядок становился изменчивым и противоречивым.

Литература:

1. Преступность и правопорядок в Кыргызской Республике, Бишкек, 2015. с. 26.
2. Гендер в восприятии общества (результаты национального обследования) Бишкек, 2016. с. 123-124.
3. Средний возраст вступления в первый брак по полу и территории. URL: <https://www.stat.kg/media/files/34338e21-da91-44c3-8298-5d4f051add5f.xls>

Африканистика

Сущность и содержание российской мягкой силы в Нигерии и ЮАР

Авдалян М.Р.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант и преподаватель кафедры африканистики
avdalyanmr@my.msu.ru*

В современных условиях, сложившихся на международной арене, Россия ведет активную политику по поиску новых и восстановлению ранее утраченных позиций в разных регионах мира. Новое место во внешней политике Российской Федерации получили страны Африки. Укрепление своей мягкой силы в странах африканского континента способно существенно облегчить продвижение национальных интересов в этом регионе. Мягкая сила – это способность страны достигать своих целей посредством формирования своего привлекательного имиджа, а не при помощи силы или принуждения. В данном контексте мягкая сила представляет собой дипломатические, культурные, экономические связи и связи в сфере образования, которые позволяют стране укреплять свою позицию за пределами ее границ.

Двумя ключевыми государствами в Африке южнее Сахары являются Нигерия и ЮАР. Обе этих страны имеют возможность формировать или изменять внешнеполитическую повестку, как минимум, в Западной и Южной Африке соответственно, и, как максимум, во всем регионе.

В настоящее время мягкая сила России в Нигерии проявляется, главным образом, через образовательные и экономические связи. Многие нигерийские студенты проходят обучение в российских университетах, что способствует обмену культурными ценностями и укрепляет взаимопонимания между представителями двух государств [1]. РФ также инвестирует в различные отрасли экономики в Нигерии. Например, между Россией и Нигерией ведется активное сотрудничество в сфере мирного использования атомных технологий [5].

ЮАР является стратегически важным партнером России в Африке. Оба государства также являются членами международного объединения БРИКС, что говорит о наличии схожих приоритетов в мировой политике. Мягкая сила РФ в ЮАР выражается, в том числе, в налаживании экономического сотрудничества (например, совместная разведка месторождений драгоценных минералов южноафриканской корпорацией “De Beers” и группой российских алмазодобывающих компаний «АЛРОСА» [4]). Активное

сотрудничество наблюдается и в области туризма: Россия и ЮАР планируют запустить прямое авиасообщение между странами [3].

Отдельно стоит отметить обладающую большим потенциалом деятельность РПЦ в Африке, в том числе Нигерии и ЮАР [2]. В этих странах наблюдается интерес к православию и число православных граждан в них растет. В обеих странах РПЦ, помимо распространения православного учения среди местного населения, также проводит различного рода благотворительную деятельность, что влияет на формирование положительного мнения о России.

С некоторыми оговорками можно утверждать, что привлекательность образа России в Нигерии и ЮАР растет. Однако следует помнить, что реализация политики «мягкой силы» — это долгосрочный и нелинейный процесс, поэтому важно регулярно анализировать эффективность тех или иных инструментов мягкой силы.

Литература:

1. Авдалян М. Р. Русский язык и сотрудничество в сфере образования как ресурс мягкой силы России в Нигерии // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. — 2023. — Т. 67, № 4. — С. 144–156.
2. Георгий Ташевский Русская Православная Церковь в Африке // Центр социально-экономических и геополитических исследований URL: <https://csegr.ru/orthodoxy-africa/>
3. Милена Костерева Россия и ЮАР намерены в июле запустить прямое авиасообщение // Коммерсантъ. 25.01.2023 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5785136>
4. Палаткин Дмитрий Валерьевич Алмазное сотрудничество России и ЮАР: ак «АЛРОСА» и компания «Де Бирс» в 1990-х годах // РСМ. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/almaznoe-sotrudnichestvo-rossii-i-yuar-ak-alrosa-i-kompaniya-de-birs-v-1990-h-godah>.
5. Россия и Нигерия подписали соглашение о развитии атомных проектов // РЭИН РОСАТОМ (30.10.2023) URL: <https://www.rusatom-energy.ru/media/rosatom-news/rossiya-i-nigeriya-podpisali-soglasheniya-o-razvitii-atomnykh-proektov/>.

Новые африканские имена на базе лексики суахили

Громова Н.В.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры африканистики
gromova@iaas.msu.ru

Стремление афроамериканцев к идентификации себя как африканцев находит разное выражение, в том числе и в замене европейских имен на африканские. Инициатором такой реафриканизации самосознания стал известный историк, профессор, заведующий отделом Черных Исследований Университета штата Калифорния, теоретик и один из лидеров движения панафриканизма Маулана Каренга, призывавший совершить культурную революцию, т.е. вернуться к своим африканским корням в соответствии с идеей о центральном месте Африки в мировой истории и культуре. Он основал общественную организацию «Мы» с молодежным крылом *Simba wachanga* «Молодые львы».

Движение, возглавляемое Каренгой, способствовало продвижению языка суахили как учебного предмета. В настоящее время изучение суахили постоянно растет в Америке. Увеличилось число средних школ, преподающих суахили, сейчас их более ста. Существуют даже специальные платные курсы для учителей суахили. Сегодня изучение африканского языка, такого как суахили, позволяет получить высшее образование. Такое значительное место языка суахили в Америке связано не только с образованием, но и с восточноафриканскими диаспорами, многочисленными ассоциациями и суахилийскими церквями (общинная церковь суахили, Общество *Umoja* «Единство» в Миннесоте, Ассоциация общин Танзании и др.). И Каренга, и его ученик, идейный вдохновитель теории афроцентризма М.К. Асанте изучали язык суахили, и, в основном, большинство замен «рабских» «белых» имен базируется на лексике языка суахили.

Так, Рональд Мак Кинли Эверетт изменил свое имя, полученное при рождении, на Маулана Ндабезита Каренга, что в переводе с суахили значит *Maulana* - «[наш] Бог, повелитель; мой господин», *Ndabezita* на языке зулу – это обращение к верховному вождю зулусов «Мой король», *Karenga* – «тот, кто ведёт/ направляет к цели». Жены Каренги также заменили свои имена на суахилийские: его первая жена взяла себе имя *Tiamoyo* – «воодушевляй, вдохновляй», вторая жена стала называть себя *Haiba* – «красота, привлекательность». Его примеру переименования собственного имени последовали многие интеллектуалы. Артур Ли Смит, считавший Каренгу своим предшественником и единомышленником, заменил свое «рабское имя» на *Асанте Молефу. Molefi* на языке сото означает «тот, кто чтит и хранит традиции», *Asante* «правитель» (название традиционного правителя ашанти, заимствованное из языка тви) и созвучного суахилийскому слову *asante* «благодарность». Антрополог-африканист Диана Ричардс взяла себе имя Маримба Ани (marimba 'ксилофон'), писатель Эверетт Ле Рой Джонс – *Амири Барака* (amiri 'эмир, командующий', baraka 'благословение'). Имя одного из журналистов звучит как *Туташинда* (Tutashinda 'Мы победим').

М.Н. Каренга инициировал празднование афроамериканского Рождества *Кванзаа* (kwanza 'начало'), опирающегося на *Nguzo saba* 'семь опор/основ'. Согласно его теории, черный человек должен руководствоваться в жизни семью принципами: *Umoja* 'единство', *Kujichagulia* 'выбор для себя', *Ujima* 'взаимопомощь, взаимовыручка', *Ujamaa* 'братство, общинность', *Nia* 'цель, перспектива', *Kuumba* 'созидание, творчество, креативность', *Imani* 'вера'.

Из языка суахили заимствуется много названий для различных обществ и организаций, например, *Mambo Foundation* 'фонд «Дела»' (mambo '1'), *Hodari Africa Safaris* 'Активные туры по Африке' (hodari 'активный, энергичный', safari 'путешествие'), а также понятий и концепций, таких как *Nzuri* 'эстетические ценности' (-zuri 'красивый, хороший'), *Maafa* 'африканский холокост' (maafa 'бедствие, катастрофа') и многие другие.

Многие афроамериканцы выбирают африканские имена для своих детей, преимущественно из языка суахили, например *Ngoma* 'барабан', *Maisha* 'жизнь', *Haki* 'справедливость' и др., считая, что африканское имя – это обращение к африканским корням, уважение к предкам, признание ценности африканской культуры и т.п.

Тенденция изменения имени или выбора африканского имени популярна и в настоящее время, коснулась даже и россиян. Так, многие музыкальные программы и различные мероприятия носят названия [*Н*]akuna matata 'нет проблем', одна из известных блогеров Ольга Нечаева известна в интернете под этим именем. Домашних животных часто называют африканскими именами, например, *Sahali kiumbo* 'легкий характер', *Safari* 'путешествие', *Hodari* 'активный' и др.

В помощь желающим заменить свое имя или назвать себя африканским именем было издано несколько словарей, в том числе и самим М.К. Асанте. При этом и авторы словарей, и сами именователи допускают нарушения как грамматических норм языка суахили, так и лексического значения.

Малагасийско-занзибарские отношения в первой половине XIX века

Емельянов А.Л.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры африканистики
emeljanov.andrej@yandex.ru*

В начале 30-х годов начали устанавливаться первые дипломатические контакты между Мадагаскаром и Занзибаром. Тем не менее, этот эпизод малагасийской истории до сих пор остается наиболее малоизученным. Например, в самом крупном собрании документов,

касающихся Мадагаскара первой половины XIX в., упоминается лишь об обмене подарками с султаном Занзибара. В 1833 году Сейид Саид направил ко дворцу Ранавалуны I посла Хиамиши бен Атамани (имя-калька с малагасийского языка). У него было письмо к малагасийской королеве и устное послание султана. В знак дружбы со стороны малагасийской королевы он желал бы получить солдат для возвращения Момбасы. Хиамиши высказал просьбу султана о заключении династического брака с Разанакинимандзакой, дочерью Радамы I. Хиамиши передал желания своего правителя видеть при своем дворе малагасийского посла. Королева дала согласие.

Ранавалуна I направила к султану посольство из пяти человек. Его возглавил Рамиарамана, в состав вошли Рахайнгуманана, Рамахару, Раманамалаку, Рамахасулу — наполовину араб, выполнял обязанности переводчика. Выбор членов посольства не был случайным. Все, кроме Рамахасулу, в свое время изучали навигацию. 30 октября 1834 года посольство прибыло в резиденцию Сейида Саида на Занзибаре. Малагасийцы выразили недоумение, почему их принимают не в Маскате, столице государства, а на Занзибаре. В ответ Сейид Саид сообщил, что рассматривает это место как свою столицу, что фактически соответствовало действительности.

После обычных для традиционной дипломатии церемоний послы вручили султану письмо от Ранавалуны I. Обязательная в подобных случаях беседа свелась к расспросам Сейида Саида об отношениях Малагасийского Государства с Францией, Англией, Маврикием, Реюньоном. Основная часть переговоров началась через несколько дней. Все попытки султана обсудить вопрос о солдатах наталкивался на решительное противодействие малагасийских послов. Они отказывали, используя аргументы, которые сводились к тому, что за морем у Ранавалуны I нет врагов. Тем не менее, султан направил королеве щедрые подарки: четыреста мушкетов, несколько лошадей, жемчуг.

26 марта 1837 года Ранавалуна I направила последнее письмо Сейиду Саиду, в котором окончательно отказала в посылке солдат, так как это нарушает законы страны, «даже если эти законы неверные, то это законы народа, проживающего на нашей земле». Больше между Малагасийским Государством и султанатом Омана, Маската и Занзибара в XIX веке не было официальных контактов. Не сумев установить прочных отношений с Занзибаром, единственным по-настоящему влиятельным государством в юго-западной части Индийского океана, взоры Ранавалуны I вновь обернулись к Европе.

См. также: Емельянов А.Л. Внешняя политика Малагасийского Государства в XIX веке. М., 2004.

«Галла» (оромо) в восприятии европейцев и эфиопов

Иванова Л.В.

*ИВИ РАН, старший научный сотрудник Центра региональных исследований
caashoru@mail.ru*

Положение народа оромо в современной Эфиопии значительно укрепилось с 1990-х гг. Появился штат Оромия со столицей в Аддис-Абебе в составе Эфиопской федерации (наряду с другими одиннадцатью штатами), который является самым большим по площади. Представители этнической группы оромо составляют более 30% населения страны, к этой же этнической группе принадлежит премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед.

В Европе исследования оромо/галла начались с 1830-х гг., когда несколько представителей этой группы были выкуплены у работорговцев и привезены в Европу. Им предоставляли стипендии для обучения, но при этом ученые учились у них сами – уточняли географические данные и изучали язык. Так, к середине XIX века Библия была переведена на язык оромо, причем она была записана как на гыэз, так и латиницей.

Происхождение оромо остается загадкой: по одной версии, они первоначально проживали в северном Сомали до того, как их вытеснили сомалийцы на юг и юго-запад с побережья Африканского Рога. Другие считали, что колыбель оромо – район Бале и Сидамо в современной Эфиопии. Были версии, что оромо пришли в Африку из Азии или с Аравийского полуострова.

В моем докладе я бы хотела обратить внимание на варианты названий и их происхождение, принятые для обозначения этой этнической группы. «Оромо» (или «Орма») является самоназванием (неэфиопские историки стали использовать его после революции 1974 года), в то время как в Эфиопии и в Европе получил распространение этноним «галла». Некоторые египтологи считают, что «оромо» происходит от нубийского «igum» - «черный», отсюда и сходство традиционных причесок оромо с древнеегипетскими, а также общие философские концепции.

Версий о происхождении термина «галла» (как и вариантов его написания на местных языках) много и некоторые звучат вполне убедительно. Одни историки считают, что причиной появления этого этнонима стал боевой клич оромской конницы, с которой она шла в атаку. Другие, основываясь на книге 1593 года «История Галла» абиссинского священника Абба Бахрея, в которой он описывает оромо, как «галла пришедших с запада, пересекших реку Галана на границе Бале во времена дома Уаннаг Сагад», считают, что этноним произошел от названия реки. Ф. Пауличке, видя в этом доказательство того, что сомали вытеснили оромо из бассейнов рек Джуба и Шебелле приводит название сомалийского города Галкайо – «место, откуда выгнали галла».

Согласно исследованиям, кушитские языки оромо и сомали имеют 20% общего словарного запаса языка, однако за тысячелетие некогда близкие группы существенно разошлись. «Galla» или «galtuu» на оромо обозначает человека или группу, проживающую на определенной территории, но не имеющую общего предка по отцовской линии с местным населением. В языке сомали слово «галла» появилось с IX по XIII вв. и имело негативный смысл. Э. Черулли предполагает, что таким образом сомалийцы обозначали не только немусульман-оромо, но, возможно, и представителей других сомалийских кланов, не принявших ислам. И. Льюис отрицает подобное происхождение отчасти тем, что оромо приняли ислам раньше, чем сомалийцы. В 1920-х гг. британский колониальный чиновник в Джуббаленде в южном Сомали отмечал, что словом «гаал» сомалийцы обозначают любого чужеземца-немусульманина, неверного, в том числе европейца. Gaaloobay – означает «выйти из ислама, измениться в худшую сторону». Р. Бартон рассказывает легенду о том, как местному вождю оромо было предложено принять приглашение пророка принять ислам, от которого он отказался. Беседа велась через посредника-переводчика, который переводя фразу «сказал нет» на арабском «kal la» произнес ее как «галла», что впоследствии стало обозначением немусульман.

Ли Кассанелли пишет, что термин «галла» помогал одной группе сомалийцев демонизировать другую. Группы банту – тумал, йибир, гоша, адони – назывались «gala madow» – черными неверными. «Ты можешь убить гаала, но будь к нему справедлив», – гласит сомалийская пословица. Галлами также становятся сомалийцы в диаспоре, которые неукоснительно перенимают европейский образ жизни.

Другое значение «галла» – люди, жившие до прихода сомалийцев в регион. В конце XIX в. французские и британские путешественники отмечали, что земли к югу от Берберы назывались «поселениями галла», а к востоку можно было обнаружить «руины галла». Упоминалось и о «так называемых могилах галла» в северном Сомали. Некоторые исследователи видят в слове «галла» – корень слова «верблюд», используемого как в языке оромо, так и сомали, хотя конница для оромо представляется более характерной.

Исследования оромо в настоящий момент еще не имеют единой традиционной базы, однако комплекс источников обширен и разнообразен, благодаря деятельности центров комплексного изучения оромо. Детальное изучение отдельных аспектов (языка, этнографии, истории, культуры) будет способствовать переосмыслению истории Эфиопии и роли отдельных этносов в ее формировании.

Страны Тропической Африки в глобальном рейтинге элит

Касимовская Е.Н.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии
kasim@iaas.msu.ru

Термин «элиты» получил широкое распространение в последнее время. Именно с качеством элит многие исследователи связывают не только результаты социально-экономического развития стран мира, но и их будущее. Измерение сравнительного вклада инклюзивной и экстрактивной составляющих действия элит предполагает комплексный анализ многих показателей как количественных, так и качественных, требующих особых процедур обработки и оценки. Некоторое время тому назад группа ученых Университета Сент-Галлена (Швейцария) обнародовала свои разработки по количественной оценке деятельности правящих элит. Предложенный композитный индекс включал как инклюзивную, так и экстрактивную составляющие такой деятельности. Идея построения индекса (и соответственно принципа сопоставления стран) достаточно «проста»: он измеряет способность национальных элит в рамках реализуемых ими бизнес-моделей создавать (value creation) и/или извлекать (rent extraction) ценности из национальной экономики [1]. Таким образом, трансформационно-креативный компонент действия правящей группы противопоставляется ее же рентоориентированному поведению в масштабах общества и общий вектор от этого комплексного воздействия определяет генеральный тренд развития страны. При этом под элитой в рамках предложенной методики понимается узкая, внутренне высоко координированная группа, реализующая бизнес-модель, позволяющую аккумулировать совокупное благосостояние общества [2]. Авторы методики исходят из убеждения, что элиты складываются и существуют в любом обществе независимо от уровня развития, но отличаются по конечным результатам своего функционирования. Первый доклад был опубликован в 2020 году и охватывал 32 страны, преимущественно развитые. Из стран Тропической Африки в него вошли всего три страны: Ботсвана, ЮАР и Нигерия. Тропическая Африка в глобальном рейтинге качества элит 2021 года была представлена уже 38-ю странами. Самый высокий результат в глобальном рейтинге наблюдался у Маврикия (50), самый низкий – у Судана (150). В целом, африканские страны демонстрируют достаточно высокие места. Помимо Маврикия, впечатляющий результат наблюдается у Руанды (52), Ботсваны (56), Бенина (58) и Ганы (63). В 2023 году круг стран Тропической Африки, представленных в рейтинге, еще немного увеличился: в рейтинг вошли уже 40 стран этого субрегиона. На этот раз самый

высокий результат в общем рейтинге показала Руанда (53). А в группу качественных элит вошли уже 7 африканских стран: замыкает группу Ботсвана с индексом 74. Примечательно, что в группу стран с элитами среднего качества вошли 18 стран Тропической Африки (значение индекса от 77 для Бенина до 119 для Мадагаскара). Группу стран с низкокачественными элитами замыкает Судан (151), позиция которого, к сожалению, не изменилась по сравнению с 2022 годом. Всего в данную группу в 2023 году вошли 14 стран Тропической Африки, большинство из которых – это небольшие по потенциалу и уровню развития национальные экономики. Однако в данной группе оказались две экономически значимые для континента страны – Нигерия (132) и Ангола (141). Стоит отметить, что в недавно опубликованном отчете о качестве элит разработчиками предложена новая методика оценки влияния правящих элит на распределение ценности между поколениями. Инструмент получил название NextGenValue Creation Barometer – барометр создания ценности для будущих поколений. Фактически речь идет о попытке измерить деятельность национальной элиты в контексте целей устойчивого развития. В данный композитный индекс включили пять показателей, охватывающих все основные сферы качественного развития страны на долгосрочных интервалах: экология, равные возможности, образование и человеческий капитал, здоровье нации, инновации и технологии. Сравнительные оценки такого межпоколенческого трансфера ценности в странах Тропической Африки в целом ряде случаев не совпадают со страновыми значениями общего индекса качества элит. Так, самое высокое значение в 2023 году продемонстрировали Сенегал, Маврикий и Танзания: их показатели соответствуют уровню КНР. Эфиопия, значительно потерявшая в совокупном индексе (минус 30 пунктов по сравнению с 2022 годом), по показателю межпоколенческого трансфера занимает 8-ю позицию среди африканских стран и соответствует уровню Индии. Это дает основание сделать вывод о том, что национальные модели развития, реализуемые бизнес-элитами ряда африканских стран, становятся все более ориентированными на сохранение их природно-экономического потенциала для будущих поколений и соотносятся с таковыми в ведущих странах глобального Юга.

Литература:

1. Tomas Casas i Klett, Guido Cozzi. Elite Quality Report 2023, University of St.Gallen - Electronic copy available at: <https://ssrn.com/abstract=4418550>
2. Фурс С. П., Федосеев А. А. (2021). Определение индекса качества элиты как новый тип социальных исследований. Культура и безопасность, 4, 5–10. <https://doi.org/10.25257/>

Домашнее чтение в системе преподавания амхарского языка

Кравченко С.Л.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры африканистики
slkravchenko@gmail.com

Как известно, в настоящее время концепция обучения любому иностранному языку предусматривает формирование коммуникативной компетенции учащихся. Речевая компетенция предполагает развитие коммуникативных умений в четырех основных видах речевой деятельности: говорении, аудировании, чтении и письме.

Формирование коммуникативных компетенций учащихся - комплексный процесс, который подразумевает работу над всем спектром языковых навыков.

Домашнее чтение – это традиционный аспект обучения и одно из направлений оптимизации самостоятельной работы студентов. Оно обеспечивает более прочное формирование всех видов коммуникативных компетенций.

В совершенствовании устно-речевых навыков студентов домашнее чтение призвано сыграть ведущую роль при обучении и стать необходимым, равноценным компонентом всего процесса обучения амхарскому языку, так как оно является необходимым условием и средством овладения языком.

Язык литературного произведения, соответствующий нормам современного литературного языка, является незаменимым образцом при изучении языка, и его роль особенно велика, поскольку язык способствует формированию языковой личности.

В процессе чтения обучаемые соприкасаются с огромным количеством грамматических конструкций и лексических комбинаций в различных контекстах, что ведет к расширения активного и пассивного словарного запаса студентов. Кроме этого, домашнее чтение является одним из важных источников социокультурной информации. Студенты овладевают не только иными языковыми средствами выражения мысли, но и приобщаются к иной культуре в самом широком ее понятии. Чтение художественной литературы сопряжено у студентов с развитием социокультурной компетенции, предоставляющей им возможность соотносить свою культуру с культурой Эфиопии. Последнее требует умения видеть различия и общность в культурах, в мировосприятии их носителей, в системе норм, обязанностей, правил, принятых в разных социумах. У студентов должно быть сформировано положительное отношение к культуре другого народа, а также широкое представление о достижениях национальных культур в развитии мировой культуры. Именно поэтому эти аспекты формируют обучаемого как личность, развивают его общечеловеческое сознание.

Работа с произведениями художественной литературы включает в себя методологически обоснованный отбор литературного материала, четкое планирование видов учебной деятельности в зависимости от целей и этапа изучения амхарского языка.

Без сомнения, чтение оригинальной литературы (как художественной, так и специализированной) на амхарском языке способствует лучшему усвоению учащимися языкового и речевого материала, развивает аналитическое мышление, формирует самостоятельность мышления, развивает логику, интеллект, расширяет познавательные интересы и художественные вкусы. В процессе чтения различных художественных произведений студенты имеют возможность наблюдать развитие языка, соприкоснуться с современным живым языком, а не условно-учебным.

Художественное произведение, в силу композиционного построения, оказывает сильное эмоциональное воздействие и способствует лучшему пониманию читаемого. Ценность домашнего чтения неоспорима еще и потому что оно тесно связано с общеобразовательным аспектом обучения амхарскому языку.

Не стоит отдавать предпочтение адаптированным произведениям, поскольку они частично утрачивают свою художественную ценность из-за упрощения текста. Выход можно найти, включив постраничные пояснения или комментарии на языке, что поможет при работе над материалом. В то же время, текст должен быть посильным и с точки зрения языкового материала, и с точки зрения описанных событий или проблем, иначе **известные?** произведения не будут поняты и оценены из-за непреодолимых трудностей в процессе чтения.

При отборе материала для чтения следует учесть актуальность описанных событий и поднимаемых проблем в данной возрастной категории учащихся. Именно содержание сможет вызвать у студентов положительную мотивацию и потребность в чтении на амхарском языке. На начальном этапе целесообразно подбирать для чтения произведения, которые близки или соответствуют разговорным темам, предусмотренным программой. Однако в дальнейшем языковой материал, совпадающий с тематикой уроков, будет восприниматься не как чтение, но и как еще один этап работы и закрепления темы.

Таким образом, задачей преподавателя является выбрать именно такой материал, который был бы значим и с точки зрения содержания, и с точки зрения языкового материала, способствовал развитию навыков самостоятельной работы, стимулировал познавательную деятельность, закладывал основы для последующей профессиональной деятельности.

Новые источники по истории и антропологии Бельгийского Конго (по фотоматериалам К. Загурского)

Львова Э.С.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры африканистики
eleonora.lvova39@yandex.ru

Прозоров М.Н.

Генеральный директор галереи «Диалог»
prozorov.mn@gmail.com

Тарасова Л.А.

Арт-директор галереи «Диалог»
lidia.a.tarasova@gmail.com

В наши дни расширяется круг источников по африканистике. В частности, все чаще становятся востребованы визуальные материалы (гравюры, зарисовки, дагерротипы и фото, буклеты и листовки и т.п.). Некоторые уже вошли в научный оборот (в изданиях записок и доколониальных выпусках конца XIX - начала XX, а также публикации после 1-й мировой войны). Однако межвоенный период гораздо беднее такого рода материалами.

Это относится и к бельгийским владениям того времени: Бельгийскому Конго, Руанде и Бурунди. Фотоматериалы, сделанные уроженцем российской империи К.М. Загурским в 30-годы XX века, пожалуй, единственные в этом роде. Их создатель родился в 1883 г. в Житомире и стал офицером (дослужился до подполковника) русской армии. Служба его проходила в разных воинских частях страны. В 1913 г. он закончил севастопольскую школу авиации. С начала 1-й мировой войны занимался авиаразведкой. После 1918 г. вступил в Добровольческую армию, позднее стал гражданином Польши.

Эмигрировав в 20-годах в Бельгийское Конго, Загурский влился в русскоязычное сообщество из бывших подданных Российской империи. Проработав некоторое время в фотоателье «Диамантид», открыл собственное дело (фотография и книготорговля). Нередко он на самом высоком уровне выполнял заказы колониальной администрации. Его работы публиковались как в Конго, так и в Бельгии, и во французской прессе. В 1930 г. его работы были представлены на Всемирной выставке в Антверпене.

Он задумал и осуществил целый цикл «Исчезающая Африка». К.М. Загурский прошел (частично пролетел) большую часть страны до северо-восточных границ и Руанды. Цикл состоял примерно из нескольких сот фотографий. Сколько их было всего, неясно, но сейчас известно около 400.

В 1939 г. он уехал в Варшаву в связи с болезнью почек, и только через 2 года через всю Европу вернулся в Конго. В Германии он отпечатал немало фотографий в виде

открыток. Несомненно, ему помогло то, что он долгое время был представителем немецкой фотофирмы АГФА в Бельгийском Конго. Он умер в Леопольвилле в 1941 г.

В 2001 г. итальянским издательством «Скира» был опубликован альбом «Загурский. Исчезающая Африка». Фото, открытки и альбомы К.М. Загурского представляют библиографическую редкость. Мы представляем часть их. Среди картин природы есть и немало изображений бытовых зарисовок. Сам Загурский, не историк и не антрополог, не называет этнонимы, указывая лишь географические названия. Тем не менее он сумел показать типичную картину жизни местных народов. Так, большая подборка посвящена социализации (инициации; шрамирование и ритуальное калечение; прически и украшения, свойственные определенным социальным ступеням и т.п.). Другая группа отражает хозяйственную деятельность (плетение, гончарство, ткачество и вышивку тканей, оружие) и половозрастное разделение труда. Отдельные фотографии демонстрируют властные отношения (от вождей разного ранга до клерков колониальной администрации). По его фото видно, как, с одной стороны, традиционные элементы культуры сохраняются; с другой – десакрализируются и изменяются. Наследие К.М. Загурского становится дополнительным источником для исследования жизни местного населения в межвоенный период, и в этом его значение и уникальность.

Доклад сопровождается презентацией фотографий К.М. Загурского

Апеллятивы в хауса

Суетина Ю.Г.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры африканистики
Kaduna2007@mail.ru

Хауса являются мусульманами и обряд наречения новорожденного проходит в соответствии с законами ислама. На седьмой день в доме родителей новорожденного устраивается большой праздник, во время которого приглашенный малам громко объявляет то имя, которое было выбрано родителями отца ребенка по Корану. Поэтому среди хауса много людей, носящих имена Мохаммед, Хассан, Нуху, Юсуф, Абубакар, Хусаини, Али, Ракия, Майро, Билкису, Фадимату и др. Такое имя становится официальным именем ребенка и вносится во все документы, например, в паспорт при выезде за границу.

Но наряду с таким официальным именем ребенок может получить и другое, которое используется в быту, при общении с родителями и другими родственниками, с друзьями. Подобные апеллятивы не выбираются произвольно, подобно тем детским прозвищам,

которыми любящие родители называют своих детей в нашей стране. Выбор апеллятива обусловлен рядом причин:

- время, когда родился ребенок: дети, родившиеся ночью, получают имя Бако (Baƙo) *гость*, если это мальчик, и Бакува (Baƙuwa) *гостья*, если это девочка,
- день недели: родившиеся в воскресенье, называются Данлади (Danladi) и Лади (Ladi), а в среду – Баларабе (Balarabe) и Балараба (Balaraba),
- ребенок, родившийся в сухой сезон, получит апеллятив *si dawo Ешь сорго*,
- каким по счету ребенком в семье является новорожденный: девочка, родившаяся после близнецов, называется Гамбо (Gambo),
- девочку, родившуюся после того, как в семье рождались только мальчики, назовут Канде (Kande),
- самый младший ребенок в семье получает апеллятив Аута (Auta).

Родители хауса также суеверны, как и многие русские бабушки и дедушки. Так, если дети в семье умирали вскоре после рождения, то младенец получал апеллятив Абарши (Abarshi) или Абарта (Abarta), что дословно переводится как *Оставь его* или *Оставь ее*. Возможен и другой вариант апеллятива Аджефас (Ajefas) *Брось*.

Принимаются во внимание и физические особенности ребенка, а также особенности его характера. Если девочка родилась очень маленькой, то ее будут звать Афире (Afire), а если часто плачет безо всяких причин, то станет Акоке (Akoke) *Пусть плачет*.

Некоторые имена влекут за собой определенные апеллятивы. Так, любая девочка, названная Билкису (Bilkisu), получает апеллятив Гадо (Gado) *трон*, намек на царицу Савскую, а мальчика Абубакар (Abubakar) будут называть Гагарау (Gagaraу) *доблестный воин*.

Не всегда можно понять, почему какое-то имя связывают с определенным апеллятивом. Так, не ясно, почему апеллятивом Майро (Maіro) является Яр Кунама (Yar kumama) *дочь скорпиона*.

Следует отметить, что очень часто апеллятив практически вытесняет в повседневном общении официальное имя. Так, настоящее имя жены одного из дикторов Московского радио из Нигерии Фадимату выяснилось при оформлении ее в больницу. Муж называл ее Джумай (Jumai), поскольку она родилась в пятницу, и она сама представлялась этим именем. Иногда апеллятив становится вторым официальным именем и вносится в документы, хотя такие случаи довольно редки.

Южноафриканский писатель Хенни Аукамп: заметки о литературе, творчестве и жизни

Урб М.Р.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры африканистики
urb@iaas.msu.ru*

Хенни Кристоффел Лоуренс Аукамп (1934-2014) является ярчайшим представителем современной южноафриканской литературы на языке африкаанс, который вырос и сформировался как писатель в творческой атмосфере прозаиков поколения «шестидесятников». Он известен как талантливый поэт, эссеист, критик, теоретик литературы, культуры андерграунда и кабаре, чье влияние на литературный процесс Южной Африки трудно переоценить, но, прежде всего как прозаик – умный, ироничный, пронизательный, тонкий и грустный, со своим легко узнаваемым и ни на кого не похожим стилем.

Хенни Аукамп писал тексты песен для популярных исполнителей, четверостишия, одноактные пьесы, но именно его путевые заметки, эссе и, в особенности, его короткие рассказы сделали его широко известным. Этот жанр – один из самых сложных, требующий от писателя высокого искусства. Живые и остросюжетные рассказы Аукампа, в которых лирика и юмор идут рука об руку, вмещают знание скрытых законов жизни, тайных причуд судьбы, хитросплетений человеческих отношений. Он настоящий мастер короткого рассказа, который добивается главного – его произведения всегда хочется перечитывать.

Литературное творчество Хенни Аукамп совмещал с преподавательской деятельностью и общественной работой. В академических кругах он заслуженно стоит в первых рядах просветителей и подвижников на ниве языка африкаанс. Он внес большой вклад в развитие и сохранение языка, в укрепление его роли в современном южноафриканском обществе.

Заметки Х. Аукампа – это подборка цитат и суждений писателя о творчестве и жизни, собранных из его прозы и стихов, эссе и комментариев, путевых заметок и интервью. Такая «писательская коллекция» не только дает возможность лучше понять личность Аукампа, но и дарит еще одну встречу с замечательным стилистом, остроумным и трезвым наблюдателем, пронизательным человеком, обладающим философским взглядом на жизнь, людей и события.

«Я вырос на книгах, как и многие жители Стормберга, которые из-за долгих зим и холода много времени проводили дома за чтением книг. Но и без холода я бы все равно стал книголюбом. Я очень рано почувствовал силу слова, которая и по сей день уносит меня в стратосферу, на это не способны даже музыка и искусство». (Ek het binne 'n boekkultuur

grootgeword soos stellig baie Stormbergers, vanweë die lang winters wat mense binnenshuis hou. Maar ook sonder koue sou ek 'n boekmens geword het. Ek het die mag van die woord vroeg-vroeg ontdek en tot vandag toe voer boeke my na 'n stratosfeer soos selfs musiek en kuns nie kan nie).

«Город без театра – город без сердца». ('n Stad sonder 'n teater is 'n stad sonder 'n hart).

«Цензура – это своего рода вотум недоверия. Чувствуешь себя так, словно тебя предают твои близкие люди». (Sensuur is 'n soort mosie van wantroue. Jy voel asof jy verraaï word deur jou eie mense).

«Тщательно выбирайте врагов. Преданный враг – великий источник вдохновения». (Kies jou vyande met groot oorleg. 'n Toegewyde vyand is 'n groot inspirasiebron).

«Зло редко приходит к нам случайно. Чаще всего мы сами его приглашаем». (Die bose kom selde toevallig oor ons pad. Ons nooi hom meestal uit).

«О чем можно с уверенностью сказать, так это то, что писатель находится в состоянии повышенной осознанности и восприимчивости, когда он работает над книгой, или, лучше сказать, когда книга начинает работать с ним. Он разговаривает со своим «другим я»; стихи и рассказы разговаривают друг с другом. Стихи подпрыгивают и выстраиваются по стойке смирно подобно тому, как в некоторых детских книжках герои иллюстраций подпрыгивают вверх при переворачивании страницы и смело говорят: «А вот и я». И, конечно, не всегда эти стихи и герои одинаково хороши, но писатель, как и родитель, любит своих детей любыми». (Wat met stelligheid gesê kan word, is dat 'n skrywer in 'n verhoogde staat van bewustheid en ontvanklikheid is wanneer hy aan 'n bundel werk, of beter gesê, wanneer 'n bundel met hom begin werk. Hy is in gesprek met sy 'ander selwe'; sy verse en stories is in gesprek met mekaar. Verse spring op aandag, soos in sommige kinderboeke illustrasiefigure met die omblaai van 'n bladsy kiertsregop spring en manhaftig sê: Hier is ek. En natuurlik is alle verse en alle figure nie ewe welskape nie, maar 'n skrywer, soos 'n ouer, het ook sy skewe kinders lief).

«Во время кризиса культура – это не роскошь, а высшая форма самосохранения. Так как культура – это внутренний порядок, а внутренний порядок – это основа всех цивилизаций». (In krisistye is kultuur geen luukse nie, maar die hoogste vorm van selfbehoud. Want kultuur staan vir interne orde, en interne orde is die fondament van alle beskawing).

«Общество/цивилизация держится на двух столпах: «Спасибо» и «Извините». И по тому, как народ (и отдельный человек) произносит «спасибо» и «извините» можно определить его уровень». (Beskawing staan op twee bene. Die een heet Dankie en die ander Ekskuus. En aan die manier waarop 'n volk (én 'n individu) 'dankie' en 'ekskuus' sê, kan sy beskawingspeil afgelei word).

Общие арабские заимствования в системе агглютинативных языков (на примере суахили и татарского языка)

Фаттахова А.Р.

*ИМО КФУ, доцент кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований
gaidaf@mail.ru*

Суахили и татарский язык относятся к агглютинативным, ареал распространения – территориально отдаленные: суахили в Восточной Африке, татарский в Российской Федерации, большая часть – в Поволжье и Приуралье. Наличие большого количества арабизмов в обоих языках свидетельствует о тесном взаимодействии с арабской культурой на протяжении длительного периода: оба языка испытали на себе значительное влияние более развитой для того времени культуры; использовали арабскую графику; религиозная терминология сформировалась благодаря распространению ислама и т.д.

Интерес представляет пласт общих арабских заимствований, функционирующих в обоих языках, напрямую репрезентирующий арабский лингвокультурный код, транслирующий традиции, ценности и закодированную информацию, позволяющую идентифицировать культуру-донора посредством языкового выражения.

Материалом исследования послужили два словаря – «Первое этнолингвистическое сравнение арабских заимствований в языках хауса и суахили» Серджио Балди [1] и «Арабско-татарско-русский словарь заимствований» [2], из которых методом сплошной выборки выявлялись общие арабизмы.

Результаты анализа общих лексем, отмечающие значительные совпадения функционирования арабизмов в заявленных языках в различных сферах (религиозной, научной, торговой, культурной и др.), наводят на мысль о необходимости создания словаря арабизмов для языков, испытавших значительное влияние арабского языка на их словарный состав. Анализ общих лексических единиц позволяет выявить ключевые, характеризующие проникающую культуру единицы, и в свою очередь выступающие универсальными для ряда языков – интернационализмами арабского происхождения.

В докладе раскрываются вопросы адаптации общих лексических единиц и их словообразовательные возможности, а также экстралингвистические факторы, способствующие проникновению слов языка-донора.

Литература:

1. Baldi S. A first ethnolinguistic comparison of Arabic loanwords common to Hausa and Swahili. Supplemento n. 57 agli ANNALI. Napoli: Istituto Universitario Orientale, 1988. Vol. 48. 82 p.

2. Махмутов М. И., Хамзин К. З., Сайфуллин Г. Ш. Арабско-татарско-русский словарь заимствований (Арабизмы и фарсизмы в языке татарской литературы). В 2 т. Казань: Изд-во «Иман», 1993.

Роль этнической группы белуджей в освоении Восточной Африки

Юзмухаметов Р.Т.

ИМО К(П)ФУ, доцент кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований
ramil.yuzmukhametov@mail.ru

Этническая группа *белуджей* относится к ираноязычным народам, распространена в Индии, Пакистане, Иране, Туркменистана, ОАЭ и Омане. Волей судьбы часть белуджей, обитающих в Британской Индии, в виду крайней нужды вынуждена была мигрировать на запад на побережье Персидского залива, где они были приняты оманскими султанами в качестве воинов на службу. Постепенно белуджские воины были вовлечены в процесс торговли оманцев с Восточной Африкой. В XVIII веке оманцы начали набирать наемников из белуджских племен. Белуджи стали ключевым элементом в расстановке сил в оманских зонах влияния в Восточной Африке к югу от Сахары, как на побережье, так и внутри материка. Белуджские воины стали ассоциироваться с оманскими династиями и приобрели особое значение при династии Аль-Бусаида в XVIII веке.

К началу XIX в. владения аль-Бусаида включали среди прочих владений и остров Занзибар и близлежащие порты на побережье Африки к югу от Сахары. Благодаря арабо-оманской торговой и политической экспансии вдоль восточноафриканского побережья многие белуджи поселились в восточноафриканских портовых городах, а также на островах Занзибар и Пемба, в центре оманских африканских доминионов в XIX веке. Судя по рассказам путешественников, исследователей и европейских чиновников того времени, белуджские племена в Восточной Африке включали в себя *хот*, *ринд* и *наушервани*. Их потомки до сих пор живут там и называются *булуши* на языке суахили.

Как и в случае с племенами Омана, белуджские наемники вдоль побережья суахили служили военной силой, хотя, по-видимому, они также были вовлечены и в торговые отношения с Восточной Африкой. В то время острова Занзибар и Пемба управлялись оманскими губернаторами, военная поддержка заключалась в специальных войсках, доказавших свою надежность, то есть наемных белуджских корпусов, тесно связанных с аль-Бусаидом. Оманская торговая империя перенесла свой экономический и политический

центр тяжести на Занзибар, сделав контроль над соседними островами и близлежащим африканским побережьем одним из краеугольных камней своей обширной системы торговых интересов. Как выразился английский исследователь Ричард Фрэнсис Бертон о владениях оманцев в Восточной Африке: «Если вы играете на флейте на Занзибаре, она будет звучать даже до Великих озер».

В середине XIX в. британский импорт слоновой кости вырос с 280 тонн в 1840 году до 800 тонн в 1875 году. Поэтому в экономике внутренних районов Восточной Африки наблюдался огромный рост спроса на *пагази*, «носильщиков караванов», свободных мужчин, набранных из родственных африканских племен (яо и ньямвези), а также на носильщиков-рабов. Чтоб контролировать транспортировку слоновых бивней этими носильщиками использовали белуджей. Оманские работорговцы, белуджские солдаты и телохранители также заставляли женщин отказываться от своих детей, чтобы перевозить слоновьи бивни.

Когда вырос спрос на гвоздику, белуджские войска также патрулировали султанскую гвоздичную *машамбу* (машамба в переводе с суахили «плантация»). Индийские баньяны (торговцы) нанимали белуджей для своей защиты при транспортировке африканских товаров в Индию.

Прибрежные районы Восточной Африки преобразились из-за роста товарного производства. Город Табора стал ключевым пунктом на торговом пути внутри континента, практически стал арабским городом со значительным присутствием белуджей.

В первой половине XIX в. ружья с фитильными замками стали появляться в руках белуджских наемников, которые импортировали их из Османской империи. Это было грозным оружием для того времени.

Как ни парадоксально, другая иранская этническая группа *ширази* в Восточной Африке в этот период постепенно утрачивает свою власть и начинает вытесняться оманскими арабами из экономики Занзибара. Поскольку центральный маршрут находился под контролем оманцев, города Табора и Уджиджи постепенно стали центрами, в которых преобладали арабы. Здесь селились белуджские солдаты, вступали в браки и становились влиятельными фигурами.

Постепенно белуджи сами начали поставлять рабов из Африки. Сначала в качестве наемников, а затем в качестве торговцев, они принимали участие в работорговле в Восточной Африке к югу от Сахары, которая в основном контролировалась оманскими арабами.

Литература:

1. Кокайлова Павла, Кокайсл Петр. Этническая идентичность белуджей // Центральная Азия и Кавказ. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-beludzhey> (дата обращения: 18.02.2024).

2. Nicolini, Beatrice. The 19th Century Slave Trade in the Western Indian Ocean: The Role of the Baloch Mercenaries. URL: <https://balochlinguist.wordpress.com/2013/07/#:~:text=The%20Baloch%20role%20in%20East,t o%20Arabia%20and%20to%20Persia> (дата обращения: 18.02.2024).

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

Правитель Чинь Зянг: pro et contra

Федорин А.Л.

ИКСА РАН, ведущий научный сотрудник
ffeedd@list.ru

Традиционная вьетнамская историография при описании важных исторических личностей редко использует полутона. Для нее гений и герой при любых обстоятельствах остается героем и гением, а злодей и узурпатор — узурпатором и злодеем. Одним из «злодеев» во вьетнамских исторических источниках был назначен и *тюд* Чинь Зянг (14.X.1711–4.I.1762, правил в 1730–1740 гг.), который по материалам хроник на самом деле являлся сложной личностью со своими недостатками и достоинствами, достижениями и преступлениями, победами и неудачами.

Анализ его действий и устремлений показывает, что он был ортодоксальным конфуцианцем, получившим блестящее образование и посвятившим существенную часть своих усилий развитию и укреплению позиций этого учения в своей стране. Одним из первых его мероприятий (1731 г.) стало создание ксилографических досок для тиражирования Пятиканония, которые были изготовлены и введены в оборот в 1734 г., причем Чинь Зянг лично составил большое предисловие к этому изданию. Вслед за этим аналогичные действия были предприняты и в отношении конфуцианского Четверокнижия (1734 г.), а также китайских исторических хроник, прозы, стихов и словарей, которые были завершены в 1736 г. Параллельно он затеял сбор по всей стране сохранившихся древних книг и рукописей, не жалея денег на их приобретение для государственной библиотеки.

При Чинь Зянге была проведена глубокая реформа конфуцианского образования и системы государственных конкурсных испытаний на всех уровнях, направленная на искоренение начетничества, тупого заучивания и злоупотреблений на экзаменах с одной стороны, и отказ от так называемых «восьмичленных сочинений», в которых форма господствовала над содержанием, с другой. Именно меры, принятые в этой сфере при Чинь Зянге, в какой-то мере способствовали необычайному взлету вьетнамской философии,

гуманитарной науки и литературы в XVIII — первой половины XIX в., отмеченному многими исследователями.

Как истинный конфуцианец, Чинь Зянг уделял очень много внимания ритуалу, строгому соблюдению всех правил, почестям, положенным в соответствии с рангами, в том числе и для лауреатов конкурсных испытаний. Особую роль в его жизни играла музыка. Он не только тщательно регламентировал ее исполнение при дворе в ходе различных церемоний, но и сам написал мелодии для шести гимнов, предложив исполнять их в соответствующих ситуациях.

Чинь Зянг, как и все правители его рода, был выходцем из военных, однако его интересы в корне отличались от интересов людей этого круга. Вместо охоты, пиров, маневров и военных походов он посвящал свой досуг совершенно другому времяпрепровождению. Он обожал литературу и искусство. Часто после заседаний династии призывал близких ему сановников и обсуждал древние книги, повелевал посоревноваться в написании стихов. Также приказал составить сборник стихов, написанных в его стране, распределив по категориям и сопроводив списком [названий] с указанием фамилий и имен авторов, чтобы в этом была полная ясность. Увлечения для человека, призванного быть грозным военачальником, весьма необычные. В этом он напоминал великого императора Ле Тхань-тонга с его «28 звездами мира литературы» (Таодан).

Вот с такими идеями пришел к власти новый 20-летний *тьюа*, кандидатура которого могла показаться просто идеальной. Что же такое случилось, почему он плохо кончил, став одним из главных "злодеев" в традиционной вьетнамской историографии? Падение этого просвещенного правителя было связано даже не столько с постоянными восстаниями и тяжелой экономической ситуацией в стране, сколько с его непомерными амбициями, стремлением к абсолютной и ни чем не ограниченной власти, пренебрежением к общественному мнению и традициям, уверенностью в своей полной безнаказанности, жестокими неразумными действиями в отношении своего окружения (включая и военных, и гражданских чиновников), нарушавшими почитаемыми в стране классические принципы справедливости. В результате в ходе государственного переворота 1740 г. за исключением кучки своекорыстных евнухов не нашлось никого, кто бы мог встать на его сторону, да и сам этот переворот возглавили самые близкие ему люди: его собственные мать и родной брат.

Литература:

1. Деопик Д.В. История Вьетнама. Часть 1. М., 1994.
2. Đại Việt sử ký tục biên (Продолжение исторических записок Дайвьета). Hà Nội, 1991.
3. Khâm định Việt sử thông giám cương mục (Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности). Т. 2. Hà Nội, 2007.

Источники по семейному праву доколониального Вьетнама

Сюннерберг М.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран ДВ и ЮВА
hongik@mail.ru*

В выбранной для выступления теме пересекаются две составляющие, ключевые для понимания исторического развития любого общества, – семейно-брачные отношения и правовая система. Для Вьетнама, где культ предков стал фундаментом религиозной жизни страны и где само общество на протяжении веков было построено во многом по семейно-клановому принципу, вопросы семьи приобретают дополнительную важность и непреходящую актуальность.

Правовая традиция дальневосточных стран, к которым в данном контексте следует относить и Вьетнам, имеет глубокую историю, и включает в себя элементы сразу нескольких правовых школ, воспринятых в тот или иной этап исторического развития страны. При этом в первые века после обретения независимости от Китая в X в. сколько бы то ни было отчетливый «семейный след» в правотворчестве властей найти довольно трудно.

Произошедшая в XV веке смена модели государственной идеологии способствовала инкорпорированию семейной тематики в правовые документы. С выдвиганием с начала XV в. в государственной идеологии на передний план конфуцианской этики, согласно которой семья представляет собой государство в миниатюре, а наведение порядка в государстве зависит от управления семьями, вьетнамские власти уделяли особое внимание вопросам взаимоотношений мужчин и женщин и гармоничному развитию семейных отношений.

Законодательство доколониального Вьетнама, равно как и Китая, носило характер уголовного права. Положения Кодексов представляли собой не только и не столько

нормирование общественных отношений, сколько перечисление наказаний за то или иное нарушение закона, и в этом смысле и может быть охарактеризовано как «уложение о наказаниях». семейные отношения регулировались именно в его рамках.

Вопросам семьи и брака посвящены большие разделы двух крупнейших вьетнамских кодексов уголовных законов — Кодекса Династии [Поздние] Ле конца XV в. и Кодекса императора Зя Лонга начала XIX в. При этом во вьетнамской историографии сложилось устойчивое восприятие изданного при императоре Ле Тхань Тонге (прав. 1460–1497) первого из этих кодексов как самобытного правового документа, несущего в себе, в отличие от более поздних законов, исключительные для страны черты. А наиболее ярко это самобытность проявляется в отношении семейных и имущественных прав женщин.

Эти кодексы входят в первую из выделенных нами двух больших групп источников – предписывающих. Сюда же можно отнести и данные вьетнамских исторических хроник, в первую очередь «Полного собрания исторических записок Дайвьета». А также работы традиционного жанра «семейных наставлений», расцвет которых пришелся на XIX век, т.е. на период накануне и во время французского колониального завоевания.

Вторую группу составляют «описывающие» источники, т.е. те документы, в которых можно узнать не только о том, как должно быть, но и как оно было. В этом смысле летописи относятся к обеим группам, т.к. они дают представление не только о норме (первая группа), но в некоторых случаях о социальной практике (вторая группа).

Ко второй группе можно отнести и малоизученный в мировой науке источник – «Книгу хорошего управления» («*Hồng đức thiện chính thư*»).

Но, пожалуй, наиболее информативным в плане реконструкции социальной практики типом источников предстают семейные завещания, в соответствии с которыми можно проследить реальную динамику имущественных прав женщин и гендерную корреляцию при распределении наследства.

Литература:

1. *Hồng Đức thiện chính thư*. Saigon. 1959.
2. *Quốc triều hình luật (Кодекс династии Ле)*. Hà Nội, 1991.
3. *Miyazawa, Chihiro*. Rethinking Vietnamese Women's Property Rights and the Role of Ancestor Worship in Premodern Society: Beyond the Dichotomies // *Weaving Women's Spheres in Vietnam*. 2016. P. 57–80.

4. *Tạ Văn Tài*. The status of women in traditional Vietnam // Journal of Asian History. Vol. 15, No. 2 (1981). Pp. 97–145.

5. *Tran Tuyet Nhung*. Familial Properties: Gender, State, and Society in Early Modern Vietnam, 1463–1778. University of Hawai‘i Press, 2018. – 260 p.

На стыке эпох и научных школ: историк Алексей Борисович Поляков (1949–2020) и его исследования вьетнамского средневековья

Ульянов М.Ю.

ИМЛИ РАН, старший научный сотрудник
ult@mail.ru

Гордиенко Е.В.

РГГУ, старший преподаватель.
GordyLena@gmail.com

Алексей Борисович Поляков (1949–2020) – историк-медиевист, посвятивший себя изучению Дайвьета в X–XV вв., ученик создателя советской вьетнамоведческой исторической школы Д.В. Деопика. Исторические труды Полякова отражают историю расцвета этой школы:

1. Поляков сделал себе имя в науке, выполнив перевод хроники «Краткая история Вьета» (*Vьет шы лыок*). Книга вышла в серии «Памятники письменности Востока» издательства «Наука» в 1980 г. на основе его диссертации.
2. В 1996 г. Поляков издал на вьетнамском языке монографию «Возрождение государства Дайвьет в X–XIV вв.» (*Sự phục hưng của nước Đại Việt thế kỷ X-XIV*). Книга вышла в Институте военной истории в Ханое под редакцией Ву Минь Зянга (издательство “Chính trị quốc gia”). В 2023 г. вышло репринтное издание (в издательстве “Dân trí”), что свидетельствует о значимости книги для вьетнамцев.
3. В 2014 г. фрагменты доработанного текста монографии на русском языке вошли в многотомный труд «Полная академическая история Вьетнама» под редакцией вьетнамоведа П.В. Познера. Ограничения в объеме и несогласие с редакционными правками побудили Полякова издать полный текст написанной им книги на русском языке.

4. К 2020 г. Поляков доработал рукопись, расширив хронологические рамки своего исследования. Книга, получившая название «Возрождение средневекового Вьетнама (X – начало XV в.)», в настоящее время готовится нами к изданию. Научным редактором также выступила О.В. Новакова.

Кроме того, Поляков написал множество статей на русском и вьетнамском языках. В них отражены основные результаты его исторических исследований.

Поляков занимает особое место в плеяде учеников Деопика того времени. Прожив и проработав много лет во Вьетнаме, он был не только представителем отечественной науки, но и стал частью ханойской исторической школы и в целом вьетнамской академической среды. Оказавшись на стыке советской и вьетнамской школ, Поляков умело сочетал их достоинства и писал свои научные работы как на русском, так и на вьетнамском языке. С одной стороны, Поляков продолжает траектории, намеченные Деопиком в его лекциях, а также в учебнике по истории Вьетнама с древнейших времен до конца XVIII в. (издан в 1994 г. на основе разработанного им университетского курса лекций). Поляков детализирует описание событий выбранной им эпохи – X–XIV вв., конкретизирует интерпретации исторических источников и выводы о значении рассматриваемого периода во вьетнамской истории. Высокая степень подробности в изложении событий вьетнамской истории чрезвычайно важна для российской науки.

С другой стороны, в своих работах Поляков отвечает на вопросы, волнующие современное вьетнамское общество, и в частности, вьетнамских ученых – роль средневековой истории в становлении вьетнамской нации и культуры, значение военной истории в формировании независимого государства, уникальность исторического пути вьетнамцев и самобытность вьетнамского наследия. При этом Полякову, досконально понимавшему менталитет вьетнамцев, удалось вжиться в роль автора-вьетнамца, писавшего понятно и доступно об истоках государственности и славной истории своего народа.

Поляков, посвятивший большую часть жизни изучению вьетнамской истории, оказался на стыке советской и современной эпох. Он опирался на теоретические основы исторических исследований советского времени – исторический материализм и в целом марксистско-ленинское учение (внимание к классовому неравенству и эксплуатации общинников землевладельцами, описание форм земельной собственности как основного средства производства, исследование социальных процессов, происходивших в Дайвьете). Сохранение этого подхода оправдано и тем, что во Вьетнаме они продолжают играть важную роль в гуманитарных исследованиях. Однако использование этих подходов служило для Полякова лишь фоном для изложения истории и не влияло на выводы и интерпретацию

данных исторических источников. Его труды носят дескриптивный характер и не решают задач концептуального осмысления особенностей протекания исторических процессов. Поляков здесь выступает скорее как востоковед, тонко понимающий вьетнамскую культуру и язык, чем как историк-теоретик.

Кроме того, внеакадемический формат исследовательской деятельности позволил Полякову избежать сухости в изложении истории, поспособствовал появлению живого, во многих аспектах художественного текста при работе над его главной книгой, которая готовится сейчас к изданию, – «Возрождение средневекового Вьетнама (X – начало XV в.)». Поляков был прекрасным рассказчиком и мог подолгу увлекать слушателей сюжетами из вьетнамской истории. Все это позволило ему написать труд, который, будучи вполне академическим, читается легко. В нем Поляков обращается и к студентам, надеясь на то, что рассказ о вьетнамском прошлом поспособствует появлению нового поколения вьетнамоведов-историков.

Литература:

Pôliacóp A.B. Sự phục hưng của nước Đại Việt thế kỷ X-XIV (Поляков А.Б. Возрождение государства Дайвьет в X-XIV вв.). Hà Nội, NXB Dân trí, 2023.

Pôliacóp A.B. Sự phục hưng của nước Đại Việt thế kỷ X-XIV / Viện lịch sử quân sự Việt Nam (Поляков А.Б. Возрождение государства Дайвьет в X-XIV вв. / Институт военной истории Вьетнама). Hà Nội, NXB Chính trị Quốc gia, 1996.

Деоник Д.В. История Вьетнама. Ч. 1. М., 1994.

Краткая история Вьета (Вьет шы лыок) / Пер. с вэньня, вступительная статья и комментарий А.Б. Полякова. М.: Наука-ГРВЛ, 1980.

Полная академическая история Вьетнама: в 6 тт. / Отв. ред. П.В. Познер. М.: Президиум РАН, 2014.

Девиантное поведение в «эпоху мира и спокойствия»: насилие в жизни придворной знати периода Хэйан

Грачев М.В.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры истории и культуры Японии
taxgr73@mail.ru

Императорский двор в эпоху Хэйан – многоликое понятие, человеческая общность, где каждый придворный имеет множество Я, так называемые «маски», за которыми сложно увидеть его истинное лицо; центр культуры с присущим ему определенным набором поведенческих черт: манерами и манерностью, особым складом ума, специфическим языком, наполненным не только изысканными формами, но и лицемерием, ибо билингвальность могла рассматриваться в качестве стратегического инструмента в борьбе с недругами, прямое значение употребляемых выражений порой существенным образом расходилось с их реальным смыслом, превращая перебранку в утонченное и высокостильное развлечение.

Двор – это «хор голосов», многочисленные оттенки цвета, меняющиеся в зависимости от освещения, объединение противоположностей. С одной стороны, для того, кто впервые знакомится с придворной жизнью, она представляет собой изумительное зрелище, которое теряет свое очарование по мере погружения в атмосферу двора. С другой, человек двора может чувствовать себя несчастливым, пребывая при дворе, но оказавшись он вдали от двора, то раздосадован, страдая от безрадостного подарка судьбы.

Рассматривая специфику придворной жизни, попробуем внести ясность в такой аспект будничности, как общественная бесконфликтность, дабы не ограничиваясь образцово-показательной стороной исторической реальности, где царил мир утонченный и поэтизированный, наполненный гармоничными пропорциями и возвышенными устремлениями благородных мужей и восхитительных дам, обратиться к иной, теневой стороне взаимоотношений людей государева двора, и на основе скрупулёзной реконструкции суждений современников сформировать полноценную картину изучаемого явления, отчётливо показав специфику государева двора «эпохи мира и спокойствия», как центра политической и культурной жизни со всеми свойственными ему трансформациями.

Негативная сторона жизни императорского двора нашла отражение в дневниках придворной знати, на страницах которых обнаруживаются многочисленные примеры «обыденной» агрессии и насилия. Поскольку общественное мнение с особой настойчивостью провозглашало систему моральных ценностей, где бы мужчина и женщина воспитывалась в духе высокой нравственности, неукоснительно соблюдая приличия, а язвительное, своенравное и агрессивное поведение считалось непозволительным и предосудительным, ибо в оном усматривали угрозу существующему порядку, то важнейшие пути и формы неодобрительных поступков закономерно именовать распространенным ныне термином – девиантное поведение, суть которого состоит в

нарушении общепринятых в данном обществе норм и правил, какие бы формы (от безобидных до самых серьезных) девиантность не приобретала.

При всей актуальности и востребованности обстоятельного изучения проблемы девиантности в период Хэйан специфика исторических источников такова, что не всегда присутствует полная ясность по целому ряду вопросов. Серьезной проблемой остаётся мотивационный комплекс правонарушений (помимо натурфилософского истолкования причин агрессивного поведения, в текстах можно обнаружить фрагментарные свидетельства социальных, физических и индивидуальных мотивов насильственных действий, идущих вразрез институционализированным ожиданиям).

Зачастую применение силы вызывало ответную враждебность, вследствие чего столичный град Хэйанкё трудно назвать оазисом спокойствия, однако девиантность, определяя границы между допустимым и недозволенным, благоприятствовала осознанию обязательности поддержания существующего порядка, способствовала формированию условий для его стабильного функционирования. Социальный портрет правонарушителя, тем не менее, подлежит реконструкции не во всех деталях, особенно, когда речь идет о специфичности и видовой структуре женской агрессии.

Небезынтересно, что получивший распространение в мировой девиантологии тезис о меньшей склонности к проявлению грубых форм девиантного поведения среди прошедшего школу поколения, требует существенной корректировки по отношению к «обыденной» агрессии и насилию среди знати эпохи Хэйан (фиксируемые в документах казусы позволяют предположить, что изощренность насильственных действий была прямо пропорциональна уровню образованности злодея и порой самые богомерзкие деяния совершали много знающие и начитанные придворные).

Литература:

1. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005.
2. Сёюки [Записи [Фудзивара Санэсукэ]] Т.1-11. Токио: Иванами сётэн, 1959–1986.
3. Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966.
4. Тююки [Записи [Фудзивара Мунэтада]]. Т.1-7. Токио: Найгай сёсэки, 1934-1935.
5. Хасимото Ёсихико. Хэйан-но кютэй кидзоку [Придворная знать столицы Хэйан]. Токио: Ёсикава кобункан, 1996

Посольский обмен между государствами Северная Сун и Корё в X–XII в.

Хазизова К.В.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры истории стран ДВ и ЮВА, ведущий методист Международного центра корееведения МГУ
minari@yandex.ru

Активные взаимоотношения между корейским государством Корё (918–1392) и китайской империей Сун (Северная Сун, 960–1127, Южная Сун 1127–1279) начались в XI в. Они развивались по нескольким направлениям, и главным был обмен дипломатическими миссиями примерно равного статуса: в мирные годы государства ежегодно отправляли одно-два посольствами с дарами и посланиями с выражением дружеских чувств. Иногда сообщения из Сун привозили торговцы, имевшие определенную свободу действий и не сильно зависевшие от политической ситуации. Поскольку Корё и Сун не имели общей сухопутной границы, посланники путешествовали морем от порта Пённандо неподалеку от Кэсона до китайских портов Минчжоу или Дэнчжоу, а оттуда по суше до Кайфэна. Путешествие в один конец занимало от 3 до 5 месяцев.

Сунские правители глубоко уважали Корё за высокий уровень культуры, поэтому к корёским послам применялся тот же термин, что и к сунским, – *госиньши* (кор. *куксинса*, букв. «доверенное лицо государства»). Сунские власти отбирали послов из числа высокообразованных чиновников, что также было призвано подчеркнуть равный с Китаем уровень корейского государства [3, с. 7]. С другой стороны, в Корё существовал целый ряд посольских должностей различного уровня, использовавшихся исключительно в отношениях с Сун: *хаджонса* или *тонджиса* (кит. *хэчжэньши*, *дунчжиши*) – посол, специально приезжавший к Новому году, чтобы поздравить императора с праздником; *коджуса* (кит. *гаоцзоуши*) – букв. «посланник с ходатайством/мольбой», которого направляли с просьбой о содействии в случае каких-либо бедствий или внутренних проблем; *чинбонса* (кит. *цзинфэньши*) – посол, сопровождавший особые дары для императора. Таким образом, хотя Корё в описываемый период не являлось китайским вассалом, статус Сун в рамках посольского обмена был немного выше.

В первой четверти XII в. оба государства испытали серьезные проблемы во внутренней политике (мятежи и заговоры) и столкнулись с глобальной внешней угрозой в лице государства Цзинь (1115–1234), которое в 1126 г. принудило Корё признать вассальную зависимость, а в 1127 г. отторгло у Сун северные территории, положив начало разделению на эпохи Северной и Южной династии [1, с. 265–272]. Сун неоднократно

отправляло в Корё посольства с просьбами и даже требованиями выступить на его стороне против Цзинь [2, Кн. 15, История поколений 15, Инджон 1], однако корейская сторона предпочла сначала занять нейтральную позицию, а потом покориться чжурчжэням, чтобы избежать войны. Подобное отношение вызывало недовольство правительства Сун, уже не имевшего возможности повлиять на решения корёского правительства, и вскоре после окончательной утраты северных территорий Сун практически прекратила официальные дипломатические контакты с Корё [5, Основные записи, кн. 27-37; Биографии, кн. 246].

Литература:

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) / отв. ред. И.Ф. Попова; Ин-т восточных рукописей РАН. – М. : Наука – Вост. Лит., 2016.
2. Корёса. Сега. Ёльчон [Корёса (История [государства] Корё). История поколений. Биографии.] URL:: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1624071&categoryId=62161&cid=62131> (дата обращения: 22.02.2024).
3. *Хазизова К. В.* Отношения между государствами Корё и Сун в период правления вана Инджона (1122–1146) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 3. С. 5–20.
4. *Ли Джонсин.* Корё-ый тэве кванге-ва Мёчхон-ый нан [Внешняя политика Корё и мятеж Мёчхона] // Сачхон [Всё об истории], 45. 1996. С. 67–98.
5. Сун ши (История [династии] Сун) // Тексты по китайской философии в электронном виде]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=975976&remap=gb> (дата обращения: 22.02.2024).

Болезни знатных особ в эпоху Хэйан

Онищук С.О.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры истории и культуры Японии
mjhos16@yandex.ru

В период Хэйан, особенно в период правления Фудзивара-но Митинага (966-1028), было составлено множество дневников придворных вельмож. В это же время появляются

исторические повествования «Эйга моногатари» («Повесть о процветании») и «Оокагами» («Великое зеркало»). Именно дневниковая литература и исторические повествования предоставляют специалистам обилие материала о политической, социальной и культурной ситуации того времени, а также о состоянии медицины, поскольку содержат пространственные характеристики симптомов болезни и методов лечения знати в те далекие от нас времена

Такое информационное разнообразие, обнаруживаемое в источниках различной видовой принадлежности, представляет интерес не только с точки зрения истории медицины, но и чрезвычайно важно для понимания социальных условий периода Хэйан. В этом исследовании предпринята попытка прояснить истинную природу этих болезней на основе имеющихся в нашем распоряжении материалов. Надлежит констатировать, что зачастую терминология преподносит нам сюрпризы и не всегда можно правильно истолковать реальные условия возникновения болезней, фиксируемые в древних записях, как, например, Фу:бё: «Болезнь ветра», Субаку «Паразиты» и Никин «Сыпь», поскольку сведения о них порой фрагментарные и разбросаны по всему тексту источников. По этой причине актуальной для нашего исследования остается компенсаторная функция историографии.

Важно понимать, что в исследуемый нами период существовало так называемое регентское правление (сэкан сэйдзи), и аристократы того времени больше всего стремились удержать власть, задействуя различные технологии властвования, включая брачные стратегии. Так сложилась устойчивая традиция авункулата, в рамках которой императоры были вынуждены брать в наложницы женщин из дома Фудзивара. Браки императоров заканчивались кровосмешением между двоюродными братьями и сестрами. Такие кровосмесительные союзы зачастую негативно сказывались на потомках, нередко появлялись инвалиды, как с физическими, так и с умственными отклонениями.

Материалы о заболеваниях, которые удалось почерпнуть из источников, позволяют допустить, что классификация заболеваний в Японии периода Хэйан была весьма разнообразной. Само понятие болезни представлялось многоплановым. В раннем Хэйане этиология болезней была еще не до конца известна, поэтому систематизация недугов была достаточно неопределенной. Однако по мере развития человеческих знаний и прогресса медицины были определены болезни с фиксированными симптомами. Например, болезни с кашлем в качестве основного симптома называются кашлевыми, желтуха - для тех, чьим основным симптомом является желтушный отек, а инфекционным заболеваниям в зависимости от их причин также дают такие названия, как оспа или корь. Таким образом недуги дифференцировали по симптомам или причинам, давали им названия и исключали

их из классификации других болезней. Однако то, что оставалось, было совершенно неизвестно врачам того времени. К таковым надлежит отнести заболевания нервной системы, которые считались загадочными недугами и простудные хвори с неопределенной симптоматикой, которые отождествляли с «болезнями ветра».

Высокую перспективность предоставляет нам изучение болезней знатных особ периода Хэйан, поскольку специфичность болезни может быть рассмотрена в области как, социальных, так и магико-религиозных реалий. Приведем пример. Феномен церемонии «Горё:кай» - ритуала упокоения душ для предотвращения преследований духами тех, кто скоропостижно скончался. Церемония включала в себя воспевание буддийских писаний, таких как «Сутра золотого блеска» и «Сутра Сердца», а также песни, танцы и народные пляски. Считается, что целью таких мероприятий было избавление от мононокэ – мстительных духов, которые могут вызывать эпидемии, болезни и страдания, а также то, что разрешение людям участвовать в «горё:кай» отвлекало их от недовольства политикой и социальными беспорядками.

Литература:

1. Госиро Хацутори. О:тё: кидзоку но бё:дзё: синдан [Диагностика заболеваний придворной знати]. Токио: Ёсикава Кобункан, 2006.
2. Госиро Хацутори. Хэйан дзидай игакуси но кэнкю: [Исследование истории медицины в период Хэйан]. Токио: Ёсикава Кобункан, 2014
3. Хасимото Ёсихико. Хэйан кидзоку [Аристократия периода Хэйан]. Токио: Хэйбонся, 1986

Хо Куи Ли как историческая личность и литературный персонаж (историография vs. исторический роман)

Муралова Е.О.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии
murket96@mail.ru

Хо Куи Ли (Hò Quí Ly; 1335 – 1407) — вьетнамский чиновник последней четверти XIV в., основатель короткой династии Хо (Hò; 1400-1407). В традиционной историографии

он представлен, как предатель, свергнувший династию предшественников (Чан/ nhà Trần, 1225-1400), бесталаный полководец, не сумевший отразить нападение китайских войск, в результате чего Вьетнам потерял независимость на 20 лет (1407-1427). Помимо этого, ему ставили в вину неудачно проведенные реформы. Такая оценка за небольшим исключением сохранялась и во вьетнамской историографии XX в.

С принятием политики обновления (конец 1986 г.) либерализации подверглась не только экономическая, но и политическая, социокультурная сферы жизни. Начались дискуссии по поводу относительно недавних событий (например, земельной реформы 1950-х гг.), произошла их частичная переоценка. Параллельно проснулся интерес и к более далекому прошлому. Подтверждение тому — значительное увеличение числа исторических романов в период конца 1990 - 2000 гг. Фигура Хо Куи Ли тоже была пересмотрена. Интересно, что одним из первых это сделал не историк, а писатель — Нгуен Суан Кхань (Nguyễn Xuân Khánh; 1933-2021) в своем романе «Хо Куи Ли» (2000 г.), первом и на данный момент единственном, где Хо Куи Ли — один из главных персонажей. Большая часть собственно исторических вьетнамских исследований, дающих положительную, а не отрицательную оценку деятельности средневекового чиновника вышла уже после 2000 г.

Нгуен Суан Кхань написал свой роман с опорой на летопись «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (Đại Việt Sử ký toàn thư; XV в.), но ею не ограничился. С помощью художественного вымысла он заполнил лакуны, оставленные источником, что позволило ввести дополнительную мотивацию героя Хо Куи Ли, рассмотреть его в контексте взаимоотношений с другими персонажами императорского двора и т.о. посмотреть на деятеля под другим углом, оценить сложность и противоречивость его как личности и как реформатора.

Сопоставление образа Хо Куи Ли во вьетнамской историографии (от традиционной средневековой до 1986 г.) и в романе Нгуен Суан Кханя позволяет выявить разницу в подходе к оценке его деятельности и определить тенденции к пересмотру его как исторического персонажа в современной историографии.

Данное исследование находится в сфере не только исторической, но и литературоведческой наук, что определило привлечение нескольких методов исследования, присущих данным двум наукам, а именно компаративистского и культурно-исторического. К работе привлекались следующие источники:

- летопись «Полное собрание исторических записок Дайвьета»;
- роман Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли»;

- «Краткая история Вьетнама» (Việt Nam sử lược, 1919) историка Чан Чонг Кима;
- «История Вьетнама» Института истории (2007)
- и ряд небольших исследований 2000-2010 гг.

Личность Хо Куи Ли становилась объектом не одного исследования, но не в рамках сопоставления с его литературным героем в конкретном романе. Данную тему частично затрагивает в своей литературоведческой статье Т.Н. Филимонова «Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кханя «Хо Куи Ли» (2012), где проведен анализ Хо Куи Ли как персонажа исторического романа.

На основании исследования сделаны следующие выводы. Хронологически первый пункт, за который был реабилитирован Хо Куи Ли, — это реформы (еще Чан Чонг Ким признал его нововведения, в частности, в экономической сфере, передовыми для своего времени). Средневековые историки не могли простить Хо Куи Ли за неумение отстоять страну перед лицом иностранного захватчика. По этой причине они критиковали и его предательство правящей династии Чан. Только в современной историографии (за исключением труда южновьетнамского историка Куок Ана от 1974 г., посвященного Хо Куи Ли, дающего тому положительную оценку) появилась такая точка зрения, что Чаны к концу XIV в. серьезно ослабели и не сумели ответить на вызовы эпохи, поэтому узурпация трона чиновником Хо была закономерна.

Если большинство современных вьетнамских историков пришли к выводу о том, что главная причина провала Хо Куи Ли — это его непопулярность среди населения, то Нгуен Суан Кхань выдвигает тезис о том, что первоочередной причиной стало повсеместное сопротивление чиновнику со стороны династии Чан. В историографии, особенно традиционной, Хо Куи Ли предстает скорее как коварный царедворец, который долго и упорно пробивался к высшей власти. В романе — как ревностный слуга императора Чан Нге Тонга (Trần Nghệ Tông; 1321-1395). Как литературный герой он желал лучшего для своей страны, но встретился с ожесточенным отпором и порочностью прочих членов семьи Чан, понял, что не сможет провести все необходимые реформы для усиления страны, и потому (и только ближе к моменту смерти Чан Нге Тонга) начал консолидировать власть в своих руках. Нгуен Суан Кхань писал свой роман в первое десятилетие после принятия реформ политики обновления, что обусловило актуальность выбранного персонажа, как человека, проведшего одни из наиболее многочисленных и радикальных реформ в истории Вьетнама.

Literatura:

- 1) Đại Việt sử ký toàn thư. NXB Khoa Học xã hội. 1967. URL: <https://www.informatik.uni-leipzig.de/~duc/sach/dvsktt/>
- 2) Lịch sử Việt Nam. Tập 3. Viện sử học. NXB Khoa học xã hội. 2007.
- 3) Nguyễn Xuân Khánh. Hồ Quý Ly. Hà Nội: NXB Phụ nữ. 2000.
- 4) Trần Trọng Kim. Việt Nam sử lược. Trung tâm Học liệu xuất bản tại Sài Gòn, 1971.
- 5) Quốc Ân. Hồ Quý Ly. Nhân vật lỗi lạc nhất thời đại từ Đông sang Tây. Sài Gòn, 1974.
- 6) Филимонова Т.Н. Трагедия реформатора в романе Нгуен Суан Кханя "Хо Куи Ли"
// Вьетнамские исследования. Т. 2. М.: ИДВ РАН. 2012. С. 370-387.

Литература стран Азии и Африки

Жанровая природа «Книги о Туглуке» (*Туглук-нама*) Амира Хусрава Дихлави (1253-1325)

Акимушкина Е.О.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии
eoakimushkina@iaas.msu.ru*

В настоящем сообщении предпринимается попытка определить жанровую принадлежность одной из так называемых «индийских» поэм Амира Хусрава Дихлави, классика персидской литературы. Это произведение до недавнего времени практически не изучалось в иранистике и индологии с литературоведческой точки зрения, оставаясь объектом исследования для специалистов по истории Индии.

В этой поэме рассказывается о приходе к власти в Делийском султанате (1206–1526) Гийас ад-Дина Туглука (1320–1325), основателя династии Туглукидов (1320–1413), т.е. в основу сюжета легли реальные события, очевидцем которых стал Амир Хусрав, придворный поэт делийских султанов и один из основоположников персоязычной литературы Индии. Поэма включает в себя традиционные главы интродукции и заключения (последние сохранились фрагментарно) и восемь глав основной части. На основании анализа тематической композиции произведения автор сообщения приходит к выводу о том, что рассматриваемая поэма относится к дидактическому эпосу. В «Книге о Туглуке» Амир Хусрав обращается к одной из основных тем своей эпической поэзии – теме идеального правителя. Так, на примере трех образов – проявившего себя слабым правителем Кутб ад-Дина Мубарак-шаха Хилджи (1316–1320), узурпатора Хусрав-хана (1320) и обладающего всеми качествами достойного государя Гази Малика Туглука (впоследствии Гийаса ад-Дина Туглук-шаха I) – поэт показывает, как следует и, что важно, как не следует управлять государством. Амир Хусрав рассуждает о том, что правителю необходимо весьма осмотрительно выбирать круг общения, он не должен забывать о своем долге перед подданными и излишне увлекаться охотой и пирами. Любовной линии эта поэма не содержит. «Книга о Туглуке» также включает в себя черты героического эпоса (описание подготовки к битвам и собственно батальных сцен, восхваление доблести и отваги Гийас ад-Дина, приближающееся, по сути, к «богатырской похвальбе»). Текст поэмы изобилует «документальными деталями»: в частности, упоминаются даты сражений, географические названия, собственные имена султанов и их приближенных.

Эта поэма явно была призвана способствовать героизации образа Гийас ад-Дина Туглука и, выражаясь современным языком, созданию «правильного имиджа» основателя новой династии. Но, самое главное, она должна была служить легитимизации нового правителя, поскольку последний не получил власть по наследству и не принадлежал к знатного роду (интересно, что, несмотря на такое положение дел, в поэме ему все же не приписывается фальшивая родословная). Амир Хусрав вводит в свое произведение мотив вещей снов и разного рода знамений, ниспосланных Туглуку свыше и подтверждающих, что он станет правителем и что именно в таком качестве он угоден Богу. Амир Хусрав описывает борьбу Туглука за власть как совершенно законный акт мщения за убийство султана Мубарак-шаха, которому он был многим обязан.

Исследование поэмы «Книга о Туглуке» представляется важным еще и в рамках изучения формирования и эволюции образа правителя (шире – образа восхваляемого) в персоязычной панегирической поэзии классического периода (X–XV вв.), поскольку в этом произведении присутствуют образы слабого правителя и узурпатора, которые практически невозможно обнаружить в панегирических касыдах (если только речь не идет об их низложении в контексте описания прихода к власти достойного правителя).

В качестве персонажей различных «индийских» поэм Амира Хусрава выступают одни и те же представители династий Хилджи и Туглукидов (например, образ Мубарак-шаха встречается в поэмах «Дувал-рани [и] Хизр-хан» (*Дувал рани Хизрхан*) и «Книга о Туглуке»), поэтому, на наш взгляд, необходимо проанализировать весь этот эпический цикл, охватывающий около 40 лет истории Делийского султаната (примерно с 1287 г. по 1325 г.), и тогда можно будет проследить, как изображается тот или иной персонаж на разных этапах его жизненного пути. Только после рассмотрения всех пяти поэм окажется видна целостная картина эволюции образов правителей и вельмож из их ближнего окружения, что даст нам возможность более точно интерпретировать авторский замысел Амира Хусрава.

Дискуссия о гендерной норме на страницах иранской женской прессы XX в.

Ардашникова А.Н.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры иранской филологии
anardash@mail.ru*

Коняшкина Т.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока
tamara_mgu@mail.ru*

Конституционная революция 1905-1911 гг. в Иране вызвала к жизни важное социокультурное явление – прессу, и печатное слово дополнило такие традиционные каналы распространения информации, как мечеть и базар. В это же время появляются периодические издания, основанные женщинами и ориентированные на женскую читательскую аудиторию, естественно, в то время представленную иранками из обеспеченных семейств.

Один из первых женских журналов назывался *Данеш* («Знание») (1910 – 1911) и, соответственно, призывал иранок получать образование, которое прокламировалось как обязанность, заповеданная Всевышним, и основа морали. Осознавая первостепенную роль матери в воспитании детей, журнал побуждал обительниц женской половины дома не доверять заботу о подрастающем поколении нянькам и слугам, поскольку их неграмотность и особая языковая субкультура, доминирующая в простонародной среде, наносят урон моральному здоровью детей. Тематика *Данеш* показывает, что издание в основном фиксирует неизменность женских гендерных ролей, традиционных для патриархального общества.

Появившийся на десятилетие позже журнал *Алам-е несван* («Мир женщин») (1920 – 1934) демонстрирует кардинально иное представление о гендерном порядке и том положении, которое должна занимать современная иранка в модернизирующемся обществе. Издание также обнаруживает более высокий уровень журналистского мастерства: оно побуждает читателей к обратной связи и диалогу с журналом посредством писем в редакцию, а также содержит рубрику от лица вымышленной представительницы средних городских слоев Делшад-ханум, которая комментирует события с позиции здравого смысла и в понятной разговорной манере. Образцом для введения такой рубрики от лица вымышленного персонажа, без сомнения, стал сатирический раздел «Всякая всячина» патриарха иранской журналистики Али Акбара Деххода (1880 – 1956) в газете «Груба архангела Эсафила» (1907 – 1908).

«Мир женщин» ратовал за равноправные партнерские отношения супругов в браке, повышение брачного возраста, критиковал детские и договорные браки и требовал проводить обязательное освидетельствование будущего супруга на предмет венерических заболеваний. Идеалом издания стала работающая иранка, которая вносит посильную долю в бюджет семьи: журнал призывал к разрушению гендерного запрета, который касался большого числа женщин в отношении трудовой занятости. Естественно, журнал поднимал и вопрос о внешнем виде женщин, и если в 1920-е гг. проблема хиджаба обсуждалась на его страницах осторожно, то в 1930-е, действуя в русле государственной политики, «Мир женщин» стал активным пропагандистом перехода на европейский тип одежды.

Власть в Иране во все исторические периоды осознавала важность роли прессы в структурировании общественных умонастроений. На новом историческом витке – в период исламской республики – усилиями государства создается официальная печать, поддерживающая государственную политику и пропагандирующая образ «новой мусульманки». Рупором исламского государства стали женские журналы *Неда* («Призыв»), *Пайам-е зан* («Послание женщины»), *Зан-е руз* («Женщина сегодня»), *Пайам-е Хаджар* («Послание Агари»), *Дженс-е доввом* («Второй пол»).

В полемику с государственной интерпретацией гендерного порядка вступил журнал *Занан* («Женщины»), отколовшийся от подконтрольного государству «Женщина сегодня» и почти на два десятилетия ставший самым читаемым женским изданием. Редакционная политика журнала ставила своей целью развитие женского самосознания и обеспечение основ для присутствия женщин на общественной арене наравне с мужчинами, что вылилось в массовое и многолетнее участие женщин в президентской гонке. Также журнал первым начал публиковать биографические эссе из истории европейского феминизма.

Полемика о гендерных ролях, нормах и стереотипах продолжалась в Иране на протяжении всего XX в., и в XXI в. ни государство, ни общество также не считают ее завершенной.

Литература:

1. *Данеш*. // Архив иранской прессы периода *маируте* (на перс. яз.). <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/4125711>
2. *Сур-е Эсрафил* // Архив иранской прессы периода *маируте* <https://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/ulbbnioa/periodical/pageview/4287107>
3. *Vakil S.* Women and Politics in the Islamic Republic of Iran: Action and Reaction. London; New York, 2011.

Рамон Мусонес и его роман «Маргосатубиг» в литературе XX века на языке

хилигайнон

Бакланова Е.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник кафедры филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии
baklanova@gmail.com*

«Хилигайнон» – исторически закрепившееся название литературного языка филиппинской народности *илонгго*, в основном населяющей Западные Бисайи (о-ва Панай,

Гимарас, западную часть Негроса), а также южные провинции о. Минданао. Это один из четырех крупнейших региональных языков Республики Филиппины, многонациональное население которой говорит в общей сложности на более чем 120 языках.

К моменту захвата о. Панай испанскими конкистадорами в 1569 г. в регионе бытовали различные формы фольклора, от малых стихотворных и прозаических до эпических. Так, в 1950-х гг. Ф. Ланда Хокано записал значительную часть эпического цикла «Хинилавод», несущего черты героического эпоса [1]. Однако собственно литературная традиция в регионе складывается на основе образцов испанской религиозной, а затем и светской европейской литературы, а с XIX в. и с опорой на испано- и тагалоязычные произведения филиппинских поэтов и писателей. Так, в начале XX в. еще сохраняется интерес к метрическому роману *куруидо*, музыкальной драме *сарсуэла*, а также пьесам «народного театра» *мороморо* (кумедья) с их обилием сцен баталий христианских правителей с мусульманами (*мороморо*). С переходом в 1900-е гг. власти над Филиппинами к американцам и с внедрением английского языка в образование на становление современной литературы на хилигайнон начинают оказывать влияние и произведения американских и британских авторов [2, с. 426-432].

Тем не менее, вплоть до 1950-х гг. проза на хилигайнон характеризуется сентиментально-романтической направленностью, детальными описаниями местного колорита (проза М. Халандони, Х. Рохаса-и-Тринидад), выраженным дидактизмом (успешным считается близкий к *bildungsroman* «Бенджамин» А.Магахума). С 1930-х гг. прозаики обращаются и к социальной теме (роман С.Торре «Чистое золото»), но произведения сохраняют те же черты сентиментального викторианского романа (статичные одноплановые персонажи, сюжетные клише и *deus ex machina*) [2, с. 433-434]. На волне национализма в ходе борьбы филиппинцев за свою независимость в к. XIX – нач. XX вв., а затем в годы японской оккупации (к. 1941-1945 гг.) многие деятели искусства обращаются и к теме культурного наследия своего народа, его фольклора и традиций. Так, опубликованная в 1907 г. П.Монтекларо рукопись «История Паная от первых жителей и переселенцев с Борнео, от которых произошли бисайцы, до прибытия испанцев» (т.н. «*Maragtas*», художественное переложение панаянских легенд и ряда исторических сведений) долгое время считалась подлинным историческим памятником, вдохновляя писателей обратиться к истории и традициям родного края [3, с. XX-XXI]. Наиболее яркое отражение этот интерес получил в романе Р.Мусонеса «Маргосатубиг: История Салагунтинга» (*Margosatubig: Maragtas ni Salagunting*, 1946).

Рамон Мусонес (1913-1992) – представитель второго поколения писателей на хилигайнон (наряду с К.Норадой, Ф.Хамоланге, С.Мулато и др.), уже знакомого с

образцами современной западной литературы. В своем творчестве он отказывается от традиции цветистых текстов *корридо*, сентиментальных пассажей ранних романов, детальных бытописаний. Р. Мусонес стремится подражать стилю Э. Хемингуэя, с его отточенными короткими фразами, эффектной передачей ситуации [3, с. XX]. Предложения в «Маргосатубиг» не превышают 1-2 строк, в тексте преобладают диалоги. И хотя тип повествователя – «всевидящее око» (по Б.Корману), передаче чувств и мыслей героев отводится минимальное место. Особое внимание уделено языку повествования: как отмечает переводчик романа С. Локсин-Нава, будучи популяризатором хилигайнон, Р. Мусонес избегал употребления испанизмов, коими изобилует разговорный илонгго, использовал архаизмы и свободно экспериментировал с хилигайнон [*там же*: xxix-xxxii]. Выбор имен героев также имеет свое значение.

Основа сюжета – борьба Салагунтинга, законного наследника трона своего деда, султана Магинданао и Сулу, с узурпатором дату Мохамедом и последующими захватчиками султаната со столицей в Маргосатубиг. Второстепенной сюжетной линией является «любовный четырехугольник» героя и трех его избранниц.

Фигура Салагунтинга имеет некоторые черты героев филиппинских богатырских сказок: высокое происхождение, чудесное детство, борьба с целью отомстить за убитого отца, волшебные предметы и животные-помощники. Кроме того, морской бог наделил Салагунтинга сверхъестественными способностями (*кинаадман*), магической силой обладают и его противники (пандит Гуламу, Моргана, дату Кадлум), что уподобляет их героям панаянского эпоса.

В произведении отчетливо звучит как национально-освободительная тематика, так и призыв к миру между народами и конфессиями: победивший Салагунтинг обещает защиту христианам и призывает вассальных *дату* сплотиться для охраны родных земель.

Автор более 60 романов на хилигайнон, Рамон Мусонес был удостоен ряда наград, а в 2018 г. ему было посмертно присвоено высшее звание Народного художника Филиппин в области литературы.

Литература:

1. Cruz-Lucero, R., Doreen, G., Fernandez, J., Barrios, E., & Yap, J. Ponggo / *In our islands, our people: The histories and cultures of the Filipino nation*, 2018. [Электронный ресурс]: <https://ourislandsourpeople.wordpress.com/ilonggo/>, дата обращения 1.02.2024.
2. Lumbera, Bienvenido. *Filipinos writing: Philippine literature from the regions*. Pasig City: Anvil Pub., 2001.

3. Muzones, Ramon L. *Margosatubig: The story of Salagunting*, transl. from Hiligaynon by Ma. Cecilia Locsin-Nava. Quezon City: Ateneo de Manila UP, 2012.

Образ дракона в классической китайской литературе (на примере главы «Ложные [сообщения] о драконах» трактата Ван Чуна I в. н.э.)

Барaboшкин К.Е.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, и.о. зав. кафедрой китайской филологии

kanglaoshi@iaas.msu.ru

Образ *луна* (дракона) уходит корнями в глубокую древность, а проникновение его в литературу связано с ранней историзацией мифологических персонажей, которая происходила не только на страницах исторических сочинений, но и в так называемых *вэйшү* – апокрифических текстах, которые представляли из себя своего рода эзотерические комментарии к каноническим сочинениям. Там можно было встретить информацию о мистических свойствах циклических знаков, пяти первоэлементах, туда же зачастую включались мифы и легенды. Ван Чун во многом посвящает свой труд борьбе с подобными текстами.

По нескольким причинам в труде «Мерило суждений» (*Лунь хэн*) особый интерес представляет глава «Ложные [сообщения] о драконах» (*Лун сюй*). Во-первых потому, что именно в этой главе Ван Чун собирает наибольшее количество упоминаний о драконах в различных классических памятниках древности. А во-вторых, потому, что в этой главе Ван Чун не отрицает существование драконов, но пытается с помощью характерных для всего труда логических приемов [Барaboшкин, 2022] разграничить истинное и ложное в сведениях о них.

Ван Чун не касается «драконьей» внешности некоторых государей, к примеру Фу Си, в описании которого в трудах I-II вв. н.э. сохраняются зооморфные черты. Это весьма интересный момент – сам Фу Си в трактате упоминается лишь как создатель «восьми триграмм» (*ба гуа*). Однако отсутствует описание его внешности из трактата *Лецзы* где, согласно Борису Львовичу Рифтину, появляется одно из ранних описаний зооморфного облика государя Фу Си, см. [Рифтин, 1979. С.13-19]. Более того, трактат *Лецзы* вообще не упоминается в *Лунь хэн* ни под одним из своих названий.

В труде Ван Чуна дракон-луна – загадочное животное, обладающее определенным рядом признаков, которые зафиксированы в различных источниках. Тут он ссылается и на конфуцианские, и на даосские источники. Причем к тем сведениям, что содержатся в

трактатах и канонах, к примеру, в «Каноне гор и морей» (*Шаньхайцзин*), он относится как к достоверным, а вот к тому, что изложено в вышеупомянутых «апокрифических» книгах, он, как это ему свойственно, появляется немало вопросов. Интересно, что в главе всплывает термин *дуаньшу* (букв. «короткие записи\книги»), который в тексте всего трактата встречается всего лишь семь раз, но именно на эту главу приходится бóльшую часть его упоминаний. Что за труды обозначены мыслителем под этим термином, остается лишь догадываться, но к ним он относится с крайним пренебрежением и доверяет не больше, чем слухам.

Ван Чун подвергает сомнению небесное происхождение драконов, отвергает их связь с громом и молнией (в том смысле, что дракон не порождает гром и молнии). Мыслителя больше всего заботит тот факт, что люди часто уподобляют дракона духам-*шэнь*, и бóльшую часть главы он посвящает именно развенчанию этого мифа, полностью отрицая отнесение дракона-*лун* к духам-*шэнь*. По его мнению, драконы обладают телесностью и формой-*син*, но за счет умения растягивать свое тело они становятся практически невидимыми для человека. Причем Ван Чун не отрицает того факта, что определенная связь между драконами и небом существует – через облака и точнее грозовые тучи. Он говорит о том, что по природе своей дракон схож даже не со змеями, а с рыбами, и подобно рыбе он способен парить. Аргументирует он это тем, что любое существо в этом мире обладает тем, с помощью чего оно перемещается как на транспорте для дракона подобным «транспортом» являются облака. Завершает же он свои рассуждения о драконе известными словами, которые Сыма Цянь в «Исторических записках» приписывал Конфуцию, когда тот уподоблял Лаоцзы дракону (эти слова Конфуцию приписываются и в даосском памятнике *Чжуанцзы*): «Что же касается дракона, то я не могу понять, как он, оседлав ветер и пронзая облака, устремляется к небесам» [Исторические записки, 1996]. После этого Ван Чун задает риторический вопрос – если даже Конфуций не знал, как дракон это делает, то разве это может быть понятно простому человеку? Поэтому простым людям проще всего воспринимать дракона как духа-*шэнь*.

Таким образом, Ван Чун не отказывает драконам в существовании, но пытается систематизировать свою доступную ему информацию. Именно благодаря этому он сильно обогатил и дополнил сведения о драконах, которые впоследствии использовались литераторами в средние века.

Литература:

1. *Барабошкин К. Е. Проблема литературного творчества в трактате Весы суждений (Луньхэн) I в. н.э. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 4. С. 83-97;*
2. *Исторические записки: («Шицзи»): Т. VII. Пер. с кит., предисл. Р.В. Вяткина, коммент. Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.*
3. *Рифтин Б.Л. От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. Москва: Наука, 1979.*

Язык ненависти в грузинской версии «Висрамиани» (XII в.)

Башеленишвили Л.О.

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры ближнего

зарубежья

likamgu@mail.ru

Поэма Фахр ад-Дина Гургани «Вис и Рамин» (XI в.), в грузинской передаче, «Висрамиани» Пахпура Джорджанэли (XII в.), несомненно, требует комплексного подхода, поскольку мегатекст романического повествования изобилует рефлексиями, свойственными средневековому художественному мышлению. Одним из контекстов поэмы является зороастризм, как таковой, как целостная система мировидения, а также среднеперсидский и арабский языки, соответственно, и арабская литература. Вышесказанное относится не только к персидскому оригиналу, но и к грузинской версии поэмы, поскольку все контексты продолжали «работать» в грузинской культурной среде, как и в самом Иране. «Висрамиани» великолепно показывает процесс, который ученые называют романизацией эпоса, и поэтому, когда мы анализируем отдельные аспекты романического повествования в грузинском прозаическом переводе Саргиса Тмогвэли, историко-сравнительному методу и культурологическому подходам нет альтернативы.

Е.Э. Бертельс считал, что поэма «Вис и Рамин» не пользовалась особой популярностью на мусульманском Востоке, о чем свидетельствует малое количество рукописей [1, с. 271]. Видимо, иная ситуация сложилась в Грузии. Согласно утверждению этого известного ученого, великий грузинский поэт Шота Руставели (XII в.) будто потому написал свою прославленную поэму, чтоб искоренить влияние «Висрамиани» в среде грузинской феодальной аристократической знати. Несмотря на постоянное осуждение поэмы христианским клиром, «Висрамиани» служит контекстом для всей светской грузинской литературы этого периода. Язык любви и дидактика любви,

культурологические истоки любовной доктрины «Вис и Рамин», детально проанализированы в статье М.Л. Рейснер на примере «Десяти писем» Вис к Рамину [2, с. 55-67], что вдохновило нас искать в грузинской версии романа образцы использования «языка ненависти», наличие которого можно предположить, исходя из сюжета.

Устные послания Вис к шаху Моабаду (груз. орфоэпия) изобилуют топосами ненависти, которые лишены этикетной возвышенности и выдержаны в сатирической тональности, что в принципе, не свойственно и чуждо грузинскому литературному языку того времени. Первое устное послание Вис к шаху должен передать Зарди, брат шаха, который приходит во дворец Шахро, матери Вис, в день ее свадьбы с родным братом Виро, назначенного по зороастрийскому обычаю. Устное послание Вис мало походит на речь представительницы аристократии. Эпистола условно можно разделить на две части. В первой части Вис старается устыдить Зарди, который, согласно посланию Вис, хочет увести из дворца уже замужнюю женщину. Адресатом второй части послания является сам шах Моабад. Послание начинается с оскорбления шаха и заканчивается оскорблением его же как верховного правителя. Вис прибегает к языку ненависти, используя топосы старости. Шах – «старик», «безмозглый», «сумасшедший», «отупевший», «гнилой». Старость в романе имеет весь спектр отрицательных коннотаций, и такое отношение проявляется не только в послании Вис. Старость ассоциируется с бесплодием, как в прямом, так и в переносном смысле. Вис прибегает к символике растительного, животного и астрономического миров. Первое же обращение к шаху — «гнилой старик», больше характеризует эмоции Вис, чем адресата. Моабад для нее «вонючая бузина», «увядший», «безмозглый» старик, которому пора думать о смерти и вечном покое, а не о молодой жене. Вис противопоставляет Виро и Моабада по возрастному признаку. Она сравнивает брата-мужа с львом, восхваляет его доблести, Виро — «ель плодовая», «луна полная», тогда как Моабад — «бузина вонючая». Вис дает понять шаху о том удовольствии, которая может испытать она, пока еще девственница, на брачном ложе с Виро. Второе послание Вис тоже устное, и изменившиеся обстоятельства вынуждают ее искать логические аргументы для выражения еще более глубокой ненависти, и она их находит. Она тщательно подбирает слова и топосы и надеется, что переубедит Моабада жениться на ней: 1) Шах убил отца Вис и Виро, тем самым сделав брак между ними невозможным; 2) Она равнодушна к власти и богатству и Моабад этим не заинтересует ее; 3) Брак с шахом оскорбителен для нее, ибо он «ива кривая», «гнилой старик», «вонючий», «от старости отупевший» и т.п.

Моабад с точки зрения Вис нарушил закон зороастрийского бракосочетания, является убийцей ее родственников, и тем заслужил справедливый гнев Вис. Речь идет в первую очередь о законе *хваитвадас*, т.е. обычае браков между ближайшими

родственниками, который упоминается в Авесте, в форме *хветукдасиха* перешел в пехлевийскую литературу эпохи Сасанидов. Как предполагают ученые, в частности С.П. Толстов, это установление регулировало как государственный, так и частный уклад жизни зороастрийцев [3, с. 320], а эпоху распространения ислама в Иране резко осуждалось. И в поэме Гургани, и в грузинском прозаическом переводе Вис также великолепно владеет языком ненависти, как и языком любви. Язык ненависти состоит в грузинском переводе из лексики низшего стилистического спектра, резко контрастируя с лексикой любовных посланий Вис.

Литература:

1. Бертельс Е.Э. Избранные труды. История персидской и таджикской литературы. М., Издательство восточной литературы, 1960.
2. Рейснер М.Л. «Дидактика любви»: «Десять писем» в поэме Гургани «Вис и Рамин» (XI в.) / Вестник Московского Университета. Сер.13. Востоковедение. 2012, №2.
3. Толстов С.П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М., Издание МГУ, 1948.

Скрытый оптимизм повести-дистопии Тавада Ёко «Посланец» (2014 г.)

Булах Л.А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры японской филологии
lyuka_ko@mail.ru

1. Введение

В литературном мире Тавада Ёко (1960 г.р., г. Токио) – писательница, эссеист, поэт, драматург, лауреат многочисленных литературных премий - занимает особое место, соединяя в своем творчестве языковые и культурные традиции Японии и Германии. Изучала русский язык и литературу в университете Васеда. В 1982 г. переехала в Германию. Доктор филологии (2006 г.).

2. Повесть «Посланец», известная на английском как «The Emissary»/ «The last children of Токуо» представляет собой мрачное видение недалекого будущего Японии, однако вместе с тем оно пронизано лучами скрытого оптимизма. Цель данного доклада - исследовать, как именно эти оптимистические нити пронизывают

дистопическую ткань произведения и как повесть была воспринята и оценена в японских и англоязычных СМИ.

3. Концепция дистопии в повести «Посланец».

Критики различают антиутопию (миф о рае будущего, враждебном индивидуальной личности) и дистопию (ад современности, который только усилится в будущем). В повести Тавады дистопия выступает как изображение радикально несовершенного общества, в котором фундаментальным социальным злом является отчуждение человечества от гармонической связи с природной средой, равным образом касающееся имущих и неимущих. Повесть относится к жанру социальной фантастики, давая детальное описание воображаемой культуры, альтернативной реальности, которое позволяет критиковать собственную современность с интеллектуальных и эмоциональных позиций. Социальные и экономические проблемы Японии, оказавшейся изолированной от всего мира после серии экологических катастроф, описываемые Тавадой в повести, создают дистопический фон, на котором выделяются её яркие персонажи. Языковые инновации и символизм усиливают эффект погружения в атмосферу произведения.

4. Элементы скрытого оптимизма в повести.

На фоне общего упадка и отчуждения, ведущих к гибели современной цивилизации, Тавада вплетает в свою повесть нити оптимизма, различимые в отношениях любви и заботы между главными героями, которые делают возможным преодоление тяжелейших испытаний и демонстрируют, что даже в самых безнадежных условиях человеческий дух остается нестигаемым. Персонажи демонстрируют необычайную приспособляемость и изобретательность, находя радость в мелочах и умея ценить красоту природы даже в условиях катастрофы.

5. Лингвистические и стилистические особенности повести

Тавада использует язык не просто как средство повествования, но как инструмент художника для создания уникального мира своей повести и порождая ощущение, что язык персонажей подвергся такому же изменению, как и мир вокруг них. Автор часто отходит от традиционного линейного повествования, используя прерывистый сюжет, неожиданные переходы и множество точек зрения для создания многомерного и многогранного текста. Тавада использует символы и аллегории для развития тем и углубления идей своего романа.

6. Влияние повести «Посланец» на современную литературу и общество.

В англоязычных СМИ повесть «Посланец» получила высокую оценку за оригинальность подхода к изображению дистопического мира и способность

вызывать глубокие размышления. Отмечается мастерство Тавады в создании сложных персонажей и использовании языка как инструмента для исследования глобальных проблем.

7. Заключение

Литературовед Кристина Ивата утверждает, что физическая трансформация главного героя Мумэя и его матери, превращение человека сначала в птицу, а затем в рыбу или осьминога означает инверсию или даже обратный ход эволюционного процесса человечества и постепенное возвращение его в водную стихию, изначальную колыбель всего живого. Катастрофа объединяет человека с другими живыми существами, ставит под вопрос исключительность и уникальность самой концепции «человеческого». [2]

Повесть «Посланец» Тавада Ёко, будучи повестью дистопической, удивительным образом сочетает в себе мрачные предупреждения со скрытыми оптимистическими посланиями, побуждая читателя не только к размышлениям о будущем, но и к поиску света даже в самых темных уголках человеческого существования.

Литература:

1. 多和田葉子、「遣灯使」、講談社文庫、東京、2022 (Тавада Еко. Посланец. Токио: Коданся бунко, 2022 г. 208 с.)

Прием обращения в санскритской поэзии малой формы (II-X вв. н.э.)

Гурия А.Г.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник кафедры индийской филологии
agguria@gmail.com*

Взгляды Юлии Марковны Алихановой на санскритскую поэзию малой формы. Круг текстов: «Три шатаки» Бхартрихари (начало I тыс. н.э.), «Сокровищница изящных речений» Видьякары (XI в.) и другие антологии однострофной поэзии. Место поэзии малой формы в жанровой системе санскритской литературы. Древнеиндийские филологи о соотношении большой поэмы и однострофных стихов. Изолированность и самодостаточность отдельной строфы как почти всеобъемлющее свойство санскритской

поэзии. Возможность рассмотрения на материале отдельных стихов имманентных свойств санскритской поэзии в целом.

Жанровая нерасчлененность санскритской поэзии малой формы (отсутствие вычленимых обозначений при явном объективном наличии разных лирических жанров). Инкорпорация фрагментов крупных форм (особенно драматических) в антологии однострочных стихов. Д. Инголлс о такого рода заимствованиях у Видьякары. Антология лирики как объединяющий жанр. Разнородность представленного в них материала, различный генезис отдельных тематических разделов. Возможные варианты - описание, сценка или повествование от третьего лица; реплика от первого лица, обращенная к собеседнику.

Восхваления царя (*прашастхи*) как предшествующий возникновению придворной литературы жанр эпиграфики, возникший уже в III в до н.э. или ранее (эдикты Ашоки). Отличие литературных панегирических строф от эпических. Примеры стиля поздних панегирических строф. Связь с гимнической поэзией и восхвалением божеств, особенно Шивы и Вишну.

Благословение (*нанди, нанди-шлока*) - вступление в любое произведение санскритской литературы, нередко и в нехудожественные произведения (например, дарственные надписи, сообщения о деяниях царей в эпиграфике). Жанровые особенности благословений. Описательная часть, связанная с иконографией и деяниями божеств, и обращение к слушателю («да хранит вас...»). Двойное обращение в строфах поздних *нанди-шлок*, рисующих ситуацию с диалогом мифологических персонажей в живом бытовом контексте. Влияние на возникновение этой разновидности благословений классической придворной поэзии (в частности, поэм и драм Калидасы) и религиозного течения бхакти с его приемом вживания в миф.

Мадригалы или изящные комплименты женщине (*чату, упачара* - «лесть») как элемент придворного этикета и общения носителей высокой санскритской культуры. Обращения к женщине в эпосе (набор формул, описывающих прежде всего внешность женщины). Их усложнение и стилистическое обыгрывание в художественной литературе. Сравнение, гипербола, игра слов и другие приемы, используемые в литературных стихах-мадригалах. Канон ситуаций любовной поэзии, классификация героинь по темам (идущая на свидание, страдающая в разлуке, ревнивица, робкая новобрачная и др.). Поэтика намека в санскритской любовной лирике, достаточность детали для воссоздания канонической ситуации.

Диалогичность как важная особенность древнеиндийских предфилософских произведений (*упанишад* и др.), санскритского эпоса и нарративных произведений буддийского канона. Необходимость для архаики не просто высказывания, но вписывания

этого высказывания в жизненный контекст и наличия произносящего персонажа и его адресатов. Добавление контекста через комментарий в тех случаях, где он исходно отсутствовал (палийские джатаки, «Дхаммапада» и мн.др.). Функциональность такого рода диалогов в долитературной словесности, подчиненная роль эстетической функции по сравнению с ритуальной, натурфилософской, историографической, религиозной или дидактической. Осознание художественной литературой эстетической самоценности диалогов и обращений к собеседнику, отрыв их от непосредственной функциональной цели и ситуации, коллекционирование таких обращений в антологиях поэзии малой формы.

Преломление традиции ученых и философских диспутов в литературной поэзии малой формы. Ключевая роль сопоставления/противопоставления мирской жизни и жизни аскета в «Трех шатаках» Бхартрихари. Обращения аскета к царю (регресс восхваления/благословения и поношения/уничужения). Обращение к гостю-аскету, восхваления Будды. Беседа с собственным сердцем как тема аскетической лирики, начиная с буддийского канона.

Дидактика в городской литературе. Вставные дидактические строфы в городских повествовательных сборниках. Наставления отца сыну. Мотивы разочарования образованного человека в придворной жизни. Стихи о бедности. Юмористические стихи с обращением.

Литература:

1. Алиханова Ю.М. Литература и театр Древней Индии. М., 2008.
2. Индийская лирика II-X вв. Пер. Ю. Алихановой и В. Вертоградовой. М., 1978.
3. Литература Древнего Востока. Тексты. Изд-во Московского Университета, 1984. С.
4. Ingalls D.H.H. (transl.). An Anthology of Sanskrit Court Poetry. Vidyākara's Subhāṣitaratnakoṣa. Cambridge (Mass), 1965. <https://disk.yandex.ru/i/rhZ8UNX08BnwwA>
5. Schulman D., Rao V.N. A Poem at the Right Moment: Remembered Verses from Premodern South India. University of California Press, 1998

Роман «Амба» (2012) индонезийской писательницы Лаксми Памунчак: борьба с забвением

Ершова Ю.С.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры филологии стран

*ЮВА, Кореи и Монголии
juliaseptember@yandex.ru*

Лаксми Памунчак (р. 1971 г.) начала писать свой дебютный роман «Амба» (*Amba*) на английском языке. Она хотела создать произведение, основанное на исторических событиях, которое будет оценено по достоинству иностранными читателями, так как произведения индонезийских авторов все еще малоизвестны среди англоязычной читающей публики. Оказалось, что написать исторический роман для тех, кто не знаком с историей Индонезии, местными традициями, довольно сложно. Попытавшись адаптировать текст, писательница пришла к выводу, что подобное произведение стоит написать на индонезийском языке. При этом, она не перевела уже написанное, а заново воссоздала на родном языке [3, hh. 13-14]. Роман вышел в 2012 г., а в 2013 г. Лаксми опубликовала его английскую версию.

История начинается с того, что Амба, главная героиня романа, плывет на остров Буру, чтобы найти своего возлюбленного Бхишму, который был сослан туда по обвинению в антикоммунистической деятельности в 1965 г. В следующих главах повествование возвращается в прошлое и рассказывается вся история героев, начиная с 1956 г.

Вряд ли роман можно назвать современной интерпретацией истории Бхишмы и Амбы из «Махабхараты», однако множество отсылок ведет к индийскому эпосу. Читателю не нужно считывать коды древнего эпоса в тексте произведения Лаксми Памунчак. Писательница часто сама указывает на них через реплики, мысли и характеристики своих персонажей. Индийская эпическая традиция заложила основу для развития древнеяванской литературы, включая пересказы книг «Махабхараты» и их переработанные сюжеты в представлениях теневого театра ваянг [1, с. 25]. Лаксми Памунчак виртуозно вписывает элементы древнего эпоса в свой роман.

История любви героев трагически прерывается событиями 1965 г., ставшими знаменательными для Индонезии. Бхишма пропадает. 30 сентября 1965 г. в Индонезии была совершена попытка государственного переворота. Антикоммунистические демонстрации, запрет деятельности Коммунистической партии Индонезии, террор и массовые убийства оставили кровавый след в истории государства. По разным оценкам за 1965-1966 гг. было убито до двух миллионов человек, а в концлагерях и тюрьмах оказалось около полутора миллионов [2, сс. 448-457]. Возлюбленный главной героини оказывается одним из тех, кто пострадал от антикоммунистических гонений.

Амба ждет ребенка от Бхишмы. Она не знает ничего о его судьбе после исчезновения. По стечению обстоятельств она встречает американца, который влюбляется в нее с первого взгляда, женится несмотря на то, что она беременна от другого мужчины, становится отцом для этого ребенка. Они проживают жизнь вместе до

самой его смерти. Дочь выросла, Амба больше не обременена семейными делами. Теперь героиня решается отправиться на поиски Бхишмы, чтобы узнать наконец его судьбу.

Если ранее женскому творчеству в литературе Индонезии уделялось крайне мало внимания, отмечалось явное преобладание мужского авторства, то в настоящее время количество авторов-женщин велико и не уступает количеству авторов-мужчин. Также если ранее произведения, написанные женщинами, классифицировались как сегмент популярной литературы низкого качества, то сейчас современными индонезийскими писательницами публикуются произведения, по достоинству оцениваемые и признаваемые литературным сообществом (что, конечно же, не исключает наличие и развлекательной женской литературы не самого высокого качества).

Лаксми Памунчак – одна из тех писательниц, которые прочно закрепились на литературной арене Индонезии. Более того, она заявила о себе как об авторе, поднимающем непростые для Индонезии темы. Пример тому – роман «Амба», в котором исторические события стали не только фоном для развития сюжетных линий в произведении, но и их причиной. Во время написания романа писательница провела тщательные исследования, изучив материалы, посвященные историческим событиям, легшим в основу сюжета, и в конце книги дает библиографические ссылки на конкретные работы [3, сс. 570-573]. Сама писательница отмечает важность национальной памяти. Важно не предавать забвению события, оставившие глубокий след в истории народа, имевшие серьезные последствия и влияние на будущее как страны, так и на судьбы людей, в ней проживающих.

Литература:

1. Сикорский В.В. О литературе и культуре Индонезии. Избранные работы. - Изд-во "Экон-Информ", 2014.
2. Тюрин В.А. История Индонезии. – М.: Восточный университет, 2004.
3. Pamuntjak, Laksmi. Amba. Jakarta: Penerbit PT Gramedia Pustaka Utama, 2015.

Мифологическая и неомифологическая картина мира

Исакова И.Н.

Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры теории литературы

mandala-1@yandex.ru

В современное литературоведение прочно вошли понятия «мифологизм», «неомифологизм», о чем свидетельствует, в частности, их включение в словари [1]. Обычно под неомифологизмом понимают либо использование мифологических образов в творчестве писателей XX века (что, как правило, предполагает переосмысление того или иного мифа, приспособление его к новым реалиям), либо создание новых мифов (неомифов), которые являются своего рода аналогами классических мифов. В широком смысле слова неомиф вслед за Е.М. Мелетинским обычно понимают как следствие «ремифологизации культуры и литературы» [2. С. 28].

Понятие «неомифологизм» или «мифологическое мышление» / «мифологическое сознание» применительно к современному человеку, живущему в том числе и в развитых странах, имеющего высшее образование (как гуманитарное, так и естественно-научное) также широко используется в современной психологии и философии [3].

Художественная литература отражает сознание человека той или иной эпохи, следовательно отражает и принципы осмысления им действительности. Для обозначения этого явления В.Е. Хализевым был предложен термин «картина мира». Ученый выделил «классическую», «антиклассическую», «неоклассическую» картину мира [4, с. 22-23]. По аналогии с данной классификацией можно предложить рабочие понятия «мифологическая картина мира» и «неомифологическая картина мира», как обозначения способа познания бытия и представления его в целостной форме. При этом мифологическая и неомифологическая картины мира возникали на разных этапах развития человеческого общества, соответственно при внешнем сходстве они могут иметь качественно разную структуру. Мифологическое мышление предшествует понятийному, оно строится на образах, обладающих яркой эмоциональной окраской. Понятийное мышление – это мышления понятиями и логическими конструкциями. Необходимо отметить, что понятие неомифологизм применяется к литературе и шире культуре, начиная с XX века, в сознании человека предшествующих эпох неомифологизм, видимо, отсутствовал.

Парадоксально, но в результате научных и технических достижений ментально человек в известной степени столкнулся с теми же проблемами, которые стояли перед его далекими предками. Вместо четкого и ясного объяснения действительности наука поставила перед человеком новые экзистенциальные вопросы. В том числе человеку пришлось осознать, что существование природы, да и планеты Земля в целом не только управляется естественно-научными законами, которые люди постепенно открывают, но и зависит от деятельности человечества, более того человеческая деятельность может представлять угрозу жизни на планете. Осмыслить это оказалось весьма сложно, в первую очередь с психологической точки зрения.

В этих условиях и сложилось неомифологическое мышление, поскольку человеку проще было обратиться к уже известным способам осмысления действительности, доказавшим на протяжении тысячелетий свою эффективность. Но если для древнего человека мифологическое мышление, основанное на чувственных образах, было фактически единственно доступным метафорическим объяснением действительности, то для человека XX века возврат к чувственно-образному познанию мира стал альтернативой понятийному мышлению. Фактически неомифологизм – это одна из форм эскапизма, явления, чрезвычайно характерного для культуры XX века.

Неомифологическое мышление проявилось в литературе разных формах, наиболее ярко в жанре фэнтези, получившем колоссальную популярность по всему миру. Возникнув в Западной Европе на основе западноевропейской мифологии, фэнтези адаптировалось под самые разные культуры. В этом смысле показателен история русского фэнтези: попытки адаптации европейской мифологии под русского читателя потерпели неудачу. Но как только авторы обратились к славянской мифологии, произведения стали пользоваться популярностью у читателей. И в свою очередь фэнтези способствовало популяризации славянской мифологии.

Обращение к древним мифам и создание новых также является одной из форм эскапизма, поскольку в основе всех этих явлений лежит уход от понятийно-логического осмысления действительности. В любом фэнтези действуют четкие законы природы и законы человеческого общества. Они могут иметь мало общего с реальной действительностью, в чем-то полностью противоречить ей. Но как только читатель принимает и понимает эти законы, мир фэнтези становится прост и понятен для него, а значит в таком мире человеку становится комфортно. Очевидно, одна из главных задач неомифологической картины мира – снять у читателя страх перед неизвестностью: жить в нереальном, но понятном мире проще и комфортнее, чем в реальном, но непонятном и абсурдном.

Таким образом, мифологическая картина мира существовала на разных этапах человеческой истории, однако роль ее менялась. Если для древности это было единственно возможное познание мира, то для современного человека существование в рамках неомифологической картины мира – это всегда сознательный выбор, предполагающий в той или иной форме отказ от понятийного мышления.

Литература:

1. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2005.
2. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа., М., 1976.

3. Словарь философских терминов / Под ред. В.Г. Кузнецова. М., 2007.

4. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000.

Истоки японского реинкарнационного фэнтези

Ковлеков К.И.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры японской филологии
kovlekov.k@yandex.ru

Японское фэнтези в 2010-ые гг. встретилось с коренными изменениями в сюжетной структуре. Получивший распространение веб-роман стал одним из наиболее используемых авторами форматов публикации. Наибольшую популярность в них завоевали истории о перемещении героев произведений в параллельные миры. Обращение к истокам японского реинкарнационного фэнтези актуализирует вопрос о сути и причинах происходивших в связи с этим литературных процессов.

Основу истоков составили два фактора, сочетание которых способствовало формированию веб-жанра реинкарнационного фэнтези. Структурообразующий мотив перемещения между мирами, т.н. «царствами», или «путеводительство» [2, 59], служит характерным элементом мифологии и сказок по всему миру. Истоки японского реинкарнационного фэнтези можно проследить в японской мифологии, сказках и традиционной буддийской литературе («Урасима Таро:», сансара, шесть миров и т.д.). В средневековых литературах данный мотив получил широкое распространение в визионерских жанрах и в повествованиях о мистических путешествиях. Встречается такой мотив повсеместно и в мировой литературе XIX-XX вв. Как правило, истории о перемещении в параллельные миры многообразны, но имеют общее начало, проявляющееся, например, в архетипе героического путешествия [3].

С другой стороны, большое влияние на развитие японского фэнтези оказало внедрение в повседневную жизнь компьютеров и телевидения. Компьютерные игры и аниме повлияли на формирование японской традиции фэнтези [1] и определили обретение ими таких характеристик, как визуальность и мультимедийность. Фэнтезийные романы 1990-2010-х гг. составили основу для формирования в дальнейшем японского реинкарнационного фэнтези.

Таким образом, истоки реинкарнационного фэнтези восходят не только к современной массовой литературе, но и к традиционной японской литературе. Это находит отражение в системе стереотипных персонажей, выборе героя, построении сюжетов и

конвенциональных мотивов. Данный род интернетной литературы наделен особой нормативностью и выступает как проявление преемственности в развитии художественного мышления в жанрах массовой литературы XXI в.

Литература:

1. Ковлеков К.И. Дискурсивные характеристики формульной структуры японского фэнтези // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. С.79-90.
2. Питерсон Дж. Б. Карты смысла: архитектура веры. *Psychology*. 1999. N10 [Электронный ресурс]: <https://www.cogsci.ecs.soton.ac.uk/cgi/psyc/newpsy?10.077> (дата обращения: 21.05.2024)
3. *Пропт В.Я.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.

Жанровые особенности традиционной малайской поэмы-*шаира* в современных представлениях городского театра *бориа*

Кукушкина Е.С.

ИМЛИ имени А.М. Горького РАН, старший научный сотрудник отдела литератур стран Азии и Африки; ИСАА МГУ, старший научный сотрудник кафедры китайской филологии
zhenya_isaa@mail.ru, eskukushkina@iaas.msu.ru

Шаир – основной жанр традиционной малайской поэзии, крупная нарративная поэма. Жанр возник в конце XVI в. в суфийской среде, и ранние *шаиры* носили религиозно-мистический характер. Позднее тематика жанра расширилась: распространение получили романтические, аллегорические, исторические поэмы [Braginsky 2004, p. 301-314].

Шаир некоторое время сохранял востребованность в эпоху современной литературы, адаптируясь к реалиям второй половины XIX – начала XX вв. Это было время становления прессы, в которой начали печататься литературные произведения. Чтобы вписаться в ограниченный газетный объем, *шаир* стал более сжатым и приобрел репортажное звучание. В этом плане важным был ‘опыт’ исторического *шаира*, только теперь повествование велось о текущих событиях. Кроме того, традиционная дидактичность жанра оказалась актуальной для творчества довоенных поэтов-националистов. *Шаир* хорошо подходил на роль средства пропаганды [Abdullah et al. 2006, ms. 50-62].

С середины XX в. жанр все же утратил значимость. Однако представления переходного театра *бориа* на о. Пинанг по-прежнему служат ему своеобразной нишей: в них звучат именно *шаиры*. *Бориа* представляет собой двухчастное представление,

состоящее из драматической сценки на злобу дня и вокально-танцевального номера. Считается, что представления возникли под воздействием шиитских радений *тазие*, перенесенных на малайскую почву (в этой версии много пока не проясненных моментов). Тем не менее, в малайской суннитской среде *тазие* были переосмыслены и со временем приобрели развлекательно-карнавальнй характер [Bujang]. *Бориа* существует на Пинанге до сих пор.

Разыгрываемые сценки часто полны сатиры и юмора, но при этом не лишены назидательности. То же можно сказать и о содержании *шаирав*, которые исполняются по окончании скетча солистом (*tukang karang*) и хором, который одновременно делает простые танцевальные движения. Традиционные формальные признаки *шаира* в представлениях *бориа* сохраняются – это сплошная рифма и тяготение к равносложности (строка классического *шаира* состояла в среднем из 11-13 слогов).

Тем не менее, изданные в печатном виде *шаиры* знаменитого исполнителя *бориа* Абдуллы Даруса [Abdul Aziz@Derak, ms. 98-155] позволяют заключить, что интеграция жанра в театральное действие наложила на него свою печать. Во-первых, произведения короткие (большинство имеют от 10 до 15 четверостиший) – меньше, чем в довоенных *шаирах*. Причину следует искать в нежелании затягивать номер: хор повторяет за солистом 2 последние строки каждого куплета.

Равносложность *шаира* в *бориа* менее строгая, чем положено по традиции, небольшие колебания длины строки вполне обычны (11-12-12-10; 12-10-11-11; 11-11-13-13). Иногда случаются более серьезные нарушения слоговой упорядоченности, и в строфе выделяется одна строка (9-12-12-12; 12-11-15-13). Вероятно, менее строгая форма компенсируется вокалом, когда строки помогает уравнивать мелодия.

Слоговые диспропорции также возникают из-за злободневной тематики *шаирав*, избылиующих непозитической лексикой. Содержание куплетов определяется поводом, по которому устраивается представление *бориа* – это фестивали, государственные праздники, юбилеи организаций и частных заказчиков. В поэтический текст приходится встраивать громоздкую общественно-политическую и канцелярскую лексику, что не располагает к сбалансированности формы.

Следуя за традицией, зачин *шаира бориа*, как правило, разъясняет случай, по которому проходит представление. Кроме того, может подчеркиваться благородство жанра *бориа* и его польза для общества. В этом может сказываться полукommerческое начало жанра, который так себя рекламирует. Концовка также может быть вполне традиционной: объявляется о завершении выступления, приносятся извинения за его недостатки. Однако

внелитературный фактор может внести новацию: в заключительных строках *шаира* может быть оглашена дальнейшая программа мероприятия (например, вручение сувениров).

Оставаясь примером сохранности переходного зрелища в нынешней Малайзии, *бориа* одновременно поддерживает существование традиционной поэтической формы. При этом, включение *шаира* в театральный контекст оказывает влияние на облик жанра.

Литература:

1. Abdul Aziz S., Derak R. Syair Boria. Biografi Abdullah Darus. Pulau Pinang: Persatuan Karyawan Pulau Pinang, 2010. 155 ms.
2. Abdullah A.K., Awang H., Isin R., Mohd. Saman S., Ariffin Z. Sejarah Kesusasteraan Melayu. Jilid II / Sejarah Kesusasteraan Melayu. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2006. Ms. 251-800.
3. Braginsky Vladimir. The Heritage of Traditional Malay Literature. A Historical Survey of Genres, Writings and Literary Views. Leiden: KITLV Press, 2005. 890 p.
4. Bujang R. A Form of Malay Theatre. Singapore: Institute of Southasian Studies, 1987.

Дискуссия вокруг стихотворения Нима Юшиджа «Мерзкая надежда» (1941): литературная критика «новой поэзии» в Иране

Кузнецов А.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры иранской
филологии
kuznecovaa@my.msu.ru*

Авангардистские творческие стратегии всегда вызывали живой отклик у современников. Реакция на новаторское художественное решение могла быть самой различной, нередко высказывались противоположные мнения: от безудержных похвал до резкой критики. Литературная критика как способ осмысления современного художественного текста апеллирует к субъективному восприятию («вкусу»). Эстетическая составляющая произведения, которая напрямую связана с эмоциональной стороной человеческой природы, по-разному воспринимается критиками и читателями в зависимости от целого комплекса литературных и внелитературных факторов. Конфликт точек зрения определяет ход литературных дискуссий, которые, в сущности, направлены на постижение природы произведения и характера его восприятия. Выявление объективных законов построения современного художественного текста невозможно без исследования авторской и читательской рефлексии, которая служит одним из двигателей литературного процесса.

Нима Юшидж (1897-1960), «отец новой поэзии» в Иране, потряс читателей оригинальностью своих художественных решений. Обновленческие стремления автора, затронувшие как форму, так и содержание его стихотворений, не раз обсуждались и критически оценивались его собратьями по литературному цеху [1: 21-34]. В настоящей работе рассмотрен одна из таких дискуссий, разгоревшаяся вокруг стихотворения Нима Юшиджа «Мерзкая надежда» (1941). Это был заочный спор, приобретший форму переписки. В него оказался вовлечен издатель журнала «Письмо людям» («*Nāme-ye mardom*»), он же журнал «Мардом»), известный поэт Эхсан Табари (1917-1989), сопроводивший публикацию стихотворения «Мерзкая надежда» собственным предисловием (см. репринт текста [2: 723-725]). Поэт ответил на это предисловие письмом издателю (см. репринт текста [2: 557-575]), в котором изложил собственную позицию, не совпадавшую с критическими замечаниями издателя.

Лирическая ситуация в стихотворении построена на противоборстве сил ночи и наступающего утра (что напоминает зороастрийский концепт противоборства добра и зла). Э. Табари отнёс данное стихотворение к категории символических, поскольку оно образно отражает конфликт косного и прогрессивного. Толкование этого текста может быть перенесено и на литературную ситуацию, вызвавшую острое столкновение взглядов на «новую поэзию». В этом стихотворении Нима языком образов еще раз утверждает право выражать собственное «Я» присущим только ему, оригинальным способом.

Эхсан Табари справедливо предложил найти новую шкалу оценки для поэтической манеры, вышедшей за пределы многовековой классической поэтики. При этом критик сравнил первые опыты Нима Юшиджа в рамках «свободного *'аруза*» с первыми несовершенными моделями автомобилей, которые, однако, призваны в будущем превзойти по мощности традиционные конные повозки. Нима Юшидж, ознакомившись с содержанием предисловия, дал издателю дополнительные разъяснения относительно сущности его творческого метода и выделил ряд опечаток, искаживших замысел его стихотворения.

Литература:

1. Кляшторина В. Б. «Новая поэзия» в Иране / отв. ред. Х. Г. Короглы. Москва: Наука, 1975.
2. Нима Юшидж. Письма / сост., отв. ред. Сирус Тахбаз. Тегеран: Негах; 1390 (2011).

Мазурик В.П.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии
mazurik52@mail.ru*

В архаических языках коммуникативная функция, судя по всему, преобладает над когнитивной, моделирующей, орнаментальной и др. Характерные образцы диалогической речи мы встречаем в древних синкретических текстах Японии – «Кодзики», «Фудоки», «Энги-сики» и т.д. В первобытной песне *кики-кае*: доминирует амебейное пение *кагах* или *ута-гаки*. Диалог эпического героя Ямато-такэру со стариком у костра из второго свитка «Кодзики» японская традиция считает сакральной основой будущей диалогической поэзии *рэнга*.

В процессе эволюции речи от стадии магических ритуалов через ораторскую фазу (*норито*, *сэммё*:) к более сложно диверсифицированной культуре возникают трудовые переключки, какими, похоже, были «песни гребцов» *сэдока* и другие формы, но уже в древней поэзии антологии «Манъё:сю:» (вторая половина VIII в.) наибольшее распространение получают любовные дуэты *аикики-но ута* или *со:монка*. Позже это переходит в придворный литературный этикет *дзо:то:ка*, далеко превосходящий функции любовного диалога, хотя для гармонии *инь—ян* он в идеале должен состояться между мужчиной и женщиной. Не случайно в предисловии к первой императорской антологии *вака* «Кокинсю:» (905) Ки-но Цураюки (866?-946?) для каждой исторической песни подбирал ее пару в противоположном гендере, а академик Н.И. Конрад (1891-1970) видел в диалоге *дзо:то:ка* эпохи Хэйан (794-1185) самостоятельный поэтический жанр, призывая не рассматривать составляющие его пятистишия *танка* отдельно. В это время активное развитие получают короткие игровые диалоги из трехстишия и двустишия – *танрэнга*.

Хотя в ранней японской прозе диалогическая речь встречается значительно реже, однако своеобразные пьесы для чтения «Следование трем учениям» буддийского просветителя Ку:кая и «историческая повесть» неизвестного автора «Великое зеркало» дают такие примеры. Скрытые формы интерактивного диалога можно увидеть и в эссе Сэй-сёнагон «Записки у изголовья».

Кардинальным образом функция диалога изменяется в классическом средневековье (XIII-XVI вв.), когда сверхличностная метафизика буддизма переводит традиционно общинное сознание в состояние тотальной самоотрешенности *саби*. В классической поэзии периода восьмой императорской антологии «Синкокинсю:» (1205) трехстишие и двустишие *танка* начинают все больше отдаляться по смыслу друг от друга, основным содержанием пятистишия делая пространство «несказанного» (*ёдзё*:) между ними, а в

коллективной диалогической цепочке *хякуин-рэнга* главной задачей становится растворение проблесков личностного сознания в общем потоке Дао. Однако ярче эти черты средневекового диалога проявляются в мистериальной драме *саругаку-но но*., где реплики персонажей выстраивают принципиально безличностные отношения между ними. Участники драмы звучат эхом для своего визави, либо подхватывают его речь с полуслова, что затем делает хор, и такие переходы происходят постоянно. В результате возникает ощущение некоего космического монолога, стоящего над иллюзиями сансары.

Что же касается диалогов в японской классической литературе Нового времени (1603-1867), то они мало чем отличаются от своих западных или русских аналогов, хотя даже в этикетке современной устной речи монолог должен быть опосредован диалогическим «поддакиванием» *айдзутти*.

Споры вокруг литературного наследия Зебуннисо (1639-1702)

Мирзоюнус М. (Ходжаева)

Худжандский Государственный университет им. академика Б. Гафурова, доктор

филологических наук, профессор

matluba.khojaeva@gmail.com

Среди Тимуридских принцесс было немало известных поэтов, ученых, архитекторов, каллиграфов. К их числу можно отнести Гавхар-шод Бегим (1379-1457), Гулбадан Бегим (1523-1603), Нурджахон Бегим или Мехринисо (1577-1645), Джахон-оро Бегим (1614-1681), Зинатуннисо Бегим и других. Особое место среди них принадлежит Зебуннисо-Бегим (1639-1702) – правнучке Захириддина Бабура, дочери Аврангзеба Оламгира и Дилрас Бону, великой поэтессе, ученой и искусному каллиграфу. В их семье многие были литературно одаренными. Особо отличались ее дядя – прославленный Дорошукух, автор «Сафинат-ул-авлиё», «Сакинат-ул-авлиё», «Дивана» стихов, «Маджма-ул-бахрайн», «Рисолаи хакнамо», «Иксири аъзам» и «Хасанот-ул-орифин», а также ее тётя Гулбадан Бегим – автор исторического сочинения «Хумоюн-наме».

В отличие от других поэтесс, имена и творчество которых не дошли до нас, биография Зебуннисо более полно сохранилась, вероятно, по той причине, что она была дочерью шаха и в летописях были зафиксированы все события, связанные с его жизнью. Изучением творчества Зебуннисо занимались многие ученые и литераторы. В Индии к ее творчеству обращались Шибли Нумани, Абулбори Оси, в Иране – Ахмад Карами, Махиндухт Сиддикиён, Саид Абутолиб Миробидини, в Таджикистане: Сухайли

Джавхаризода, Аъзам Сидки, Абдуллоджон Гаффаров, Исмоил Зарифи, в Узбекистане: Тургун Файзиев, Тухтасин Джалолов и другие. Сведения о ее творчестве можно найти как в общих антологиях (*тазкире*), подобных «Тазкираи Хусайни», «Тазкират-ул-гароиб», так и в специализированных, посвященных творчеству женщин: «Тазкират-ул-хавотин», «Занони суханвар», «Машохири занони порсигу», «Ахтари тобон», «Оинаи хайрат», «Хафт шахри ишк» и др.

Литературное наследие Зебуннисо состоит из поэтических произведений, написанных на фарси. Однако очень много споров вокруг ее наследия. Ряд исследователей, в том числе Шибли Нумани, Абдуллоджон Гаффаров, Мушири Салими отрицают существование ее «Дивана». Однако сборники стихов под названием «Диван Махфи (Зебуннисо)» изданы десятки раз в Индии, Иране, Таджикистане и в других странах. По свидетельству «Накли мачлис», ее «Диван» насчитывает 15 тысяч бейтов, сборник, изданный в Лакхнау (1929), охватывает 5 тысяч бейтов, включающих газели, касыды, рубаи, китъа. Многие исследователи пишут о том, что Зебуннисо писала под псевдонимом «Махфи». Некоторые из них (Дарго Прасад, Абдулбори Оси) отмечают ее псевдоним «Зеб», при этом не приводят ни одного примера. Однако, в двух газелях встречается псевдоним Зебуннисо.

Известно, что в персидско-таджикской литературе более 10 поэтов писали под псевдонимом Махфи. Весьма спорным оказался и «Диван» Зебуннисо, ибо были выявлены рукописи, в которых четко указывается имя Махфи мужчины с нисбой Рашти. Споры идут не только о принадлежности ее перу стихов, но и других сочинений, в том числе «Зеби тафсир» – комментарии к Корану, «Зеб-ун-нишот» – сборника писем и «Иродати фахм» – баяза (сборника) стихов Зебуннисо и ее любимых поэтов. В 1998 году в Худжанде вышла книга «Девони Махфи», в предисловии которой составитель – покойный востоковед А.Гаффаров убедительно доказал, что авторами стихов, приписываемых до сих пор Зебуннисо, является Махфи Рашти. Он утверждает, что «ее перу относятся только несколько бейтов: одна газель, один рубаи и одно письмо» [2, с. 33.]. После издания этой книги изучение жизни и творчества Зебуннисо было снято со школьных программ по литературе.

Тем не менее, все еще издаются в Иране, Таджикистане и Узбекистане «Девони Махфи» Зебуннисо. Поэтому перед литературоведами стоит важная задача скрупулезно изучать все рукописи «Диванов» Зебуннисо, а также баязы, имеющихся в различных странах мира и выявить ее оригинальные произведения, не вызывающие сомнения. Так, в баязе XVII века, хранящемся под номером 1086 в библиотеке Худобахш Патны,

представляющем оригинальный источник эпохи Зебуннисо, нами были обнаружены три рубаи, которых нет в других источниках. Эти рубаи начинаются со строк:

1. “Дардо, ки асири фурќати ёр шудам”
2. “Гул киштаму матбўи машомат нашудам”
3. “Пироњани ранги осмон бар дўшат”.

Следовательно, необходимо по крупицам собирать литературное наследие Зебуннисо, поэтическая одаренность которой, судя по оригинальным ее творениям, неоспорима.

Литература:

1. Баёз. Bayad. Khuda baksh O.P. library. Manuscript. № 1086.
2. Девони Махфи. Составитель и автор предисловия Абдуллоджон Гаффоров. Худжанд, 1998.
3. Девони Зебуннисо (Махфи). Исследование д-р. Махиндухт Сиддикиён и д-р. Саидабутолиб Миробидини. – Техрон: Интишороти Амири Кабир, 1381.
4. Зебуннисо. Мачмуаи шеърхо. // Сост. и автор предисл. Аъзам Сидки. Сталинобод, 1958.
5. Шерози, Маликулкутуб. Тазкират-ул-хавотин. // Подготовка текста и предисл. М.Нуруллаева. Худжанд: Хуросон, 2018.

Образ Хюррем-Султан (Роксоланы) в турецкой драматургии XX–XXI вв.

Оганова Е.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры тюркской филологии
ova8@yandex.ru*

Доклад посвящен анализу образа Хюррем-Султан (известной в европейской традиции как Роксолана) в турецкой драматургии XX–XXI вв.

В первой части доклада дается краткая историческая справка о Хюррем-Султан (ок. 1502–1558) – одной из самых известных в мире наложниц, ставшей женой османского султана Сулеймана I Великолепного. Хюррем-Султан несомненно оказала колоссальное влияние на Сулеймана I и, следовательно, проводимую им внешнюю и внутреннюю политику; интриганка и опытный стратег, она всю жизнь положила на укрепление своего положения при дворе Султана и роли единственной по-настоящему значимой для него женщины, а также удержанию в своих руках нитей власти и влияния с тем, чтобы

впоследствии, устранив на своем пути всех возможных конкурентов, возвести на престол своего сына Селима II.

Жизнь и поступки этой полупоупендарной женщины явились отличной основой для создания многочисленных произведений искусства, самым популярным из которых является телевизионный сериал “Великолепный век” (Muhteşem Yüzyıl); первый сезон вышел в свет в 2011 году, в настоящее время идет в более чем 70 странах мира, общее количество просмотревших превысило 500 миллионов человек.

Не осталась в стороне от этого интереса к Хюррем-Султан и турецкая драматургия. Хюррем-Султан является центральным персонажем четырех турецких пьес: “Угнетенные шахзаде, или Хюррем-Султан” (Mazlum Şehzadeler yahud Hurrem Sultan, 1909) Юсуфа Ниязи, “Хюррем-Султан” (Hurrem Sultan, 1960) и “Или пан, или пропал” (Ya Devlet Başa Ya Kuzgun Leşe, 1983) Орхана Асены, а также “Уроки правил и приличий от Хюррем-Султан согласно неофициальной истории, или Неофициальная Хюррем” (Gayri Resmi Tarihe Göre Hurrem Sultan’dan Adap Erkan Dersleri veya Gayri Resmi Hurrem, 2001) Озена Юлы.

Все четыре пьесы можно отнести к крайне популярному жанру турецкой драматургии XX-XXI вв. – историческая драма, краткое описание особенностей которого также содержится в докладе.

В основной части доклада анализируются четыре указанные выше пьесы: рассматривается их сюжетная структура, способы создания образа Хюррем-Султан (монологи самой Хюррем-Султан, рассуждения о ней других персонажей, сценические приемы и пр.), степень соотнесенности сюжета с историческими фактами, делается попытка выявить позицию драматурга в представлении образа Хюррем-Султан.

Между созданием первой и последней по времени создания пьесы о Хюррем-Султан прошло около 100 лет, и на примере этих пьес отчетливо прослеживается эволюция турецкой драматургии: от романтически приподнятой пьесы Ю. Ниязи, через классическую “историческую драму” в пьесах О. Асены до пьесы О. Юлы в постмодернистской эстетике.

Пьеса “Угнетенные шахзаде, или Хюррем-Султан” посвящена в первую очередь шахзаде, ставшие жертвами интриг Хюррем-Султан. В отношении этой пьесы отмечается также, что образ Хюррем-Султан в пьесе Ю. Ниязи не свободен от типологических описаний красавиц в средневековых любовных поэмах, а история ее любовных взаимоотношений с Султаном Сулейманом во многом преподносится в характерном для средневековой литературе ключе.

В пьесе “Хюррем-Султан” О. Асены и являющейся ее сюжетным продолжением пьесе “Пан или пропал” на первый план выходят материнские чувства Хюррем-Султан, ее

мучения сделать выбор в пользу какого-то из своих детей, растоптав при этом жизнь других детей.

В пьесе “Неофициальная Хюррем” явственно ощущаются постмодернистские приставия О. Юлы (дихотомия “я – другой”, взаимозаменяемость главных персонажей и пр.). В пьесе изображен один день из жизни Хюррем-Султан, подводящей итог своей жизни в некоей тайной комнате, которая когда-то была построена по ее распоряжению. В этой комнате она встречается с Наложницей, которая страдает амнезией (последняя сообщает, что ее тоже зовут Хюррем). Вместе с ней Хюррем-Султан разыгрывает сцены из своей жизни, из ее бесед с Наложницей мы узнаем сокровенные мечты и мысли самой Хюррем-Султан. Характерно, что ретроспективные сцены разыгрываются в технике турецкой народной драмы: театра марионеток “Кукла-оюну”, площадного театра “Ортаюну” и теневого театра “Карагез”. В конце пьесы Хюррем-Султан умерщвляет Наложницу при помощи яда с тем, чтобы выдать ее за себя, а сама убегает через тайный ход.

В заключительной части доклада содержатся выводы из проведенного исследования.

Классическая арабская поэзия тоски по родине (*ал-ханин ила-л-аутан*) сквозь призму теории топосов Э.Р. Курциуса

Орлова Е.Д.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры арабской филологии
orlova.lisa@gmail.com*

Ал-ханин ила-л-аутан (поэзия тоски по родине) возникает в доисламскую эпоху и сохраняет свою актуальность на протяжении всего классического этапа развития арабской поэзии. В ходе эволюции она претерпевает значительные трансформации и принимает различные формы, что не позволяет однозначно охарактеризовать ее как жанр или группу мотивов. В этой связи представляется актуальным рассмотреть *ал-ханин ила-л-аутан* сквозь призму теории топосов, разработанной немецким филологом Э.Р. Курциусом (1886-1956). Понятие топоса, заимствованное Курциусом из античной риторики, обозначает формально-содержательную категорию, характеризующую особенности построения рассуждения на заданную тему в определенном контексте [Курциус, 2020]. Данный термин достаточно точно описывает поэзию *ал-ханин ила-л-аутан*, которая может функционировать и в качестве цитаты в прозаическом трактате, и в качестве отдельного поэтического произведения.

Изучение поэзии *ал-ханин ила-л-аутан* сквозь призму теории топосов позволяет рассмотреть контекст, в котором возникают мотивы тоски по родине. Указанные мотивы

характерны для поэтов, долгое время проведших вдали от родины. Они также могут фигурировать в жизнеописаниях путешественников или рассуждениях на тему родины и чужбины. Так, небольшая поэтическая антология, приписываемая Абу-л-Фараджу ал-Исфахани [“Китаб адаб ал-гураба‘ ли-Аби-л-Фарадж ал-Исбахани”, 1972] представляет собой сборник поэтических и прозаических высказываний, выгравированных на стенах и скалах людьми, оказавшимися вдали от родины.

Топос *ал-ханин ила-л-аутан* первоначально раскрывается через обоснование естественности самого чувства тоски по родине, что отражено в ранних антологиях *ал-ханин ила-л-аутан* [ал-Джахиз, 1933; Ибн ал-Марзубан, 1987]. Так, привязанность к родине может уподобляться привязанности к близкому человеку: сравнение родины с матерью/кормилицей призвано показать, что для человека нет ничего более естественного, чем испытывать тоску по родной стране. Данное направление развития топоса тоски по родине пользуется меньшим вниманием авторов в более поздний период, когда тема уже не нуждается в обосновании.

Топос тоски по родине в поэзии связан с рядом характерных образов, повторяющихся в разных источниках. Воркование голубок, дуновение ветерка, приносящего знакомые ароматы, или увиденная в далекой стране пальма пробуждают воспоминание о родине. Нередко именно эти образы в политематическом произведении маркируют переход к теме *ал-ханин ила-л-аутан*.

В рамках топоса *ал-ханин ила-л-аутан* формируется противопоставление родины и чужбины. Раскрывая тему тоски по родине, поэт описывает преимущества жизни в родной стране и тяготы, которые испытывает человек на чужбине. Таким образом, топос *ал-ханин ила-л-аутан* способствует формированию образов своего и чужого пространства в арабской поэзии.

Литература:

1. Ал-Джахиз. Ал-ханин ила-л-аутан. Каир, 1933.
2. Ибн ал-Марзубан. Ал-ханин ила-л-аутан // Ал-Маурид, 16(14), 1987, стр. 129-174.
3. Китаб адаб ал-гураба‘ ли-Аби-л-Фарадж ал-Исбахани. Бейрут, 1972.
4. Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье. М., 2020.

**Мифологические схемы в современной арабской прозе (на примере произведений Рашида ад-Да‘ифа)
Осипова К.Т.**

Современные писатели часто прибегают к мифам, сказаниям и популярным историям как к наиболее функциональным моделям, которые благодаря четкой структуре, с одной стороны, и широким возможностям для толкования, с другой, позволяют авторам решать самые разные творческие задачи: от виртуозной интеллектуальной игры с литературным наследием до выразительного высказывания на актуальную социальную тему.

В данном докладе будет рассмотрена концепция «путешествия героя» К. Воглера [1] на материале романов ливанского писателя, поэта и преподавателя Рашида ад-Да'ифа – «Принцесса и перстень» (2020 г.) [2] и «Обратная сторона тени» (2022 г.) [3].

Проблематика произведений Рашида ад-Да'ифа – острые политические и социальные вопросы, тема гражданской войны, отношения между мужчиной и женщиной, проблема самоидентификации. В его романах повествование часто ведется от первого лица, многие тексты – особенно в которых осмысляются отношения сына и матери – носят автобиографический характер. Выбор нехарактерного для своего творчества жанра сказки Рашид ад-Да'иф объяснял желанием «спрятаться от невзгод современной ливанской жизни» и «написать о большой и чистой любви», а также отдать должное арабскому классическому наследию. В последнем автор видит большой потенциал: эти техники и приемы прекрасно работают при написании современного увлекательного романа.

В обоих романах параллельно с основной сюжетной линией много характерных для средневековых арабских сказаний вставных историй, символических преобразений, благополучных разрешений безвыходных ситуаций, чудесных миров с коварными джиннами и перемещающимися городами. Оба романа обрамлены космографическими описаниями, имеют отсылки к ближневосточным легендам, античным мифам, народным представлениям о пророках, географической литературе арабов, традиции толкования снов и видений, философским концептам разума, сущности (*jawhar*), обратной стороне (*zill*), потустороннего (*gheyb*), представлениям о разных сверхъестественных существах, от гулей до невидимых двойников человека (*qarīn na'im wa qarīn yāqith*). Романы стилизованы под высокую ритмизованную прозу *адаба*, при этом язык этих текстов простой и понятен современному читателю.

Если жанр романа «Принцесса и перстень» можно определить как литературная сказка, то «Обратная сторона тени» – скорее, мрачное философское фэнтези. В обоих текстах разрабатывается мифологическая схема путешествия героини. Для Принцессы,

героини первого романа, это непростой, но увлекательный путь познания и толкования, в конце которого она обретает желаемое. Героиня же другого романа, Царица, отправляется в путешествие вынужденно: это единственный шанс спасти жизнь себе и сыну. Финал полного страданий и жертвенности во имя высокой любви пути героини «Обратной стороны тени» трагичен для нее, однако только таким образом ее любимые обретают новую жизнь.

Литература:

1. Vogler Christopher. The Writer's Journey: Mythic Structure for Writers. 3rd ed. Michael Wiese Productions, 2007.
2. Rashīd aḍ-Ḍaʿīf. Al-Amīra wa-l-khātīm. Dār as-Sāqī, 2020.
3. Rashīd aḍ-Ḍaʿīf. Al-wajh al-ākhar li-z-zill. Dār as-Sāqī, 2022.

Программа R-Stylo: опыт стилеметрического анализа литературных текстов на языках фарси и пашто

Писчурникова Е.П.

*Восточный факультет СПбГУ, ассистент кафедры иранской филологии
katyasun86@mail.ru*

Программный пакет для стилеметрического анализа R-Stylo, разработанный в 2013 году международной группой ученых М. Эдером, Я. Рубицким и М. Кестемонтом [1], предоставляет множество возможностей для анализа прозаических и поэтических произведений на различных языках, в том числе на восточных языках с типом письма справа налево (right-to-left). С помощью инструментов стилеметрического анализа R-Stylo можно создавать частотные словари авторов, устанавливать авторство текста, если есть несколько кандидатов, определять, принадлежат ли произведения одному автору. Доклад посвящен анализу основных возможностей программы R-Stylo для решения проблемы авторства восточных текстов на языках фарси и пашто. Автор доклада обращается к нерешенному вопросу о поддельности / подлинности ряда газелей афганского поэта-классика Хамида Моманда (ум. ок. 1732) и приписываемой ему поэмы-маснави «Религиозный закон ислама» (*Шир'ат ал-ислам*) и демонстрирует возможные варианты решения данного вопроса при помощи методов стилеметрического анализа. В докладе приводятся результаты тестирования текстов сомнительных газелей Хамида Моманда и его поэмы-маснави на близость к оригинальным текстам автора, а также к корпусу текстов, принадлежащих другим афганским поэтам-классикам, при помощи различных методик,

предлагаемых пакетом R-Stylo. Программный пакет R-Stylo содержит достаточно эффективный набор инструментов для подтверждения или опровержения атрибуционных гипотез, возникающих на этапе текстологического и филологического анализа текстов. Одна из подобных гипотез касается текста *Хаджв-нама*, приписываемого автору национальной иранской эпической поэмы *Шах-нама* Абу-л-Касиму Фирдауси (935-1020). В научной литературе существует множество публикаций на тему ложной атрибуции данного текста [См: 2-4]. Несмотря на это, некоторые иранские издатели поэмы до сих пор помещают сатиру (*хаджв*) на султана Махмуда Газнави (ум. 1030) в конце поэмы *Шах-нама* [5]. Не стоит забывать о том, что количественные методы «атрибуции авторства» играют лишь вспомогательную роль и ни в коем случае не заменяют традиционные методы филологического исследования. Лучшему пониманию и возможностей, и ограничений количественных методов способствуют их испытания на известном материале. В качестве примера подобного испытания в докладе представлены результаты атрибуции произвольно выбранных частей поэмы *Шах-нама*.

Литература:

1. Eder, M., Rybicki, J. and Kestemont, M. Stylometry with R: a package for computational text analysis. "R Journal", 2016, p. 8 (1): 107–121.
2. Khalighi Mutlagh J. Ba Hajw-nama chi bayad kadr? Bukhara Journal, shumara-yi 115: 44-59. Tihran, 1395 (2017).
3. Khatibi, A., Gargidzh J. Aya Firdausi Mahmud-i Ghaznavi-ra hajv guft? Faslnama-yi Pazh: 178-183. Tihran: Pardis-i danish, 1395 (2017).
4. Nahvi A. Pazhuhish-i nau dar bara-yi Hajw-nama-yi mansub ba Firdausi. Guzarish-i Miras Journal shumara-yi 72 wa 73: 90-96. Tihran: Markaz-i pazhuhishi-yi miras-i maktub, 1394 (2016).
5. Shah-nama ba nasr bi gazand az bad-u baran. Dastanha wa himasiha-yi Shah-nama-yi Firdausi. Guzarish: Kawa Gauharin, Tihran: Mu'assisa-yi intisharat-i Nigah, 1401 (2023).

**Художественный мир стихотворений в прозе (*саньвэньши*) в китайской литературе
первых десятилетий XX в.**

Поспелова М.К.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры китайской
филологии
pospelova@iaas.msu.ru*

В современном литературоведении категория «художественный мир» остается достаточно полемичной, зачастую являясь скорее «научной метафорой» [2, с. 4-7]. Существует множество точек зрения относительно принципов построения и анализа художественного мира как отдельных литературных произведений, так и целого комплекса произведений авторов. Можно найти и примеры поиска онтологических принципов творчества целых групп авторов (представителей литературного объединения и т.п.), жанров. Хотелось бы наметить некую консолидирующую ось для формирования принципов анализа жанра китайской литературы, уже давно находящегося в центре научной полемики – *саньвэньши* («стихотворений в прозе») именно с точки зрения принципиальных основ построения художественного мира в первые десятилетия XX в.

Предпринимается попытка выделить ряд ключевых особенностей, имеющих конструктивную и типологическую значимость, а также внелитературные аспекты, сыгравшие важную роль в формировании и бытовании *саньвэньши*. Важно, что жанр зародился в период активного поиска новых стихотворных форм и постулируемого отказа от «пут» традиционной литературы в рамках просветительского антиимпериалистического «движения 4-го мая» (1919 г.) [1]. В качестве основного авангарда в продвижении нового жанра следует выделить журнал «Новая молодежь», на страницах которого были опубликованы важнейшие манифесты новой литературы (жанровый термин *саньвэньши* впервые прозвучал в статье Лю Баньнун «Мой взгляд на литературную реформу» в 1917 г.), первые переводы иностранных «стихотворений в прозе», а также и последовавшие авторские прозапоэтические произведения китайских литераторов. Поэтому, в первую очередь хотелось бы сказать о такой доминанте *саньвэньши*, как функция манифеста, выраженная в самом выборе автором нового жанра. Многим литераторам «стихотворения в прозе» представлялись формальным шагом к максимально доступной свободе поэзии, а значит, свободе мысли, что и являлось высшей целью «движения 4-го мая» и литературной реформы, в частности. Сам факт публикации в поэтической рубрике журнала стихотворения в прозаической форме, написанного на разговорном языке, говорил о демонстрации антитрадиционалистской позиции поэта.

Свобода поэтической формы, мысли, языка отождествлялись авторами со свободой личности, что обуславливало важность социальной тематики для *саньвэньши*. Краткая форма, лиричность, ритмический рисунок стихотворения в прозе позволяли авторам несколькими штрихами наметить яркую, поэтичную картину жизни простого народа, за освобождение и просвещение которого ратовали творцы новой китайской литературы (Лю Баньнун «Рассвет», Шэнь Иньмо «Саньсянь» и т.д.).

Однако, демонстративный отказ от традиции и авангардность жанра на деле не приводили к полному забвению мотивов, образов, стилистических приемов, характерных классической поэзии. К примеру, коллективное и личное переживание, как и в старой поэзии, часто воспринималось лирическими героями *саньвэньши* через состояние объектов мира флоры или фауны (Шэнь Иньмо «Осень», «Белый тополь», «Снег»; Го Можо «Молодому деревцу и свежей травке»). Показательно, что пейзажная лирика и прозопозитическая притча, в которой носителями авторской мысли выступают наделенные способностью мыслить и говорить объекты животного или растительного мира – одни из наиболее часто встречающихся типов произведений в сборниках «стихотворений в прозе». Философская тематика *саньвэньши* также часто раскрывается через привычные классической лирике образы (Го Можо «Седой волос»; Шэнь Иньмо «Сестричка»). Тем не менее, можно сделать предположение, что именно в рамках философских «стихотворений в прозе» авторы могли уйти в пространство наиболее экспериментальное, однако, речь скорее будет идти о художественном мире на микроуровне отдельных поэтов и их отдельных произведений/сборников произведений. Ярчайшим примером может служить сборник Лу Синя «Дикие травы» (1927 г.), ставший признанной, а согласно точкам зрения многих китайских исследователей, и недостижимой вершиной *саньвэньши*.

Таким образом, можно попытаться проанализировать жанр *саньвэньши* в ключевой период его становления не с точки зрения определенных формальных и содержательных особенностей, но как некий динамический мир, порожденный в процессе поиска нового способа выражения поэтической мысли и отказа от традиции, существующий при этом с постоянной оглядкой на эту самую традицию в поисках привычных образов и мотивов.

Литература:

1. Пospelова М.К. Поэтические публикации в журнале «Новая молодежь». Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2022. № 2. С. 68-78.
2. Семенюк М.В. Специфика художественного мира произведений Ван Аньи. Автореферат диссертации на соискание кандидата филологических наук. М., 2017. 19 с.

**Мир земной в конвенциональном языке персидской классической поэзии X–XIV вв.
(касыда и газель)**

Рейснер М.Л.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры иранской филологии
marinareys@iaas.msu.ru*

В персидской классической поэзии сложилась целая область поэтический конвенций для описания земного мира. Эти постоянные образные клише и устойчивый репертуар мотивов складывались под влиянием различных внутри- и внелитературных факторов и обнаруживали достаточно заметные различия в зависимости от жанровой принадлежности произведения. Поскольку классическая персидская поэзия начала свое развитие после длительного периода арабского завоевания в эпоху принятия ислама, то на формирование поэтического описания мира оказала воздействие религиозная парадигма его восприятия. В первую очередь это касалось представлений о преходящей природе феноменального мира, где всё подчинено процессу становления и уничтожения, т.е. о его бренности и изменчивости. Положение о вторичности, производности мира дольнего по отношению к миру горнему служит идеологическим фундаментом для осмысления реальности, в которой протекает жизнь человека. Поэзия призвана дать слушателю/читателю знание о законах, по которым этот мир существует и с которыми следует считаться каждому. Уже в самых ранних из дошедших до нас произведений новоперсидской поэзии, в частности в творчестве «Адама поэтов Ирана» Рудаки Самарканди (860-941) можно найти такую характеристику земного мира: «Мир (*jahan*) всегда, как родник – в непрерывном вращении, // с тех пор, как он существует, его закон – круговорот» [3, с. 82]. В другом стихотворении поэт описывает мир как лишенный какого бы то ни было постоянства. Предупреждая о его свойствах, поэт предлагает гедонический способ взаимодействия человека с миром: «Увы, этот мир – лишь облако и ветер! // Подай вина, и будь что будет!» [3, с. 74].

Из сходного восприятия законов бытия в касыдах религиозного мыслитель и поэта-дидактика Насир-и Хусрав (1003-1088) рождается образ мира как жестокой матери, которая не щадит своих детей, коварной колдуньи, «сестры Ахримана (божества зла в зороастризме)» [1]. Мир тварный ассоциируется в его поэзии с неотвратимым роком. Из того же, что и у Рудаки, исходного представления о природе мира, поэт-проповедник делает иной вывод, соответствующей цели его поэтического назидания: «Мы – твои дети, о небесная твердь, а ты – неласковая мать, / Ты – наша мать, так почему же ты так жестока с нами? // Но твоё чадо – одно темное, бессловесное, бренное тело, / А не чистый разум и эта наделенная речью сущность (т.е. душа)» [3, с. 117]. Т.о., разделение мира на земной и небесный с точки зрения Насир-и Хосрова напрямую касается и природы человека, которую он должен четко осознавать. Обретение мистического «слуха сердца», по мысли поэта, приведет человека к истинному пониманию устройства мира и своего места в нем. Поэт называет явления вещественного мира «языками Господа», на котором Он говорит со своим высшим творением, наделенным разумом и даром речи.

Ты сказал бы, каждое из них (светил. – *М.Р.*) – посланник от Бога
Нам, а каждый луч подобен пророческой вести.
Это – языки Господа, сынок,
А всё, что существует, для этих языков словно слова.
Никто не слышит их речей, кроме того,
Чей разум позволил полностью раскрыться слуху сердца [2, с. 362].

Существует и еще один вариант описания мира дольного: он может в определенный период земного времени выступать как отражение мира горнего, пребывать в гармонии и единении с ним. Отправной точкой для понимания природы такого взгляда на мир служит представление о некоторых элементах древней доисламской иранской картины мира, в которой огромную роль играла система координат, задаваемых годовым циклом. Сезонный праздник начала календарного года, называемый Ноуруз, празднование которого приурочивалось к дню весеннего равноденствия, представлялся как момент гармоничного состояния мира, когда на краткое время воцаряется «рай на земле».

Образцы суфийской аллегорической касыды, появившиеся в творчестве поэтов XII в., закрепили в поэтическом каноне связь весеннего пробуждения природы с Божественным творением, т.е. космогоническую интерпретацию весенней календарной топики. На этой основе формируется описание Ноуруза как «малого Творения». В аллегорической касыде «Молитва птиц» (или «Четки птиц», *Tasbih al-tuyur*) Санаи, один из корифеев суфийской мистико-аллегорической поэзии, дает ясное указание на такую коннотацию традиционного календарного мотива: «Вседержитель **заново** украсил мир, / Превратил все сущее в подобие райского сада. <...> С каждым днем мир хорошеет, / Ибо каждую ночь Ризван открывает врата рая» [4, с. 29]. Воздействие суфийских доктрин привело в поэзии к формированию особого восприятия красоты реального мира как отражения красоты Божественной.

Литература:

1. Додыхудоева Л.Р., Рейснер М.Л. Образ «мира земного» в поэзии Насир-и Хусрава / Ирано-Славика, 2004, №3-4. С. 40-43.
2. Насир-и Хусрав. Диван / Сост. Н. Такави, предисл. Х. Таки-заде, ред. М. Минуви. Тегеран, 1380 (2002).
3. Рудаки Самарканди. Диван / Изд. С. Нафиси, И.С. Брагинский. Тегеран, 1373 (1995).
4. Санаи. Диван / Ред. М. Разави. Тегеран, 1341 (1963).

Историческая составляющая романистики Зюльфию Ливанели

Репенкова М.М.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой тюркской филологии
mmrepenkova@rambler.ru*

Известный турецкий беллетрист-романист, музыкант, режиссер и общественный деятель Омер Зюльфию Ливанели родился 20 июня 1946 г. По политическим причинам он долгие годы был вынужден прожить в эмиграции (Норвегия, Швеция, Франция). Закончил философское отделение Стокгольмского университета. В 1996–2016 гг. работал послом ЮНЕСКО. В 2002–2006 гг. был депутатом Европарламента, а в 2002 г. – депутатом Великого Национального Собрания Турции [Репенкова, 2020, с. 48]. З. Ливанели был удостоен более тридцати национальных и международных наград во всех тех областях, куда направлялась его творческая деятельность. Романы З. Ливанели, переведенные на сорок языков мира, не раз входили в списки бестселлеров в Испании, Китае, Южной Корее, Германии. В Турции произведения писателя неоднократно получали литературные премии имени Юнуса Нади и Орхана Кемалю.

Историческая составляющая творчества З. Ливанели реализуется в его романах «Глаз гадюки» (Engereğin Gözü, 1996), «Прощание» (Veda, 2010), «На спине тигра. Тирания и свобода» (Kaplanın Sirtında. İstibdat ve Hürriyet, 2022). Писатель вписывает биографию того или иного исторического лица в определенный исторический период, показывая психологические особенности исторической личности [Kula, 2022; Önder, 2022].

Название романа «На спине тигра» представляет собой метафору. Султан рождается и живет словно бы на спине тигра. В его руках власть. Но стоит ему потерять власть, как он падает вниз, и грозный хищник может разорвать его в любую минуту. Именно это и происходит с одним из могущественных турецких султанов Абдулхамидом II (1842–1918), который правил Османской империей 34 года, был свергнут с трона, лишен звания халифа в 1909 г. буржуазно-националистическим правительством иттихадистов и отправлен в ссылку в город Салоники, который в то время еще находился в составе турецкого государства. Три с половиной года пребывания бывшего султана в Салониках (1909–1912) составляет романное время. Воспоминания Абдулхамида о его жизни, которые записывает назначенный к нему личный врач Атыф Бей, представляют художественное время.

По мнению турецкого литературоведа О.Б. Кулы, роман З. Ливанели не только исторический, но и биографический. Поскольку в нем главными действующими лицами являются реальные люди – 70-летний султан Абдулхамид и 24-летний врач-иттихадист (член партии Единение и прогресс) Атыф Бей, и приводятся факты их биографий и их

взаимоотношений. О.Б. Кула утверждает, что образ Абдулхамида многослоен: он воспроизводится в рассказах о себе самого султана, в записях этих рассказов доктором и, наконец, в пересказах записок доктора писателем З. Ливанели [Kula, 2022]. Доктор делал записи в блокнотах тайно, понимая, что если их обнаружат, то его отдадут под трибунал.

Главная тема романа – это взаимоотношения двух заклятых врагов (доктора и бывшего султана). С самого начала они вынуждены находиться рядом друг с другом и общаться между собой. Писатель дает их портреты крупными мазками. Абдулхамид предстает перед нами, описанный глазами революционера-иттихадиста, а доктор – глазами Абдулхамида [Livaneli, 2022, s. 35–36, 163]. Однако в процессе общения этих двух людей в какой-то момент их отношение к друг другу начинает меняться. В результате негласного соглашения доктор становится как бы «новым секретарем султана, посвященным в его тайны» [Livaneli, 2022, s. 199]. Доктор начинает сомневаться в правдивости всего того, что он слышал об Абдулхамиде раньше. Изменилось мнение о враге и у бывшего султана. Он посчитал его честным человеком, способным понять его собственные беды. Абдулхамид называл его «доктор бей сынок». Одновременно с изменением отношения к султану у доктора изменяется отношение к младотурецким правителям страны. У него возникают сомнения в правильности и справедливости их политики.

В итоге следует сказать, что в беллетристике З. Ливанели жанр исторического романа занимает особое место. В нем он выводит на первый план взаимоотношения между людьми, показывает исторических личностей в необычном для читателя ракурсе – простых людей со свойственными им печалью и радостью, страхом и сомнениями. Поэтика романа «На спине тигра» (хронотоп и образы героев) подтверждает, что психологические моменты для З. Ливанели приоритетны, что им подчинены социально-политические мотивы.

Литература:

1. Репенкова М.М. Турецкие писатели переходной эпохи: литературные портреты. М.: Наука – Вост. лит., 2020.
2. Kula O.B. Kaplanın Sirtında romanına ilişkin bir değerlendirme. 31 Ağustos 2022. URL: <https://www.k24kitap.org/kritik/kaplanin-sirtinda-romanina-iliskin-bir-degerlendirme-3730> (дата обращения: 31.01.2024)
3. Livaneli Z. Kaplanın Sirtında. İstibdat ve Hürriyet. İstanbul: İnkılap Kitabevi Yayın Sanayi ve Ticaret AŞ, 2022.
4. Önder S.S. Zülfü Livaneli, 2. Abdülhamid’i konu alan romanını Sırrı Süreyya Önder’in podcast serisinde anlattı. 26 Haziran 2022. URL: <https://serbestgorus.com/2022/06/zulfu-livaneli-2->

обращения: 31.01.2024)

Японские топонимические предания о «строительной жертве»

Садокова А.Р.

*ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры японской филологии
sadokova@list.ru*

В культуре всех народов особое значение всегда придавалось строительству жилища, а также возведению важных объектов, способствующих безопасности жизнедеятельности человека. Со строительством была связана сложная система обрядов и ритуалов, словесных формул и заклинаний, которые были призваны оградить построенный объект от влияния злых сил, порчи и разрушения. Важной целью являлось также умиловивление богов и духов, «владеющих» землей, на которой проходило строительство.

Имея распространение практически во всех районах мира, строительная обрядность носила региональные и национальные черты, но при этом обладала и неким универсализмом, что проявлялось, например, в повсеместном совершении ритуала принесения строительной жертвы. На протяжении истории у разных народов строительные жертвы имели самобытные формы. Это могли быть предметные «жертвы» такие как украшения, монеты, топоры, и в то же время сохранилось немало свидетельств о принесении в качестве жертвы коня или другого животного.

Однако наиболее частым и, вероятно, самым распространенным был обычай приносить в жертву живого человека. Свидетельства об этом сохранились в фольклоре и этнографии самых разных народов. Однако не менее значительный материал можно обнаружить и в фольклоре, в том числе в японском, в котором мотив принесения «строительной жертвы» получил настолько широкое распространение, что народные предания бытовали во всех районах страны.

В японском фольклоре такого рода предания связаны со строительством замков и мостов, а также с возведением плотин. Чаще всего в качестве «строительной жертвы» выступали молодые девушки, а также случайные прохожие – торговцы или странствующие монахи. Имена некоторых из них сохранились в народной памяти: именно так японская ономастика объясняет появление в районах принесения «строительной жертвы» местных топонимов с женскими и мужскими именами.

Феномен художественного свиста в традиционной культуре Китая и его связь с китайской классической литературой

Семенов И.И.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии
yise@yandex.ru

Феномен свиста проходит через всю историю традиционной культуры Китая. Но его значение изменялось в зависимости от эпох ее развития. В связи с тем, что свисты были разные, у нас здесь пойдет речь только о человеческом свисте в его художественной форме.

Эта тема в отечественном китаеведении остается совершенно неизученной, в западной синологии она тоже исследуется еще явно недостаточно, в отличие от Японии и особенно Китая, где по ней публикуется много статей и выходят монографии.

В свисте выделялись несколько основных способов извлечения: «продолжительный свист» *чан сяо* 长啸, «свист с [засунутыми в рот] пальцами» *чжи сяо* 指啸, «свист с [засунутым в рот] листочком [дерева]» *е сяо* 叶啸 и др. Также были стереотипы в его вариативном сочетании с рецитацией стихов и пением: «напевно рецитировать стихи и свистеть» *инь сяо* 吟啸, «петь и свистеть» *гэ сяо* 歌啸, «высвистывать песни» *сяо гэ* 啸歌 и т.д.

В истории свиста выделяются несколько эпох. Первая длилась с первобытных времен до III в. до н.э. Это была архаическая ступень в развитии свиста, носившего тогда всецело фольклорный характер и связанного в той или иной степени с мифом и ритуалом. Самым ранним источником, упоминающим свист, стала первая по времени антология «Канон песен», в которой в трех лирических песнях (VIII в. до н.э.) их героини посредством свиста в сочетании с пением выражают неудовлетворенность по поводу своих брачных отношений. Эти песни отражают наличие в то время свистовой фольклорной лирики, связанной со свадебной обрядностью и браком. В ту же эпоху свист еще единожды упоминается в поэме «Призывание души» (III в. до н.э.) из антологии «Чуские строфы» как компонент магического заклинания с функцией «высвистывать», вызывать душу покойного.

Во вторую эпоху, охватывающую правление династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), свист постепенно освобождается от фольклорной анонимности, получает индивидуальные характеристики, может обретать социально-политическую мотивацию, соединяется с даосской философией и религией и уже начинает складываться в определенную систему, состоящую из сакральных и профанных свистов; в сакральных

различаются свисты, вызывающие духов умерших и ветер; в профанных выделяются гражданственный, элегический и отшельнический свисты.

Последние двадцать с лишним лет той же эпохи, известные под названием «Цзяньвань» (296 – 220 гг.), знаменовались тем, что свист с того времени становится одним из распространенных топосов авторской литературной поэзии.

Третья эпоха в истории свиста известна как эпоха Шести династий Лю чао (220 – 589 гг.). Ее первый период Вэй Цзинь (220 – 420 гг.) называют «золотым веком» свистового искусства. В связи с крушением ханьской империи, междоусобицей, децентрализацией власти конфуцианство было замещено в качестве господствующей идеологии неодаосским «учением о сокровенном» *сюань сюэ* 玄学. В этом учении свист обрел свое философское обоснование и стал воплощением его принципов. Внутренняя независимость, свобода от внешнего принуждения, утверждавшаяся в *сюань сюэ*, становилась одной из основных особенностей художественного свиста. Она проявлялась в двух направлениях: в положительном плане – способствовала творческой активности, в отрицательном – подразумевала то, когда бросают вызов традиции, общепринятым нормам и условностям. Особое внимание обращалось на самобытность каждой «вещи», что приводило к осознанию эстетической специфики различных искусств, в том числе и свиста.

В период Вэй Цзинь сакральные свисты, в основном, отошли в историю, искусство свиста в целом носило светский характер с элементами мистики. Главенство получили отшельнические свисты. Наиболее важной их разновидностью стали медитативно-суггестивные свисты-послания как реплики в свистовом диалоге. Другую разновидность составляли свисты-инспирации, которые создавались в природном окружении и были проявлением вдохновения, пробуждаемого в свистящем природой как первообразом сокровенного *Дао*. Но одним из самых распространенных стали «пренебрежительные свисты» *ао сяо* 傲嘯, выражавшие со стороны своих создателей превосходство по причастности к *Дао* над другими людьми, отстраненность от социальных условностей и пренебрежение к тем, кто их соблюдает. Помимо отшельнических, были элегические свисты, упоминавшиеся в поэзии того времени. Свисты также могли использоваться в терапевтических целях, для достижения долголетия и т.п.

Во второй период Лю чао – «Южных и северных династий» Нань бэй чао (420 – 589 гг.) наблюдается замедление в развитии свиста, сменившееся новым подъемом в эпоху Тан (618 – 907 гг.), когда свистовое искусство широко распространяется во многих социальных группах, включается в придворную музыку, в оркестры, увеселяет на пирах, используется как средство обучения, становится важным топосом в поэзии. Но в последующие эпохи

таких заметных подъемов уже не происходит. Утрачивается популярность свиста в правящей элите, его продолжают использовать как символ и поэтический топос оппозиционные литераторы, но в целом свистовое искусство переходит к народу в фольклор.

Элементы детектива в рассказе Май Цзя «Две девушки из Фуяна» (2005 г.)

Семенюк М.В.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии
novembertune@yandex.ru*

Май Цзя (麦家, настоящее имя Цзян Бэнху 蒋本浒 р. 1964 г.) — современный китайский писатель и сценарист, лауреат премии Мао Дуня за роман 2003 г. «Заговор» (暗算), а его роман 2002 года «Расшифровка» (解密) вошел в «Десятку лучших детективных романов 2014 года» по версии журнала The Economist [3]. Май Цзя — выпускник военного училища, в прошлом — разведчик, в основном знаменит как автор детективных и «шпионских» романов. Однако элементы детективного жанра прослеживаются не только в его произведениях крупной формы, но и в малой прозе. Это отлично иллюстрирует рассказ «Две девушки из Фуяна» (兩位富陽姑娘), опубликованный в 2005 году и вышедший на русском языке в сборнике «Жизнь после смерти» (2021 г.) в переводе автора данной статьи.

Действие рассказа происходит в 1971 году на родине Май Цзя, в небольшом городке Фуян провинции Ханчжоу. Рассказ посвящен теме набора женщин в армию: молодую девушку, попавшую в ряды новобранцев НОАК, увольняют из подразделения из-за «проблем с поведением», а точнее — из-за нарушения девственной плевы, выявленного на медосмотре. После увольнения она совершает самоубийство, а ее семья и рассказчик пытаются выяснить, справедливо ли было обвинение.

Композиция сюжета рассказа четко следует канонам детективного жанра. В ней присутствует характерная для детектива «двухфабульность» и нарушение хронологического порядка изложения, а также четко выделяются 4 ключевых композиционных элемента, сформулированные Р.О. Фрименом [4]: 1) «преступление» — уже в завязке рассказа обозначено медицинское «преступление» главной героини; 2) «расследование» — на протяжении рассказа рассказчик пытается установить, как именно оно произошло; 3) «решение» — в кульминации, во время осмотра трупа выясняется, что обвинение было ложным; 4) «доказательство» — в развязке поясняется, что увольнение произошло из-за обычной бюрократической ошибки. Но особенность рассказа Май Цзя в том, что в нем одновременно идет расследование двух преступлений: не только

формального «преступления», которое совершила девушка, но и вполне реального преступления — доведения героини до самоубийства. И хотя внешне сюжет следует за расследованием первого, второе значительно более важно для проблематики произведения.

Также обращает на себя внимание нетипичный образ «детektива» в рассказе. Традиционно для жанра детектива сыщик противопоставлен государственному полицейскому, обладает выдающимися способностями, хитер и загадочен [1, с. 75-76]. Однако в рассказе Май Цзя все с точностью до наоборот: герой, которому поручено расследование, является типичным представителем государственной машины, он несообразителен, растерян, старается всегда действовать по инструкции и говорит шаблонными фразами. И только в конце рассказа к нему частично приходит осознание, что он тоже является причастным к смерти героини.

Отдельно стоит отметить язык рассказа. Часть языковых приемов также традиционна для детектива и направлена на создание «саспенса» — состояния тревожного ожидания, неопределенности и страха. К примеру, это явно прослеживается в эпизоде таинственного обнаружения тела и подчеркнуто натуралистичном изображении трупа героини. Однако большая часть рассказа написана совсем иным — и очень специфичным языком. Разговорная речь героев пестрит политической лексикой, соответствующими формулами и штампами, также ей присущи ярко выраженные черты официально-делового стиля. Даже в кульминационные моменты рассказа, к примеру, во время беседы героя с семьей погибшей, в тексте появляются пункты, отмеченные номерами, мысли, выраженные тезисно, цитаты начальственных лиц, обороты, характерные для канцелярских документов и т.п.

Все эти приемы работают на раскрытие центральной идеи рассказа о преступлении бюрократической системы против отдельного человека. Главная героиня и ее семья оказываются жертвами формальной ошибки и еще более формального «расследования». Лишь в конце читатель понимает, что в этой истории есть еще одна ключевая фигура. В ходе медосмотра другая девушка назвалась именем героини, испугавшись наказания, а военный врач даже не заметил, ведь для него все девушки в армии — не более чем «аномалия», с которой приходится мириться, ведь за них части досталось «два видеопроектора...дефицитный товар — как, впрочем, и женщины-солдаты» [2]. Здесь Май Цзя также нарушает канон детективного жанра, как его принято понимать в Китае. И для средневековой китайской «судебной повести» *гуньянь*, и для китайского детектива XX века была характерна установка на «поддержание справедливости» и принцип «зло должно быть наказано» [5, с. 177]. Однако в рассказе Май Цзя зло торжествует, не случайно семья в качестве компенсации требует принять вторую дочь в армию на место погибшей, а рассказчик, вспоминая то «малоприятное дельце», ощущает «ужасную слабость» [2].

Литература:

1. Кириленко, Н.Н. Детектив: логика и игра / Н.Н. Кириленко // Новый филологический вестник. 2009. №9. [Новый филологический вестник \(slovorggu.ru\)](http://slovorggu.ru) (дата обращения 08.03.2024)
2. Май Цзя. Две девушки из Фуяна / Май Цзя // Жизнь после смерти: 8+8: сборник рассказов. М.: Время, 2021.
3. Chinese novel in The Economist's annual best books [Электронный ресурс]: http://en.chinaculture.org/2014-12/26/content_588864.htm (дата обращения 08.03.2024)
4. Freeman, R.A. The Art of the Detective Story [Электронный ресурс] <http://gaslight-lit.s3-website.ca-central-1.amazonaws.com/gaslight/detcritF.htm> (дата обращения 08.03.2024)
5. Чжан Биу. Чжэньтань сяошо сохуа (Беседа о детективах) // Чжэньтань шицзе. 1923, № 15.

Особенности двух поэтических сборников поэтессы хинди Чампы Вайд *Стрелкова Г.В.*

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии
gstr@iaas.msu.ru*

Поэзия очень популярна в Индии, где часто организуются своего рода поэтические состязания – мушаиры. Со времён Средневековья в этой стране известно имя Миры Баи, поэтессы из Раджастхана, воспевавшей земное воплощение бога Вишну – Кришну. В первой трети XX века большую роль в становлении поэтического направления чхаявад [1] играла Махадеви Варма, автор нескольких поэтических сборников, в которых в основном изображались красота и одухотворённость природы. Один из поэтов – чхаявадистов Сурьякант Трипатхи Нирала навал её «Сарасвати в огромном храме литературы хинди». В середине XX века прославилась Саубхадра Чаухан, самое известное стихотворение которой называется «Рани Джанси Лакшми Баи» и посвящено отважной рани княжества Джанси, принявшей активное участие в Великом индийском восстании 1857 года.

В 1970-е годы в Индии начало развиваться литературное направление «Женское письмо» (Mahilaa lekhan), представительницы которого писали в основном прозу, но были и поэтессы, такие как Анамика, Нирмала Путул, Катьяяни и другие.

Чампа Вайд, годы жизни которой 1930–2017, была супругой выдающегося писателя и драматурга хинди Кришны Бальдева Вайда, матерью трёх дочерей и бабушкой нескольких внуков. При этом уделяла время и поэтическому творчеству. Два сборника её стихов – «Со всех сторон тишины» (Sannate ke ird-gird) [2] и «Дом во сне» (Svapna men ghar) [3] были опубликованы в 1997 и 2001 годах соответственно. Первый сборник был посвящен

дочерям – Рачне, Джьётсне и Урваши. В него вошло 85 стихотворений, которые были написаны с 1990 по 1995 годы, каждое стихотворение датируется, но эта датировка не отличается последовательностью, очевидно, стихи группируются тематически. Открывает этот сборник стихотворение «Я один белый цветок» (Main ek safed phul hoon) [2, с. 9] и сразу же становится понятным, что основная тематика стихов, вошедших в этот сборник, – близость к природе, раздумья о происходящем в жизни человека, воспоминания о поездках и учебе в школе, как в стихотворении «Злой дух» (Bhoot). [2, с. 17] В описаниях природы она, как правило, одухотворяется, что может проявиться уже в названии, например, «Что, туча сильнее солнца» (Kyaa badal sooraj se zyaadaa shaktishaalee hai) [3, 19] или «Мир, открыв лицо, сидит». (Sansaar munh khole baithaa hai). Отметим, что и в первом, и втором сборнике практически нет знаков препинания, лишь в редких случаях может быть поставлен знак вопроса, но, как правило, читатель должен домысливать или догадываться, какой смысл вкладывается в такое предложение – утвердительный или вопросительный. Чампа Вайд любит использовать аллитерацию – повторять одни и те же звуки в начальных слогах, например, в стихотворении «Шум/трепет крыльев» (PhaphaRahaa) [2, с. 16] повторяется это звукоподражательное слово, а также слово «биться, пульсировать» (dhaRakna).

Поэтесса относится к стихам, как к живым существам, например, в стихотворении «Воплощение слов» (Putlaa shabdon kaa) она пишет: «Я, причинив горе словам, получаю счастье. (Main shabdon ko dukh dekar/sukh paatee hoon)/ В попытке поймать пример подаю (PaakaRne kee kosheesh men unko masal detee hoon). Как прятка вокруг них / Всё брожу и брожу». [2, с. 21-22] Приём одухотворения используется и в других стихах, например, в стихотворении «Божество адиваси – отсталых племён» (Adeevaasee devata) небо одушевляется: «Небо спустившись, начало руки выкручивать (Nabh neeche aakar haath maRorne laga), Правая рука начала дрожать (Daayaath hath kampne laga)/ Правая рука писала стихи/ Как только открыв глаза / Стихи полетели» (Daayaath hath likh rahaa thaa kavita)). [2, с. 23]

Во второй сборник стихов «Дом во сне» вошло больше стихов, чем в первый [3, с. 3-88], но их темы так или иначе перекликаются. Примечательно, что завершают этот поэтический сборник два кратких прозаических повествования, которые называются «Духи/души» (Roohen) и «Без названия» (Shirshak heen) [3, с. 85-88]. В них поэт Чампа Вайд предстаёт и как прозаик, раздумывающий о смысле бытия, жизни и смерти, ответственности перед близкими.

Литература:

1. Вишневская Н.А. Чхаявад и проблемы формирования новой литературной системы в поэзии хинди. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
2. Vaid Champa. Sannat eke ird gird. (Чампа Вайд. Вокруг тишины). National publishing House. Nai Delhi. 1997.
3. Vaid Champa. Swapna men ghar. (Чампа Вайд. Дом во сне). National publishing House. Nai Delhi. 2001.

Методика и практика преподавания восточных языков

Семейные ценности: арабский мир и Россия (опыт обсуждения проблематики со студентами-арабистами)

Акинина О.Г.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии
olgakinina@bk.ru*

Традиционные семейные ценности, к которым относятся вера, любовь, брак, уважение, доверие, взаимопомощь, продолжение рода, это «культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия». [4] Для арабо-исламского мира такие понятия, как человеческое достоинство, честь, верность семье, превалирование семейных ценностей над личными интересами были и остаются важнейшими приоритетами на протяжении веков. Это очень сближает арабо-исламские государства с многонациональной и многоконфессиональной Россией, где семейные отношения испокон веков являлись духовными скрепами и строились на базе традиционных ценностей: дети, родительская любовь, солидарность поколений.

В «Концепции внешней политики Российской Федерации» (п. 56-3 раздела «Исламский мир») четко обозначено, что «Россия стремится укреплять всеобъемлющее взаимовыгодное сотрудничество с государствами – членами Организации исламского сотрудничества, уважая их общественно-политические уклады и традиционные духовно-нравственные ценности». [2] В этих целях Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание «продвижению межрелигиозного, межкультурного диалога и взаимопонимания, консолидации усилий по защите традиционных духовно-нравственных ценностей». [2]

Активная динамика и комплексный характер российско-арабского сотрудничества обуславливают необходимость изучения не только на научно-экспертном уровне, но и на этапе обучения арабскому языку и культуре прикладных и идейно-теоретических основ этого сотрудничества, что позволит «глубоко осознать и проанализировать новые «правила игры» (парадигмы) на этапе перехода от однополярного к многополярному миру, очередной волны борьбы Глобального Юга с неокOLONИализмом и суверенизации внешней политики многих стран ЛАГ». [3]

Актуальность обозначенных выше целей и приоритетов продиктовала необходимость подготовки для студентов-арабистов 3 курса ИСАА серии занятий на тему «Брак и семья в арабском обществе». Доцент кафедры арабской филологии Акинина О.Г.

решала на данных занятиях две задачи: учебно-прикладную и аналитическую. Студенты познакомились с обычаями и традициями арабов путем обработки аудиоматериалов, представленных на ютуб-канале Акининой О.Г. «Говори по-арабски на актуальные темы!» в видео-уроке «Дискуссия на тему: «Арабская свадьба» [1], который был записан с профессором египетского университета ал-Азхар доктором Али Шаабаном - преподавателем факультета иностранных языков и переводоведения. Преимущество такой подачи материала для студентов заключается в том, что они получают информацию «из первых уст» - от носителя языка и представителя египетского научного сообщества, в совершенстве владеющего литературным арабским языком, который преподается студентам ИСАА. На этапе дешифровки аудиоматериалов студенты получают запас лексики по рассматриваемой теме, а также узнают о неизвестных им реалиях арабской жизни. Помимо аудирования, студенты читали и обсуждали статью «Студенческий брак во время учебы в университете: за и против» [5] и познакомились с другими материалами.

Рассмотрение темы брака в арабском обществе позволило обратиться к проблеме традиционных ценностей, узнать много новой информации страноведческого характера, а самое главное – сравнить и проанализировать сходство и различие русской и арабской культур и почувствовать, с одной стороны, что сближает наши народы, а, с другой, лучше узнать свою культуру и ее традиции.

Литература:

1. Дискуссия на тему: «Арабская свадьба». Ютуб-канал «Говори по-арабски на актуальные темы!» https://youtu.be/oN4Eba6E9eU?si=rpXhfxjQRN_g68 Дата обращения: 9 марта 2024.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г. №229). <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> Дата обращения: 5 марта 2024.
3. Матвеев И. Россия и арабский мир: новая парадигма сотрудничества? <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-arabskiy-mir-novaya-paradigma/> 22.01.2024
Дата обращения: 5 марта 2024.
4. Национальная психологическая энциклопедия. Vocabulary.ru. Дата обращения: 5 марта 2024.
5. Ma‘ṣarānī L. Zhāhirat zawāj at-ṭalaba khilāl ad-dirāsa al-jāmi‘iyya. Mā bayna mu’ayyid wa mu‘āriḍ. <https://www.aljazeera.net/lifestyle/2021/8/18/%D8%B8%D8%A7%D9%87%D8%B1%D8%A9-%D8%B2%D9%88%D8%A7%D8%AC-%D8%A7%D9%84%D8%B7%D9%84%D8%A8%D8%A9-%D8%AE%D9%84%D8%A7%D9%84-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%B1%D8%A7%D8%B3%D8%A9>
Дата обращения: 9 марта 2024.

Трудности при освоении арабской скорописи

Арсанова Т.Е.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры арабской филологии
arsanovate@my.msu.ru*

При изучении любого нового языка, а в нашем случае арабского, студенты осваивают все виды речевой деятельности, в том числе и письмо. Освоению этого вида деятельности психологи уделяют много внимания. Процесс письма представляет собой сложную деятельность, которая включает в себя несколько психофизиологических компонентов. Интересным является тот факт, что в разных языках при освоении письма, будь то фонетическое (например, как в русском языке) или идеографическое (в китайском, японском языках), будут лежать различные психофизиологические механизмы.

Принято считать, что освоение собственно письма начинается с анализа звукового состава сегмента, который требуется отобразить, далее следует этап, когда фонема должна быть переведена в соответствующую букву, которая и будет в дальнейшем написана [Лурия А.Р.], и последний этап – это превращение буквы в графический знак [Гурьянов Е.В.].

Стоит отметить, что в арабском языке есть печатный почерк и скорописный. Согласно рабочей программы учебной дисциплины «Основной восточный язык (арабский)» на начальном этапе обучения студенты приобретают комплекс базовых языковых знаний и умений, необходимых для создания основы речевой деятельности во всех ее разновидностях, что включает в себя, в том числе, и освоение арабской графической системы.

Трудности, которые мы наблюдаем у студентов в начале обучения, могут возникнуть на любом из этапов развития навыка письма: и на уровне звукового анализа (например, пары эмфатический – не эмфатический звук), и при перешифровке фонем в графемы и их отображении на письме. Здесь представляется необходимым выделить следующие нарушения:

- нарушение при соединении графем (в арабском языке существуют графемы, которые соединяются с обеих сторон, и которые соединяются только с предшествующими графемами);
- нарушение направления движения;
- нарушение размера графем, их пропорций;
- нарушение элементов соединения;
- видоизменение соединений графем.

Упомянутые нарушения в большей степени относятся к технике письма. При этом анализ, детальный разбор графических нарушений и систематическая работа над ошибками приводит со временем к положительному результату и, соответственно, автоматизации навыка скорописи.

Вместе с тем необходимо учитывать и фактор отвлеченности внимания, вызванный, например усталостью, который также приводит к нарушениям при освоении скорописи.

Все вышеуказанные трудности и особенности необходимо учитывать при выборе и подготовке материалов для отработки и закрепления навыка скорописи у студентов на начальном этапе обучения.

Литература:

1. Агаркова Н.Г., Агарков Ю.А., Азбука. Обучение грамоте и чтению: 1 кл.: Методическое пособие – М.: Академкнига/Учебник, 2012.
2. Выготский Л.С., Мышление и речь: Избранные психологические исследования. М.: Издательство АПН РСФСР, 1959.
3. Гурьянов Е.В., Психология обучения письму: формирование графических навыков письма. Изд-во Академии педагог. наук РСФСР, 1959.
4. Лурия А.Р., Очерки психофизиологии письма. М.: Просвещение, 1989.

Введение русской и латинской транскрипции на начальном этапе обучения японскому языку

Бессонова Е.Ю.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии
elaoniti@gmail.com*

Обучение японскому языку начинается с представления звуков, которые обозначаются в транскрипции. Необходимо отметить, что студенты не всегда точно понимают, что такое транскрипция. Ошибка в трактовке термина приводит к непониманию правил прочтения транскрибированных слов, и в дальнейшем ведет к неправильному запоминанию звуков японского языка и соответственно некорректному произнесению. С самых первых занятий японским языком целесообразно обращать внимание учащихся на транскрипцию, записанную как буквами кириллицы, так и латиницей.

Учебники японского языка для начинающих, всегда вводят транскрипцию и дают подробное описание звуков, соответствующих тому или иному знаку транскрипции. Например, в учебнике Л.Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих» [2] используется термин «русская транскрипция», «латинская транскрипция», обобщающей таблицы нет, но в вводных уроках при введении письменности, знаки японской азбуки сопровождаются обеими транскрипциями. В ходе введения транскрипции, считаем уместным представить студентам словари японского языка, в которых приводится транскрипция, сопровождаемая разъяснениями. Например, в Большом японско-русском словаре [1] японские слова даются в русской транскрипции Е.Д. Поливанова, на форзацах словаря в начале и конце первого тома даны таблицы соответствий. Отдельно при объяснении темы транскрипции вводим обобщающую информацию о транскрипции Е.Д. Поливанова и системе Хепбёрна.

Транскрипция играет большую роль в начале обучения японскому языку, поэтому, например, в вышеупомянутом учебнике Л.Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих» [2] в начальных уроках дан ряд упражнений, где слова записаны в транскрипции на русском языке, а также отдельно в каждом уроке введено по одному упражнению, где слова записаны транскрипцией с применением латиницы. После полного освоения знаков японских азбук, упражнений с применением транскрипции в данном учебнике не предлагается, но во многих других учебных изданиях при необходимости транскрипция присутствует в разделе «грамматика» и разделе «словообразование».

Отметим также, что владение транскрипцией важно при прочтении теоретических трудов о японском языке, написанных как отечественными, так и зарубежными исследователями. В процессе обучения японскому языку студенты часто используют транскрипцию при подготовке курсовых работ, статей и т.п.

Таким образом, считаем, что теме транскрипции в рамках вводных занятий по японскому языку необходимо уделять время, акцентируя внимание студентов на корректном использовании транскрипции как в учебных целях, так и в дальнейшей научной деятельности.

Литература:

1. Большой Японско-русский словарь в 2-х томах. Свыше 100000 слов. С приложением иероглифического ключа. Под ред. Н.И. Конрада. Сост. С.В. Неверов, К.А. Попов, Н.А. Сыромятников. [и др.]. – М., «Советская энциклопедия», 1970.
2. Нечаева Л.Т. Японский язык для начинающих. Часть I, часть II. – М.: Московский Лицей, 2010.

**Создание учебно-методических пособий по турецкому языку в свете теории
коннективизма**

Оганова Е.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии
ova8@yandex.ru*

Среди основных педагогических подходов (теорий обучения), выработанных в XX в., выделяют бихевиоризм, когнитивизм и конструктивизм. К этим подходам в начале XXI в. добавился коннективизм, возникновение которого было связано в первую очередь с быстрым развитием технологий и экспоненциальным ростом количества знаний в современном мире, а также скоростью их устаревания: информация постоянно обновляется, а навыки и компетенции, востребованные в данный момент, через несколько лет или даже месяцев могут потерять актуальность.

Во вступительной части доклада кратко описываются основные принципы теории коннективизма, разработанные одним из его основоположников – канадским ученым и теоретиком обучения Дж. Сименсом (2004-2005).

В основной части доклада обобщается опыт создания учебного пособия по разговорному турецкому языку с применением методов коннективистского подхода: подробно описывается алгоритм работы со студентами, цели и задачи образовательного эксперимента, достоинства и недостатки коннективистского подхода.

Образовательный эксперимент состоял из нескольких этапов:

- Предварительный опрос учащихся о целях и задачах образовательного проекта, его структуре, образовательных стратегиях и пр.

- Формирование цифрового сообщества и инструментов взаимодействия его участников

- Совместное формулирование целей и задач образовательного проекта

- Совместный выбор материала для образовательного проекта

- Распределение материала среди участников образовательного проекта (1 этап - работа с видеофайлами, сбор лексики)

- Обработка представленного учащимися материала, анализ, комментирование, выделение лексических групп

- Распределение материала среди участников образовательного проекта (2 этап - составление упражнений и заданий)

- Совместное обсуждение: достоинства и недостатки подготовленного материала

- Представление конечного результата совместной деятельности: наработки для учебного пособия «Современная турецкая разговорная речь» (на основе турецких сериалов XXI века)

- Последующая обработка материала преподавателем

В заключительной части доклада представлены итоги образовательного проекта в виде презентации готового пособия.

Средства сети Интернет как инструмент подготовки переводчиков

Румак Н.Г.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии
rumakng@iaas.msu.ru*

На занятиях письменным переводом на 3 и 4 курсе ИСАА МГУ им. М. В.Ломоносова студенты выполняют перевод газетных текстов с японского языка на русский. Перевод объёмом 600 знаков (3 курс, 5 и 6 семестры обучения) и 700-800 знаков (4 курс, 7 и 8 семестры обучения) является домашним заданием на неделю и делается самостоятельно с использованием словарей.

Современные студенты, разумеется, пользуются скорее онлайн-словарями и приложениями (согласно опросу, проведённому в группах студентов экономического отделения 3 и 4 курса в 2023-24 учебном году – это японско-русские словари яркси, warodai.ru, jardic.ru, marukun, японо-английский jisho.org, многоязычный корпус соответствий tatoeba.org, многоязычный imiwa?, толковый словарь weblio.jp) из-за их удобства: возможности поиска по странице, ручного ввода иероглифов и т.п. Некоторые преподаватели опасаются расширения использования сети Интернет из-за возможного использования студентами автоматических переводчиков. Однако, если относиться к программам автоматического перевода как к ещё одному инструменту переводческой деятельности и научить студентов грамотно им пользоваться, ничего плохого не произойдёт. Даже при использовании подобных программ (к сожалению, во время самостоятельной домашней работы полностью исключить такую возможность нельзя) студент должен уметь анализировать исходный текст, аккуратно сверять автоматический перевод с источником, чтобы не допустить пропусков и искажений, вычитывать получившийся результат как с точки зрения естественности и правильности русского языка, так и с точки зрения фактических ошибок.

Чтобы избежать последних, необходима грамотная работа с источниками – в первую очередь, именно в сети Интернет.

Во-первых, студенты должны уметь пользоваться не только двуязычными (warodai.ru, Marukun), но и толковыми словарями исходного (японского) языка, чтобы уточнять незнакомые реалии. Например, современные сокращения, которые так «любят» японский язык, могут отсутствовать в японо-русском словаре, однако обязательно найдутся в словарях www.weblio.jp, dictionary.goo.ne.jp, kotobank.jp, приложениях Imiwa?, Shirabe jisho и др.

Во-вторых, необходимо иметь навык перекрёстного поиска на двух языках – это позволяет не только правильно идентифицировать реалии, но и подобрать устоявшийся эквивалент на русском языке в том случае, если такой эквивалент существует. В первую очередь, это фамилии, названия должностей официальных лиц, названия официальных органов и т.п. Особенно важен этот навык при работе с иностранными реалиями, которые, при транскрибировании на японский язык, могут принять совершенно незнакомый русскоязычному человеку облик (например, *фу:си* «хуситы», *санучаку* «Собчак» и др.). Для перекрёстного поиска во многих случаях можно использовать Википедию, сравнивая соответствующие статьи на японском и русском языках.

В-третьих, студентам при переводе могут потребоваться фоновые знания, которые также легко получить из сети Интернет. Это могут быть описания технологических процессов, необходимые для верного перевода, подробности политических или общественных мероприятий и т.п. Так, переводя цитаты высокопоставленных официальных лиц, студенты стараются найти оригиналы высказываний, чтобы не исказить смысл при двойном переводе.

Для проверки же приобретённых обучающимися навыков часть занятия выделяется для неподготовленного чтения и перевода с листа. В этом случае использование сети Интернет и словарей практически невозможно из-за временных ограничений, поэтому можно составить достаточно объективное представление об освоении студентами необходимого объёма знаний по лексике, иероглифике, понимания ими структуры японской фразы и умения делать адекватный перевод с японского языка на русский (несмотря на то, что в этом случае перевод делается в устной, а не в письменной форме).

О целесообразности применения коммуникативной методики на начальном этапе обучения арабскому языку

Саватеева Т.С.

В последние годы становится все более заметной тенденция среди обучающихся восточным языкам отдавать предпочтение коммуникативной методике при освоении предмета, высоко оценивать эффективность ее применения и, более того, ожидать от преподавателя внедрения данной методики с самых первых занятий. Это касается не только слушателей программ и курсов дополнительного образования, но также студентов профессиональных факультетов.

Настоящий доклад имеет целью (1) указать на возможные причины данной тенденции, и, (2) опираясь на опыт преподавания арабского языка на начальном этапе обучения по программе ИСАА МГУ [2] и др., обозначить вызовы, которые арабский язык ставит перед коммуникативной методикой обучения иностранному языку, а также (3) предложить методические приемы, с помощью которых представляется возможным их преодолеть.

Один из отличительных принципов коммуникативной методики заключается в ее функциональности. Предполагается, что отдельные лексические, грамматические и другие навыки формируются у учащихся в ходе выполнения поставленной речевой задачи [Пассов 1991: 36]. Коммуникативный подход хорошо зарекомендовал себя в отношении индоевропейских языков. Однако, целесообразность опоры на него как на основную методику на самом раннем этапе обучения восточным языкам, и в частности, арабскому, является, на наш взгляд, вопросом дискуссионным.

Существует мнение, согласно которому «классическое востоковедческое образование, предполагающее не только обучение восточному языку, но и знания о регионе, его культуре, литературе, политике, истории, экономики и т.д.», держащее фокус на «на грамотное, четкое изложение содержания текста, точность перевода, ...четкое знание грамматических конструкций» [Гармаева 2014:] не отвечает целям тех, для кого востоковедение не является будущей специальностью, и в этой связи требует переосмысления методики. Вероятно, именно в отношении неспециалистов с данным утверждением отчасти можно согласиться.

Но, во-первых, эффективно ли быть востоковедом «наполовину»? Например, изучать арабский язык, не осваивая при это арабскую письменность, имеющую значимую культурно-историческую ценность. А, во-вторых, насколько успешными окажутся попытки преподавания восточного языка «методом коммуникативного погружения», если не уделить достаточное внимание вводно-фонетической части курса? Так, для быстрого

формирования базовых навыков аудирования и говорения на арабском языке крайне важно грамотное освоение артикуляции и восприятия звуков, непривычных для русскоговорящего: от гортанных (гортанная смычка, *hā'*) и фарингальных ('*ayn*, *ḥā'*, *ghayn*, *ḥā'*) согласных до интердентальных (*dhāl*, *thā'*), лабиодентальных и билабиальных [Аганина 2012: 110 – 111], т.е. включающих с точки зрения места артикуляции весь речевой аппарат; или имеющих особенности способа артикуляции (эмфатические, велярные).

Кроме того, необходимо помнить об особенностях языковой ситуации в арабском мире в контексте понятия диглоссии, которая «выражается в арабских странах в том, что арабский язык существует в каждой отдельной арабской стране не как единое языковое образование в совокупности его функционально-стилистических и региональных вариантов, а как два языка, имеющих типологические различия» [Аганина 2012: 79]. Литературный арабский язык и разговорные языки имеют разные сферы функционирования, полноценное владение арабским языком должно включать обе его формы.

Мы поддерживаем применение коммуникативной методики в рамках уже существующей системы преподавания арабского языка на кафедре арабской филологии ИСАА МГУ, но с учетом этапа обучения и в качестве дополняющего средства по отработке лексики и грамматики с целью повышения мотивации и интереса к языку у обучающихся.

Литература:

1. Аганина Г.Р. Лингвистические основы орфоэпии чтения Корана // Сборник пособий по исламоведению и корановедению. Восточная книга, М., 2012.
2. Гармаева О.О. Преподавание восточных языков сегодня: коммуникативная направленность обучения // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2014. № 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-vostochnyh-yazykov-segodnya-kommunikativnaya-napravlennost-obucheniya> (дата обращения 05.03.2024)
3. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1991.
4. Рабочая программа учебной дисциплины «Основной восточный язык (арабский)». Рекомендуются для направления подготовки 41.03.03 «Востоковедение и африканистика». Квалификация (степень) выпускника: бакалавр. М., 2016.

Ошибки при переводе на русский язык названий китайских ключей

Чжоу Бици

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, аспирант кафедры китайской филологии
biqizhou@mail.ru*

В настоящее время в России разъяснение и изучение ключей китайских иероглифов основываются на таблице иероглифических ключей из книги «Практический курс китайского языка (пособие по иероглифике)». Эта таблица помогает преподавателям и студентам в изучении и понимании китайских иероглифов, но следует отметить, что в таблице существуют некоторые неточные толкования. В настоящее время в научных кругах не хватает исследований и корректировок по этому вопросу. В этой статье исследуются 214 ключей, перечисляются все неточные толкования, проводится разделение на полностью правильные и неправильные толкования, а также анализируются их причины.

1. Не полностью правильные толкования

(1) 亻: идущий человек [Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка (пособие по иероглифике). Москва: Восточная книга, 2010. 129 с.]. Согласно «Шовэнь цзецзы», 亻 обозначает не конкретно идущего человека, а человека, у которого могут быть разные позы. Например: 祝, иероглиф 祝 в цзягувэне изображает образ человека, молящегося на коленях [Расшифровка китайских иероглифов. Ухань: Издательство литературы и искусства Чанцзян, 2020. 10 с.] .

(2) 宀: крышка. В «Шовэнь цзецзы» написано, что 宀 обозначает накрыть, обе стороны иероглифа свисают вниз [Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы. Пекин: Пекинская объединенная издательская компания, 735с.] .

(3) 匕: черпак, кинжал. В книге «Шовэнь цзецзы» Сюй Шэнь дает три объяснения: 1. человек, смотрящий в другую сторону, переносное значение: противоречить и сравнивать; 2. ложка; 3. стрела, кинжал.

Таких не полностью правильных толкований всего 23, далее приведены остальные ключи с не полностью правильным толкованием: 冂/巳, 土, 寸, 尸, 彡, 彳, 月, 欠, 歹, 贝, 瓦, 甘, 而, 页, 舛, 豆, 豸, 辛, 辰.

2. Неправильные толкования

(1) 扌: делить, разделять. Ключ 扌 во многих иероглифах произошел от ключа «収/井 соединить руки», который означает две руки подняты вместе.

(2) 户: двор. Судя по форме цзягувэни можно видеть, что 户 похож на одну дверь.

Таких неправильных толкований всего 5, далее указаны другие три ключа: 方, 死, 爻.

Причины приведенных выше неправильных переводов можно разделить на шесть категорий : (1) Используется переносное значение ключа. Из-за этой причины появились неполностью правильные переводы таких ключей как 匕, 卩/巳, 士, 寸, 舛, 辰, 户. (2) Используется значение ключа, которое ранее было заимствовано для других иероглифов, пример таких ключей: 欠, 而, 页, 豆. (3) Перепутано значение, в случае когда ключ как иероглиф или часть иероглифа, например: 月, 尸, 歹, 贝. (4) Путаница с другими ключами, например: 死, 丑. (5) Неясно, как изначально выглядел ключ: 方, 扌. (6) Заменили общее значение ключа частью значения: 儿, 一, 彡, 彳, 瓦, 甘, 豸, 辛.

Исходя из вышеизложенного, мы видим, что значения ключей непрерывно развивались и изменялись на протяжении 5000 лет истории китайских иероглифов. Чтобы досконально понять их значение, мы должны четко понимать первоначальный смысл ключей и происходящие с ними изменения. Поэтому изучающим китайский язык рекомендуется на начальных этапах изучения запоминать правильный перевод ключей, чтобы не исказить интерпретацию китайских иероглифов в будущем. Педагогам китайского языка рекомендуется обратить внимание на ключи с неправильной интерпретацией, перечисленные в этой статье, в процессе обучения закреплять правильное толкование посредством примеров. Это поможет учащимся лучше понять значение китайских иероглифов и запомнить их, тем самым повысив эффективность изучения китайского языка.

Литература:

1. Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка (пособие по иероглифике). Москва: Восточная книга, 2010.

2. Расшифровка китайских иероглифов. Ухань: Издательство литературы и искусства Чанцзян, 2020.

3. Сюй Шэнь. Шовэнь цзецзы. Пекин: Пекинское объединенное издательство, 2020.

**К вопросу о роли преподавателей-носителей языка в формировании компетенции
иноязычной диалогической речи обучающихся**

Юй Цзе

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры китайской
филологии*
kaqusha686@yahoo.com

В современном преподавании иностранных языков со значительным акцентом на коммуникативной направленности конечной целью является коммуникативная компетенция обучающихся. Исходя из этого понимания, теоретики и методисты коммуникативного подхода выступают за сходство процессов обучения и общения, в котором на первое место выходит устная речь. Следовательно, при попытке приближения процесса обучения к процессу реальной коммуникации происходит искусственная трансформация ролей обучающихся и обучающихся, которые по идее должны выступать равноправными участниками в коммуникации.

Во избежание недостатков прямых методов и коммуникативного преподавания как такового, в российской лингводидактике подчеркивается «сознательный характер всего обучения и дедуктивный характер обучения грамматике» [1, 82], что четко проявляется в сознательно-практическом методе преподавания. Этот метод является особенно эффективным при упоре на практическое овладение языком через осознание его структуры. Сохраняя ведущую позицию этого метода в обучении китайскому языку, кафедра китайской филологии ИСАА МГУ им. Ломоносова в течение нескольких десятилетий на каждом курсе обучения осуществляет занятия с носителями языка. Согласно учебной программе кафедры, изучение языка с его носителем представляет собой необходимую и органично дополняющую составляющую занятий русских преподавателей, в процессе которых в основном организуется усвоение учащимися средств языка и обучение речевой деятельности во всех ее видах, в том числе и переводу на родной язык.

В таком распределении преподавательских ресурсов и их взаимодействии роль носителей языка главным образом сводится к закреплению и развитию у студентов приобретенных знаний, навыков и умений, тщательному отбору речевых интенций, тем и ситуаций общения, отражающих практические интересы и потребности учащихся. Основным видом работы в процессе обучения выступает вербальная коммуникативная практика в основном в диалогической форме.

Аудиторные диалоги за исключением опросов-ответов по разбору языковых материалов могут разделить на три типа: 1) заранее подготовленные учащимися по темам и образцам учебных текстов; 2) спонтанные разговоры этикетного или информационного характера; 3) организованные, но разворачивающиеся в свободной форме дискуссии по социально значимым вопросам. Они, как и реальные диалоги, также начинаются инициативной репликой и заканчивается реактивной репликой, которые образуют диалогическое единство и являются предметом обучения. Задачи обучения заключаются в формировании компетентности обучающихся в диалогической речи (КДР), что проявляется в умениях начинать диалог, поддерживать разговор и заканчивать его в соответствии с правилами, принятыми в реальном общении.

В формировании и развитии названных умений обучающихся необходимо участие преподавателя-носителя языка, который не только может поправлять фонетические и речевые ошибки учащихся, но и может давать им рекомендации в соответствии с правилами, принятыми в реальном общении с представителями данного лингвокультурного сообщества. Эти дидактические рекомендации могут затрагивать все аспекты функционирования языка и понадобятся обучающимся чуть ли не с первых дней. В качестве примера можно привести диалог – приветствие, который открывает ряд учебников по китайскому языку, в том числе и китайские пособия. Этот диалог состоит всего из двух реплик – инициативная и реактивная, которые образуют одно диалогическое единство (ДЕ) и представляют собою одну и ту же фразу «Здравствуйте» (你好). В силу своей коммуникативной функции и небольшого объема языковой информации данное ДЕ идеально подходит для первого урока. Но в реальной жизни такой диалог встречается довольно редко, обычно только при знакомстве или приветствии, адресованном незнакомым людям. Согласно китайскому этикету инициативную реплику диалога начинают всегда с личным обращением, неважно, приветствие ли это, сообщение или что-то другое. И поэтому приветствие без личного обращения может вызывать у адресанта только неприятное ощущение.

На успешность речевого общения часто влияет его экспрессивность, которая, помимо языковых средств, выражается также с помощью интонационного оформления и невербальных средств. Речь и соответствующие паралингвистические средства преподавателя-носителя языка в этом плане является образцом и ориентиром для речевого действия учащихся.

Таким образом, взаимодействие с преподавателями-носителями языка помогает не только выработать необходимые речевые компетенции, но и выбирать наиболее подходящие коммуникативные стратегии.

Литература:

1. Щукин А. Н. Методы и технологии обучения иностранным языкам. М., 2017. 240 с.

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

Японский национализм и его роль в новом миропорядке XXI века

Арешидзе Л.Г.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры истории и культуры Японии

info@japanesefirst.ru

Важным структурообразующим принципом, вокруг которого гармонично группируется огромное количество самых разнообразных фактов, является национализм. И это не просто позитивный и конструктивный элемент внутренней и внешней политики любого государства, но, в сущности, ее самый фундаментальный фактор, основа его развития. Однако роль национализма как идеологии и политической практики государства не была на протяжении XX столетия столь однозначной. Он, несомненно, сыграл свою положительную, прогрессивную роль в процессе становления национальных государств, в особенности способствуя разрушению колониального мира после Второй мировой войны. Вместе с тем, его роль зачастую и наиболее заметно в первой половине XX века имела явно деструктивный, разрушительный характер. Национализм нередко сопровождался формированием ненависти к другим нациям и народам, имел явно воинствующее, милитаристское содержание. Националистические «вывихи» в политике и организации социальной жизни нередко превращали национализм в «чуму XX века», придавая этому понятию устойчиво негативное содержание.

Любой национализм, как теория и политическая практика, как идеология и образ мышления представляет собой использование властями уникальной системы ценностей, свойственной данной нации и отличающей ее от других. Японский национализм всегда был, в первую очередь, особым продуктом объединения государственной идеологической политики по патриотическому воспитанию нации с традиционным, этническим национализмом, как глубоко укоренившейся в сознании японцев системой общечеловеческих ценностей, позволяющих консолидировать нацию в единое целое. Стало быть, ключ к пониманию феномена японского национализма, на наш взгляд, лежит в правильном представлении интересов и поведенческой природы японского государства-нации со специфическими особенностями процесса индоктринации общества с опорой на государственную идеологию, с государственным контролем над экономикой и системой образования, с доминированием центрального управления над местными органами власти. Иными словами, японский национализм есть конечный продукт тонкой и кропотливой

работы государства по формированию, воспитанию и консолидации японской нации. Усилия государства при этом всегда были направлены на мобилизацию национального потенциала по реализации проектов модернизации, на выживание нации как суверенного государства в разные исторические периоды ее развития.

Однако национализм в Японии – это не только продукт деятельности государства. В японском обществе чрезвычайно сильны традиционные националистические начала, которые составляют моральный фундамент нации. Моральные основы нации включают в себя уважение и любовь японцев к своей стране, к ее истории, к исторической памяти, к истокам японской цивилизации, к институту императорской власти и т.п. При этом, правда, важно помнить, что за процессом формирования националистического самосознания японцев всегда стоит государство, которое умело эксплуатирует и направляет объективную потребность японцев к самоидентификации в своих политических и экономических интересах, в интересах выживания власти и нации. И здесь государство опирается на важнейший базовый принцип формирования националистической идеологии в обществе – это уважение своего народа, понимание его нужд и проблем, видение в нации привилегированного компонента национальной политической системы. Именно эта особенность политической культуры Японии достигает сердца каждого японца, составляет фундамент его национальной идентичности.

Литература:

1. Ватанабэ А. Нихон то ва до иу куни ка, доко э мукаттэ ику но ка (Какая страна Япония? Куда она идет?). Токио, 1998.
2. Насёнару хистории_о коэтэ (Меняющаяся японская история). Токио, 1998.
3. Heywood A. Political Ideologies. An Introduction. Ch.1, 4th edition. New York. 2007.
4. Iwabuchi K. Japanese popular culture and postcolonial desire for Asia – Popular culture, globalization and Japan. London and N.Y. 2006. P. 17.
5. Yoshihara K. Globalization and national identity. Alternative to the American model. Malasia. 2001. P. 158.

Санскритологи в нацистской Германии

Вигасин А.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ведущий научный сотрудник кафедры истории

Южной Азии.

alexey.vigasin@gmail.com

В первой половине XIX в. была открыта индоевропейская семья языков. В немецкой историографии ее называли индогерманской. Все народы в эпоху становления национальных государств обращаются к своему мифологизируемому прошлому. Изучая санскритские памятники, немецкие ученые интересовались не историей одного из регионов Азии – они, главным образом, пытались представить культуру собственных предков. В ведийских штудиях рисовали образ *ариев* – воинственного и благородного народа, преданного своим богам. В эпоху Р. Вагнера и Ф. Ницше сформировалась националистическая идеология, эксплуатировавшая арийский миф.

В тридцатые годы активно действовали такие организации как *Ahnenerbe* («Наследие предков») и Арийский семинар университета в Тюбингене. Во главе их стояли санскритологи – В. Вюст и Я.В. Хауэр, пользовавшиеся покровительством СС и лично Генриха Гиммлера. Удивительные трансформации происходили тогда с понятием «раса», которое могло терять связь с антропологией. «Расой», противостоящей «потомкам *ариев*», оказывались не темнокожие, а семиты (причем не все те народы, что говорят на семитских языках, а только евреи, языком которых в Европе был близкий немецкому идиш).

Антисемитская политика нацистов имела драматические последствия для немецких санскритологов еврейского происхождения. Кому-то удалось эмигрировать (И. Шефтеловиц, О. Штраус, Р. Симон, Л. Шерман, В. Рубен), В. Найссер покончил жизнь самоубийством, О. Штейн погиб в гетто. Санскритолог Г. Циммер (младший), несмотря на сотрудничество с нацистскими организациями, был уволен из университета в Гейдельберге и лишен профессорского звания из-за того, что дед его жены был крещеным евреем. Он успел уехать в Англию и затем в США.

Некоторые санскритологи в тридцатые годы стали интенсивно заниматься новыми индийскими языками и проблемами современной Индии. Это было связано с государственной политикой – «поворотом на Восток»: ведомство И. Риббентропа позиционировало Германию как лидера угнетенных народов в борьбе против английского колониализма. После того, как в Германию прибыл С.Ч. Бос, «фюрер» (Нетаджи) индийского национализма, при МИДе был организован специальный центр по проблемам Индии. Наиболее активным сотрудником его был санскритолог Л. Альсдорф, книга которого о современной Индии заслужила одобрительную оценку А. Гитлера. Его коллега П. Тиме работал с солдатами «Индийского легиона», сформированного С.Ч. Босом. Эти ученые не были убежденными нацистами, но они служили нацистскому рейху.

Преподаватели университетов Германии массово вступали в нацистскую партию (от 60 процентов в Лейпциге до 90 процентов в Мюнстере). Вместе с представителями других наук индологи, университетские профессора и доценты (И. Хертель, Ф. Веллер, В.

Шубринг, И. Нобель, Э. Зиг), в ноябре 1933 года подписали «Клятву верности фюреру». Выдающийся санскритолог Г. Людерс был вынужден оставить Берлинский университет, в котором еще недавно был ректором. На кафедре Индии его сменил Б. Брелер, офицер СС, старавшийся очистить факультет от тех, кто недостаточно лоялен нацистской партии.

Одаренный санскритолог, знаток индийской музыки, античных источников и истории права, Б. Брелер был давним сторонником национал-социализма. Его трехтомный труд об «Артхашастре» является фундаментальным исследованием по таким проблемам, которые прежде не интересовали немецких ученых: рабство, собственность, государственное устройство и финансы древней Индии. Но идеологическая основа этой монографии поражает воображение. Автор хочет доказать, что в древней Индии существовала государственная собственность на землю и плановая экономика, тотальный контроль спецслужб за всеми сферами жизни. Таким образом, во времена Маурьев был осуществлен политический идеал национал-социализма, по его словам, близкий тому, что можно наблюдать в Советской России. Б. Брелер воевал на Восточном фронте в войсках СС и умер от истощения в 1947 г. в советском лагере под Тбилиси.

Кризис руководства караимских общин Крыма на рубеже XVIII - XIX вв. и эволюция традиционной культуры

Гаммал М.И.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры иудаики
max_hammal@yahoo.com

Возникновение и развитие религиозной литературы на разговорном языке в еврейском традиционном обществе, как правило, сопряжено с кризисом, которое оно переживает. Так, рождение «старой литературы» на идише в XVI веке объясняется, с одной стороны, демографическими проблемами, которое испытывало восточноевропейское еврейство, с другой, дистанцией в традиционной культуре между образованной элитой и простонародьем. При весьма похожих обстоятельствах только в начале XVIII века в сефардских общинах Османской империи происходит становление религиозной литературы на ладино. Израильский историк Иосиф Дан отметил, что этическая литература всегда играла важную роль в еврейской истории, «как сила, которая абсорбирует новые революционные идеи философов, пиетистов и мистиков, превращая их в конструктивную и консервативную идеологию» [3, с. 109].

Возникновение религиозной литературы на разговорном языке в караимских общинах Крыма относится к началу XIX века. В данном случае речь идет о ряде сочинений,

принадлежащих перу известного галахического авторитета рубежа веков и хазану в общине Чуфут-Кале Мордехая б. Соломона Казаза (ум. 1835). Сборник под общим названием «Чуф Деваш» («Сотовый мед») был напечатан в караимской типографии в год смерти автора. В предисловии к сборнику сказано, что произведения, вошедшие в него, составлены для «услаждения и утешения души» [2, с.1] т.е. перед нами произведения, которые по мнению автора относятся к жанру моралистической литературы. Для понимания нового для караимской литературы жанра стоит задаться вопросом реакцией на какие события в жизни караимской общины стали эти произведения, т.е. надо прояснить исторический контекст развития традиционной культуры.

Формально дата рождения караимской этической литературы совпадает с началом российского периода в истории Крыма. Однако, смена государственной власти, по крайней мере, в первые десятилетия никак не отразилась на повседневной жизни общины и поэтому она не могла стать причиной обращения духовной элиты к пиетическому жанру. Лидерам караимской общины в Крыму уже в конце XVIII века удается наладить весьма близкие отношения с высокопоставленными чиновниками Российской империи. Создание отдельного российского законодательства в отношении караимов относится ко второй трети XIX века было инициировано руководством общины. Здесь же заметим, что это законодательство носило, по большей части консервативный характер, признавая автономию караимской общины и укрепляя тем самым традиционный порядок.

Произведения Мордехая Казаза, скорее, были призваны создать «консервативную идеологию» в ответ на тот глубокий внутренний кризис, который переживали караимские общины региона на рубеже веков. Он был вызван реформой в области календаря, которые провел Исаак б. Соломон, духовный глава караимов, в конце XVIII века. Реформа привела к расколу, когда часть караимского общества во главе с известным ученым Вениамином Дуваном открыто выступила против новых правил вычисления календаря. Спор, суть которого относилась к области астрономии, хоть и не был понятен большинству караимов напрямую отражался на ходе повседневной религиозной жизни общины – каждая из противоборствующих партий отмечала праздники в разные дни [1]. Столь явный раскол в рядах религиозной элиты требовал укрепление веры простых общинников. И очевидно, что цикл произведений Мордехая Казаза как нельзя лучше соответствовал этой задаче.

Состав произведений, которые вошли в сборник «Чуф Деваш» отражает стратегию «укрепления веры», предпринятую М. Казазом. Все эти произведения написаны на караимском языке, что предполагает самую широкую читательскую аудиторию. Сборник открывается произведением «Чуф деваш» («Сотовый мед»), что представляет собой поэтическое изложение Пятикнижия, разделенное на недельные главы. Оно было призвано

если не заменить, то сделать понятным нормативное стихотворное изложение Пятикнижия на иврите «Минхат Йехуда» («Дар Йехуды») Йехуды Гиббора, которое традиционно читалось в конце субботнего богослужения в синагоге каждым молящимся. Далее следует катехизис «Тув Таам» («Благоразумие»), чья задача была познакомить ученика караимской школы-мидраша с основами веры. А в конце сборника даны «Мешалим у-Маасийот» («Притчи и сказки»), цель которых - дать моральный урок самому неискушенному караимскому читателю – женщинам и детям.

Литература:

1. Гаммал М. Календарные споры в караимских общинах Крыма в конце XVIII – начале XIX в. // Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике / Отв. Ред. В.В. Мочалова. Т. 1. М., 2010. С. 352-365.
2. Казаз Мордехай Чуф Деваш («Сотовый мед»). Гозлёв (Евпатория), 1835. 75 л. [кар.]
3. Dan J. Jewish Mysticism and Jewish Ethic. Seattle: University of Washington Press, 1986.

Лути в кадjarском Иране: рыцари базара или городские бандиты?

Коняшклина Т.А.

*ИСАА, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока
tamara_mgu@mail.ru*

Ардашникова А. Н.

*ИСАА, к.ф.н., доцент кафедры иранской филологии
anardash@mail.ru*

Социальная и экономическая жизнь городской общины кадjarского Ирана описывается как взаимодействие трех ее основных элементов – домохозяйства, квартала (махалля) и базара, как центр деловой активности горожан. Но при характеристике социально-культурных и политических процессов в городе важно подчеркнуть присутствие еще одной устойчивой формы такого взаимодействия – наличие двух противоборствующих групп, разделивших общину на конфликтующие лагеря - *немати* и *хайдари*, сформировавшиеся, видимо, в тимуридско-сафавидский период. Существование таких неформальных объединений, создававшихся по политическому или иному принципу характерно было и для Европы вплоть до XVI в. Движущей силой этой конкуренции, часто заявлявшей о себе в городах Ирана публичными массовыми драками, которые могли завершать религиозные празднества или состязания борцов (пехлеванов), были *лути*,

представители одной из малых социальных групп, объединённые рядом признаков: физической силой и ловкостью, которые оттачивались в *зур-хане* (домах силы), особенностями внешнего вида, указывающими на их групповую принадлежность, образом жизни, порицаемым общественной моралью, но не лишенным привлекательности вызова. *Лутти* – завсегда и питейных домов, куда не заглядывают благонамеренные горожане, они проводят время, устраивая петушиные и бараньи бои, легко ввязываются в драки, тем более что каждый из них должен иметь при себе нож. Вклад этих «детей квартала» в производительную жизнь города незначителен – как правило, это торговля всякой мелочью и дешевым сезонным товаром. Их принадлежность к сообществу – дело личного выбора, а социальный резерв может включать помимо «черни», составляющей абсолютное большинство, и представителей состоятельных слоев города. Главной своей отличительной чертой сами *лутти* считают культ товарищества, помноженный на неписанные этические правила, которые вдохновлялись благочестивой мужественностью *джаванмарди* и героикой «Шах-наме», масштаб которых, впрочем, ограничен чертой города.

В городах *лутти* «держали» кварталы, играя роль защитника населения в отношениях с представителями власти, но это покровительство носило избирательный характер и могло не распространяться на обитателей соседнего квартала, страдавших от их грабительских и разбойных выходов. Грань, отделяющая «благородного силача» с разбойничьей повадкой от бандита, чрезвычайно зыбка, эти два лика существуют в постоянном взаимодействии. Если в Тегеране и Тебризе спорадические вспышки уличного разбоя гасились властью, то провинциальные городские центры, где ее позиции были слабы, могли оказаться объектом ударных отрядов *лутти*, вернее их покровителей. В этом качестве могли выступать местные влиятельные семьи, делившие власть в городе, улама, реже – представители крупных купеческих домов. Хорошо известна история клана Кавамов Ширазских, которые заключили взаимовыгодный союз с местным главой *лутти* и с помощью его бойцов управляли городом.

Особое значение приобретает внимание к традиционным формам самоорганизации населения городов в периоды массовых социально-политических движений. Политические симпатии тебризцев во время Тебризского восстания 1908-1909 гг., одного из узловых событий *машруте*, обнаруживают прямую связь с принадлежностью к внутригородским ассоциациям *хайдари* и *немати*, а прославленный руководитель восстания Саттар из рядовых братьев, как часто называли себя *лутти*, сумел возвыситься до статуса их главы с почетным прозвищем «*сардар-е мелли*» - вождь народа.

Проблема характера и степени участия представителей криминалитета в революционном процессе сохраняет значение и доныне. Во всяком случае в Иране она не

раз заявляла о себе в XX в. – в период подавления движения М. Мосаддека и революции 1978-1979 гг.,

Литература:

1. Алексеев А.К. К значению термина аубаш //Материалы XXXVШ и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014-2015 гг., СПб, Кунсткамера, 2015.
2. Мостоуфи А. Шарх-е зендеган-е ман (Мое жизнеописание). Дж. 1. Тегеран, 1371 (на перс. яз.).
3. Rahimi B. Theater State and the Formation of Early Modern Public Sphere in Iran Studies on Safavid Muharram Rituals. New York: E. J. Brill, 2011.
4. Хобсбаум Э. Бандиты. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020.

Женское лицо достижений авиации «Новой Турции»: образ Сабихи Гёкчен в турецкой прессе второй половины 1930-х гг.

Люльчак А.С.

*ИСАА МГУ имени Ломоносова, кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока
lyulchakas@my.msu.ru*

В докладе представлены результаты исследования конструирования образа первой турецкой женщины-пилота Сабихи Гёкчен через призму турецкой прессы во второй половине 1930-х гг. Работа построена на контент-анализе ведущих кемалистских изданий – газет “*Cumhuriyet*” (Республика), “*Tan*” (Рассвет) и “*Ulus*” (Нация). Основанная на рубеже 1910-х и 1920-х гг. “*Cumhuriyet*” и начавшие издаваться в середине 1930-х гг. “*Tan*” и “*Ulus*” – все эти издания стали фактически печатными органами правящей Народно-республиканской партии и важнейшим инструментом кемалистской пропаганды.

Авиация как отражение достижений технического прогресса и эмансипация женщины как символ прогресса общественных отношений в Турции занимали видное место в ряду пропагандистских сюжетов, из которых конструировался публичный имидж кемалистской «Новой Турции» (статистически это отражалось в количественном росте посвященных этим вопросам авторских заметок и передовиц в ведущих турецких газетах 1930-х гг.). Репортажи, интервью, а также фотографии героических женщин и вдохновляющие примеры успехов технического прогресса не сходили с первых полос газет. Тем не менее, в насыщенном информационном потоке ощущалась нехватка центрального персонажа, который мог бы стать ключевым символом для формирования образа «Новой

Турции» как страны, добивающейся удивительных успехов на ниве европеизации и модернизации. Именно Сабиха Гёкчен, первая турецкая женщина-авиатор и приемная дочь Мустафы Кемала (Ататюрка), воплотила собой такого центрального героя, вокруг которого стало возможно выстраивать успешную пропагандистскую кампанию. Репортажи о Сабихе Гёкчен, истории ее успеха, фотографии за штурвалом самолета – все это маркировало важный кемалистский пропагандистский нарратив о впечатляющих успехах реформ 1920-1930-х гг. в развитии науки, техники и общественных отношений, символами которого выступали авиация и эмансипация.

Несмотря на интерес, который вызывала фигура Сабихи Гёкчен у публицистов и специалистов по Турции, и наличие о ней целой серии статей турецких и западных ученых, все эти публикации прежде всего фокусируются на фигуре Сабихи Гёкчен в контексте становления как турецкого, так и международного феминистского движения. Новизна предлагаемой работы заключается в исследовательском ракурсе – анализе механики построения образа Сабихи Гёкчен в кемалистской прессе 1930-х гг. не только как первой женщины-авиатора в Турции, но и безусловного символа прогресса «Новой Турции» и показателя впечатляющего успеха кемалистских реформ.

Контент-анализ ведущих турецких газет позволил выявить особенности формирования образа Сабихи Гёкчен во второй половине 1930-х гг. Во-первых, Сабиха Гёкчен и ее история использовалась как демонстрация вектора развития турецкого общества и открытый призыв к женщинам «Новой Турции» включиться в демонтаж «традиционного образа турчанки в парандже», дерзать осваивать новые социальные роли и профессии, наконец, идти в авиацию по примеру Сабихи Гёкчен. Ее образ был широко тиражировался не только для того, чтобы подчеркнуть важность профессии летчика военного самолета (Сабиха Гёкчен был одной из первых женщин – военных пилотов в мире), но и для позиционирования ее в качестве истинной героини турецкого народа. Описывая действия Сабихи Гёкчен во время подавления Дерсимского восстания 1937 г., пресса делала упор на ее самоотверженность в борьбе против восставших. Во-вторых, используя статус Сабихи Гёкчен как приемной дочери Ататюрка, турецкие газеты стремились показать личную заинтересованность создателя и президента «Новой Турции» в деле развития военно-воздушных сил страны. На открытии созданной 3 мая 1935 г. летной школы «Турецкая птица» (*Türk kuşu*), в число выпускников которой входила Сабиха Гёкчен, присутствовал лично Ататюрк. На смотрах ВВС Турции и во время показательных полетов турецких самолетов Кемала всегда сопровождала его приемная дочь – Сабиха Гёкчен. Она стала олицетворением не только успеха в реализации принципа равноправия женщин, но и символом воплощенных достижений технического прогресса. Турецкая пресса намеренно

восхваляла и героизировала Сабиху Гёкчен, освещала ее профессиональную и личную жизнь на страницах газет. Даже туристическая поездка Сабихи Гёкчен по Балканским странам в 1938 г. стала достоянием внимания широкой общественности и сюжетом многочисленных публикаций.

Кемалистские издания конца 1930-х гг. намеренно создавали из Сабихи Гёкчен образ героини «Новой Турции», символизировавшей как отход от старых норм, традиций и клише, так и готовность страны к новым успехам, ведь женщины-авиаторы были в 1930-е редкостью в мире. В целом нарратив о Сабихе Гёкчен в турецкой прессе сравним с тем, как западные газеты писали об Амелии Эрхарт – пионере американской авиации, перелетевшей за штурвалом самолета Атлантический океан.

Литература:

1. Газета “*Cumhuriyet*”, выпуски за период 3.05.1935–21.06.1938.
2. Газета “*Evening Star*”, выпуск от 22.09.1929.
3. Газета “*San Francisco Chronicle*”, выпуск от 3.07.1937.
4. Газета “*Tan*”, выпуски за период 3.05.1935–21.06.1938.
5. Газета “*Ulus*”, выпуски за период 3.05.1935–21.06.1938.

Газета «Гунжэнь чжи лу» («Рабочий путь») как источник по истории китайских мигрантов на Дальнем Востоке Советского союза 1920-30-х гг.

Маленкова А. А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры истории Китая
a.malenkova@gmail.com

Газеты на языке мигрантов, которые выпускают в новой стране проживания, являются важным видом источников для изучения жизни мигрантов в XX в. Это относится и к прессе на китайском языке, издаваемой в Советском союзе для китайцев.

«Гунжэнь чжи лу» 工人之路 («Рабочий путь») – самая крупная и самая читаемая газета на китайском языке для Дальнего Востока СССР (Орган Дальневосточного Краевого Совета профсоюзов, а с 1929 г. и печатный орган Дальневосточного Комитета ВКП(б)). Она выходила с марта 1922 г. до весны 1938 г. Изначально она издавалась в г. Владивосток, однако 17 сентября 1928 г., «в связи с оборудованием в г. Хабаровске новой восточной типографии», было предложено перевести редакцию газеты «Рабочий путь» туда [ГАХК, ф. п-2, оп.9, д.19, л.13]. В Хабаровске газета начала выходить с весны 1929 г., с сохранением

корпункта во Владивостоке. Тираж в различные годы существования издания изменялся (от 1600 до 10000 экз.), с явной тенденцией к увеличению к середине 30-х гг. [1].

В Отделе литературы на языках стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки (ОЛСАА РНБ, г. Санкт-Петербург) хранится самая полная коллекция номеров газеты «Гунжэнь чжи лу» («Рабочий путь») на китайском языке. В 2023 г. сотрудники отдела начали изготовление цифровых копий газеты. Теперь для исследователей из любой точки мира доступны номера за 1930-1938 гг.

Изучением и систематизацией периодической печати Дальнего Востока СССР на китайском языке в конце 1950-х гг. занимались Чугуевский Л.И. [3], дополнения к исследованию которого внес Шпринцин А.Г. в 1960 г. [4]. Китайские газеты в СССР, хранящимися в Фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, описала Виноградова Т.И. [1]. Оцифрованный в 2023 г. архив позволил дополнить и уточнить данные, изложенные в перечисленных работах. Однако, в связи с труднодоступностью и лингвистическими особенностями не многие исследователи использовали данное издание, как источник о жизни китайских мигрантов.

Газета выходила с различными приложениями и специальными выпусками. Например, в фонде Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН сохранился листок от 13 мая 1932 г. под названием «Рабочий путь на золотых приисках» [1]. Специальные выпуски газеты были, как правило, посвящены каким-либо памятным датам или конференциям.

После того, как редакция газеты «Рабочий путь» была перенесена в Хабаровск, издание не только увеличило тираж и объем, но и организовало сеть рабкоров на большинстве предприятий. Редакция газеты была уполномочена проводить различные расследования по деятельности профсоюзов и комитетов.

У газеты «Рабочий путь» также существовала выездная реакция, которая работала по всем предприятиям и местам, где были сконцентрированы китайские рабочие, для «поднятия производства, соцсоревнования и ударничества», а также «расширения самокритики» [ГАХК, ф.44, оп.1, д.595, л.41].

Обычный номер газеты состоял из 2-4 страниц в зависимости от года выпуска. Для обычного номера характерна следующая структура: первые страницы посвящены международным событиям, речам руководителей Советского союза, событиям в Китае; последние страницы отданы событиям на Дальнем Востоке СССР, делам китайских мигрантов, разделу о Клубе им. Первого мая в г. Владивостоке, объявлениям китайского кинотеатра «Тихий океан» и др.

Одними из самых интересных номеров газеты о жизни китайских мигрантов, стали экземпляры, вышедшие в канун китайского Нового года. Например, в номерах от 7, 10, 14 февраля, 1931 г. на 4-ых страницах помещены лозунги, пьесы, стихи, рассказы и репортажи о борьбе с празднованием главного для китайцев праздника [2]. В этом же году (23 сентября) в газете публикуются статьи против Праздника середины осени. Также в номере опубликованы правила латинизированного алфавита. С этого номера часть газеты стала выходить на латинизированном алфавите (в основном там печатались международные новости).

Доступность данного источника открывает новые перспективы для исследования внутренней жизни китайских мигрантов на Дальнем Востоке СССР в 1920-1930-х гг.

Литература:

1. Виноградова Т.И. Китайские газеты, изданные в СССР в довоенный период, в фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. // Восток, 2005, №6, с.182–186.
2. «Гунжэнь чжи лу» («Рабочий путь»), Владивосток, Хабаровск, 1924-1938 гг.
3. Чугуевский Л.И. Периодическая печать на китайском языке в СССР. // Проблемы востоковедения, 1959, №4, с.71 — 76.
4. Шпринцин А.Г. Замечания о китайской периодической печати в Дальневосточном крае // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 336-342.

Касты индийского Юга в начале XVIII века: история одного термина

Никольская К.Д.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории Южной Азии
sniff0210@gmail.com*

1. Индийская традиция, начиная с эпохи Древности, предлагает исследователю крайне мало материала для изучения темы кастового строя. Наиболее информативными по этой причине оказываются иноземные источники разных эпох. К таковым относится и богатейший материал, накопленный в результате работы на индийском Юге т.н. Датской королевской миссии, существовавшей с нач. XVIII в. в Тамилнаде (г. Транкебар). В первые годы ее деятельности большая часть текстов, поступавших в Европу, публиковалась под именем ее руководителя, Бартоломеуса Цигенбальга (1682 – 1719).

2. В письмах и отчетах Цигенбальга кастовая проблематика, хоть и не является основной, представлена довольно подробно. Тексты его ясно демонстрируют то, что, с

одной стороны, он был хорошо осведомлен о том, как варно-кастовая иерархия отражена в индийской дидактической литературе (очевидно, в тамильских переводах или в передаче местных жителей). С другой, будучи внимательным наблюдателем, он детально фиксировал реалии современного ему тамильского общества. Все это делает его материалы ценнейшим источником. Очевидно, что интерес к устройству общества Тамилнада был унаследован от пастора его преемниками по работе в общине Транкебара.

4. В отчете 1727 г. за авторством четырех его «наследников» (Pressier, Walter, Dal, Bosse) говорится о том, что все тамилы делятся на «три сорта»: *Brahmaner, Suttirer, Pareier*. Первые два термина вопросов не вызывают: это, конечно, брахманы и шудры. Последний из «сортов» ожидаемо ассоциируется со словом «пария», хорошо известным европейцам, как по научной и публицистической, так и по художественной литературе.

5. Термин «пария» в эпоху Нового времени использовался в Европе для обозначения неприкасаемых. Предположительно произошел он от тамильского слова «*paraiyan*» (мн.ч. - *paraiyan*), которым на Юге Индии обозначали одну из низших каст (правда, к категории неприкасаемых не относящуюся). Откуда пошла эта традиция – вопрос, заслуживающий внимания.

6. Можно заметить, что, если в 1727 году миссионеры этим словом уже пользуются, то сам Цигенбалг в своих отчетах и письмах его почти не употребляет. Для обозначения низших категорий он предпочитает прибегает к громоздкому «*niedrige Geschlechter*». Материал о кастах присутствует и в его работе «*Malabarisches Heidentum*» (1711, опубликована лишь в 1926). В частности, помимо разговора о варнах (*Hauptgeschlechter*), он пишет о том, что *Tschuddirer* (шудры) в свою очередь делятся на множество разрядов, список которых с комментариями приводится в его тексте. Ясно, что список этот включает в себя перечень местных кастовых групп. Об этом свидетельствует ремарка в конце: «*За пределами рода нельзя вступать в брак (или теряешь место в своем роду). Каждый должен оставаться в той профессии, в которой родился*».

7. Однако в этом списке присутствует термин *Bareier* с комментарием: «*палачи, сжигатели трупов, исполнители низшей работы, всеми презираемые*». Можно заметить, что эта категория не является указанием на «низших из низших», к которым, как пишет пастор, не следует прикасаться, не следует находиться вблизи, их надо обходить стороной, прикрывая рот рукой, когда с ними говоришь. И по комментариям Цигенбалга, и по данным иной литературы мы можем видеть в перечне и более низкие кастовые группы. Почему же тогда именно слово *Bareier* (парии) в европейской традиции превратилось в обозначение неприкасаемых?

8. В той же главе «*Malabarisches Heidentum*» говорится: «*Между собой эти касты и профессии друг друга сильно ненавидят и презирают. И если вступают в словесную перепалку друг с другом, то обзываются (словом) *Bareier* и иными наименованиями низших каст*». Указание на то, что во время конфликтов словесным оскорблением может выступать слово *Bareier*, представляет особый интерес. Богатое эпистолярное наследие Цигенбальга позволяет видеть в нем человека, крайне наблюдательного, который в некоторых случаях подмечает и фиксирует совершенно уникальные черты живой тамильской традиции своего времени. Имея это ввиду, можно предположить, что в данном случае перед нами пример принятой в тамильском обществе инвективной, или обценной, лексики.

Следует учитывать социокультурную специфику региона: начиная с эпохи Древности, кастовый статус человека являлся неперменной составляющей его сущности. Оскорбление через именование человека низшим знает даже древнеиндийская дидактика, которая, среди прочего, в качестве оскорблений рассматривает ложные утверждения относительно касты (Вишну-смрити V.26). Потому использование слова *Bareier* во время конфликтов без сомнения превращает высказывание в пример экспрессивной лексики с негативной коннотацией.

9. Если, действительно, *Bareier* в южноиндийском регионе являлось расхожим примером бранного слова, велика вероятность того, что те немногие европейцы, которые оказывались в регионе в эпоху Нового времени, толковали его как очевидное определение для «низших из низших» и в этом значении импортировали в европейскую культуру, где оно закрепилось уже с привычной нам смысловой нагрузкой.

Буддизм в политической риторике современной Индии

Сафронова А.Л.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор, зав. кафедрой истории Южной Азии
alsafroнова@iaas.msu.ru*

Обретение национальной независимости стало важной вехой в возрождении буддийских ценностей в индийском обществе. Синкретизм и веротерпимость, идеи эгалитаризма, призыв к морально-нравственному совершенствованию, богатая традиция ведения дискуссий и дебатов, склонность к компромиссам, свойственные буддийской индийской культуре и религиозно-философской и общественно-политической мысли на протяжении тысячелетий, проявляют себя и в политической культуре этой страны в XX - начале XXI в. и являются, по мысли создателей индийского суверенного государства,

гарантом осуществления принципа «интеллектуальной гетеродоксии» и идейного плюрализма.

Образ Будды присутствует в общественной мысли Индии XIX - XX вв. и внутри, и за пределами буддийского дискурса. Мировоззренческие принципы буддизма в полной мере отвечают вызовам современности. В работах современных индийских авторов часто увязываются имена Будды и Ганди, которые провозглашаются двумя величайшими фигурами, которые Индия подарила миру.

Образы буддизма использовались секулярными деятелями современной Индии (Дж. Неру, А.К. Азад, Р. Прасад и др.), нашедшими в морально-этических принципах буддизма основу для единения индийцев в рамках общества, разделенного этническими, конфессиональными, социальными и кастовыми барьерами. Их привлекали толерантность буддизма по отношению к другим вероучениям, абстрагированность от этнической принадлежности адептов, отрицание нетерпимости на кастовой основе, признание идеи равенства возможностей на пути морального совершенствования.

Особое внимание Дж. Неру уделяет концепции «срединного пути», далекого от крайностей, кладет его в обоснование доктрины политического центризма, идей синтеза, консенсуса, социальной гармонии, преодоления конфликтности и выражает их формулой «Единство в многообразии» («Unity in Diversity»). Эти же принципы Неру кладет в основу международной политики равноудаленности от военных блоков - политики неприсоединения и следования принципам «панча шила» (пяти нравственных добродетелей), политической интерпретации кодекса образцового поведения в буддизме: уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. Использование буддийской риторики характерно и для последующих деятелей Индийского национального конгресса (ИНК), отстаивавших идеи секуляризма: И. Ганди, Р. Ганди, М. Сингха.

Политические деятели Индии универсалистского плана, возглавлявшие коалиционные Национальные фронты – Дж. Нарайан, М. Десаи, В.П. Сингх, апеллируя к гандистскому идейному наследию, обращались и к образу Будды, которого они сравнивали с Махатмой Ганди.

Буддизм оказался не чуждым и для представителей индуистского национализма, начиная с деятелей партии Хинду маха сабха (ХМС) – Ш.П. Мукерджи, и заканчивая деятелями Бхаратия джаната парти (БДП) – А.Б. Ваджпаи и Н. Моди, относящих буддизм (наряду с джайнизмом и сикхизмом) к разряду «своих», рожденных на местной почве религий («свадеш»), в отличие, например, от «чужих», пришлых - ислама и христианства («видеш»). Моди часто высказывается по поводу близости индуизма и буддизма.

Изменилась и трактовка политики «хиндутвы»: обеспечение всестороннего развития индусской общины при соблюдении интересов религиозных меньшинств «свадешы».

Премьер-министр поставил буддизм в центр новой дипломатии Индии, позиционируя Индию не только как родину буддизма, но и как центр мировой буддийской цивилизации, провозгласил «великое возрождение буддизма». Моди совершает паломничества по священным местам буддизма, молится перед изображениями Будды. Будда занял видное место в международной деятельности Индии как символ мира и толерантности. С одной стороны, буддизм становится частью китайско-индийского соперничества, с другой - может стать ценным связующим звеном между Дели и Пекином.

Выступая в ООН в апреле 2023 г. премьер-министр Моди сказал, что Индия дала миру буддизм, чтобы спасти планету от конфликтов и насилия, подчеркнув его глобальную миссию («India gave the world not uddha (war), but Buddha»).

Важное место в деятельности буддистов Индии занимает поддерживаемая правительством Международная буддийская конфедерация (International Buddhist Confederation, IBC). Это буддийская зонтичная организация, которая служит общей платформой для буддистов всего мира. Штаб-квартира находится в Нью-Дели, Индия. Действуя под девизом «Коллективная мудрость, единый голос», IBC стремится сделать буддийские ценности и принципы частью глобального дискурса, выступает за инклюзивность и сбалансированное представительство различных буддийских традиций.

Некоторые географические несоответствия на картах Японии Дайкокуя Кодая (1751-1828).

Симонова-Гудзенко Е.К.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор, зав. кафедрой истории и культуры

Японии

eksimonova@iaas.msu.ru

Японский архипелаг долгое время оставался одним из самых неопределенных, сложных для картографического изображения мест на земле. На европейских картах вплоть до конца XVIII в. он имел самые необычные формы [1]. На самом архипелаге уже в XVII-XVIII вв. были искусные картографы, которые изображали Японию близко к реальности, но соответственно собственным картографическим принципам.

Все это создавало особый интерес для европейцев получить карту Японии, сделанную японцем, жителем архипелага.

Попавший в Россию в результате кораблекрушения японский капитан Дайкокуя Кодаю провел в России в общей сложности 11 лет, был представлен Екатерине II, получил позволение вернуться на родину в сопровождении экспедиции Адама Лаксмана (1766-1806).

Известно, что японский капитан сделал несколько карт Японии в Иркутске по просьбе ученого Эрика Лаксмана (1737-1796) и в Петербурге – государственного деятеля, графа А.А. Безбородко (1747-1796). Карты могли быть сделаны в период 1789-1791, когда состоялись встречи японского капитана с заинтересованными в их составлении лицами.

Карты Кодаю представляют историку картографии редкую возможность для сравнительного исследования: они сделаны одним автором, во всяком случае подписаны одним; одной страны; в течение двух лет.

До 1990 г. считалось, что сохранилось лишь 3 экземпляра карты в архиве университета Гёттинген, Германия; в 1998 г. были обнаружены 2 карты в военно-историческом архиве в Москве; в 2002 г. экземпляр нашелся в Национальном архиве Эстонии; в 2011 г. еще одна карта в архиве Эрмитажа; и в 2022 г. последняя на сегодняшний день карта в архиве Морского музея в Гринвиче, Великобритания. Карты можно разделить на 4 группы по месту хранения, 3 - библиотека университета Гёттинген, Германия; 1 – Национальный Архив Эстонии; 1 – Эрмитаж, 2 – РГВИА; 1 – морской музей Гринвича, Великобритания, которую недавно обнаружила молодая японская исследовательница Юко Такигава [2].

Все карты были сделаны в течение двух лет, что подтверждает наше предположение, что вероятно была сделана одна карта, с которой делались копии, их могли делать как сам капитан, так и его помощники. Надписи на картах скорее всего сделаны самим Дайкокуя Кодаю [3]. Карта, обнаруженная в Англии, свидетельствует о том, что неизвестно, сколько карт сделал Дайкокуя Кодаю и его помощники. Возможно, со временем будут обнаружены и другие экземпляры.

Пожалуй, одним из самых примечательных географических несоответствий является: отсутствие пролива Каммон между островами Хонсю и Кюсю, что довольно сложно объяснить, если принять во внимание, что Дайкокуя Кодаю был моряком. Можно высказать единственное предположение, что судно под его командованием ходило лишь маршрутами из гавани Сироко, провинции Исэ в направлении северо-востока, в Эдо, а на юго-запад не отправлялось. Однако мы отдаем отчет, что это объяснение бездоказательное.

Второе несоответствие – изображение северного острова двумя островами, часто с указанием их названия, Мацумаэ и Эдзо-но цусима, фактически дублирующие. Вероятно, это связано с представлениями о северном острове как бы разделенном на два, на одном - Мацумаэ жили японцы и торговали с эдзо, айнами, которые в свою очередь обитали на

другом, Эдзогасима. Представления о том, что это был один единый остров у японцев в те времена не сложилось.

Литература:

1. Симонова-Гудзенко Е.К. Первая отдельная карта Японии в европейской науке. Атлас Абрахама Ортелия (1595г.). сб. История и культура традиционной Японии. СПб: Гиперион, 2015. Т. 57. с. 216-233
2. Такигава Юко. The 18th Century Map of Japan by Daikokuya Kodayu: On the 1793 Whitworth Copy Recently Discovered in Greenwich, UK. <http://id.nii.ac.jp/1368/00007813/>
3. Иваи Нориюки. Дайкокуя Кодаю сёсэки сирё-но гогакутэки сокумэн [Исследование почерка и рукописей]. Мэйдзи даигаку дзинбун кагаку кэкюдзё киё. Токио: Университет Мэйдзи. 1996. Т. 40. сс. 297-315.

Индийские коммунисты и деятельность МОПР в 1920-1930-ые гг.

Спектор И. Б.

*ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Восточные языки в средней школе»
spektorIB@my.msu.ru*

Международная организация помощи борцам революции (МОПР) начала свою работу в 1922 г. С самого начала организация действовала под руководством Коминтерна и пыталась быть работающей революционной альтернативой Международному Красному Кресту. Первым председателем МОПР стал польский революционер Ю. Мархлевский. Основным направлением работы МОПР в 1920-ые гг. была Европа, прежде всего Германия. Но достаточно быстро, вслед за изменением политики Коминтерна, МОПР начинает свою деятельность и в азиатских странах.

Работа МОПР в Индии была связана далеко не только с поддержкой политических заключенных – членов не слишком многочисленной в 1920-ые гг. коммунистической партии, но и с попытками создания более широкой просоветской коалиции, включавшей далеко не только ортодоксальных марксистов. На общей платформе поддержки политических заключенных происходило ситуативное объединение коммунистов и представителей левого крыла Индийского национального конгресса. Такая выгодная коммунистам консолидация имела место в ходе Мирутского процесса 1929-1933 гг., на

защиту лидеров КПИ удалось мобилизовать общественность не только внутри Индии, но и в западных странах.

Роль МОПР как одной из структур Коминтерна была значимой для индийских коммунистов не только на родине, но и в СССР. Значимое количество индийских политических эмигрантов, находившихся в разных городах Советского Союза в 1920-1930-ые гг. Ими МОПР рассматривалась как организация, призванная решать в стране пребывания проблемы, связанные с трудоустройством и материальным обеспечением. Изучение подобных обращений в МОПР позволяет получить более полное представление об устройстве быта индийцев в СССР.

Иноверцы на службе падишаха: полк султанских казаков в армии Османской империи (1850-1870-е гг.)

Суриков К.А.

*ИСАА МГУ имени Ломоносова, кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока
surikovka@my.msu.ru*

Середина и вторая половина XIX в. – один из наиболее ярких периодов в истории османских вооруженных сил. На это время пришлось самые масштабные военные реформы, нацеленные на переустройство армии в соответствии с новейшими западными военными стандартами и предполагавшие полное изменение организационной структуры войск и внедрение новейшего вооружения. Важнейшей составляющей являлось обучение военнотружущих европейской военной науке. Основанная с этой целью в 1834 г. Военная академия готовила слишком мало специалистов, чтобы удовлетворить кадровые потребности армии. В результате возник острый дефицит образованных офицеров, способных эффективно управлять войсками и обучать их. Однако события в Европе предоставили Османской империи весьма редкий шанс: подавление венгерского восстания 1848-1849 гг. австрийской и российской армиями привело к бегству большого числа венгерских и польских офицеров-повстанцев в Османское государство. Стремясь извлечь из этого максимальную пользу, османские власти решили не выдавать беженцев и предоставили им право поступить на службу в османскую армию, где нехватка подобного рода специалистов ощущалась острее всего. Офицеры-эмигранты получили равные с османскими военными права и пользовались весьма широкой свободой – им было позволено создавать собственные воинские формирования.

В докладе представлены результаты анализа деятельности одного из таких формирований – полка султанских казаков под предводительством польского офицера, а впоследствии османского генерала Михала Чайковского, известного под именем Мехмед Садык-паша. Исследование построено на изучении данных османских источников – трудов историков и военных деятелей, посвященных организации армии и проблеме польско-венгерской эмиграции в Османскую империю. Задействованы в том числе и польские источники: данные о биографии Михала Чайковского и его письма, написанные в ходе службы в османской армии. Задачей исследования стал поиск ответов на ряд вопросов: с какой целью был сформирован казачий полк? Каков был его численный и этнический состав? Насколько значим был его вклад в модернизацию османской военной машины? Каков был боевой путь полка и его командира?

Анализ показал, что в целом создание полка Чайковского пошло на пользу османским вооруженным силам. Он стал самым современным кавалерийским подразделением в османской армии с точки зрения организации. Его части отличились на Балканском фронте в ходе Крымской войны, они принимали участие в обороне Силистрии и Калафата, поддерживали порядок в занятом османами Бухаресте, оказывали помощь османским контингентам в Тулче. Подразделения казачьего полка охраняли границу Греции, подавляли восстания на территории Сербии и Македонии. Они несли службу практически во всех османских армейских корпусах, дислоцируясь даже в Бейруте. Вместе с тем, нельзя оценить опыт создания казачьего полка как однозначно позитивный. Формирование Чайковского неоднократно сталкивалось с проблемами в области финансирования и обеспечения. Кроме того, ему не удалось существенно изменить ход Крымской войны. Несмотря на успехи на Балканах, Османская империя терпела неудачи на Кавказском фронте, вследствие чего было принято решение перебросить туда казачий полк. Однако его военнослужащие в ответ на это взбунтовались, начались протесты, появились случаи дезертирства. Помимо этого, при создании казачьего полка османам пришлось иметь дело с влиятельной польской эмиграцией, стремившейся к тому, чтобы подразделение Чайковского было полностью автономным. В долгосрочной перспективе она намеревалась использовать его в своих целях, что противоречило интересам Порты. По этой причине власти не допускали чрезмерного увеличения численности полка, а впоследствии разделили его на небольшие части, закрепленные за разными корпусами. Польские контингенты просуществовали в османской армии до тех пор, пока их командир Михал Чайковский не вышел в отставку в 1869 г. После этого они утратили всякую самостоятельность и растворились среди остальных регулярных подразделений османских войск. Однако наличие таких формирований в армии, а также значительное количество

иностранцев на офицерских должностях продемонстрировали, сколь существенной была нехватка по-европейски обученных специалистов, и как османы стремились извлечь максимум пользы из устремившегося в империю потока беженцев.

Литература:

1. Chudzikowska J. Nieznany listy Michała Czajkowskiego-Sadyka Paszy i Ludwiki Śniadeckiej w zbiorach Muzeum Narodowego w Kielcach // Rocznik Muzeum Narodowego w Kielcach, № 11, 1980. S. 211-232.
2. Esad M. Mirât-ı Mekteb-i Harbiyye. – İstanbul: Artyan matbaası; 1310 (1893). 828 s.
3. Rawita-Gawroński F. Michał Czajkowski (Sadyk-Pasza), jego życie, działalność wojskowa i literacka // Życiorysy sławnych polaków, № 14. – Petersburg: Nakładem księgarni K. Grendyszyńskiego; 1901. 102 s.
4. Refik A. Türkiye’de mülteciler meselesi. – İstanbul: Matbaa-yı Âmire; 1926. 259 s.
5. Şevket M. Osmânî teşkilât ve kıyâfet-i askeriyesi. İkinci cüz. – İstanbul: Mekteb-i Harbiye Matbaası; 1325 (1909). 69 s.

Соотношение «жесткой» и «мягкой силы» в стратегии британской Ост-Индской компании

Фурсов К.А.

*ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник кафедры ЮНЕСКО
kfursov@iaas.msu.ru*

Применение концепции «жесткой» и «мягкой силы» американского политолога Дж. Ная (р. 1937) в изучении истории Ост-Индской компании позволяет лучше понять типологию методов этой уникальной организации. Исходно будучи властно-торговой структурой, она применяла эти виды силы на протяжении обоих крупных периодов, которые можно выделить в её развитии, – купеческого (XVII – середина XVIII в.) и державного (середина XVIII – середина XIX в.).

В первый период арсенал «жесткой силы» компании составляли мощный торгово-военный флот и немалая роль в индийской экономике. С помощью кораблей двойного назначения англичане были в состоянии блокировать сегменты индийского побережья и принуждать власти к уступкам. Благодаря оптовым закупкам тканей за серебро компания стала ценным деловым партнёром для индийского купечества.

Просматривается у компании и выделенная Дж. Наем гибридная «умная сила» как сочетание «жесткой» и «мягкой». Её инструментом в этот период можно считать форты, которыми компания усеяла береговую линию Индостана. Они укрепляли её позиции в отношениях с местными политиями и в то же время притягивали население в условиях начинавшегося распада Могольской империи.

«Мягкую силу» компании в купеческий период составляли подкрепляемая подарками дипломатия и общая экономическая привлекательность её эмпориев для индийских предпринимателей.

В державный период компания не только сохранила и развивала все перечисленные инструменты, но и пополнила арсенал новыми. Что касается «жесткой силы», то это сухопутная армия и производные от неё рычаги воздействия на индийское общество как в Британской Индии (аппарат управления), так и в княжествах (контроль над внешними связями, престолонаследием, назначением высших чиновников и т.д.).

В области «умной силы» ключевым инструментом стало обеспечение прав собственности крупных землевладельцев и купечества, а также налоговых привилегий первых и торговых привилегий вторых. «Мягкий» компонент этой силы выражался в том, что компания активно формировала свой положительный образ среди индийской элиты, «жесткий» – в том, что привилегии элиты поддерживались применением административной власти или дипломатического нажима. Другими средствами «умной силы» надо назвать само по себе установление в Индии Pax Britannica (который, как все империи, содействовал безопасности жизни, передвижения и хозяйственной деятельности), а также внедрение современных средств транспорта и связи.

Новые инструменты «мягкой силы» второго периода уместно поделить на «традиционные» и «современные». К первым относится использование компанией могольской титулатуры ради легитимации власти, ко вторым – внедрение здравоохранения и образования западного типа, науки и журналистики.

Феномен Ост-Индской компании на конкретном историческом материале неплохо подтверждает концепцию Дж. Ная. Во взаимодействии с индийским обществом компания выработала целый набор инструментов «жесткой» и «мягкой силы», причём обогащала его не только практическая смекалка англосаксов, но и двойственность компании как политико-экономической структуры. Систематическое применение этих инструментов позволяет заключить: хотя плана строительства Британской империи не было, созидалась она так, как если бы такой план существовал.

В разное время и в разных местах вперёд выходили инструменты то «жесткой», то «мягкой силы». Это зависело от сделочной позиции компании, её могущества на данный

момент и могущества тех сил (политий, групп купечества и т.д.), с кем она взаимодействовала. В оба периода прослеживается тенденция к предпочтению компанией сначала «жесткой силы» (пиратство ради допуска к торговле в Сурате в 1612 г., победы в войнах с княжествами начиная с битвы при Палаши 1757 г. и т.д.), затем к всё более активному применению «мягкой» (культивирование позитивного образа на покорённых территориях и т.д.). В случае неудачи ставка вновь делалась на «жесткую силу», как в вооружённом конфликте с Аурангзебом 1686–1690 гг. или в третьей англо-маратхской войне 1817–1818 гг.

В державный период парадигмами, определявшими характер «мягкой силы» компании, были направления британской общественной мысли по поводу Востока, которые сегодня именуют ориентализмом и англицизмом (индомания и индофобия по Т. Траутманну). Первый представлял собой интерес к индийской культуре и стремление не навязывать западную, второй, – напротив, презрение к этой культуре и заряженность на вестернизацию. В духовной сфере два направления отразили два этапа подчинения Индии и восприятия её в британском обществе. Соотношение ориентализма и англицизма в имперской политике менялось прямо пропорционально соотношению сил в тандеме Ост-Индской компании и британского государства в их совместном (с 1784 г.) управлении Индией, а также соотношению сил торгового и промышленного капитала в метрополии.

Надир-шах и грузинская элита

Хабелова М.Л.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра истории стран Ближнего и Среднего

Востока

mkhabelova@gmail.com

Крах династии Сафавидов привел к политическому вакууму, который заполнил Надир-шах (1736-1747 гг.), изгнавший захватчиков и восстановивший границы Сафавидской империи. Надир смог удержать под своей властью Восточную Грузию, которая с одной стороны подвергалась набегам лезгин, а с другой стала легкой добычей для Османской империи. Теймураз II (царь Кахети — 1733-1736 гг., 1737-1744 гг., а затем Картли — 1744-1762 гг.), *лелеявший* мечту о свободе, не сумел заручиться поддержкой Российской империи, поэтому был вынужден подчиниться Ирану. Именно тогда шаху понадобилась серьезная поддержка на Восточном Кавказе, где одними кзылбашскими войсками удержать господство было бы невозможно.

Освободившись от османских завоевателей — «осмалоба», царства Картли и Кахети снова попали в руки кызылбашей, знаменую собой начало «кызылбашоба». Вспыхнувшие восстания в Восточной Грузии, были жестоко подавлены. Теймураз и остальные лидеры, — Гиви Амилахвари, Гиви Чолокашвили, арагвский эристав Бардзим, Тамаз Андроникашвили, Кайхосро Черкезишвили, тархан Луарсаб были арестованы и отправлены в Исфахан. Решимость привлечь на свою сторону христианскую аристократию, искавшую защиты у православной России, сподвигла Надир-шаха предпринять совместную кампанию на Кандагар. Вали Гурджестана был назначен Александр III (1735-1737 гг.) — Назар-Али-мирза, племянник Теймураза II (позднее Надир-шах в октябре 1736 г. взял под свой контроль Картли, оставив Александру Кахети).

В начале своего правления Надир-шах продолжил политическую линию Сафавидов в отношении Грузии, заключающуюся в следующем, — назначаемые шахским двором вали, оставались представителями царской династии Багратиони, однако необходимым условием для них стало совершение акта ренегатства. После двухлетнего пребывания Теймураза подле шаха, тот окончательно убедился в его верности. Отослав тавадов на родину, Надир потребовал от Теймураза отправить в Кандагар своих детей: Ираклия и Кетеван.

В 1738 г. Кетеван стала женой племянника шаха — Али-Кули-хана, впоследствии известного как Адиль-шаха Ирана (1747-1748 гг.), а юного Ираклия ждал индийский поход. Сблизившись с Надиром, Ираклий в сентябре 1739 г. прибыл в монастырь Алаверди, где воссоединился со своей семьей. Примечательны сведения Мухаммада Казима (XVIII в.), автора «Тарих-и аламара-йи надире» («Надирова летопись — украшение вселенной»), об отношениях одной из дочерей Теймураза II и Надир-шаха. Этот конкретный эпизод оставался долго время неизвестен, однако ему посвящена одна из глав сочинения Мухаммада Казима: «Рассказ о возвращении амира Аслан-хана в орду счастливого правителя и пленении дочери Тахмурас-мирзы».

Грузинская элита играла важную роль на политической арене. в частности, Гиви Амилахвари стал куллар-агаси, главнокомандующим корпусом гуламов; Элизбар Капланишвили — ишик-агасибаша, главнокомандующим войск «Тбилисского вилайета»; Заал Капланишвили — туфанчи-агаси, командиром стрелков и т.д.

Религиозная толерантность была одним из мощных средств, позволяющих разрушить связи грузинской элиты с Россией. Надир-шах поддержал кахетинскую ветвь Багратиони на престоле Картли: в 1744 г. Теймураз стал царем Картли, а его сын Ираклий — царем Кахети (1744-1762 гг.), а затем объединенного царства Картли-Кахети (1762-1798 гг.). Таким образом, Восточная Грузия была объединена в руках одной фамилии, которая благодаря гибкой дипломатии положила конец «кызылбашоба».

Впервые за почти три века объединив Картли и Кахети в единое политическое образование, Ираклий II обратился за защитой к императрице Екатерине II (1762-1796 гг.). Так, 1783 г. два монарха подписали Георгиевский тракт, согласно которому Восточная Грузия перешла под протекторат Российской империи.

Литература:

1. Орбелиани П. Амбавни Картлисани/ Текст установила, снабдила вступлением, словарем и указателем Е.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1981. [ორბელიანი პ. ამბავნი ქართლისანი/ ტექსტი დაადგინა, შესავალი, ლექსიკონი და ინდექსი მოაწოდა ე.ვ. ცაგარეიშვილი. თბილისი, 1981].
2. Тбилисская коллекция персидских фирманов/ Подготовка к печати, перевод, комментарии и словарь М.А. Тодуа. Т. I. Кутаиси, 1995.
3. Хубуа М. Персидские фирманы и хокмы из Государственного музея Грузии. Т. I. Тбилиси, 1949. [ხუბუა მ. საქართველოს მუზეუმის სპარსული ფორმანები და ჰოქმები. ტ. I. თბილისი, 1949].
4. Чхеидзе С. Жизнь царей/ Пер. с груз. Н.Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976.
5. Mirza Mehdi Khan Astrabadi. Jahangusha-i Naderi. Be kushesh-e Anvar Seyyed Abdollah. Jeld-e I, bahsh-e III. Tehran. Entesharat-e anjoman-e asar va mafaher-e farhangi. 1377/1998.

Динамика политического процесса в Турции 2000-х и 2010-х гг.: соотношение внутренних и внешних факторов его трансформации

Шлыков В.И.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего

Востока

v.shlykov@iaas.msu.ru

В докладе представлены результаты анализа взаимосвязей внутренних и внешних факторов, детерминирующих политический процесс в Турции на протяжении 2000-х и 2010-х гг. Исследование прежде всего фокусируется на противоречивой динамике процесса демократизации в Турции и базируется на детальном изучении разнообразных источников – официальных документов, фиксирующих переговорный процесс Анкары и Брюсселя, выступлений государственных деятелей и функционеров политических партий в СМИ как отражении официального и общественного дискурса на ключевые проблемы политического развития Турции, нормативно-правовых документах, фиксирующих

практическое воплощение трансформации административно-политической системы и механики взаимодействия общества и государства.

Турция – это страна, начавшая переход к демократии еще в середине прошлого века. Серьезный импульс более масштабной демократизации, казалось бы, должен был дать процесс подготовки страны к вступлению в ЕС на рубеже 1990-х и 2000-х гг. Действительно, именно стремление Турции выполнить Копенгагенские критерии выступило движущей силой наиболее масштабных и успешных либеральных реформ 2000-х гг. Несмотря на продолжающиеся в первом десятилетии XXI в. реформы, членство ЕС становилось, однако, все более призрачной перспективой. На фоне сворачивания в 2010-х гг. демократических реформ, инерция которых действовала довольно долго, в академической литературе началась дискуссия о соотношении внешних и внутренних факторов в процессе демократизации незападных стран. Ситуация в Турции на рубеже 2000-х и 2010-х гг. позволяет глубже проанализировать специфику процесса европеизации стран, стремящихся к членству в ЕС, и взаимосвязи политики кондициональности с демократизацией. Превалировавшее до недавнего времени в научной литературе мнение о примате внешнего фактора ЕС как главной движущей силы демократических реформ и вторичности внутриполитического контекста, который служил фоном европеизации, уступило место прямо противоположной тенденции – выведению внутриполитических факторов в разряд переменных первого уровня. Анализ трех составляющих – ценностного аспекта в системе координат турецкой политики, соотношения внешних и внутренних драйверов модернизации и логики политической динамики в Турции в 2010-х гг. позволяет доказать тезис о том, что внутриполитический контекст в таких сложно организованных крупных незападных странах как Турция оказался серьезным образом недооценен в научной литературе и, самое главное, – практике демократического процесса.

На этапе стремления начать процесс евроинтеграции, ЕС представлялся едва ли не большинству турецких политических игроков источником существенных возможностей для дальнейшего развития страны. Вместе с тем этот же процесс породил ряд непредвиденных ранее рисков. Помимо того, что в отношении Турции были выдвинуты дополнительные требования по кипрскому вопросу, выходявшие за рамки Копенгагенских критериев, переговорный процесс с Брюсселем имел неожиданный эффект и для турецкой внутренней политики. «Фактор ЕС» оказался предметом манипуляций самых разнообразных политических сил, невзирая на их реальную приверженность ценностями демократии и либерализма. Таким парадоксальным образом, ПСР смогла консолидировать свой электоральный ресурс за счет фактора евроинтеграции, но использовался этот ресурс в дальнейшем в целях далеких от демократизации в европейском понимании.

При этом реформы, разрабатывавшиеся в Турции под влиянием ЕС, не были свернуты после начала стагнации процесса евроинтеграции. Они продолжались на протяжении почти что десятилетия – с 2005 по 2013 гг. – и уже не могли быть объяснены фактором политики кондициональности ЕС. Их продолжение в этот период было в первую очередь обусловлено представлением самой ПСР о стандартах хорошего управления и необходимости дальнейшей модернизации и стремлением консолидировать свои политические позиции в обществе. Когда же эта цель была достигнута, Турция вступила в совершенно иной этап своего развития, характеризовавшийся усилением президентской власти и ревизией прежних институциональных структур, которые должны были обеспечить демократизацию.

С точки зрения же внешнеполитических приоритетов Турции, новый этап, по сути, открыл для страны гораздо более широкие возможности маневрирования и усиления своих позиций сразу по нескольким направлениям, включая отношения с Россией, Китаем, государствами Закавказья, Центральной Азии, Ближнего Востока, Африкой и даже Юго-Восточной Азией, а в отношениях с прежними основными ориентирами своей внешней политики – НАТО и ЕС – приобрести дополнительный ресурс для торга по наиболее важным и чувствительным для нее проблемам. Вместе с тем вопрос об устойчивости и долгосрочности нынешней внутривластной модели развития и внешнеполитической стратегии, максимально зависимой от фигуры президента, пока что остается открытым.

Гражданская активность в период становления «Новой Турции» (1920-е и 1930-е гг.)

Шлыков П.В.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока

shlykov@iaas.msu.ru

В докладе представлены результаты анализа низовой гражданской активности в Турции 1920-х и 1930-х гг. Основной акцент сделан на рассмотрении различных форм реакции населения преимущественно сельских регионов страны на кемалистские земельные и налоговые реформы. Исследование построено на детальном изучении обширного корпуса оригинальных источников, ранее широко не использовавшихся для реконструкции специфики общественных отношений в раннереспубликанской Турции. Прежде всего, это «народные колонки» в ведущих турецких периодических изданиях того времени – “*Cumhuriyet*” (Республика), “*Son Posta*” (Последняя почта), “*Tan*” (Рассвет), “*Aksam*” (Вечер), многочисленные петиции-жалобы граждан, публикуемые в ежегодниках

Великого национального собрания Турции (ВНСТ) (*T. B. M. M. Yıllık*), выступления министров и депутатов из протоколов заседаний ВНСТ (*Millet Meclisi Tutanak Dergisi*), мемуары видных государственных деятелей раннереспубликанского периода и отчеты партийных инспекторов из фонда Народно-республиканской партии (*Fon: 490-1-0-0 – Cumhuriyet Halk Partisi*) Республиканского архива Управления госархивов Турции (*Devlet Arşivleri Başkanlığı Cumhuriyet Arşivi*).

Скрупулезный анализ данных, представленных в этих источниках, и их сопоставление с ранее уже известными историческими фактами формирует методологический каркас исследования и позволяет показать разнообразные формы и масштаб низовой гражданской активности в годы становления и первые десятилетия существования республиканской Турции. Тем самым подвергнуть ревизии устоявшееся ранее утверждения о том, что население раннереспубликанской Турции характеризовалось преимущественно пассивным отношением к происходящим изменениям, а его реакция на явные проявления социальной несправедливости носили спорадический характер ввиду изолированности «центра» и «периферии» друг от друга.

Информация из «народных колонок», петиций-жалоб в адрес ВНСТ и отчетов партийных инспекторов позволяет реконструировать многомерную картину общественных отношений в период становления республиканской Турции, увидеть, что периферия не оставалась лишь пассивным реципиентом происходивших изменений. Реакция населения на усугублявшиеся проблемы с распределением земли и усиливающиеся финансово-налоговые и административные ограничения была достаточно системной и многообразной. Вместе с тем, реальные возможности повлиять на ситуацию посредством низовой гражданской активности в тех формах, которые были доступны крестьянам, были ограничены тем, что кемалистским государством и партийными функционерами, которые не могли поставить под свой полный контроль ситуацию на местах, были выработаны другие, вполне действенные способы взаимодействия с периферией и установления контроля над ней. Одним из ключевых инструментов такого рода стала опора на *ага* – крупных землевладельцев и богатых коммерсантов из местной элиты – как социальных партнеров и проводников влияния НРП. Взаимодействие с ними усиливало патронатно-клиентельный характер организации социальных отношений на периферии и провоцировало рост теневой экономики на селе, однако при этом гарантировало купирование социального протеста на том же низовом уровне, где он и зарождался. В раскрытие представленных тезисов в докладе рассматриваются формы гражданской активности сельского населения как реакции на обострение земельного вопроса в 1920-е и

1930-е гг. и анализируются структурные элементы социальной опоры кемалистов в регионах.

Крестьянский и аграрный характер кемалистской «Новой» Турции 1920-1930-х гг. естественным образом ставил земельный вопрос и сопутствующие ему налоговые изменения во главу угла всех основных экономико-административных преобразований в стране. Ускоренная модернизация, начатая кемалистами, требовала соответствующего финансового обеспечения. В этих условиях налоги становились ключевым ресурсом проведения реформ, а их бремя ложилось на плечи в первую очередь сельского населения. В условиях нерешенного земельного вопроса, налоговая реформа приводила к гипертрофированным формам давления на население. Их масштаб и последствия фиксировали сами партийные функционеры и даже Кемаль Ататюрк, совершавший время от времени поездки по стране. Реакцией на все эти проблемы становилась низовая гражданская активность. Ее легальными формами выражения выступала массовая публикация открытых писем и петиций к правительству в общенациональных газетах, индивидуальные и коллективные обращения к властям. На неформальном же уровне происходило развитие различных форм бандитизма в отношении зажиточных слоев сельского общества.

При всем понимании ситуации на периферии кемалистское правительство в 1920-е и 1930-е гг. так и не смогло найти адекватного решения земельного вопроса. Вместо этого своеобразной формой купирования остроты социального протеста стало формирование причудливого симбиоза партийно-административных структур и местных *ага*. Патронто-клиентельные связи, сформировавшиеся в рамках этого симбиоза, по сути, не позволяли низовому гражданскому протесту масштабно выходить на более высокий уровень и блокировали формы его проявления на местах.

Круглый стол «Преподавание западноевропейских языков студентам-востоковедам и африканистам: особенности методики на современном этапе»

ИИ в преподавании иностранных языков: новые возможности или примитивное мышление?

Воронцова М.В.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, заведующий кафедрой западноевропейских языков

mworonzowa@iaas.msu.ru

Искусственный интеллект стал самой обсуждаемой темой на многих научных и методических конференциях по проблемам преподавания иностранного языка. Развитие основных моделей ИИ, связанное, прежде всего, с новыми алгоритмами в обработке больших массивов данных, неизбежно ставит вопрос о возможности или необходимости использования ИИ в обучении иностранным языкам. Работает ли ИИ так же, как человеческий мозг, превышают ли его возможности человеческие, возможна ли замена преподавателя машиной – все эти вопросы активно обсуждаются в огромном информационном пространстве, созданном Интернетом. При сравнении ИИ и человеческого мозга наиболее перспективной представляется теория мозга как нейронной гиперсети, основной единицей которой является когнитом, созданной академиком Константином Анохиным в Институте перспективных исследований мозга МГУ имени Ломоносова. Его ответ однозначен: на данном этапе ИИ несравним с мозгом человека по целому ряду показателей: у ИИ нет сознания, нет эмоционального компонента, влияющего на сохранность информации, на доступ к информации и на возможный ответ (ИИ пока не умеет «хитрить»). Профессор Александр Каплан приводит в одной из лекций параметры человеческого мозга, сравнивая их с ИИ. ИИ сильно проигрывает по количеству операционных единиц (у ИИ 30 млрд, а в мозге человека 86 млрд нервных клеток и множество связей между ними, что делает количество операционных единиц недостижимым для ИИ на данном этапе, их у человека миллион миллиардов). У человека, по мнению Каплана, есть в мозге ментальная модель, которая определяет его выбор, т.е. доступ к определенной информации. У ИИ есть определенная матрица доступа к информации, заложенная программой. Ментальная модель человека, по мнению А. Каплана, зависит и от количества выученных языков.

ИИ подразделяют на несколько видов. Есть предобученные системы, ориентированные на выполнение определенных задач, например, перевод, проверки разного рода, создание текстов определенного формата и т.п. Безусловно, такие системы могут взять на себя часть рутинной работы и разгрузить преподавателя и исследователя.

И есть так называемые социальные системы, основная функция которых взаимодействие с человеком, выполнение тех задач, которые человек поставит в устной или письменной форме. С ними человек должен учиться коммуницировать, создавая правильные запросы (промпты). В свою очередь, система тоже должна научиться воспринимать запросы человека и подстраиваться под его интересы. Наиболее простой вид такой коммуникации отражен в системах, например, Яндекс Музыка или Сбер Звук. Предложения подстраиваются под Ваш вкус.

Можно ли такие системы использовать в преподавании иностранных языков? Прежде всего, надо разделить аудиторные занятия, самостоятельную работу, работу преподавателя по подготовке материалов для занятия и проверку студенческих работ. При работе в аудитории преподаватель должен четко определить цель того или иного задания: планируется ли использование ИИ или нет. С одной стороны, навык работы с ИИ студенты тоже должны приобрести за время учебы, так как в бизнесе и в других сферах ИИ обязательно будет использоваться для сокращения времени выполнения задания. С другой стороны, очевидно, что при использовании ИИ студенты получают готовый результат, тем самым не формируется так называемая процессуальная память, т.е. они в будущем не смогут выполнять ряд задач без ИИ. Поэтому важно четко поставить цель выполнения того или иного задания. При самостоятельной работе студенты явно будут использовать ИИ, пока, в основном, переводчики и поисковики, поэтому преподаватель должен учитывать это. Иначе получится, что студенты выполняют много рутинной работы, тратят много времени, а результат очень небольшой или нулевой. Есть телеграмм-каналы, способствующие развитию коммуникации на английском языке. Пока в России их мало, и они несовершенны. Например, канал SpeakMate, который создал аспирант ВМК. Интересно, что там не только исправляют ошибки в написанном пользователем тексте, но и дают вариант, как это сказал бы носитель. Есть чат-боты, которые создают разного рода задания, например, ставят вопросы к текстам, делают лексические и грамматические упражнения и т.п. Есть программы, обеспечивающие достаточно тщательную проверку написанных студентами текстов при заданном преподавателем формате, они даже пишут краткий отзыв. Это существенно облегчает проверку преподавателем, но не исключают его участие в оценивании.

Во всех этих случаях есть преимущества использования ИИ, в первую очередь, при выполнении рутинной работы. Но ИИ не будет способствовать развитию интеллектуальных способностей студента, прежде всего, развитию процессуальной памяти и умению использовать эмоциональный творческий компонент при выполнении разного рода заданий.

О необходимости развития навыка публичных выступлений как способа передачи адекватной информации на английском языке у студентов младших курсов

Зиза М.В.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры
западноевропейских языков
zizamarinav@gmail.com

Одним из эффективных способов развития коммуникативных навыков на английском языке у студентов является их подготовка и участие в публичных выступлениях.

В соответствии с классификацией А.В. Коровиной [1] во время публичного выступления можно произносить информационную речь, этикетную речь, развлекательную и убеждающую речь. На занятиях студенты обычно выступают с информационной речью, т.е. делают доклады, а также выступления, которые сопровождается презентацией. К этой категории относятся монологи на заданную тему и короткие информационные сообщения. Целью всех этих видов выступлений является умение адекватно донести необходимую информацию на английском языке.

Однако, особенно это относится к студентам младших курсов, учащиеся не всегда справляются с поставленной задачей. К более частым проблемам относятся две - структурирование выступления и владение языком, т.е. лингвистическая подготовка.

Маркерами первой проблемы являются отсутствие навыка в отборе адекватного материала (по теме, по личному уровню осведомленности в проблеме, по умению осознать и переработать материал, по интересу сверстников к данной теме), в организации и составлении логичного и последовательного сообщения, умение кратко и четко разъяснить непонятные моменты, устраивать интерактивные фазы доклада для вовлечения аудитории, умение выделить главное и подвести итог.

Для второй проблемы характерны стилистические ошибки, плохое произношение, неправильное ударение, частое употребление разговорной лексики, неадекватный, искажающий смысл перевод.

Как показывает опыт, эти сложности являются результатом как общей слабой языковой подготовки, так и систематической недоработки над структурами устных

высказываний и над изучением лексики и стилей лексики. Кроме того, постоянное внимание следует уделять структуре и организации любого текста, с которым студенты работают в учебнике.

Проблема лингвистической подготовки учащегося решается в процессе его текущей аудиторной и домашней работы. При этом необходимо обратить внимание на следующие аспекты подготовки студентов младших курсов к публичным выступлениям:

- работа с темой выступления, выполнение упражнений по выделению основной мысли в коротких текстах; определению структуры текста; выявлению места в тексте, где описывается проблема; определение, какими средствами она реализуется;

- работа с подбором материала для выступления, анализ и осознание собственных знаний по данной проблеме; владение понятиями и терминологией по проблеме; определение знаний и интереса слушателей, к выбранной проблеме; новизна и посильность материала для восприятия на английском языке;

- работа с организацией и структурой выступления, четко сформулированное вступление, основная часть и заключение, последовательное и логичное расположение материала, наличие примеров, их убедительность, определение мест подкрепления материала слайдами;

- работа над лексикой и произношением: лексику выступления следует выбирать посильной как докладчику, так и аудитории; целесообразно использовать средний темп речи, при четкой артикуляции и выверенным по словарю правильным ударением. Важным также является наличие пауз, для маркировки важных и интересных моментов доклада.

Следует избирательно относиться к использованию таблиц, графиков и карт на слайдах. Они должны являться частью информационного сообщения, поэтому выступающему их нужно понимать, уметь объяснить и проанализировать.

Видится целесообразным также лимитировать выступление учащегося до 4-5 мин на начальном этапе для того, чтобы выступающий смог справиться с материалом в рамках, изложенных выше рекомендаций.

Любое публичное выступление - это процесс, которому нужно целенаправленно обучать для того, чтобы выступающий мог связно, логично и последовательно излагать свои мысли, оказывая при этом определенное воздействие на партнеров по коммуникации [2].

Литература:

1.Коровина А.В. Риторика в сфере профессиональной коммуникации.

http://ispu.ru/files/RITORIKA_uchebnik_Korovina.pdf

Дата обращения 27.02. 24

2. Попова О.Ю. Методика обучения иноязычным презентационным умениям студентов неязыковых вузов (на материале английского языка)

Документ с сайта new-disser.ru 01002830549.pdf Дата обращения 29.02.24

Изучение культурологических особенностей восточных стран на интерактивных занятиях по английскому языку

Короновская И.В.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры
западноевропейских языков
englishlesson@list.ru*

В статье рассматриваются варианты проведения интерактивных занятий по английскому языку на тему «Культурологические особенности восточных стран» со студентами первого курса ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова.

Межкультурная коммуникация представляет собой обмен информацией между представителями разных культур, национальностей и стран. Для успешного общения с представителями других культур необходимо не только владение иностранным языком, но и изучение типичных моделей поведения и общения в иностранной культуре. На занятиях по английскому языку студенты знакомятся с культурой восточных стран посредством чтения и анализа аутентичных статей из периодических изданий, просмотра видеоматериалов о традициях народов Азии и Африки, исследования тематических ситуаций, приближенных к реалиям той или иной восточной культуры.

Чтение аутентичных статей предполагает подробный обзор и анализ описываемых в них тем. С целью детального обсуждения материала статьи на занятиях необходимо выполнить следующие задания: выделить ключевые слова в каждом параграфе; определить главную идею всего текста; подготовить краткое изложение статьи. После обсуждения статьи студентам предлагается сравнить некоторые актуальные вопросы, поднятые в статье, с ситуацией в той восточной стране, которую они изучают. Эта работа может проводиться в парах или в порядке общего обсуждения.

Использование видеороликов на занятиях дает возможность тренировать восприятие английской речи на слух и знакомиться с тем, как представители восточных стран говорят на английском языке. Видеоматериалы подбираются целенаправленно с учётом изучаемой в текущем семестре восточной страны, её культуры и моделей поведения её представителей.

После просмотра и обсуждения видео студенты делают краткое изложение его содержания. Одной из форм контроля знаний может служить коллоквиум, в котором предложены задания к видео. Проведение коллоквиума в аудитории способствует возрастанию консолидации среди студентов, их взаимодействию и вовлеченности в учебный процесс.

Метод кейс-стади (от английского «case» – случай, ситуация; «study» - изучение) – это интерактивное задание, представляющее собой анализ конфликтной ситуации и поиск выхода из неё. Студентам предлагается конкретная ситуация с нерешённой проблемой. Работа всех участников тематического исследования в парах или группах из трёх-четырёх человек предполагает аргументированное обсуждение альтернативных вариантов. В результате представитель каждой группы озвучивает найденное решение, и по окончании сессии выбирается лучшая стратегия в контексте поставленной проблемы.

Поскольку культура любой страны тесно связана с ее историей, экономикой, политикой и обществом, студенты разных специализаций могут успешно использовать свои знания об изучаемой восточной стране при обсуждении тем и выполнении заданий на интерактивных занятиях по английскому языку. В связи с развитием культурных контактов и взаимодействий между разными народами и странами, все большую актуальность приобретают проблемы взаимопонимания и взаимоуважения. Изучение культурных ценностей и традиций восточных стран помогает правильно построить отношения в процессе общения с их представителями.

Лингвистические черты "русскости" в русском варианте английского языка как методологическая дилемма

Халютина М.Е.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры западноевропейских языков
marinakhalyutina@rambler.ru*

Сфера использования английского языка в России как средства межкультурной коммуникации значительно расширилась. Его популяризации среди подрастающих поколений способствуют такие факторы как массовая поп-культура. Английские слова или их морфемы встречаются в названиях поп-групп, брендов российских производителей, названиях кафе, клубов или литературных произведений. Более того, появилось поколение русскоязычных авторов, предпочитающих писать по-английски [3]. Несмотря на это изучение английского языка как иностранного в учебных заведениях Российской Федерации ориентировано на британский стандарт, русский английский в целом можно

охарактеризовать как легитимный вариант английского языка Расширяющегося круга по классификации Б.Б.Качру.

Английский язык, на котором говорят россияне, является одним из вариантов, принадлежащих семье мировых английских языков (World Englishes). Как вариант английского языка, ориентирующийся на эндонорму Внутреннего круга или стандартизированную и кодифицированную норму британского английского, русский английский (Russian English) динамично развивается, создаёт экзонормы в рамках нормозависимого варианта и обладает рядом особенностей, которые берут начало в русском языке. Эти специфические черты обусловлены русской культурой и менталитетом, что находит отражение на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и прагматическом уровнях языка [1].

На фонетическом уровне «русскость» является результатом интерференции и передается через выраженный русский акцент, включая замену согласных [w] на [v], [θ] и [ð] на [s] и [z]; постальвеолярного сонанта [r] на дрожащий переднеязычный; произнесение английских звуков [t], [p], [k], в целом похожих на соответствующие звуки русского языка, без необходимой в ряде случаев в английском языке аспирации; отсутствие дифференциации между «короткими» и «долгими» гласными и т.д. [1, 2].

У носителей русского языка, говорящих по-английски, часто отмечается интонация, характерная для русской речи. Несмотря на то, что оба языка демонстрируют черты ритмичности и ударения на определённых элементах фразы, ритмические модели, тем не менее, различаются. Так, в английском языке ритмичность требует постановки фразового ударения через равные промежутки, что отражается на качественной и количественной редукации звука в чередующихся слогов между синтагмами. Говорящие на английском русские делают чрезмерный акцент на служебных словах (вспомогательных глаголах, артиклях, местоимениях), на словах, которые британцы будут сильно редуцировать. Например,

ENGLISH

She is as SLY as a FOX.

How is his ENGLISH?

RUSSIAN ENGLISH

SHE IS AS SLY AS a FOX.

HOW IS HIS ENGLISH? [4]

В синтаксическом плане предпочтение отдаётся неопределенно-личным предложениям, а не личным с конструкцией «сложное подлежащее»: *They say he is a good doctor* вместо *He is said to be a good doctor* [1].

Отсутствие Perfect в русском языке объясняет частое использование Present Indefinite вместо Present Perfect, например 'I know her for ages' вместо 'I have known her for ages'. Стремление к упрощению не является особенностью только русского английского,

такая тенденция присуща и другим вариантам английского, однако это компенсируется формой Past Indefinite, в то время как использование так называемого now-Perfect – типичное проявление «русскости».

К лексическим особенностям русского английского относится особое словоупотребление прилагательного *scientific*, понимаемого как ‘научный’, а не ‘естественнонаучный’, как это часто наблюдается в названиях научных конференций по гуманитарным наукам: *International scientific conference on migration of the population in the XX Century AD*. В добавление к чисто лингвистическим признакам здесь мы видим графические признаки «русскости»: написание века римскими, а не арабскими цифрами. Лингвокультурная идентичность и менталитет русского человека может отражаться на уровне дискурса в прагматическом плане и выражаться в предпочтительном использовании форм императива и маскулинности на английском языке [1].

Для практикующего преподавателя как носителя нормативности и приверженца британского варианта английского языка, воспринимаемого в качестве эталона, признание русского английского как легитимного варианта может представлять методологическую дилемму. С одной стороны, признанные научным сообществом и описанные в научной литературе особенности русского английского, связанные с влиянием родного языка и говорящие в пользу национальной идентичности, могут быть облегчающими практические образовательные задачи. Но, с другой стороны, все признанные особенности относятся к числу типичных ошибок изучающих английский язык, на исправление которых (часто безуспешно) направлены усилия преподавателей.

Литература:

1. Прошина З.Г. Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 73–88.
2. Прошина З.Г., Ривлина А.А. Mock Russian English: шутливо-пародийное использование русского варианта английского языка в странах внутреннего круга // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 18–30.
3. Раренко М.Б. Английский язык в современном мире (Реферат) Ref. ad op.: The Routledge Handbook Of World Englishes / Ed. by Kirkpatrick A. – L.; N.Y.: Routledge Taylor a. Francis group, 2010. – 704 p.
4. Russian English: History, functions, and features / Z.G. Proshina, A.A. Eddy (eds.). Cambridge, 2016.

Реализация метода *microlearning* в работе с группами уровня В2

Шихзаманова Л.Э.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры

западноевропейских языков

l.e.shikhzamanova@rambler.ru

В современном мире технологии активно внедряются в образовательный процесс, и обучение уже невозможно представить без использования интернета и гаджетов. Микролёрнинг (*microlearning*), или микрообучение, представляет собой новый образовательный тренд, который позволяет разбить учебный материал на небольшие части, удобные для понимания и запоминания [1]. Информация при этом представлена в виде коротких видеороликов, интерактивных заданий и других мультимедиа, способствующих повышению интереса учащихся к освоению и закреплению новых знаний.

Одним из главных преимуществ микрообучения является его доступность и гибкость.

Небольшие порции информации (это может быть отработка грамматического правила, закрепление активной лексики и т.д.) доступны на различных устройствах, что особенно удобно для студентов: можно изучать английский язык и практиковать навыки в любое время и в любом месте за 5-7 минут с использованием мультимедийного контента в мобильном приложении [2]. Короткие уроки позволяют лучше удерживать внимание и повышают мотивацию к обучению.

Модули микрообучения содержат только информацию, которая нужна здесь и сейчас, что позволяет быстро усвоить ключевые концепции и выучить новый материал. Контент подбирается строго под поставленную задачу. Помимо освоения и закрепления новых знаний возможно применение средств микрообучения для интервального повторения.

Подбор материалов можно персонализировать с учётом индивидуальных потребностей студентов в больших группах. Таким образом, появляется возможность заполнения точечных пробелов в знаниях у конкретных студентов без потери времени на занятии. Студенты могут самостоятельно подбирать удобные им форматы и материалы, соответствующие их интересам, ставить себе цели (по системе SMART) и расширять объём знаний.

Однако важно отметить, что в контексте преподавания и изучения английского языка микрообучение стоит рассматривать как одну из частей комплексного образовательного подхода. Микроформат не должен заменять традиционные методы

обучения, но способен эффективно их дополнить и обеспечить большую вовлечённость учащихся в процесс обучения.

Микролёрнинг – это гибкий и эффективный подход, который хорошо дополняет традиционные методы обучения и способствует быстрому и качественному усвоению знаний. Его применение на занятиях по английскому языку помогает сделать образовательный процесс более интересным, доступным и персонализированным для каждого студента.

Литература:

1. Corbeil J.R., Khan B.H., Corbeil M.E. Microlearning in the Digital Age. The Design and Delivery of Learning in Snippets. ATD Press. 2021
2. Hug T. Didactics of Microlearning. Concepts, Discourses and Examples. Waxmann Verlag. 2017

Методический потенциал мультимодальности

Шихзаманова Т.Н.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры западноевропейских языков
m_yakushev@mail.ru

Наиболее актуальным подходом к обучению иностранному языку на современном этапе признается мультимодальный подход, имеющий все основания считаться стандартом XXI века.

Мультимодальность, или мультимедийность в лингводидактике – это «сочетание нескольких способов восприятия и обработки информации (то есть модальностей, или модусов): вербального, визуального, аудиального, тактильного и других» [2].

Ключевая характеристика мультимодальности – это simultaneity воздействия [3]

Теория мультимодальности впервые получила свое научное обоснование в 90-х гг. XX века. Г. Кресс и Т. Ван Лиувен заложили в основу теории понимание того, что в повседневном общении люди используют различные сенсорные системы – зрение, слух и осязание – для коммуникации посредством языка, изображений, звуков, жестов, движений и т.д.

Цифровизация расширяет потенциал использования мультимодальности в образовательной среде за счет появления новых форм модальностей и их сочетаний, основанных на использовании электронных или цифровых носителей в качестве способов доставки информации, которые необходимо задействовать при обучении иностранному языку.

Для стимулирования различных каналов восприятия и обработки информации следует использовать не просто печатный текст, но и аудио и видео материалы, иллюстративный материал, инфографику, музыку и пр., поэтому первостепенной задачей при обучении иностранному языку на данном этапе является переход от мономодальных текстов с основным носителем информации в виде слова к мультимодальным материалам, опирающимся на максимально приближенный к реальному общению образ, сочетающий визуальный, вербальный, просодический и пр. компоненты.

В настоящее время в сети Интернет появилось значительное количество аудио и видео материалов, в которых, например, различные по жанру, размеру и уровню сложности рассказы начитываются профессиональными преподавателями – носителями английского языка, причем в случае видео формата обучающиеся могут видеть выведенный на экран текст рассказа и одновременно слышать преподавателя. Часто такое чтение сопровождается объяснением использования тех или иных языковых явлений и страноведческих реалий. Используемый в качестве домашнего задания такой материал интенсифицирует процесс обучения иностранному языку, дает возможность более полного и естественного «погружения» в иноязычную среду и способствует развитию не только навыка чтения, но также и навыка аудирования.

В качестве примера использования мультимодального подхода к созданию учебных пособий можно привести пособие для магистрантов-историков – *Master's Degree Course Book "Wandering through the Ages: Empires of the Past from the Achaemenids to the Ottomans"* («Странствуя в веках: империи прошлого от Ахеменидов до Османов»), - в основу которого легли видео лекции ведущих историков на английском языке с заданием параллельно с просмотром составить конспект лекции и подготовиться к обсуждению ключевых положений. В пособии также содержатся разноплановые задания, нацеленные на активацию усвоенного материала.

Следует отметить тот факт, что при организации мультимодального обучения ведущая роль отводится преподавателям [1], так как «именно преподаватель создает среду мультимодального обучения, знакомит с ней, погружает в нее студентов, а затем поощряет студентов на дополнение этой среды» [4].

Обобщая все вышесказанное, следует сказать, что в эпоху бурного роста информационных технологий мультимодальный подход к преподаванию иностранных языков является самым перспективным коммуникативным методом, который целесообразно и логично интегрировать в процесс обучения в вузе.

Литература:

1. Абжарова Ж.К. Применение мультимодальной среды обучения на базе Интернета в преподавании иностранного языка в вузе. Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2023. № 05 (82).
2. Блинова О.А. Манипулятивный потенциал медиатекста (на материале американской политической карикатуры) Russian Linguistic Bulletin .2023. № 1 (37).
3. Загидуллина М.В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности. Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019 №1 (31). С. 181-188.
4. Осадчая И.Ю. Мультимодальное обучение студентов на занятиях иностранного языка в вузе. Мир педагогики и психологии: Международный научно-практический журнал. 2024. № 01 (90).

Религии, философия и культура на Востоке

Движение Талибан: религиозная и этническая идентичность

Белков Е.А.

*ИМЭМО РАН, младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований
79788566271@mail.ru*

Вот уже два с половиной года власть в Афганистане находится в руках религиозно-политического движения «Талибан», ведущего неоднозначную и противоречивую социально-экономическую и культурную политику. Совершенно не вызывает сомнений, что большая часть территории страны (а по сути, вся) находится под контролем талибов. В научной среде сегодня, да и всегда, остаются актуальными два вопроса: 1) Как и почему им удалось контролировать, весьма успешно, территорию страны, чего давно никому не удавалось? и 2) Насколько население страны поддерживает (если да, то за счет чего это достигается) или не поддерживает политику нового руководства? Возможно, учитывая опыт первого правления талибов в 1996–2001 гг., кому-то это может показаться странным, но нынешние талибы безусловно отличаются от тех, хотя политическое руководство физически мало изменилось.

Посол США в Афганистане в 1989–1992 гг. в предисловии к книге американского исследователя-афганиста Томаса Джонсона «Нарративы Талибана» пишет: «Информационные кампании талибов, сети Хаккани, разрабатывавшиеся в Пакистане, оказались значительно качественнее, многочисленнее и эффективнее, нежели те, которые планировали американская коалиция и афганское правительство ... Талибы, с другой стороны, создали сильную, простую и культурно понятную информационную кампанию для мобилизации, объединения и контроля над населением Афганистана» [1, с. 20]. Это было написано задолго до прихода талибов к власти во второй раз, но хорошо характеризует ситуацию в сфере информационного противоборства сторон.

Уже давно не секрет, что движение «Талибан» с точки зрения этнической составляющей является преимущественно пуштунским. Что бы ни заявляли публичные деятели «Талибана» об этническом и конфессиональном разнообразии своего правительства, любому более-менее сведущему в этнографии специалисту будет понятно, что абсолютное большинство талибов – этнические пуштуны из самых разных провинций. Для примера приведем этническую и племенную принадлежность некоторых высокопоставленных руководителей талибов. Так, духовный и политический лидер движения Хайбатулла Ахундзада, которого наделили титулом «повелитель правоверных»

(*амир ал-му'минин*), происходит из кандагарского племени нурзаев. Первое лицо в правительстве талибов – премьер-министр Мула Мохаммад Хасан Ахунд ведет свою родословную от основателя первого афганского государства – Ахмад-шаха Дуррани из племени алокозай. Заместитель премьер-министра – Мула Абдулгани Барадар – из того же племенного союза Дуррани, племени попальзай. Список можно продолжить, но факт доминирования пуштунов остается неизменным. В фундаментальном труде «Ислам в Афганистане: от обращения до талибов» отмечается, что многие сегодня не видят никакой разницы между правителями XIX в., принадлежавшими к племени мухамадзаев, и сегодняшними талибами [2, с. 243]. На первом месте в восприятии властей стоит скорее не религия, а этническая принадлежность.

Учитывая племенную принадлежность большинства членов «Талибана», нельзя не попытаться понять, насколько она может влиять на их жизнь, взгляды, поведение, политику, взаимодействие с внешним миром. Исследователя не должен вводить в заблуждение тот факт, что сами талибы, особенно руководство движения, постоянно акцентируют внимание на религиозном характере их политики. В то же время, многие решения и указы талибов не имеют ничего общего с нормами ислама, что подтверждают специалисты во многих мусульманских странах от Египта до Индонезии.

Литература:

- [1] *Johnson T.H.* Taliban Narratives: The Use and Power of Stories in the Afghanistan Conflict. New York: Oxford University Press, 2018. 336 p.
- [2] *Green N.* Afghanistan's Islam: from Conversion to the Taliban. Los Angeles: University of California Press, 2016. 335 p.

Религиозные аспекты движения ади-андхра в Южной Индии (первая половина XX в.)¹

Бочковская А.В.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории Южной Азии
abochkovskaya@iaas.msu.ru*

В первые десятилетия XX в. в разных частях Индии развернулись движения, объединявшие наиболее социально незащищенные слои населения – неприкасаемых и

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-00293, <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

близкие к ним по статусу касты. В Бенгалии с начала столетия начались выступления неприкасаемых-намашудра, в то время как в Махаращтре в 1920-х годах заявили о себе махары во главе с известным политиком и общественным деятелем Б.Р. Амбедкаром. В ряде регионов самоназвания аналогичных движений включали определение «ади» (букв. изначальный, исходный): ади-дхарм в Панджабе, ади-хинду в Соединенных провинциях, ади-андхра в части Мадраасского президенства, ади-дравида в Тамилнаду.

Неприкасаемые вели борьбу за социально-экономические и политические права, акцентируя внимание на своем особом – периферийном – положении в индусском обществе, где им отводилось место изгоев, предназначенных исключительно для выполнения наиболее тяжелых и нечистых работ. Их лидеры подчеркивали, что неприкасаемость стала результатом брахманизации общества после прихода в Южную Азию ариев, оттеснивших коренных, «изначальных» жителей субконтинента на «задворки» социума. Поэтому одним из главных лозунгов неприкасаемых стало восстановление их исходных, «истинных» прав – чаще всего, через обоснование и/или конструирование собственной идентичности в оппозицию индуизму и всему связанному с ним. Наиболее понятным и близким для низкокастовых индийцев был путь создания своей религиозной идентичности, которая автоматически «убирала» бы их из современной системы индуизма. По этому пути, в частности, пошли кожевники-чамары Панджаба, провозгласившие создание собственной веры – ади-дхарм [1], а также чамары Соединенных провинций, определявшие себя как ади-хинду – адептов «изначальной», доиндусской веры [3].

Движение ади-андхра охватило преимущественно те районы Мадраасского президенства, где основным языком был телугу; с движением также взаимодействовали некоторые организации низкокастовых в тамильской части президенства и в княжестве Хайдарабад [2, с. 226]. Заметная деятельность низкокастовых андхра началась в 1917 г. с образованием организации Ади-андхра махасабха (Великое собрание исконных жителей Андхры, ААМ) в Виджаяваде; большинство ее активистов принадлежали к касте мала. Основные цели ААМ включали борьбу за устранение неприкасаемости, за наделение низкокастовых правом владеть и распоряжаться землей, за обеспечение их рабочими местами. Большое внимание уделялось вопросам образования социальных низов и вовлечения их в политику. В середине 1940-х годов активность ААМ практически сошла на нет, и с 1950-х годов эстафету подхватило андхрское отделение всеиндийской Федерации зарегистрированных каст, созданной Амбедкаром.

В рядах ади-андхра в первой половине XX в. были представлены разные подходы к определению своей религиозной принадлежности. Многим ади-андхра были близки идеи антибрахманских движений, возникших в разных частях Индии в XIX в. и получивших

новый импульс в начале XX столетия. В то же время часть ади-андхра, включая некоторых лидеров сообщества, сотрудничали с целым рядом индусских организаций в решении социально-экономических вопросов низкастовых. Индусские националисты, обеспокоенные ростом численности христианской общины Андхра (следствие перехода значительного числа неприкасаемых в христианство в конце XIX в.) часто шли навстречу ади-андхра. Наконец, среди ади-андхра были и те, кто настаивал на признании эксклюзивной, не-индусской, религиозной идентичности своего сообщества.

Литература:

- [1] *Juergensmeyer M.* Religious Rebels in the Punjab: The Ad Dharam Challenge to Caste. New Delhi, Navayana. 2009 (1982). 357 p.
- [2] *Murthy Chandra Bhanu N.* Identity, Autonomy and Emancipation: The Agendas of the Adi-Andhra Movement in South India, 1917–30 // *The Indian Economic and Social History Review*. 2016. Vol. 53, № 2. P. 225–248.
- [3] *Singh O.P.* Evolution of Dalit Identity: History of Adi Hindu Movement in United Province (1900-1950) // *Proceedings of the Indian History Congress, 2009–2010*. Vol. 70. P. 574–585.

Судьба и наследие отечественного исламоведа Г.С. Саблукова (1804–1880): его письма академику Х.Д. Френу (1782–1851) из фонда Санкт-Петербургского филиала

Архива РАН¹

Валеев Р.М.

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Институт международных отношений, профессор кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
valeev200655@mail.ru*

Валеева Р.З.

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, заведующий кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации
valroz@mail.ru*

Кириллина С.А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока

kirillina@iaas.msu.ru

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

В 2024 г. исполняется 220 лет со дня рождения известного тюрколога, исследователя золотоордынской нумизматики, арабиста и первого в России переводчика Корана с оригинала, видного представителя школы отечественного миссионерского исламоведения, профессора Казанской духовной академии Г.С. Саблукова (1804–1880). В плеяде признанных востоковедов второй половины XIX в. он справедливо выделяется как «крупнейший арабист, имя которого тесно связано с казанской школой» [1, с. 127].

В биографии Г.С. Саблукова выделяются саратовский (1830–1849 гг.) и казанский (1849–1880 гг.) периоды научно-педагогической и общественной деятельности. Эти этапы были связаны с преподаванием Г.С. Саблуковым гражданской истории, еврейского и старотатарского языков в Саратовской духовной семинарии и арабского языка в Казанской духовной академии, его исследованиями в области нумизматики, археологии, этнографии и историко-культурной проблематики Улуса Джучи XIII–XV вв., истории ислама и корановедения.

В докладе представлены обзор основных этапов жизненного пути Г.С. Саблукова в Саратове и Казани и оценка значимости его тюркологического и исламоведческого наследия. На основе опубликованных и архивных материалов систематизированы данные об открытии в Саратовской духовной семинарии «класса татарского языка» и его изучении семинаристами под руководством Г.С. Саблукова в 1837–1849 гг. на основе составленной им «Татарской грамматики». Отдельное место отведено выявлению роли Г.С. Саблукова в приобщении молодого Н.Г. Чернышевского к освоению восточных языков и историко-культурного наследия народов Востока. В фокусе внимания также находятся краеведческие публикации Г.С. Саблукова и его исследования в области золотоордынской истории, археологии и нумизматики. Рассматриваются сохранившиеся в фонде Санкт-Петербургского филиала Архива РАН письма Г.С. Саблукова академику Х.Д. Френу, относящиеся к саратовскому периоду (Ф. 778. Оп. 2. Д. 277). Особое внимание уделяется анализу казанского периода жизни Г.С. Саблукова – преподавательской работе в Казанской духовной академии; исследованию и переводу «Шаджара-и тюрк» («Родословное древо тюрков») хивинского хана Абу-л-Гази; особенностям работы с выдающимся памятником ислама, арабо-мусульманской и мировой культуры – Кораном, а также тесному сотрудничеству Г.С. Саблукова с востоковедами Х.Д. Френом, А.К. Казем-Бекком, И.Н. Березиным, В.В. Григорьевым, Н.И. Ильминским, И.Ф. Готвальдом и известными татарскими учеными-просветителями Каюмом Насыри, Мухаммадгали Махмудовым, Шигабутдином Марджани и др.

Литература:

[1] *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. В 6-ти т. Т. 5. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 524 с.

Салтанат и валайат: представления об источнике власти в послемонгольском Иране (на примере Тимура и его потомков)

Вердиева Л.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры истории стран Ближнего и
Среднего Востока
leylatotoro@gmail.com*

Корни представлений иранцев о божественной природе власти лежат в далеком прошлом. Еще с доисламских времен в Иране существовала концепция, согласно которой земное царствование рассматривалось как определенного рода договор между правителем и высшими силами. Справедливому и мудрому шаху приписывалось обладание «благословением» свыше (*фарр-и изади*), наделявшим его фигуру сакральным статусом. Эта постоянная связь со сверхъестественным стала определяющим фактором легитимности правителя.

С приходом ислама на территорию Ирана вышеупомянутые представления были переосмыслены в рамках традиции *бараки* – благодетельной силы божественного происхождения, которой наделялся государь. К обладателям *бараки* принадлежали пророк Мухаммад и его потомки. Аббасидские халифы, возводившие свой род к дяде Пророка, также были среди претендовавших на богоизбранность правителей.

Обозначенные представления о власти и лидерстве претерпели значительные изменения после 1258 г., ознаменовавшегося осадой Багдада монголами, казнью халифа ал-Мустасима и последовавшим падением Аббасидского халифата. Отныне всем последующим политическим деятелям, претендовавшим на земную власть (*салтанат*), приходилось заново обосновывать собственные притязания на престол после монгольского завоевания.

Одним из ключевых факторов, подтверждавших легитимность власти монгольских ханов из династий Хулагуидов и Чагатаидов, была генеалогическая связь с Чингисханом. Однако, с точки зрения мусульманского населения Ирана и Мавераннахра, родство с великим предком не могло быть связано с проявлением воли Всевышнего, а государи, которые придерживались монгольского закона (*Ясы*) в ущерб мусульманскому закону (*шариату*), воспринимались как узурпаторы. Таким образом, приобщение к божественной благодати дало

возможность тюрко-монгольским правителям обезопасить себя от вероятных кризисов государственности. Как правило, носителем *бараки* считался праведник (*вали*, мн. ч. *аулийа*), обладавший особым авторитетом в области сакральных знаний, а также приписываемой ему «приближенностью к Богу» (*валайа*, или *валайат*).

В этом контексте особый интерес представляет взаимодействие суфийских духовных лидеров и тимуридских правителей Ирана и Мавераннахра. Его всестороннее исследование позволяет пролить свет на особенности трактовки понятий *салтанат* и *валайат* в период до XVI в., а также выявить периоды, когда они расходились между собой по смыслу и отождествлялись друг с другом. Существенным подспорьем на этом пути служит изучение источников тимуридской и более поздней эпохи, в частности, произведений житийной и дидактической литературы [5, т. 2, с. 108], которые содержат ценные сведения о представлениях *аулийа* относительно земной власти [1, с. 397].

Исследование заявленных источников позволяет заключить, что всю совокупность отношений между властью имущими и *аулийа* до середины XV в. можно охарактеризовать как взаимовыгодный союз. Стремившийся к божественной благодати государь мог совершать паломничество (*зийарат*) к местам захоронения усопших подвижников, поддерживать суфийские общины при этих мавзолеях [5, т. 2, с. 96] и даже провозглашать себя учеником (*муридом*) одного или нескольких наставников [2, с. 36]. Это позволяло заручиться их поддержкой, так как суфии обладали определяющим влиянием на иранское общество в послемонгольское время [4]. Тем не менее, уже со второй половины XV в. падишахи постепенно лишились политической субъектности. Это явление достигло апогея в эпоху лидерства *накшбандийского* шейха *Ходжи Ахрара* (ум. в 1489 г.), тесно взаимодействовавшего с султанами и выступавшего в качестве посредника в переговорах между постоянно конфликтовавшими тимуридскими князьями [3, с. 338]. Так, в рассматриваемую эпоху наблюдается следующий феномен: обладатель *валайа* уже не подстраивался под политическую обстановку, а самостоятельно формировал ее в соответствии с интересами и потребностями своей общины. С появлением династии Сефевидов стало возможным говорить о новом типе религиозного деятеля («шахе-святом»), для которого вовлеченность в политику не противоречила следованию духовной жизни.

Литература:

- [1] *Махдум-и Азам*. Трактат о назидании султанам // *Мудрость суфиев*. Пер. с перс. О.М. Ястребовой, Ю.А. Иоаннесяна, Б.М. Бабаджанова. СПб.: Азбука, 2001. С. 373–428.
- [2] *Йазди, Шараф ад-Дин Али*. Зафар-наме. Книга побед амира Тимура. Пер. со староузб. А. Ахмедова. Ташкент: изд-во журнала "SAN'AT", 2008. 486 с.

[3] *Gross J.-A., Urunbaev A. The Letters of Khwaja Ubayd Allah Ahrar and his Associates. Leiden: Brill, 2002. 542 p.*

[4] *Khwandamir, Ghiyas al-din. Habib al-siyar // A Century of Princes: Sources on Timurid History and Art, selected and translated by W. M. Thackston. Cambridge, Massachusetts: Aga Khan Program for Islamic Architecture, 1989. P. 101–236.*

[5] *Кашифи, Фахр ад-дин Али б. Хусейн Ваиз. Рашахат-и айн ал-хайат (Капли из родника жизни). Т. 1–2. Тегеран: Бунйад-и нукукар-и нурйани, 2536/1977.*

Специфика рок-музыки в Индии: этапы развития и смысловое наполнение

Голубцова Е.В.

Военный университет МО РФ им. князя Александра Невского, старший преподаватель

кафедры среднеазиатских языков

ekaterinasalupenkob@gmail.com

Рок – обобщающее название направления в популярной музыке, возникшей в начале 1950-х годов в США [2]. И хотя в интеллектуальной среде утвердился стереотип о рок-музыке как исключительно молодежном культурном явлении, которому присущи черты инфантильности, нельзя отрицать, что рок не только выражает вкусы и интересы публики, но и оказывает влияние на формирование ее ценностных установок и гражданских ориентиров. Рок-музыка, как продукт западной культуры, в 1960-е годы активно начала проникать в культурное пространство других стран. Не стала исключением и Индия.

Первый этап распространения рок-н-ролла в Индии пришелся на 1960 – начало 1970-х годов. К первым индийским группам относятся Thunderbirds (Дели), Mystiks (совр. Мумбаи), Beat-X (совр. Ченнаи), Flintstone и Cavaliers (совр. Колката). Распространение рок-музыки в Индии было затруднено из-за комплекса мер в социально-экономической и культурной сферах (ограничение культурного влияния Запада на население; политика импортзамещающей индустриализации, обуславливавшая контроль над ввозом иностранной продукции и, соответственно, ограниченное предложение музыкального оборудования, необходимого для исполнения музыки в жанре «рок») [3], получивших название «курс Неру». Первые индийские рокеры были вынуждены использовать народные инструменты, подражая музыкальной манере и текстам песен западных исполнителей. Поскольку рок-н-ролл воспринимался как форма британского искусства, написанные в этом жанре песни были на английском языке.

В 1980-е годы в рок-индустрии на Западе лидирующее место начинает принадлежать представителям «металлического рока». К индийским группам, начавшим

экспериментировать с новым стилем, относятся, например, Rock Machine, Parikrama и Motherjane. В этот же период наметились новые тенденции в социально-экономической сфере: на смену протекционистскому «курсу Неру» приходила концепция «открытой экономики», ознаменовавшая переход от изоляции от мирового рынка к интернационализации экономики [1]. Это послужило толчком к началу второго этапа развития рок-музыки в Индии в 1990-е годы. Расширение торговли со странами Запада стало причиной активизации культурного обмена, который способствовал усилению защитных традиционалистских настроений в индийском обществе, в частности, росту проиндусских настроений [1], что нашло отражение и в музыке.

Так, 1980–1990-е годы ознаменовались увеличением количества групп, сочиняющих песни на местных языках и использующих традиционные инструменты не из-за отсутствия необходимого оборудования, а по собственной инициативе. Популярным сюжетом песен стала ведическая и индусская мифология (Demonic Resurrection, Rudra, Down Troddence). Индийские рок-музыканты начали активнее освещать такие темы, как сепаратизм и межэтнические конфликты на Северо-Востоке Индии (White Fire, Imphal Talkies and The Howlers); деятельность индийских политиков и проиндусскую идеологию партии БДП (Ska Vengers «Modi, a Message to You», Indian Ocean «Gar Ho Sake»); негативное влияние кастовой системы (The Casteless Collective, Motorcycle Shayaries); положение женщин в Индии (Meri Zindagi); климатические изменения (Indian Ocean «Ma Rewa», «Cheetu», «Aisi Taisi Democrasy» и Swarathma «Pyaasi»); обстановка в Кашмире (Agni).

В связи с неоднозначным отношением к жанру «рок» в мусульманской среде в Индии количество рок-исполнителей, которые исповедуют ислам, небольшое. Консервативные мусульмане считают свободолобивые протестные тексты проявлением вестернизации, призванной ослабить веру в Аллаха. Однако существует ряд групп, которым удается совмещать в своем творчестве исламское учение и гитарные рифы [4] (жанры «таквакор», «ориентал-метал», «суфи-рок»).

В начале нынешнего столетия в рок-музыке Индии сохраняется ее культурное и национальное своеобразие. Попытки индийских музыкантов привнести местный колорит в жанр «рок» способствовали зарождению нескольких поджанров, впоследствии ставшими самобытным культурно-географическим феноменом (жанр «рага-рок», получивший широкое распространение благодаря легендарным Beatles; «хинду-метал» или «ведик-метал», также ставший популярным за пределами Индии; кашмирский «суфи-рок»).

Литература:

- [1] *Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л.* История Индии. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2018. 544 с.
- [2] *Громаков А.И.* Рок-музыка как кейс музыкальной социализации // Теория и практика общественного развития. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rok-muzyka-kak-keys-muzykalnoy-sotsializatsii> (дата обращения: 19.02.2024).
- [3] *Bishop C.* The Era Of the Beat Groups In Bombay 1962-1968 // Garagehangover. 2011. URL: <https://garagehangover.com/era-of-the-beat-groups-in-bombay-1962-1968/> (дата обращения: 15.02.2024).
- [4] The Most Famous Islamic Metal Bands // Steemit. 2018. URL: <https://steemit.com/musicislami/@rahmatidhami/the-most-famous-islamic-metal-bands-cd49bf12f08b#:~:text=The%20Islamic%20Metal%20Band%20The,Cakra%20as%20a%20bass%20playe> (дата обращения: 17.02.2024).

Палестинское движение ХАМАС и ассоциация «Братья-мусульмане»

Долгов Б.В.

Институт востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований; ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки
dolgov.boris@list.ru

Движение ХАМАС (Движение исламского сопротивления) было основано в секторе Газа в 1987 г. известным мусульманским деятелем шейхом Ясином. В 1970-е годы он занимался созданием мусульманских учебных заведений в Египте, затем переехал в Газу и стал основывать их здесь. При его содействии в Газе в 1978 г. был открыт Исламский университет и десятки новых мечетей. ХАМАС было основано как отделение влиятельной исламистской ассоциации «Братья-мусульмане», созданной в Египте в 1928 г. видным исламистским идеологом шейхом Хасаном ал-Банной.

На первом этапе своего существования ХАМАС занималось проповеднической и религиозно-просветительской деятельностью, а также благотворительностью. Во многом благодаря этому ХАМАС завоевало значительное влияние и популярность среди палестинцев. «Братья-мусульмане» в Египте также пользовались достаточно большим влиянием благодаря своей активности в социальной сфере. ХАМАС при своем создании получало финансовую поддержку со стороны частных фондов различных арабских стран,

а также от состоятельных представителей палестинской диаспоры, проживавших в различных странах мира. Согласно данным американских и французских СМИ, созданию ХАМАС способствовала также израильская разведывательная служба Моссад с целью противопоставить исламистскую ХАМАС светской в своей основе Организации освобождения Палестины (ООП), имевшей значительное число сторонников среди палестинского населения [2, с. 113–124]. В ООП в тот период, характеризовавшийся «холодной войной» между советским и западным блоками, входил ряд организаций (ФАТХ, НФОП, НДФОП), исповедовавших в той или иной мере марксистскую идеологию, выступавших на стороне советского блока и пользовавшихся его поддержкой. Эти организации являлись наиболее влиятельными в ООП и определяли ее политику жесткого противостояния с израильскими властями, являвшимися союзниками западного блока. В то же время по отношению к ХАМАС в то время израильские власти проявляли достаточную лояльность. Необходимо признать, что тактика израильских властей по сталкиванию ООП и ХАМАС принесла свои плоды, и противостояние между этими двумя политическими силами палестинского национального движения продолжается до сих пор.

По мере вовлечения в политические процессы происходит быстрая радикализация ХАМАС [1, с. 161]. Так, в 1988 г. в программном документе – «Хартии ХАМАС» – не признавалось право на существование государства Израиль, но в то же время подтверждалось, что «под сенью ислама могут мирно сосуществовать мусульмане, христиане и иудеи» [3, с. 8]. В результате ряда соглашений между Израилем, ООП и «квartetом (ООН, ЕС, США, Россия)» были созданы два палестинских анклава – на Западном берегу реки Иордан Палестинская национальная администрация (ПНА), где основную роль играет ООП, и в Секторе Газа, где в результате победы на парламентских выборах к власти пришло движение ХАМАС. При этом противостояние между Израилем и ХАМАС приводило к антиизраильским вооруженным акциям его боевиков и военным ударам израильской армии по Сектору Газа.

В октябре 2023 г. ХАМАС осуществило масштабную вооруженную акцию, подвергнув ракетному обстрелу военные объекты и населенные пункты Израиля. Подразделения ХАМАС, насчитывавшие около 1 тыс. 200 бойцов, продвинулись на несколько десятков километров вглубь израильской территории, атаковали израильские военные объекты, захватили одну военную базу и ряд населенных пунктов. При этом были жертвы среди израильских военных и местного населения, а также было захвачено в качестве заложников более 200 военных и гражданских лиц, в том числе иностранцев. В ответ израильская армия начала военную операцию в Газе, по которой наносились воздушные и ракетно-артиллерийские удары. Израильские власти объявили, что целью

военной операции является полное уничтожение военной и гражданской структуры ХАМАС. Жертвами этих действий стала часть боевиков и командования ХАМАС, а также большое число мирного населения Газы.

Главной причиной продолжающегося палестино-израильского конфликта является невыполнение решения Генеральной Ассамблеи ООН от 1947 г. о создании палестинского национального государства.

Литература:

- [1] *Звягельская И.Д.* Религиозный фактор в палестино-израильском конфликте // Религия и конфликт. Под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 153–174.
- [2] *Косач Г.Г.* Политический ислам в палестинском контексте: движение ХАМАС // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке (сборник статей). М.: ИИИиБВ, Академия геополитики и безопасности, 2001. С. 112–146.
- [3] *Abu Irshaid, Osama; Scham, Paul.* Hamas. Ideological Rigidity and Political Flexibility // United States Institute for Peace. Special Report 224. June 2009. http://www.usip.org/files/resources/Special%20Report%20224_Hamas.pdf (дата обращения: 18.01.2024).

Консерваторы-традиционалисты против реформаторов-салафитов: «инцидент с муджтахидами» в османском Дамаске в 1896 г.

Жантиев Д.Р.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока
zhantiev@iaas.msu.ru

Религиозно-интеллектуальная жизнь в османской Сирии конца XIX – начала XX в. характеризовалась доминированием среди местных *улама* сторонников исламского суннитского традиционализма, который ассоциировался с политической лояльностью по отношению к османским властям. При этом заметной была также деятельность тех представителей исламской интеллектуальной элиты, методологические позиции которых расходились с официально господствовавшим *таклидом*. К таковым можно отнести участников неформального кружка *улама* во главе с Джамал ад-Дином ал-Касими (1866–1914), который приобрел репутацию наиболее видного сирийского салафита своего времени. Самостоятельное изучение и обсуждение хадисов в кругу единомышленников

Джамал ад-Дина ал-Касими становилось поводом для нападков со стороны консервативно настроенных влиятельных оппонентов, опасавшихся возможной конкуренции со стороны молодых реформаторски мыслящих исламских интеллектуалов. В январе 1896 г. Джамал ад-Дин ал-Касими и ряд его сторонников были вызваны для публичного разбирательства их религиозных взглядов и ученых занятий в судебную инстанцию Дамаска [2, с. 71–73]. Там они были вынуждены в присутствии кади отвечать на предъявляемые им со стороны консервативно настроенного ханафитского муфтия Дамаска Мухаммада ал-Манини (1836–1898) обвинения в нелояльности властям и *иджтихаде* (т. е. самостоятельном рационалистическом формулировании религиозно-правовых норм на основе священных текстов Корана и Сунны) и вести с ним полемику [4, с. 275–276]. Однако попытка оставшихся неизвестными недоброжелателей натравить на салафитов османские власти с целью их высылки из города не увенчались успехом. Джамал ад-Дину ал-Касими и его сторонникам удалось оправдаться, отвергая обвинения в нелояльности и доказав, что они ограничивали свои ученые занятия и дискуссии исключительно богословско-юридическими рамками, не прибегая к *иджтихаду*.

Важность так называемого «инцидента с муджтахидами» в Дамаске 1896 г. состоит в том, что он помогает осмыслить политику османского правительства в эпоху правления султана Абдул-Хамида II (1876–1909 гг.) в сфере религиозной и политической мысли. Среди сирийских современников инцидент вызвал широкий резонанс, его рассматривали как весьма значимый случай для религиозной и интеллектуальной жизни своего времени. В ходе неофициальных ученых собраний Джамал ад-Дин ал-Касими и его высоко эрудированные сподвижники из числа дамасских улама самостоятельно выбирали религиозные тексты и методы их изучения, что уже само по себе вызывало подозрения в их адрес среди сторонников *таклида*. Вместе с тем, было бы надуманным рассматривать указанный случай в качестве проявления оппозиционной политической деятельности и, тем более, арабского национализма. Вплоть до младотурецкой революции 1908–1909 гг. деятельность критиков *таклида* в Сирии не отличалась ни активностью, ни эффективностью, а османский халифат воспринимался в качестве совершенной системы политического устройства [1]. Как формальное, так и неформальное влияние консервативно настроенных улама в османской Сирии оставалось доминирующим, а приверженность *иджтихаду* трактовалась как проявление нелояльности по отношению к османским властям, что вынуждало сторонников более свободного изучения и толкования священных текстов скрывать свои истинные взгляды и действия. В этой связи характеристику Джамал ад-Дина ал-Касими и его сторонников как салафитов (*салафийа*) также следует считать

дискуссионной, поскольку данный термин применительно к рубежу XIX и XX вв. [3, с. 384-385] нуждается, как минимум, в концептуальном переосмыслении.

Литература:

- [1] Кириллина С. А., Орлов В. В., Сафронова А. Л. Дилемма «Восток – Запад»: халифат в категориях приятия и отрицания мусульманскими идеологами XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 11 (121). URL: <https://history.jes.su/s207987840023166-1-1/> (дата обращения: 28.02.2024).
- [2] Coppens P. The ‘Muğtahids’ Incident’ According to al-Qāsimī’s Memoirs. Introduction and Translation // *Mélanges de l’Institut dominicain d’études orientales (MIDÉO)*. 2021. Vol. 36. P. 63–97.
- [3] Lauziere H. The Construction of Salafiyya: Reconsidering Salafism from the Perspective of Conceptual History // *International Journal of Middle East Studies*. 2010. Vol. 42. P. 369–389.
- [4] Weismann I. *Taste of Modernity: Sufism, Salafiyya, and Arabism in Late Ottoman Damascus*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 343 p.

Символика инструментов поддержания огня в ведийском ритуале

Захарьин Б.А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник лаборатории экологии культуры ИСАА, заслуженный профессор МГУ
zakharyin@mail.ru

Для древних индоариев главным средством установления контактов с богами было жертвоприношение, сопровождаемое рецитацией сакральных гимнов вед, магических формул, заклинаний и др. Его важнейшей и необходимой составляющей являлся унаследованный от предков-индоиранцев культ огня (*agni*), позволявший через пламя, думы и запахи посылать жертву богам и в ответ получать от них нужные людям блага. Жертвенные ритуалы были двух основных типов: «большой» (*śrauta-*), требовавший участия многих жрецов и скопления публики, и «малый» (*gṛhya-*), осуществляемый домохозяином. В обоих главная роль была отведена Богу Огня (*Agni-*), который реализовывал функцию «рта божеств», т.е. являлся и пожирателем жертвы, и кормильцем богов. Только в «большом» ритуале имело место коллективное распитие галлюциногена *soma-*, и только в нем жрецы регулярно использовали сакральные ложки с маслом или жиром, которыми поддерживалось пламя в жертвеннике.

Жертвенные субстанции в обоих ритуалах были однотипными и, в основном, предполагали растения, молоко, животных, *сому* и топленое масло или жир, но подлежащие закланию животные употреблялись преимущественно в «больших» ритуалах. По ходу ритуала или даже до его начала, почти все жертвенные материалы должны были проходить через предполагаемую взаимодействие с огнем процедуру «очищения».

Исключение делалось для молока и получаемого из него топленого масла: эти субстанции считались «чистыми по природе» и не требовавшими дополнительной очистки. Объяснение этому факту отыскивается в излагаемом в Шатапатха-Брахмане мифе о Боге Агни, некогда сотворившем корову и затем слившимся с ней в сексуальном союзе *mithuná-*. Все, происходящее от Агни, наделено его «огненностью» и, соответственно, «природной чистотой». Это относится и к молоку (сперме Агни), и к извлекаемому из него маслу, и к переносимой маслу жертвенной утвари – черпаку *srúc-* и ложке *sruvá-*. Названия обоих черпалок являются именными производными от корня *sru-* «стекать, капать», но также и «уничтожаться». И эта семантическая двойственность объяснима: согласно представлениям индоариев, **стекавшее** с черпака или ложки масло, попадая в жертвенник и соединяясь в *mithuná-* с его пламенем, **уничтожалось** для последующего возрождения в новой ипостаси. Обе черпалки имели особые формы и изготавливались только из дерева '*palāśá*' (*Butea Frondosa*) или из '*khadirá*' (*Acacia Catechu*), само вырезывание их проходило под пение мантр, предполагавших *mithuná-* черпалок с древесными заготовками. В свою очередь жрецы *hotR-* и *adhvaryu* при помощи *srúc-* и *sruvá-* непрерывно подливали масло в жертвеннике, способствуя этим соединению сакральных ложек в *mithuná-* с Агни. Большие подробности, касающиеся функций черпака и ложки в жертвоприношениях, будут приведены в докладе на конференции.

Литература:

- [1] Елизаренкова Т.Я. Ригведа. Мандалы I–IV. Москва: Наука, 1989. 767 с.
- [2] Захарьин Б.А. Оппозиция «мужское – женское» и смежные с ней в языках и культуре Древней и Новой Индии // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 1. С. 17–30.
- [3] Маламуд Шарль. Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии. Пер. с франц. М.: Восточная литература, 2005. 350 с.
- [4] Śatapatha Brahmana. Ed. by A. Weber. Berlin, Leipzig (reprint), 1924.

**Переводчик Корана Г.С. Саблуков (1804–1880) и академические традиции
корановедения в России (к 220-летию со дня рождения)¹**

Кириллина С.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и
Среднего Востока
kirillina@iaas.msu.ru*

Валеев Р.М.

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Институт международных
отношений, профессор кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
valeev200655@mail.ru*

Валеева Р.З.

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, декан факультета
лингвистики и межкультурной коммуникации, заведующий кафедрой иностранных
языков в профессиональной коммуникации
valroz@mail.ru*

Гордий Семенович Саблуков (1804–1880) – православный миссионер, полиглот, освоивший более дюжины языков, историк-археолог, востоковед и религиовед, наставник молодого поколения. При всем многообразии его исследовательских интересов и широком спектре преподавательской деятельности в литературных кругах Г.С. Саблукова вспоминают прежде всего как учителя писателя и публициста, революционера-демократа Н.Г. Чернышевского (1828–1889), а в востоковедном сообществе – как переводчика первого опубликованного перевода Корана с арабского оригинала на русский.

Родился Гордий Саблуков в 1804 г. в семье православного священника, служившего в глухой глубинке – в селе Архангельское, что в 80 км от Уфы. Избрав предначертанную ему семейной традицией духовную стезю, в 1826 г. Г.С. Саблуков закончил Оренбургскую духовную семинарию, а в 1830 г. – Московскую духовную академию, получив степень кандидата богословия. Его преподавательская карьера началась в Саратовской духовной семинарии (1830–1849 гг.), где среди его слушателей был молодой и любознательный Чернышевский. Второй этап профессионального пути Г.С. Саблукова связан с Казанью, где он преподавал в Казанской духовной академии (1849–1862), дослужившись до профессора.

Выполненный Г.С. Саблуковым перевод Корана увидел свет в 1877 г., незадолго до его кончины. Казань того времени представляла собой официальный имперский центр, где конструировалась идеология православного миссионерства и где с 1840-х годов до 1920 г.

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

на миссионерском «противомусульманском» отделении Казанской духовной академии интенсивно изучались история и идейные основы ислама [2, с. 198–215]. Хотя миссионерский, критический и духовно-назидательный запал не миновал исламоведческих штудий Г.С. Саблукова, его посвященные исламу труды намного превзошли «“изыскания”» ряда других исламоведов-миссионеров с их основным принципом подбора сомнительных исторических “фактов” и грубо-тенденциозных толкований» [1, с. 60].

В корановедческом наследии Г.С. Саблукова особое место занимают обзорный труд «Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения» (1884 г.) и «Приложение к переводу Корана» (1879 г.), представляющее собой указатель к священной книге ислама, который не имел аналогов в Европе конца XIX в. Однако известность Г.С. Саблукову принес именно перевод Корана, над которым он работал несколько десятилетий.

Одновременно с Г.С. Саблуковым над переводом Корана с арабского на русский трудился драгоман российского посольства в Стамбуле Д.Н. Богуславский (1826–1893). Однако судьба распорядилась таким образом, что этот заверченный в 1871 г. перевод, рукопись которого в свое время получила позитивные оценки корифеев отечественной арабистики В.Р. Розена (1849–1908) и И.Ю. Крачковского (1883–1951), обрел своих издателей только на рубеже XX – XXI столетий. В то же время судьба уготовила переводу Г.С. Саблукова долгую жизнь. По прошествии более 60 лет с момента его первого издания И.Ю. Крачковский заключил, что перевод Г.С. Саблукова «испытание временем ... уже выдержал» [3, с. 14]. До публикации перевода Корана И.Ю. Крачковского в 1963 г. перевод Г.С. Саблукова удовлетворял потребности науки и общественные запросы, а в XXI в., так же, как и перевод И.Ю. Крачковского, он неоднократно переиздавался массовым тиражом.

Перевод Г.С. Саблукова, безусловно, способствовал углублению научных основ отечественного корановедения. С момента его публикации ключевыми ракурсами при изучении российскими исламоведами Корана стали различные аспекты анализа коранического текста как основополагающего источника мусульманского вероучения, как религиозно-законодательного памятника, как памятника арабской словесности и культуры и как исторического источника непреходящей ценности.

Литература:

[1] *Валеев Р.М.* Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань: Издательство «Kazan – Казань», 1993. 104 с.

[2] *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1998. 377 с.

[3] *Кириллина С.А., Мейер М.С.* Священная книга мусульман: Коран в трудах отечественных исламоведов // Исторический вестник. 2015. Т. 11. № 158. С. 256–291.

Мир дикого Запада: Европа в восприятии мусульман Ирака XVIII – начала XIX в.

Кобищанов Т.Ю.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и
Среднего Востока
kobischanov@mail.ru*

Начиная, как минимум, с начала XVI в. и вплоть до Первой мировой войны Ирак являлся зоной постоянного противостояния Османской империи и Ирана. Вследствие этого внимание простых жителей и интеллектуальной элиты Османского Ирака, помимо внутренней жизни, было обращено преимущественно на Восток. Европейский Запад интересовал местных мусульман (в отличие от христиан) значительно слабее и виделся им весьма упрощенно и схематично.

В произведениях мосульского летописца Йасина ал-‘Умари (1745 – после 1820) можно выделить три группы «неверных» Запада: *анкурӯс* (венгров) на северо-западе и *мускӯф* (московитов) на северо-востоке, а также на значительном отдалении, за неведомыми землями и царствами – *фаранса* (франков).

Анкурӯс являлись старинными противниками султана. В понимании Йасина ал-‘Умари это не только венгры с их столицей Бӯдун, которую удалось взять османам, но и Габсбурги. Правителя анкурӯс хронист называет *нимджи киралем* (немецким королем) и сокрушается о поражении, которое он нанес правоверным в 1682/83 г. под стенами Биджа (Вены). В XVIII столетии «московиты» (араб.; осм. *мускӯф*, *мускӯб*) отобрали приоритет главных врагов ислама у *анкурӯс*.

Арабо-османские историки выдвигали самые невероятные теории о происхождении московитов. Йасин ал-‘Умари предположил, что «неверные мускуф» являются потомками последнего христианского гассанидского царя Джабаля VI ибн ал-Айхама (632–638 гг.), который после поражения от мусульман бежал в Константинополь и окончил там свои дни. Невероятно усилившись за последние десятилетия, *мускӯф* захватили Крым, а в Грузии подталкивали к мятежу обитавшие там курдские племена. Рост влияния Московии он видел

и в родном Мосуле. После Ясского договора (9 января 1792 г.) ал-‘Умари сетовал, что христиане его города воспользовались данным Портой обязательством не препятствовать им в строительстве новых и реставрации старых церквей.

Тем временем на далеком Западе подняли голову новые враги султана и ислама – неверные *фаранса*. В хронике Йасина ал-‘Умари упоминание Франции появляется в связи с событиями Французской революции 1789–1793 гг. Мусульманский летописец поражается деяниям *фаранса*, которые убили своего султана и отменили монархию, отвергли христианство и позабыли веру своих предков, установив новый порядок, в котором не было места ни больным, ни старым, ни немощным. Взбунтовавшись против «законных» властей в своей стране, французы вскоре пересекли моря и вторглись в обитель ислама. Разрушив гармонию в своем мире, они понесли хаос дальше. На этом пути зла их командующий Бурта Буль или Бутра Буль (Наполеон Бонапарт) привел за собой на 80 кораблях к берегам Египта 200 тыс. солдат. При помощи коварства французы овладели Александрией, Каиром, Яффой, Газа и Рамлой, а остальные территории завоевали силой оружия. В итоге они были разбиты великим визирем Йусуф-пашой и изгнаны из Египта, за морями скрылся и их брошенный всеми предводитель.

Суммируя крупницы информации о Европе, разбросанные по хронике Йасина ал-‘Умари, можно сделать следующие выводы: мир Запада виделся хронисту как классическая исламская «территория войны» (араб. *дар ал-харб*), правители которой полны коварства и агрессии, а взаимодействовать с ними можно лишь с позиции силы. Вместе с тем летописец выглядит явно обеспокоенным ослаблением османской власти, которая при его жизни потеряла значительные территории на Западе, допустила коварное вторжение *фаранса* в сердце своих владений – Египет и Сирию – и была вынуждена попустительствовать христианам в его родном Мосуле.

Христианский компонент в культуре могольского Дели

Козлова А.А.

*Институт востоковедения РАН, научный сотрудник Центра индийских исследований
kaa-iaas@mail.ru*

В одном из выступлений в парламенте первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру отметил, что христианство в Индии столь же древнее, как и сама эта религия [1, с. 99]. Представление о древности христианства в Индии связано с преданием о прибытии в Индию в 52 г. н.э. одного из учеников Иисуса Христа, апостола Фомы, который

начал проповедовать евангельское учение среди местных жителей, а также основал несколько храмов на Малабарском побережье. Дальнейшее распространение христианства в Индии было обусловлено двумя волнами западной колонизации – португальской и английской [1, с. 99].

В Дели христианство пришло поздно и очень медленно там укоренялось. В 1579 г. ко двору императора Великих Моголов Акбара (пр. 1556–1605) прибыла миссия иезуитов из Гоа. Акбар живо интересовался вопросами христианской религии, однако надежд миссионеров об обращении в христианство и распространении их религии среди своих подданных не оправдал. Миссия иезуитов к Великим Моголам пришла и ушла, не оставив после себя сформированной живой христианской общины. Те немногие христиане, которые были в Дели до начала XIX в., оставались чужаками [4, с. 212–213]. В культуру могольского Дели на том этапе христианство вошло в виде многочисленных христианских сюжетов, которые копировались индийскими художниками, работавшими с иллюстрированными Библиями, гравюрами и картинами – они были привезены ко двору Великих Моголов миссионерами-иезуитами и европейскими торговцами. Картины индийских художников не являлись точными копиями европейских оригиналов, поскольку в них прослеживается индийское влияние и иное изображение деталей, фигур и лиц. Любимыми сюжетами могольских художников стали изображение Рождества, дары волхвов, изображение Богородицы с Младенцем в сопровождении ангелов и др. Дева Мария и младенец Иисус изображались в восточном антураже, с элементами европейских стилей и техник. В целом отличительной чертой живописи Великих Моголов рубежа XVI в. является гибридность стиля и культурных отсылок.

Еще одна тенденция, занявшая место в могольском миниатюрном искусстве, – включение христианских мотивов в портреты могольских падишахов. Так падишаха Джахангира (пр. 1605–1627) стали часто изображать в *джароке*, держащим в руках портрет девы Марии. Подобные портреты имели политическое, идеологическое и историческое значение [5].

В первой четверти XVIII в. распространение христианства в Дели было связано с деятельностью отца Ипполито Дезидери, который в 1723 г. основал городскую церковь, посвященную деве Марии. Церковь просуществовала недолго, так как была разрушена Надир-шахом, вторгшимся в Дели в 1739 г.

Христианство вновь было принесено в Дели в начале XIX в., когда в 1803 г. британцы захватили город и стали покровителями Могольского императора. Англичане строили церкви для собственных нужд. Значимыми религиозными сооружениями стали

Центральная баптистская церковь на Чандни-Чоук, основанная в 1814 г., и церковь Св. Иакова, построенная в 1836 г. полковником Джеймсом Скиннером.

Христианская община в Дели и миссионеры испытали большое потрясение во время восстания 1857 г. Путешественник Роберт Минтерн писал, что во время восстания 1857–1859 гг. христианское население Дели, включая англичан, метисов, и коренных жителей, сменивших вероисповедание, пряталось от мятежников и искало спасения в бегстве, а все, кто был пойман, были безжалостно убиты [3, с. 273]. Иностранцы христиане, такие как преподобный Дж. Миджли, а также индийцы, обращенные в христианство, в частности, Чаман Лал (один из личных врачей падишаха Бахадур-шаха Зафара (пр. 1837–1857)), были убиты на месте [2, с. 153]. После этих событий христианство в Дели снова пришло в упадок [4, с. 212–213].

Литература:

- [1] Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. М.: Институт востоковедения РАН, Ариаварта-Пресс, 2005. 592 с.
- [2] *Dalrymple W.* The Last Mughal: The Fall of Delhi, 1857. Bloomsbury Publishing, 2009.
- [3] *Minturn Robert B., Jr.* From New York to Delhi, by Way of Rio de Janeiro, Australia and China. New York: D. Appleton & Co, 1858. 488 p.
- [4] Popular Christianity in India: Riting Between the Lines. Ed. by S.J. Raj, C.G. Dempsey. N.Y.: SUNY Press, 2002. 284 p.
- [5] *Sudeshna G.* A History of India Through 75 Objects. Gurugram: Hachette India. 2022. 688 p.

Изображение исторических событий в современной поэзии хинди. На примере стихотворений о городе Айодхья

Лесик К.А.

*Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России, преподаватель
кафедры восточных языков
ksundra-1@yandex.ru*

В настоящем докладе рассматриваются стихотворения современной поэзии хинди, в которых отразились факты, происходившие в городе Айодхья после получения Индией независимости. В качестве исторических событий – центрального образа в стихотворениях – был выбран разгоревшийся в 1990-е годы скандал вокруг мечети Бабура (Бабри Масджид)

в Айодхье и последовавшие за ним печально знаменитые события, которые повлияли на обострение отношений между индусами и мусульманами.

Город Айодхья стал центром религиозного спора на много лет. Согласно представлениям индусов, на месте мечети, которая была построена в XVI в. во времена Великих Моголов, стоял храм, посвященный одной из аватар Вишну – богу Раме. По легенде именно там он родился. Мечеть оставалась мусульманской святыней, пока в 1992 г. ее не снесли индуистские националисты. Кровавый конфликт, прокатившийся по всей Индии, унес жизни более сотни тысяч человек. Только в 2019 г. при правительстве Нарендры Моди было принято решение по этому делу: вердикт вынесен в пользу индусов, а мусульманам в качестве компенсации выделили участок земли для строительства новой мечети на расстоянии 25 км от того места, где некогда находилась мечеть Бабура. 22 января 2024 г. произошло знаковое событие – открытие в Айодхье самого большого храма бога Рамы «Рам Джанмабхуми» (храм места Рождения Рамы). Представляется важным обратиться к отображению политической и религиозной сторон этой истории в художественной литературе хинди.

В качестве материала для исследования выбраны несколько произведений разных авторов, которые обращались к образу города Айодхья до погромов и после: стихотворения Анила Кумара Синха (р. 1968) «Айодхья 1991» (*Ayodhyā, 1991*) [2]; Кунвара Нараяна (1927–2017) «Айодхья, 1992» (*Ayodhyā, 1992*) и «Гуджарат, 2002. 1. Рана» (*Gujarāt 2002, Zakhm 1*) [1]; а также Кайфи Азми (1919–2002) «Второе отшельничество» (*Dūsrā banvās*), Шалабха Шрирама Сингха (1938–2000) «В это время» (*Is vaqt*) и Аднана Кафила Дарвеша (р. 1994) «Год 1992» (*San 1992*) [2]. Кроме поэзии были проанализированы две художественно-критические статьи – Кришны Пратапа Сингха «Нулевой километр Айодхьи, то есть поиск другой традиции» (*Zīro māil Ayodhyā y āyodhyā yānī dūsrā paramparā kī khoj*) и Аруна Кумара Трипахи «Ночь в Кошале становится темнее!» (*Kośal mẽ rāt gahrātī jā rahī hai!*), которые представили краткий обзор литературы, посвященной городу Айодхья, уже после открытия храма Рамы.

Следует отметить, что писатель Дудхнатх Сингх (1936–2018), посвятивший свой роман «Последнее перо» (*Ākhirī kalam*, опублик. в 2006 г.) событиям 1992 г. в этом городе, в интервью отмечал: «Я всегда задавался вопросом, почему наши писатели не обратили внимания на самую большую катастрофу после раздела. Поэты это сделали. Еще до разрушения мечети Анил Кумар Сингх написал стихотворение под названием “Айодхья 1991”. После случившегося Кунвар Нараян написал прекрасное стихотворение. Затем к этой теме обращались Кайфи Азми и Шалабх Шрирам Сингх. Однако ни один прозаик не сделал это происшествие сюжетом повествования» [3, с. 785–787].

Поэты-«очевидцы» событий для передачи достоверной информации редко включают в стихотворение фактологическую информацию. Это отличается от задачи молодых поэтов, для которых сюжетная канва становится лишь книжными страницами, им важно описать в деталях историю события. Объединяет стихотворения то, что поэты стремятся придать историческому событию символический характер, способствующий драматизации дискурса.

Несомненно, изучение развития индийской литературы в контексте исторического процесса имеет особое значение. События, описываемые в художественной литературе непосредственными свидетелями, являются ярким оттиском сиюминутных чувств. Поэты, часть творчества которых исследована в данном докладе, в своих лирических произведениях, посвященных историческим событиям и реальному топониму – городу Айодхья, синтезируют миф и реальность, историю и субъективную оценку произошедшего, обращаются к городу Рамы в эпосе «Рамаяна» и к современным реалиям. Поэты активизируют культурное наследие индийцев, включая в стихотворный текст только намеки, мелкие, но художественно-яркие штрихи. Для всех литераторов характерно отстранение от истории, которое является исключительно фоновым событием. Основной целью их произведений становится выражение идей гуманизма и человеколюбия, мира, где представители разных религий способны жить во взаимоуважении.

Литература:

- [1] *Нараян Кунвар*. Цветы дерева ним. Избранные стихи / пер. с хинди Г.В. Стрелковой, А.Г. Гурия. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. 176 с.
- [2] KavitaKosh. URL: <http://kavitakosh.org/kk/कविता कोश मुखपृष्ठ> (дата обращения: 27.01.2024).
- [3] *Sinh Dūdhnāth*. Khā-sunī / Dūdhnāth Sinh. Nāī Dillī: Rādhākṛṣṇ prakāśan prāiveṭ limited, 2005. 195 p.

Ливийские евреи в русле истории и исторической памяти: современная историография истории еврейской общины в Ливии в XX в.

Лукьянов Г.В.

Институт востоковедения РАН, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований
gvlukyanov@gmail.com

Немногочисленная, но одна из древнейших из проживавших на территории Ливии и сыгравшая свою роль в ее истории еврейская община относится к числу тех этноконфессиональных сообществ, которые в условиях суверенизации и модернизации ливийского государства во второй половине XX в. практически прекратили свое существование. Наравне с христианской общиной италоливийцев, ставшей порождением итальянской колонизации в первой половине XX в., ливийские евреи, чье сообщество занимало особую нишу в структуре городского населения Ливии на протяжении более пятнадцати столетий, были подвергнуты преследованиям и ограничены в правах после обретения страной независимости. Однако после прихода к власти в 1969 г. «свободных офицеров» и провозглашения республики под громкие лозунги арабской и мусульманской солидарности их лишили прав на гражданство и принудительно депортировали.

В отличие от той части христиан, которые на фоне либерализации режима Муаммара Каддафи (1990–2000 гг.) и после его падения (2011 г.) неоднократно пытались вернуться в Ливию, евреи и их потомки покинули историческую родину, кажется, уже навсегда. Заняв свое место в мозаичной структуре израильского общества или обретя новый дом в иных частях света, многие из вынужденных мигрантов стремились бережно сохранить свое культурное и историческое наследие, а вместе с ним и идентичность.

Благодаря усилиям энтузиастов, стремящихся сохранить память о ливийских евреях в Израиле, Италии и США, в последние десятилетия XX и в начале XXI в. изучение истории еврейской общины заняло особое место в структуре академических ливийских исследований (Libyan Studies).

В израильской историографии традиция мемориализации и изучения прошлого ливийских евреев заложена представителями общины и развивается благодаря поддержке академического сообщества и университетов. Научные монографии [4], сборники воспоминаний и документов [3], мемуары, а также научные конференции и просветительские выставки являются лишь «вершиной айсберга» совокупности знаний и усилий по их приумножению и сохранению. В свете роста популярности в Европе и США устной истории как метода исторических исследований и широкого распространения нарративного интереса к исследованиям травмы (Trauma Studies) и Холокоста (Holocaust Studies), многие публикации израильских авторов по заявленной теме были опубликованы на английском языке, что способствовало выстраиванию международного сообщества исследователей истории евреев Ливии.

Кроме того, в академическом сообществе США в связи с антропологическим поворотом в методологии истории и социальных наук, а также популяризацией постколониальных исследований, в том числе Subaltern Studies, сформировался не только

устойчивый интерес, но и собственный последовательно развивающийся подход к осмыслению истории ливийских евреев [2; 5].

В Италии проблематика изучения евреев Ливии стала предметом академических изысканий в 1980-1990-х годах на волне становления ревизионистского подхода к осмыслению истории итальянского фашизма и колониализма в Африке. Богатые архивные коллекции и устойчивый общественный интерес к Ливии как части собственной истории позволило итальянским исследователям внести существенный вклад в изучение ливийских евреев [1].

На этом фоне в российской историографии им уделялось на порядок меньше внимания и преимущественно лишь в контексте истории Османской империи, нежели чем истории ливийского общества и государства, что оставляет перспективу для историографических и методологических изысканий.

Литература:

- [1] *Felice, Renzo De.* Jews in an Arab Land: Libya, 1835–1970. Austin: University of Texas Press, 1985. 397 p.
- [2] *Goldberg, Harvey E.* Jewish Life in Muslim Libya: Rivals and Relatives. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 181 p.
- [3] *Jewish Libya: Memory and Identity in Text and Image.* Ed. by J. Roumani, J. Roumani, D. Meghnagi. Syracuse: Syracuse University Press, 2018. 321 p.
- [4] *Roumani, Maurice M.* Jews of Libya: Coexistence, Persecution, Resettlement. Liverpool: Liverpool University Press, 2008. 310 p.
- [5] *Simon, Rachel.* Change within Tradition among Jewish Women in Libya. Seattle: University of Washington Press, 1992.

«Может быть, вы уразумеете»: истоки и эволюция ваххабитского радикализма в XVIII в.

Матвеев Ф.Ю.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока
fedorferenc1997@gmail.com

Религиозно-политическое движение, основанное Мухаммадом ибн ‘Абд ал-Ваххабом (1703–1792), по праву считается одной из главных движущих сил социально-политической

истории Аравии XVIII–XIX вв. По этой причине сложно переоценить влияние ваххабизма и на развитие исламской мысли XIX в., обнаруживаемое даже в самых отдаленных уголках арабского мира. Бескомпромиссность ваххабитских идей была и остается одним из эталонов для приверженцев салафитского лагеря. В то же время нельзя не отметить, насколько подобная непреклонность выделяла их на фоне взглядов предтеч салафизма, таких как Ибн Хазм (994–1064) или Ибн Таймийа (1263–1328). Принятие этого факта неизбежно ставит вопрос о подлинных истоках и эволюции ваххабитского радикализма.

Ответ на него неизбежно требует детальной реконструкции и анализа ваххабитских взглядов, а также условий, способствовавших их формированию. Существенным подспорьем на этом пути служат, в первую очередь, труды самого Мухаммада ибн ‘Абд ал-Ваххаба, в частности, его трактаты «Китаб ат-Таухид» («Книга единобожия») [1], «Ал-Усул ас-саласа ва-л-адилатиха» («Три основы и их доказательства») [2], «Арба‘а кава‘ид» («Четыре принципа»), «Кашф аш-шубухат» («Разъяснение сомнений»), «Китаб ал-Кабаир» («Книга великих грехов»), «Мухтасар ал-инсаф ва аш-шарх аль-кабир» («Краткая [книга] благочестия и большое разъяснение [сунны]»), «Мухтасар тафсир сурат ал-анфал» («Краткий тафсир суры ”Трофей”»). Также немалую долю сведений можно почерпнуть из его публичных посланий, личной переписки и сборника фетв [3]. Опорой в изучении условий, в которых сложилось исследуемое религиозное течение, стали летописи ранних ваххабитских ученых – «‘Унван ал-маджд фи тарих Наджд» («Символ славы в истории Неджда») ‘Усмана ибн ‘Абдаллаха ибн Бишра [4] и «Тарих Наджд ал-мусамма раудат ал-афкар ва-л-афхам» («История Неджда, называемая садом мыслей и понятий») Хусейна ибн Ганнама [5].

Комплексный анализ вышеприведенных источников позволил выявить два основных этапа в становлении ваххабитского радикализма. Первый из них относится к периоду до изгнания вероучителя из недждийского селения Хураймала. В целом, в это время взгляды Мухаммада ибн ‘Абд ал-Ваххаба развивались в русле консервативного ханбализма, в частности, упомянутого ранее «протосалафизма» Ибн Таймийи. Тем не менее, предлагаемая им критика религиозно-догматических нововведений (*бид‘а*, мн.ч. *бида‘*), главным из которых считался культ святых, отличалась заметной спецификой. В своих рассуждениях Ибн ‘Абд ал-Ваххаб чаще всего избегал сложных теоретических обоснований своей позиции, апеллируя к «очевидной реальности». Придерживаясь такого подхода, он провозгласил однозначную греховность поклонения святым и его тождественность идолопоклонству. Этот вывод, в свою очередь, стал весомым аргументом в пользу отказа от всех *бида‘* вообще.

Причины подобной бескомпромиссности обнаруживаются в особенностях духовной жизни Неджда XVII–XVIII вв., где почитание гробниц святых действительно деградировало до примитивного фетишизма, а живые праведники походили больше на прорицателей-кахинов эпохи джахилии, чем на мусульман-подвижников. Будучи глубоким провинциалом, Ибн ‘Абд ал-Ваххаб экстраполировал свой «недждийский» опыт на весь исламский мир, что в совокупности с другими его взглядами подготовило почву для еще большей радикализации ваххабитской идеологии.

Второй ее этап соотносится с переселением вероучителя в ‘Уйайну, а затем Дир‘ийю, что ознаменовало начало активной вовлеченности ваххабитов в политическое противостояние в Неджде. В это время община начала стремительно отмежевываться от других мусульман, которые отныне низводились до уровня язычников. В трудах Ибн ‘Абд ал-Ваххаба, относящихся к этому периоду, отчетливо прослеживаются эсхатологические мотивы – весь мир представляется стоящим на пороге конца времен, а ваххабитское движение видится последним очагом «истинного ислама». Все чаще в своих текстах шейх начинает проводить аналогии между своими последователями и мусульманской общиной времен пророка Мухаммада – переселения ваххабитов сравниваются с двумя хиджрами, а союз с Саудидами уподобляется акабскому договору.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что радикализм ваххабизма и его дальнейшее усугубление были обусловлены двумя последовательно возникшими факторами. Первым из них, несомненно, стала специфика духовной жизни Неджда XVIII в., в значительной степени повлиявшая на взгляды самого Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба. Вторым же следует считать вовлечение основанного им движения в борьбу за власть в Аравии, которая, в свою очередь, заметно повлияла на самосознание ваххабитской общины, а также ее социально-политическую доктрину.

Литература:

- [1] *Ибн ‘Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид (Книга единобожия). Эр-Рияд: [б.и.], 2012.*
- [2] *Ибн ‘Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Ал-Усул ас-саласа ва-л-адилатиха (Три основы и их доказательства). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат ал-малик Фахд ал-ватанийя аснаа ан-нашр, 1999.*
- [3] *Ибн ‘Абд ал-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат аш-шайх ал-имам Мухаммад ибн Абд ал-Ваххаб (Сочинения шейха Мухаммада ибн ‘Абд ал-Ваххаба). Т. 1–13. Под ред. Абд ал-Азиза ибн Зайда ар-Руми. Эр-Рияд: Джамий‘ат ал-имам Мухаммад ибн Сауд ал-исламийя, 1976.*

[4] *Ибн Бишр, 'Усман ибн 'Абдаллах. 'Унван ал-маджд фи тарих Наджд (Символ славы в истории Неджда). Т. 1. Эр-Рияд: Дарат ал-малик 'Абд ал-'Азиз, 1982.*

[5] *Ибн Ганнам, Хусейн. Тарих Наджд ал-мусамма раудат ал-афкар ва-л-афхам (История Неджда, называемая садом мыслей и понятий). Т. 1-2. Эр-Рияд: Дар аш-шурук, 2010.*

От панисламизма к национализму: проекты османских и германских спецслужб в Магрибе (1914–1918 гг.)

Орлов В.В.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока
orlov@iaas.msu.ru*

С началом Первой мировой войны младотурецкие лидеры поставили перед военным руководством Османского государства задачу централизации и усиления подрывной, разведывательной и пропагандистской работы в тылу противника. С этой целью комитет «Единение и прогресс» учредил «Тешкилят-и махсуса» (Особое формирование) под командованием Энвер-паши. Агенты этой структуры активно сотрудничали с обновленческим религиозным братством Санусийа, которое было основано Мухаммадом ибн Али ас-Сануси (1787–1859) и пользовалось значительным влиянием в Алжире, Тунисе, Ливии и сахарских территориях (Чад, Борну и др.) [3, с. 264]. Энвер-паша близко знал шейхов братства со времен Триполитанской войны (1911–1912 гг.), в ходе которой он командовал османскими войсками в Северной Африке. Более 300 ополченцев-сануситов прошли подготовку в османских военных училищах. В 1914–1918 гг. они действовали среди бедуинов Ливийской пустыни и проводили диверсионные вылазки против британских сил в Египте. В Марокко османская разведка работала над дискредитацией попыток Парижа поставить себе на службу халифский статус алауитского султана Мулай Йусуфа (1912–1927 гг.). Французские колонизаторы стремились извлечь пользу из старинной политической тактики Алауитов, которые с XVII в. легитимировали свою власть, провозглашая себя лидерами священной войны (*джихада*) [1, с. 48–49]. Кроме того, агенты османской военной миссии, нелегально развернутые на юге Испании, содействовали марокканским партизанам-рифцам Ахмада ар-Райсуни в их вооруженном сопротивлении французской колонизации.

В своих операциях, направленных против задуманного в Париже «арабского халифата», османская разведка сделала ставку на симпатии к стамбульскому султану-халифу со стороны жителей Северной Африки. Кадровым резервом «Тешкилят-и махсуса»

для работы в Магрибе оставались местные интеллектуалы, которые придерживались националистических и проосманских взглядов. Среди видных магрибинских оппонентов «арабского халифата» на контакт с Османами пошел тунисский адвокат и активист движения младотунисцев Али Баш Хамба (1876–1918). Он еще до Первой мировой войны выступал против французского господства, был выслан колониальной администрацией из Туниса и обосновался в Стамбуле. Здесь он выдвинул лозунг вооруженной борьбы против Антанты и создания единой Североафриканской республики. В 1915 г. младотурецкое руководство назначило Али Баш Хамбу главой «Тешкилят-и махсуса», и в османской спецслужбе возросло количество агентов и сотрудников из Северной Африки. Многие из них во главе с братом Али – Мухаммадом Баш Хамбой – собрались в Женеве и издавали в 1916–1918 гг. проосманский «Магрибинский журнал» (*La Revue du Maghreb*). Другая часть магрибинцев на османской службе подвизалась в Берлине. Здесь они трудились в интересах германской разведки, разрабатывавшей планы «революционизации» исламского мира и антиколониального джихада [4, с. 98–99].

В берлинской диаспоре действовали тунисские богословы, преподаватели столичного исламского университета аз-Зейтуна – шейхи Исма‘ил ас-Сафайихи (1856–1918) и Салих Шариф ат-Туниси (1869–1920), а также египетский журналист тунисско-турецкого происхождения Абд ал-Азиз Джавиш (Шавиш) (1876–1929). Их воззвания, памфлеты и трактаты носили пропагандистский характер и восхваляли османский халифат. Магрибинские халифатисты усматривали колониальный умысел в попытках оспорить руководство мусульманами со стороны Стамбула. В сентябре 1916 г. сотрудники «Тешкилят-и махсуса» приняли участие в берлинском слете панисламистов. Здесь под патронажем германских востоковедов исламские ученые из Ирана, Центральной Азии, Афганистана и Северной Африки коллективно «переиздали» фетву османского *шейх-уль-ислама* Хейри-эфенди от 11 ноября 1914 г., призывавшую мусульман к борьбе за дело османского халифа [2, с. 94].

В годы Первой мировой войны спецслужбы Германии и Османского государства стремились использовать мобилизационный потенциал халифского призыва для сплочения магрибинцев и координации их оппозиции европейскому колониализму. Однако успех восстания эмира Хусейна (1916–1918 гг.) и военно-политический крах «центральных держав» обесценили их усилия. Маргинальный характер и низкая политическая результативность халифатизма привели мусульманских богословов и младотунисцев к националистическим ценностям, родственным тем убеждениям, которые сложились перед войной у младотурок.

Литература:

- [1] Соловьева Д. В. Джихад в Марокко: инструмент легитимации власти ранних Алауитов (XVII–XVIII вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017, № 2. С. 48–62.
- [2] Heine P. Salih ash-Sharif at-Tunisi, a North African Nationalist in Berlin during the First World War // *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée*. 1982. Vol. 33. P. 89–95.
- [3] Karpat K. H. *The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State*. New York: Oxford University Press, 2001. 544 p.
- [4] Tlili B. La Grande Guerre et les questions tunisiennes: le groupement de la *Revue du Maghreb* (1916–1918) // *Cahiers de Tunisie*. 1978. № 26 (101–102). P. 91–108.

Суфийская обитель Дила': альтернативный очаг государственности в Марокко (середина XVII в.)

Соловьева Д.В.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры арабской
филологии
SolovievaDV@my.msu.ru*

Одной из наиболее влиятельных сил в религиозной и общественно-политической жизни Марокко традиционно были суфийские обители. Местные святые (*мурабиты*) и шейхи суфийских братств (*турук*) регулировали межплеменные отношения и являлись основными трансляторами религиозных знаний в сельской глубинке [1, с. 208]. Кроме того, они нередко становились главной консолидирующей силой, способной сплотить вокруг себя разнородное население Марокко. Особенно отчетливо эта роль проявлялась в периоды ослабления центральной власти. В начале XVII в. страна переживала подобный кризис: на фоне упадка правившей династии саадидских шерифов возникли многочисленные конкурирующие между собой «центры силы», главными из которых стали шейхи суфийских обителей (*завий*) и мурабиты.

Среди влиятельных религиозных центров, которые сложились в первой трети XVII в. на территории Дальнего Магриба, особенно выделялась обитель Дила', основанная в предгорьях Среднего Атласа в 1566 г. Вскоре после своего возникновения завийа превратилась в мощный центр исламского мистицизма. Основными адептами Дила' были местные берберские племена. Интересы горцев, которые стремились к захвату новых, более пригодных для жизни территорий, были созвучны политическим устремлениям третьего

шейха Дила' Мухаммада ал-Хаджа ад-Дила'и (1591–1671). Он сформировал из этих племен ополчения и открыто выступил против саадидского монарха, отказавшись приносить ему присягу.

Как показывает изучение летописных трудов и историографии, к середине XVII в. Дила' стала претендовать на политическое лидерство во всем Дальнем Магрибе и фактически представляла собой альтернативный очаг государственности. Под контроль Мухаммада ал-Хаджа перешли северо-западные провинции Дальнего Магриба, а также столичный город Фес. По сведениям хрониста середины XVIII в. Мухаммада ал-Кадири, в этот период имя Мухаммада ал-Хаджа упоминалось в проповедях в мечетях по всей стране, а сам ал-Кадири называл шейха «султаном Дила'» и даже «повелителем правоверных» [2, т. 1, с. 375; т. 2, с. 31].

Шерифы и алимы Феса выстраивали с шейхом Дила' те же отношения, которые обычно складывались с султанами, о чем свидетельствовали их регулярные поездки ко двору шейха. Сам Мухаммад ал-Хадж совершал объезд подконтрольных ему территорий по сложившейся у марокканских монархов традиции. Кроме того, как следует из описаний Мухаммада ал-Кадири, в Дила' складывался рудиментарный аппарат управления [2, т. 2, с. 26, 30].

Однако, несмотря на политический вес, который приобрела обитель, дила'итскому шейху не удалось объединить под своей властью марокканские провинции. Одновременно с возвышением Дила' в оазисах Тафилалета на юго-западе страны начали свой политический путь алауитские шерифы, которые противопоставили духовному могуществу суфийского шейха свой авторитет потомков Пророка. В 1666 г. шерифы, алимы и нотабли Феса провозгласили алауитского принца Мулай Рашида султаном. В 1668 г. по его приказу завийу разрушили до основания, а Мухаммад ал-Хадж со своим семейством бежал в Алжир.

Представляется, что поражение Дила' в борьбе за власть было обусловлено несколькими причинами. Одной из них была опора шейхов на берберские племена, что вызывало недоверие среди арабских племен равнин. Другим серьезным препятствием для наставников Дила' было то, что они не являлись шерифами. Пока оставались в живых последние саадидские правители, Мухаммад ал-Хадж не мог объявить себя родоначальником новой династии. Когда же последний саадидский султан был убит в 1659 г., на юге страны выдвинулись алауитские шерифы. Несмотря на широкое влияние, шейхам Дила' не удалось конвертировать свой духовный авторитет в политический.

Литература:

- [1] Кириллина С.А., Орлов В.В. Североафриканский ислам в канун эпохи перемен: учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2022. 245 с.
- [2] *Ал-Кадири, Мухаммад ибн ат-Тайиб*. Нашр ал-масани ли ахл ал-карн ал-хади‘ ашар ва-с-сани (Опубликование двустий о людях одиннадцатого и двенадцатого века [хиджры]). Публ. М. Хаджжи и А. ат-Тауфика, Т. 1–4. Рабат: Дар ал-Магриб ли-т-та’лиф ва-т-тарджама ва-н-нашр, 1977–1986.
- [3] *Abun-Nasr J.M.* A History of the Maghrib in the Islamic Period. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 455 p.

Мусульманские касты в современной социально-политической жизни Северной Индии (на примере штата Бихар)

Старикова М.Н.

МГИМО МИД России, старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских

языков

m.starikova@inno.mgimo.ru

В последние десятилетия активно обсуждается влияние кастовой системы на религиозные меньшинства в Индии, и, в первую очередь, на мусульманскую общину. Хотя касты ассоциируются только с индуизмом, различия и дискриминация на основе касты встречаются среди последователей ислама, христианства и сикхизма, несмотря на отсутствие в этих религиях доктринальной поддержки кастовой системы [3, с. 347]. Во многом интерес к этой теме связан с мусульманами-далитами, которых называют «пасманда» (урду: оставленный позади, отсталый). Термин стал активно использоваться некоторыми мусульманскими организациями, в особенности Пасманда маслим махаз (Фронт мусульман-пасманда), возникшей в Бихаре в 1998 г. Сегодня правительство под руководством премьер-министра Нарендры Моди также обратило внимание на эту категорию мусульман.

Наличие мусульманских каст отмечалось еще в переписях, проводившихся в начале XX в. [2, с. 75] Обычно выделяется три категории мусульман: ашрафы, аджлафы и арзалы [1, с. 6]. Если к первой категории относятся потомки выходцев из стран Ближнего Востока и Центральной Азии, то две последние включают индийцев – представителей средних и низших каст, а также бывших далитов (хинди, урду: угнетенные, униженные). Именно их сегодня и именуют «пасманда», отмечая низкий экономический и социальный статус

представителей этих групп мусульманской общины. За улучшение положения арзалов и аджлафов стали активно выступать мусульмане штата Бихар, фактически оказавшегося центром движения мусульман-пасманда.

Именно в Бихаре впервые за многие годы было проведено исследование кастовой системы штата. Результаты официального опроса, опубликованные в 2023 г., показывают, что тезис о наличии каст в мусульманской общине получил дополнительное документальное подтверждение. Практически все респонденты-мусульмане указывали свою кастовую принадлежность. Более 70% опрошенных вошли в категорию мусульман-пасманда.

Из-за политики штатовских правительств Лалу Прасада Ядава и Нитиша Кумара уже несколько десятилетий община остается важным игроком в политических столкновениях в штате: каждая правящая партия стремится привлечь голоса мусульман. Именно в Бихаре власти разработали одну из наиболее выгодных для мусульман систем резервирования мест в высших образовательных учреждениях и на государственной службе, названную «формулой Карпури Тхакура». По мнению представителей мусульман-пасманда, такая формула помогает избежать страха сменить религию, поскольку человек продолжает подпадать под критерии соответствующей категории резервирования, независимо от его религии. Организации пасманда призывают внедрить данную формулу и в других штатах страны.

Среди организаций пасманда видное место занимает вышеупомянутая Пасманда маслим махаз, которая была основана Али Анваром – представителем мусульман из категории «прочие отсталые классы». Ее деятельность нацелена на оказание помощи мусульманам, принадлежащим к арзам и аджлафам. Организация стала оплотом для мусульман Бихара, Уттар-Прадеша, Джаркханда, Западной Бенгалии и Дели, принадлежащим к категориям далитов и отсталых классов. По мнению основателя организации, положение далитов среди исповедующих ислам не может стать лучше, пока они не получат официальный статус зарегистрированных каст согласно ст. 341 Конституции Индии, которая изначально признавала таковыми только индусов.

Литература:

- [1] *Manjur A.* Indian Muslims OBCs: Backwardness and Demand for Reservation // *Economic and Political Weekly*. 2012. Vol. 47. № 36. P. 74–79.
- [2] *Shaban A.* *Lives of Muslims in India. Politics, Exclusion and Violence*. 2nd ed. London: Routledge India, 2018. 332 p.

[3] *Waughray A. Caste Discrimination and Minority Rights: The Case of India's Dalits // International Journal on Minority and Group Rights. 2010. № 17. P. 327–353.*

Идеи гуманизма в творчестве Алишера Навои

Сыздыкова Ж.С.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа
ссса-iaas@yandex.ru

Более пяти веков творческое наследие Алишера Навои (1441–1501) привлекает к себе пристальное внимание исследователей-специалистов различных отраслей науки. Великий мыслитель уникален тем, что он создал произведения, в которых отражены общечеловеческие идеи, выражены думы и чаяния человека о мире, жизни, счастье, любви и ненависти. Ныне существует отдельная область научных исследований – навоиведение, которая исследует жизнь и творчество поэта. В настоящее время оригинальные рукописи Алишера Навои хранятся в крупнейших библиотеках Турции, Ирана, Узбекистана, Англии и России.

Безусловно, истоками творчества Навои стали вековые традиции и непреходящие ценности народов Центральной Азии. В основе как творческой, так и практической деятельности поэта лежат гуманистические идеи. Гуманизм – это основополагающий принцип жизненного пути Алишера Навои, и именно этим объясняется бессмертие творческого наследия мыслителя. Его идеи, мысли и чувства и сегодня близки нашим современникам. Навои видит гуманизм в качестве главного фактора культурного развития человека и общественного прогресса общества в целом. Алишер Навои в своем творчестве поднимает проблемы, которые связаны с бытием человека и отношением к нему как венцу творения. В силу этого темы, связанные с воспитанием в человеке духовных качеств, развитием его творческих сил и возможностей, любовью к окружающему миру, пронизывают произведения поэта. Гимн человеческому разуму и созидательному труду составляет суть произведений Алишера Навои. Гуманизм Алишера Навои – это принцип особого подхода к личности человека, это не просто любовь, имеющая абстрактный характер, и это не только выражение чувства любви и доброты, а еще и умение сочувствовать чужому горю. Поэт стремится видеть в человеке его достоинства и стремление к счастью. Подтверждение этому мы видим в художественных образах, созданных Алишером Навои в его произведениях «Лейли и Меджнун» и «Фархад и

Ширин», где герои сочувствуют и сострадают униженным, ведут непримиримую борьбу с проявлениями зла и с полной решимостью сражаются за счастье людей, за справедливость.

В богатом творчестве Алишера Навои отражено множество трудных вопросов и проблем, которые на протяжении столетии волновали человеческие умы. Поэт задействовал поэтическую форму изложения своих размышлений, что позволило ему в полной мере выразить свои ощущения, поделиться самыми сокровенными мыслями, не обращаясь к сложным приемам философского характера. Также привлекают внимание читателя прекрасные художественные образы героев, точные и поучительные афоризмы, притчи и легенды.

Идеальный мир Навои – это мир взаимопонимания и справедливости, мир гармонии и согласия, мир добродетели и любви, и в этом мире торжествует добро. Посредством аллегорий поэт блестяще передает широкую гамму эмоций своего героя, богатство его внутреннего мира.

Среди наиболее значительных произведений Навои выделяется его труд «Смятение праведных», в котором поэт отразил свои гуманистические, духовно-нравственные и эстетические взгляды. В поэме «Язык птиц» отображены проблемы, связанные с самосознанием личности. В ней изображен птичий базар, где можно наблюдать хаос и смятение, присущие внутреннему миру каждого человека, который, идя по жизни, совершает ошибки и пытается их исправить. Через единение Бога и человека можно найти путь к истине, потому что человек, которого Бог наделил разумом, может найти путь к истине. Таким образом, путь к истине возможно обрести через самопознание. Тернистый путь предстоит пройти человеку, чтобы познать истину:

Тридцать птиц так лелеяли эту мечту,
Столько мук испытал и познав маету, –
Что Симуург явит лик им в благо и в милость,
Чтобы им в отрешении вечность открылась!
А узрели себя – нет пред взором иного!
О Аллах, это слово – чудесное слово!
Тридцать птиц на Симурга стремились взглянуть,
И в себе увидали Симургову суть! [1, т. VIII, с. 286].

Особое место в творческом наследии Алишера Навои отведено чувству патриотизма. Пока у человека есть хотя бы капля крови, он должен сражаться за свою родину, за ее свободу и будущее. Важно, чтобы человек связывал свою судьбу с чаяниями и надеждами своей родины. Родина всегда должна оставаться главным приоритетом в жизни человека. Родные просторы дают человеку силу духа, энергию.

Как золотая клетка ни блестит,

Однако птица счастья в ней грустит [2, т. IV, с. 129].

Главный лейтмотив произведений Алишера Навои – это размышления о сути мироздания, о смысле жизни, о том, что любовь – это моральная сила, которая способствует очищению человека от пороков и ведет к познанию истины и строительству справедливого мира.

Литература:

[1] *Навои, Алишер*. Собрание сочинений. В 10 т. Ташкент: Фан, 1968.

Сикхская диаспора в Великобритании: история и современность

Хохлова Л.В.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии
khokhl@iaas.msu.ru*

Первые сикхские мигранты появились в Великобритании после Первой Мировой войны, когда некоторые солдаты Британской армии, преимущественно из касты *джатов*, с окончанием боевых действий решили не возвращаться на родину. Помимо джатов, ранняя сикхская миграция состояла также из членов касты *бхатра*. Бхатра начали прибывать в Англию уже с 20-х годов XX в., но большинство прибыло туда в 1940-е и 1950-е годы. По происхождению бхатра являются подкастой *брахманов*, их традиционные занятия – поэты и предсказатели, однако на ранних этапах миграции в Великобританию большинство сикхов любых каст были мелкими торговцами или разносчиками [3].

Массовая миграция сикхов в Великобританию началась после второй мировой войны. Причины миграции были преимущественно экономические [2, с. 257–262]. Немногие жившие в Англии сикхи сообщали знакомым и родственникам из Индии о появлении значительного количества рабочих мест и помогали приехавшим найти работу и адаптироваться к новому быту и новой культуре. В 1950-е годы большинство мигрантов составляли мужчины, приезжавшие в Великобританию без семей с намерением вернуться в Индию, улучшив свое экономическое положение. Начиная с 1960-х годов сикхские мигранты стали перевозить из Индии семьи. В 1972 г. община пополнилась сикхами из Уганды, бежавшими от преследований диктатора Иди Амина. Беженцы из Уганды принадлежали в основном к касте *рамгархия*. В Индии большинство в ней составляли плотники, каменщики, кузнецы и другие ремесленники.

На начальных этапах миграции сикхи подвергались дискриминации со стороны различных групп местного населения. Мигранты, отказывавшиеся стричь волосы, почти не имели шансов найти работу [4]. Напряженные отношения существовали между различными кастами внутри самой сикхской общины. [1]. Джаты, следуя индийским традициям, свысока относились к рамгархия, в то время как рамгархия, повысив в Уганде свой экономический и социальный статус, считали джатов необразованной агрессивной «деревенщиной». Представители различных каст сикхской общины, в особенности джаты, подвергались дискриминации *равидаси* – касту неприкасаемых (*чамаров*), а равидаси в ответ объединялись для защиты своих интересов. Возникшее в Индии в 1920-е годы религиозное движение равидаси «Ад-дхарм» в 1950-е годы распространилось также в Великобритании. В 1966 г. равидаси открыли свою первую *гурдвару*. В настоящее время в Великобритании действуют 20 гурдвар равидаси. С повышением жизненного уровня сикхской общины уменьшается число открытых столкновений между кастами, однако большинство гурдвар (их насчитывается в Великобритании около 200) объединяют представителей определенных каст. Типичная гурдвара состоит из часовни, где хранится священная книга сикхов «Ади Грантх»; *лангара* (трапезной); школы, где преподаются священные тексты; гостиницы, где могут остановиться нуждающиеся. Во многих гурдварах есть также сикхские музеи, библиотеки, музыкальные и танцевальные клубы, классы йоги, офисы для регистрации браков и отделения Акали дал – сикхской политической партии Панджаба. Гурдвары служат для встреч и обсуждения различных политических, религиозных и других проблем. Численность сикхской общины в Великобритании составляет 524 140 человек [5], 65% имеет среднее и высшее образование, университетским дипломом обладает 48% женщин и 42% мужчин [6]. Наибольшее число образованных сикхов заняты в таких областях, как медицина, компьютерные технологии, бухгалтерский учет и финансовый менеджмент. Британские сикхи считаются одной из наиболее адаптированных к британской жизни общин мигрантов, при этом они имеют различные привилегии. Например, сикхам, носящим тюрбан, разрешается не пользоваться шлемом при передвижении на мотоцикле и носить *кирпан* (кинжал) – один из атрибутов принадлежности к сикхской вере – в местах, где пользоваться оружием запрещено.

Литература:

- [1] Ballard R. Differentiation and Disjunction among the Sikhs in Britain // The Sikh Diaspora; Migration and the Experience Beyond Punjab. Ed. by N.G. Barrier, V.A. Dusenberry. Columbia, Missouri: South Asia Publications, 1989. P. 200–234.
- [2] McLeod H. Sikhism. London: Penguin books, 1997. 368 p.

- [3] *Cole W.O.* Sikhs in the United Kingdom // Religion in Europe: Contemporary Perspectives. Ed. by S. Gill, G. D'Costa, U. King. Kampen: Kok Pharos, 1994. P. 105–119.
- [4] *Sato K.* Divisions among Sikh Communities in Britain and the Role of Caste System: A Case Study of Four Gurdwaras in Multi-Ethnic Leicester // Journal of Punjab Studies. 2012. Vol. 19. № 1. P. 1–26.
- [5] Religion, England and Wales: Census 2021. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/religion/bulletins/religionenglandandwales/census2021> (дата обращения: 01.03.2024).
- [6] British Sikh Report 2018. URL: <https://www.britishsikhreport.org> (дата обращения: 01.03.2024).

**Реорганизация медресе и роль андалусской культуры в маринидском Марокко
(XIII–XIV вв.)**

Черкасова Т.Д.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ученый секретарь
cherkasova_td@mail.ru*

В постальмохадскую эпоху (XIII–XIV вв.) культурное и идеологическое развитие Магриба осуществлялось в двух взаимно обусловленных направлениях. Во-первых, исламская магрибинская культура в значительной степени оформилась как исторический продукт, то есть результат соединения исконного берберского субстрата и сугубо аравийских традиций, привнесенных в XI–XII вв. хилалийскими племенами. Во-вторых, в ходе культурного синтеза произошло обособление арабизированного исламского Запада от большинства обычаев арабо-мусульманского Востока. Кроме того, с крушением власти Альмохадов постепенно менялся инструментарий распространения исламского вероучения в Северной Африке. Известно, что и кочевники-Альморавиды, и горцы-Альмохады нередко, хотя и без особых на то идеологических обоснований, обращались к военно-силовым методам разрешения духовных противоречий. В отличие от них берберские эмиры и султаны постальмохадского периода избегали открытых религиозных конфликтов и прагматично стремились овладеть большими городами магрибинского побережья, чему весьма способствовал их переход к оседлости.

Мариниды, Абдалъвадиды и Хафсиды в большей мере, чем их предшественники, содействовали основанию, укреплению и реорганизации образовательных заведений, в которых преподавались исламские дисциплины (*медресе*). Для этого они использовали успешный организационный опыт своих восточных современников-Сельджукидов,

которые, по выражению Дж.С. Тримингэма, произвели в исламе подлинный «контрпереворот» в пользу сунны и превратили медресе из множества обособленных бесконтрольных частных кружков, стихийно собиравшихся вокруг авторитетных богословов, в официально признанный и регламентированный государством институт [2, с. 20-21].

Изучение арабоязычных источников XIII–XIV вв. пока не дает полномасштабного представления о скорости и степени заимствования постальмохадскими государями Магриба сельджукидских новшеств. Однако можно предположить, что представление о полезности и эффективности санкционированных правителями медресе проникло в Северную Африку из сельджукидского Ирака через Сирию и Египет не позже середины XIII в., когда число медресе в Магрибе быстро выросло. Династия Маринидов, объединившая провинции Марокко после краха власти Альмохадов (1269 г.), не смогла создать оригинальных воззрений на необходимость защиты веры или других идеологических концепций, которые оправдывали бы их приход к власти. На начальном этапе своего правления Мариниды были бесхитростными и, в общем, малограмотными в вопросах исламского вероучения кочевниками. Поэтому они стремились возместить отсутствие отчетливых религиозно-политических целей своим «нахождением на передовом крае исламской идеологии» [4, с. 59]. Об этом желании свидетельствует активное ведение маринидскими султанами XIII – начала XIV в. джихада в аль-Андалусе.

Неудачи Маринидов в обороне мусульманской Испании и успехи католической Реконкисты оказали неоднозначное воздействие на реорганизацию обучения традиционным наукам и обусловили складывание полицентризма в магрибинской ученой традиции. Мы можем предположить, что упадок мусульманской культуры в аль-Андалусе и ослабление традиционных связей Марокко с его городскими центрами и предопределили глубокий, но недолгий кризис в преподавании духовных дисциплин в конце XIV в. В то же время произошел перенос европейских завоеваний в Африку, когда португальский король Жоан I захватил город Сеута в Марокко (1415 г.). Он привел к дальнейшим миграциям живших на побережье андалусских семей вглубь Африканского континента. Они были вынуждены искать убежище во внутренних гористых и полупустынных районах Магриба и Сахеля, унося с собой ценнейшие традиции и навыки учености, хозяйственной и культурной жизни [1, с. 142]. Приток андалусских переселенцев также обогатил и культуру атлантических портов Дальнего Магриба, наподобие Сафи – города, успешно сопротивлявшегося кочевой анархии и политическому хаосу постальмохадских смут XIV–XV вв. [3, с. 114].

В политическом плане реорганизация медресе Маринидами была задумана как долговременный проект, предназначенный смягчить остроту противодействия новым суверенам со стороны старинных городских верхушек. Строительство медресе, как альтернативных и подконтрольных государству образовательных центров, дало Маринидам, как и Сельджукидам на Востоке, возможность вырастить собственную плеяду богословов-законоведов (*факихов*), способных юридически защитить легитимность их власти.

Литература:

- [1] *Дьяков Н.Н.* Марокко. История, культура, религия., СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. 179 с.
- [2] *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. А.А. Ставиской, под ред. и с предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1989. 326 с.
- [3] *Ferhat H.* Le soufisme et les zaouyas au Maghreb. Mérite individuel et patrimoine sacré. Casablanca: Les Éditions Toubkal, 2003. 180 p.
- [4] *Kisaichi M.* Jews under the Marinids: The Realities of a Policy of Tolerance and Its Background // Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Culture. Tokyo, 2004. Vol. 86. P. 53–74.

Святая София Константинопольская в описании Генриха фон Реймерса и Гаврилы Сергеева (1793 г.)

Якушев М.М.

Институт востоковедения РАН, старший научный сотрудник
mikhail.yakushev@tsgg.ru

После заключения Ясского мирного трактата 1791/92 гг. между двумя императорскими дворами состоялся обмен чрезвычайными посольствами для подтверждения заверений победившей императрицы Екатерины II и поверженного падишаха Селима III в установлении прочной дружбы и добрососедских отношений. С этой целью в Петербург был направлен послом (*бююк эльчи*) Мустафа Расых-эфенди, а в Стамбул – М.И. Голенищев-Кутузов. Вверенное ему императрицей посольство по штату составляло 476 членов, а со слугами и присоединившимися в Молдавии и Валахии к обозу людьми возросло до 650 человек.

Посол отбирал в долгосрочную дипломатическую экспедицию опытных офицеров, переводчиков, и военных топографов. Среди них находился художник – 29-летний прапорщик Г.С. Сергеев, командированный «для снятия видов», и уроженец Ревеля (совр.

Таллин), 27-летний переводчик Коллегии иностранных дел Генрих фон Реймерс, благодаря которым появилось задокументированное описание Османской империи и Стамбула. Военный топограф и рисовальщик Г.С. Сергеев создал серию акварельных рисунков, известную как «османская коллекция». По завершении военно-дипломатической миссии он подарил ее М.И. Кутузову, и она долгое время хранилась в семейном архиве Голенищевых-Кутузовых, прежде чем попала в Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей.

Генрих фон Реймерс, уйдя в отставку, издал в Петербурге в 1803 г. трехтомник «Чрезвычайная русская императорское посольство в Порту Оттоманскую» [1]. В него были включены гравюры, сделанные с акварелей из «османской коллекции» Г.С. Сергеева, предоставленные фон Реймерсу М.И. Кутузовым при подготовке публикации. Финансирование издания трехтомника полностью взял на себя Александр I. То обстоятельство, что сочинение фон Реймерса вышло на немецком языке и не было переведено на русский язык, сделало его недоступным для широкой российской читательской аудитории.

Полученный в декабре 1793 г. разрешительный высочайший фирман на имя посла М.И. Кутузова позволил его огромной свите, а также послам и посланникам других дипломатических представительств посетить мечеть Айя-София. Попасть в нее без фирмана немусульманину в то время было делом немыслимым.

Фон Реймерс составил интересное описание интерьера мечети. По его свидетельству, местные торговцы-мусульмане предлагали визитерам приобрести у них опавшую или сбитую со стен мечети византийскую мозаику, которую посетители охотно скупали в качестве сувениров.

В то же время Г.С. Сергеев как военный художник решал одновременно две задачи – художественную и боевую. Он сделал цветную зарисовку «внутреннего вида церкви Св. Софии», на которой запечатлены мундиры членов корпуса султанской гвардии: *балтаджи* (стража внутренних покоев султана), *бостанджи* (стража внешних покоев падишаха), *пеика* (алебардщика), *сулака* (лучника-пехотинца) и *хасеки* (телохранителя падишаха). В результате рисунок Сергеева приобрел не только художественно-историческую ценность, но и военно-прикладную пользу, поскольку с помощью его цветной акварели можно было знакомить солдат и офицеров российской армии с образцами мундиров султанской лейб-гвардии.

Таким образом, посещение мечети Айя-София М.И. Голенищевым-Кутузовым во главе многочисленной делегации в литературном изложении Генриха фон Реймерса вкупе с изобразительной фиксацией Г.С. Сергеевым этого важного для отечественной и турецкой

историографии события придают описываемому сюжету эффект редкой художественно-визуальной полифонии, глубоко погружая читателя в описываемую историческую эпоху.

Литература:

- [1] *Reimers, Heinrich Christoph von*. Reise der Russisch-Kaiserlichen Ausserordentlichen Gesandtschaft an die Othomanische Pforte im Jahr 1793: drei Theile: vertrauter Briefe eines Ehstlanders an einen seiner Freunde in Reval: mit Kupfern und einer Karte. St. Petersburg: Schnoorschen Buchdruckerei, 1803.
- [2] *Сергеев Г.С.* Внутренний вид Святой Софии, 1793 г. Собрание Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея.
- [3] *Кистенева С.В.* Гавриил Сергеев. Виды Стамбула 1793–1794 гг. в собрании Угличского музея // *Academia*. 2022. №2. С. 164–174.

**Церемониал приема высокопоставленных российских дипломатов Д.М. Голицына,
П.А. Толстого, А.И. Дашкова и А.И. Румянцева при османском дворе
Якушев М.М.**

*Историко-документальный департамент МИД РФ, 1 секретарь; Институт
востоковедения РАН, старший научный сотрудник
mtyakushev@gmail.com*

В период правления Петра I Россия вела активную дипломатическую деятельность в Стамбуле, несмотря на интриги и заговоры османских сановников и европейских дипломатов, аккредитованных при Высокой Порте и османском дворе.

В становлении российской дипломатии на берегах Босфора и развитии российско-османских дипломатических отношений первой четверти XVIII в. главную роль играли чрезвычайные и полномочные послы и посланники. Зеркалом двусторонних дипломатических связей и индикатором политической значимости Российского государства был церемониал приема российских послов и посланников высокопоставленными османскими сановниками. В первой четверти XVIII в. Стамбул посетил ряд высокопоставленных дипломатических представителей России.

Чрезвычайный и полномочный посол (*февкальде эльчи*), или «большой посол» (*бююк эльчи*) при османском дворе Дмитрий Михайлович Голицын (1701–1702 гг.) прибыл с торжественным посольством в османскую столицу в 1701 г. для ратификации

Константинопольского мирного договора 1700 г. Д.М. Голицын был аккредитован при султানে Мустафе II, став первым «великим послом» России при османском дворе.

Чрезвычайный и полномочный посланник (*муким эльчи*), или «средний посол» (*орта эльчи*) при Высокой Порте Петр Андреевич Толстой (1702–1714 гг.) приехал в Стамбул в 1702 г., став первым российским постоянным дипломатическим представителем при османском правительстве. П.А. Толстой вручил верительные грамоты садразаму Далтабану Мустафа-паше (1702–1703 гг.).

Чрезвычайный и полномочный посланник при османском правительстве Алексей Иванович Дашков (1718–1721 гг.) прибыл в Стамбул в 1718 г. для подготовки и подписания Константинопольского мирного договора 1720 г. А.И. Дашков был аккредитован при Высокой Порте и вручил кредитивные грамоты великому визирю Невшехирли Дамаду Ибрагим-паше (1718–1730 гг.).

Чрезвычайный и полномочный посланник при Высокой Порте Александр Иванович Румянцев (1724–1725 гг.) приехал в Стамбул в 1724 г. для ратификации Константинопольского мирного договора 1724 г. А.И. Румянцев передал верительные грамоты садразаму Невшехирли Дамаду Ибрагим-паше.

Приемы российских эмиссаров у высокопоставленных сановников при османском дворе и их европейских коллег по дипломатическому корпусу, аккредитованных в Стамбуле, проходили с соблюдением установленных правил поведения и норм общения, отступление от которых могло вызвать нежелательное напряжение или осложнение в межгосударственных отношениях, а любое недоразумение на протокольной почве могло быть воспринято как унижение достоинства правителя.

Церемониал приема высокопоставленных иностранных дипломатов у османских чиновников опирался на самобытные традиции и завуалированную символику, а османская протокольная практика была нацелена на демонстрацию государственной идентичности, усиление авторитета верховной власти и укрепление имиджа правителя. Вместе с тем, изменения, внесенные в этикет и церемониал, могли свидетельствовать об изменении внешнеполитического курса государства, статуса его представителей на международной арене и уровня межгосударственных отношений.

Во время пребывания в османской столице российские послы и посланники петровской эпохи внимательно следили за тем, чтобы церемониал их приема у османских сановников не уступал тому, как принимались австрийские дипломатические представители у султана и великого визиря, и чтобы царским дипломатам были оказаны такие же протокольные почести, какие оказывались имперским эмиссарам венского двора.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. Россия начала закладывать основы дипломатического присутствия на Босфоре, укрепляя политическое влияние в Османской империи и усиливая свои позиции на международной арене. Османский протокол, сохранявший свой самобытный и консервативный характер, претерпевал изменения в связи с возрастанием роли России в международных отношениях, что влияло на церемониал приема при османском дворе высокопоставленных российских дипломатов Д.М. Голицына, П.А. Толстого, А.И. Дашкова и А.И. Румянцева.

Литература:

- [1] Якушев М.М. Дипломатия во внешней политике Османов до начала XIX века // Свободная мысль. 2009. № 8 (1603). С. 169–190.
- [2] Якушев М.М. Дипломатические отношения России и Османской империи во второй половине XVIII в. // Восток (Oriens). 2013. № 1. С. 47–56.
- [3] Якушев М.М. Крым в контексте российско-османских отношений в период правления Екатерины Великой // Международная жизнь. История без купюр: прошлое отражается в настоящем. Специальный выпуск. 2016. С. 125–138.
- [4] Якушев М.М. Становление русской дипломатии и разведки на Босфоре в 1700–1720 гг. // Исторический вестник. 2023. № 46. С. 48–67.
- [5] Якушев М.М. «В противность миру... ничего не чинится». От Царьграда до Белграда: российско-османские военно-дипломатические отношения (1700–1739 гг.). // Военно-исторический журнал. 2024. № 1. С. 76–87.

Современное образование в странах Востока и в России (Contemporary Education in Russia and Asia)

Анализ библиографических данных в мире глобальной науки: восточные тренды в науке и образовании

Барбошкина Т.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки
baraboshkina@mail.ru*

Новым трендом в третьем десятилетии XXI века [Василевская, 2021; Искусственный, 2020] стало включение в программу обучения в Высшей школе на различных ступенях подготовки (бакалавров и магистрантов) учебных дисциплин в сфере применения искусственного интеллекта (ИИ) в рамках межфакультетских курсов (МФК).

Авторский курс: «Анализ библиографических данных в мире глобальной науки: от простого к сложному» читается с 2021 года - в дистанционном режиме (в период пандемии), а с 2022 года - в очном формате.

Поэтапно слушатели знакомятся с особенностями использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в наукометрических системах XXI века. Начинают изучать проблему с понятия стандартных цифровых идентификаторов для исследователей (например, ORCID – цифровой ключ к истории ваших публикаций) и контента (DOI). Далее получают представление о роли международных индексов изданий: ISSN и ISBN. Знакомятся со спецификой региональных особенностей использования ISSN и ISBN в странах Азии и Африки. Познают стандарты библиографических записей.

В следующем модуле студенты изучают возможности использования электронных библиотек и актуальность унификации на их платформах научных данных на базе искусственного интеллекта: научная электронная библиотека eLibrary; российский индекс научного цитирования (РИНЦ); особенности регистрации читателей и авторов статей; понятие “SCIENCE INDEX”; ID автора; поиск и привязка «потерянных» публикаций и цитат к профилю автора; индекс Хирша; цитируемость публикаций автора. Специфика цитирований публикаций в гуманитарной и естественно-научной сфере.

Далее слушатели знакомятся с понятием - импакт-фактор журналов. Какие журналы входят в «ядро РИНЦ». Культура цитирования - индикатор научной коммуникации. Правила оформления и понятие библиографической ссылки. Примеры цитирования электронных изданий. Признаки хищнических журналов и конференций на глобальном

уровне. Система поиска текстовых заимствований «Антиплагиат» - крупнейшая в России и СНГ.

Следующий модуль посвящен истории формирования и внедрения искусственного интеллекта в систематизацию публикационной активности сотрудников университета на базе информационно-аналитической системы (ИАС) ИСТИНА МГУ имени М.В. Ломоносова [Механизмы..., 2019]. Особенности связи «ИАС ИСТИНА» с международными библиографическими системами ORCID, Scopus, Web of Science (WoS). Связь идентификатора ID автора в Scopus, Web of Science (WoS) и «ИАС ИСТИНА». Студенты изучают понятие - квартиль журнала (от Q1 до Q4); издательские платформы и базы научного цитирования - Springer, Russian Science Citation Index (RSCI) – партнерский проект Clarivate Analytics и eLIBRARY. Особенности ROAD – каталога научных ресурсов открытого доступа. Его достоинства и недостатки. Показатели: импакт-фактор Journal Citation Reports (JCR) по Web of Science (WoS). Работа с результатами поискового запроса. Показатель SCIMago Journal Rank (SJR) и его роль в выборе журнала для публикации. Формирование стратегии публикационной активности. Студенты осваивают на основе технологий искусственного интеллекта методику выбора рейтингового журнала для публикации.

Знакомство студентов с поисковой системой Google Академия (Google Scholar); Создание профиля на платформе Academia.edu. Работа и настройки поиска. Создание оповещения. Формирование авторских списков публикаций по теме научных исследований. Специфика применения искусственного интеллекта в странах Азии и Африки. Понятие «ИСТИНЫ» в Тайланде.

По итогам курса слушатель получает практический опыт целевой обработки большого массива библиографических данных для систематизации опубликованных научных источников по теме курсовых и квалификационных работ на основе достижений искусственного интеллекта XXI века.

Литература:

Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации// *Хозяйство и право.* — 2021. — № 11. — С.1.

Искусственный интеллект в образовании: Изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / Стивен Даггэн; ред. С.Ю. Князева; пер. с англ.: А.В. Паршакова.— М.: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020. 45 с.

Механизмы системы ИСТИНА для интеллектуального анализа состояния и стимулирования хода выполнения проектов в сфере науки и высшего образования / В.А.Васенин, С.А.Афонин, А.А.Зензинов и др. // Научный сервис в сети Интернет— М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2019. — С. 210–221.

Исследование по скоординированному развитию создания дисциплин и программ ученых степеней в новых китайско-иностранных совместных университетах – на примере Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне

Ван Маньли

PHD, заместитель начальника управления по академическим вопросам Университета МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь, заместитель исследователя

Внедряя высококачественные зарубежные образовательные ресурсы и развивая таланты с глобальным кругозором и способностями решать международные вопросы, китайско-иностранные совместные университеты становятся все более важной частью образования Китая, которое развивает открытые отношения с внешним миром.

С развитием в Китае строительства «Университетов мирового класса и первоклассных специальностей» стало общепринятым, что строительство дисциплин является основной задачей и движущей силой развития университетов.

Однако в новых учебных заведениях, таких как китайско-иностранные совместные университеты, те мероприятия, которые обеспечивают внедрение и реализацию дисциплин и программ ученых степеней, нуждаются в дальнейшем исследовании и оптимизации.

Наряду с эффективным внедрением образовательных ресурсов, скоординированное внедрение, реализацию и развитие дисциплин и программ ученых степеней также необходимо в короткие сроки интегрировать в планы развития новых китайско-иностранных совместных университетов.

Ключевые слова: китайско-иностранные совместные университеты; создание дисциплин; создание программ ученых степеней; скоординированное развитие.

Немецкий язык в странах Южной Азии

Иванова О.А.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, старший преподаватель кафедры западноевропейских языков

По данным МИД Германии, большинство людей, изучающих немецкий язык, живет в Европе. Вместе с тем, регионы с самыми большими показателями роста изучающих немецкий как иностранный расположены в Африке и Азии [1]. Германия пытается сделать все возможное, чтобы увеличить этот потенциал. Открываются немецкие культурные центры, развивается служба академических обменов, разрабатываются новые образовательные проекты. Несмотря на существующее мнение о сложности немецкого языка, его любят и успешно учат во многих странах мира. Этому способствует имидж немецкого как языка науки, подкрепленный прекрасными условиями для образования и исследовательской деятельности в Германии для молодых людей и ученых со всего мира. Германия заинтересована в притоке квалифицированных специалистов и активно разрабатывает многочисленные инициативы для изучения немецкого в регионах с возможностью продолжения образования и карьеры в Германии [2]. Рассмотреть особенности развития преподавания немецкого языка в этом регионе на примере Индии, Пакистана, Непала и Ирана – цель данной работы. Анализ проведен на материале отчетов членов союза преподавателей немецкого языка в Ю.Азии, данным МИД Германии и Гете-Институтов в рассматриваемых регионах.

Германия всегда имела хорошие отношения с Индией и с другими азиатскими странами. Исследователи полагают, что в основе этого лежит тот факт, что Германия не имела колониального интереса в Индии, а также проявляла восхищение и уважение к культурам Азии. Это нашло отражение как в трудах немецких ученых, так и в немецкой классической литературе. Поэтому изучение германистики, например, в Индии является исторически обоснованным феноменом и насчитывает с 1914 г. 110 лет. Как отмечают некоторые историки, введение в университете Бомбея в начале 20 в. изучения немецкой литературы было своего рода скрытым вызовом для Британского колониального дискурса, благодаря которому стало возможным понимание не-британских культур Европы. С этого периода начинается новая фаза культурного обмена. Экспансия немецкой индустрии в Индии, а также в Иране и других азиатских странах, служит дополнительной мотивацией у молодежи для изучения немецкого. Вместе с тем, особенности изучения немецкого языка в Индии связаны с особой языковой ситуацией. Все школьники должны изучать хинди, английский и родной язык. Преподавание иностранного языка не является приоритетным направлением. Школ не хватает, дети разного возраста и подготовки могут сидеть в одном классе, которые бывают переполнены и что является проблемой при изучении иностранного языка. При поддержке немецкого правительства растет число школ с

преподаванием немецкого как иностранного. Первое место в качестве иностранного языка в стране занимает французский, второе – немецкий, далее следуют испанский и японский языки. В Индии создано свыше 800 школ, в которых немецкий изучается с 6 класса и является первым (а иногда и единственным) иностранным языком. Далее изучение немецкого продолжается на университетском уровне. По данным 2020 г. в 106 университетах изучают немецкий как иностранный, в 22 можно заниматься германистикой [1]. После Китая Индия занимает второе место по числу изучающих немецкий язык. МИД Германии при содействии Гете-Института создали программу «Школы: партнеры будущего» (PASCH), которая позволила создать сеть из 1700 школ-партнеров по всему миру. Так, в Иране немецкий как второй иностранный преподается в PASCH-школах. Турбулентность в отношениях между Ираном и Германией вела к закрытию первых школ из-за боязни проникновения чужого, не исламского образа мысли. Школы, открытие которых с 30-х годов 20 в. и позже было необходимостью для подготовки персонала по немецким стандартам, продолжали свое существование и постепенно стали появляться и в провинциях. Так была введена часть системы немецкого профессионального образования в Иране. Немецкий изучается и в системе высшего образования, но количество языковых ВУЗов, где преподают немецкий, ограничено. Королевство Непал также является активным участником проекта PASCH с 2009 г. Преподавание немецкого внедрялось с трудом, возникают проблемы как со скоростью изучения языка, так и с предубеждением родителей о влиянии немецкого на ухудшение ситуации при подготовке к другим предметам. Программа PASCH была инициирована и в Пакистане, где число изучающих немецкий неуклонно растет. По данным 2022 г. 84250 пакистанцев учится и работает в Германии [1].

Из анализа следует, что академические курсы немецкого в южноазиатском регионе, с одной стороны, обеспечивают общее интеллектуальное образование, а с другой, открывают возможности карьерного роста после окончания учебы. На преподавание немецкого языка влияют особенности современных отношений и направление их развития. Особое внимание при преподавании немецкого в этом регионе отводится грамматике, что связано с иным строем немецкого языка. Чтобы обеспечить дидактически и методически грамотное преподавание немецкого языка, необходима хорошая квалификация преподавателей. Именно в этом кроется большая проблема в виде нехватки подготовленных педагогов на местах.

Литература:

1. Deutsch als Fremdsprache [Эл.ресурс: www.auswaertiges-amt.de]

2. Max Müller Bhavan Indien. Der klang fremder Welten [Эл.ресурс: <https://www.goethe.de/ins/in/de/spr/mag/20845184.htm>]
3. Sonderheft Deutsch in Südasien [Эл.ресурс: https://idvnetz.org/publikationen/magazin/IDV-MAGAZIN_87.pdf]

Реализация российских образовательных программ в КНР. Проблемы и решения.

Опыт Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне

Калмыков П.Н.

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, заместитель первого проректора, начальник управления по академическим вопросам

В докладе рассказывается об опыте реализации образовательных программ МГУ в совместном университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне, обозначаются основные проблемы, с которыми приходится сталкиваться в ходе организации образовательного процесса, а также описываются найденные опытным путем варианты их решения.

МГУ-ППИ – крупнейший современный российско-китайский проект в сфере гуманитарного сотрудничества. Уже в 2025 году в университете должно обучаться 5000 человек, а количество образовательных программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры превысит 60. Несмотря на внешнее сходство (обучение по российским образовательным программам, в основном на русском языке, силами ППС из России), образовательный процесс в МГУ-ППИ принципиально отличается от обучения граждан КНР в вузах на территории России. Это и разница в образовательном законодательстве России и Китая, и отличия в требованиях к освоению программ, и принципиально иной механизм поступления и зачисления в университет, и особенности языковой подготовки китайских студентов (без дополнительного года и вне языковой среды), и специфика административного управления образованием.

В условиях стремительно развивающегося сотрудничества в области образования и науки между нашими странами опыт МГУ-ППИ может быть полезен для российских вузов, запустивших или планирующих запустить совместные сетевые образовательные программы с китайскими партнерами.

**Transformational Instructor Leadership's Effect on Students' Outcomes-evidence from
Post-graduate Business Degree Students in Hong Kong**

Kasimovskaia E.N.

IAAS MSU, Associate Professor

kasim@iaas.msu.ru

Wong Wai Wah (Percy),

Lecturer and Programme Leader, BBA (Hons), The Hong Kong Polytechnic University,

percy.wong@polyu.edu.hk

This study investigates how transformational instructor leadership (TIL) influences students' motivation (i.e., intrinsic motivation (IM) and extrinsic motivation (EM)) and learning outcomes (perceived academic performance (PAP), cognitive learning (CL), affective learning (AL), and instructors' credibility (IC)) for Hong Kong Postgraduate Business Students. The main reason for conducting this study is to discover how to motivate students to learn better through improved classroom instruction in business education. As suggested by Ashdown and Bernard [1], emotion management between teachers and students is a significant problem. Teachers must understand students' learning problems and establish an emotional link to actively motivate students to participate in the learning process. As for the rationale, teaching also combines the need for a certain level of emotional closeness with a student and diffuse interactions with several students. Teachers should reward students for achievement, encourage them to learn independently, and treat all students the same. Another problem is the chronic uncertainty regarding teaching effectiveness [2]. It originates from the difficulties in adequately measuring the impact of teachers on students. Many factors mediate a teacher's action and a student's response. For example, students' learning ability, motivation, teachers' teaching styles, and skills influence the relationship. Ryan and Deci [4] proposed that educators should be more autonomy-supportive in helping students to acquire a more intrinsic motivation using self-determination theory (SDT). Due to such difficulties in teaching, the researchers wish to conduct a review and empirical study on the types of teaching styles or instructor-leading styles that work for students before demonstrating the possible relevance of TIL to learning and assessing how TIL affects students' motivation and learning outcomes. This research enhances the theoretical framework. It integrates the motivation theory, i.e. self-determination theory and the transformational leadership theory. Only limited studies have been done so far on the reasons why TIL affects learning outcomes. This research filled this gap by adding that motivation is the mediator [3]. The research contributes to better achievement of learning outcomes, improvement of instructors' teaching performance, and enhancement of theoretical framework by integrating motivation theory and leadership theory. The research result can be applied to design of teaching strategies and instructor training. It influences

the style/forms/instruments of teaching/training, and it brings principally new mode of interaction between instructors and students with much higher outcomes.

The hypotheses determine whether TIL influences the learning outcomes of PAP, CL, AL, and IC through the mediation of IM and EM. This study adopted a mixed research methodology, based on a combination of quantitative and qualitative methods - a questionnaire survey and a case study. A sample of 162 students was used in the questionnaire survey, and the case study comprised 29 students.

Four main statistical results were observed after using the Partial Least Square-Structural Equation Modelling (PLS-SEM) analysis. First, TIL was found to have a strong relationship with IM and EM by .727 and .574. Second, TIL was found to have a moderate relationship with PAP, CL, AL, and IC at the effect sizes of .279, .253, .302, and .556. Third, IM mediated the relationship between TIL, PAP, CL, AL moderately at .361, .307, and .204. Last, EM was weak at mediating the relationship between TIL and IC at .076. The case study discovered ways of enhancing instructors' individualized consideration, inspirational motivation, and intellectual stimulation for better outcomes. It can be concluded that TIL is effective in leading to students' IM and good student learning outcomes of PAP, CL, and AL. Therefore, it is recommended that TIL teaching styles should be promoted.

There are two major limitations to this study. The first is the lack of representation of the samples. The second one is the cultural issues of TIL and autonomy-supportive teaching. Thus, for future research, to enhance the representativeness, it is recommended that a Hong Kong territorial-wide survey on all university postgraduate students should be conducted. Also, the same study can be conducted on late primary school, secondary school, and undergraduate students. To address the cultural issues, it is recommended to conduct the same study on mainland and Taiwan university students.

References

1. Ashdown, D. M., & Bernard, M. E. (2012). Can explicit instruction in social and emotional learning skills benefit the social-emotional development, well-being, and academic achievement of young children? *Early childhood education journal*, 39(6), 397–405.
2. Balwant, P. T., Birdi, K., Stephan, U., & Topakas. (2019). Transformational instructor-leadership and academic performance: a moderated mediation model of student engagement and structural distance. *Journal of Further and Higher Education*, 43(7), 884–900.
3. Reeve, J., & Cheon, S. H. (2021). Autonomy-supportive teaching: Its malleability, benefits, and potential to improve educational practice. *Educational psychologist*, 56(1), 54–77.
4. Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2017). *SDT: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. The Guilford Press.

Структура и специфика образовательных программ среднего и высшего образования в КНР

Ковалева А.А.

*МГУ-ППИ, аспирант Центра Евразийских Исследований
kovalevaaa@my.msu.ru*

1. Структура школьного и университетского образования в КНР.

Базовое образование в Китае включает начальное и среднее школьное образование. Выпускники, желающие поступить в университеты, должны сдать национальный вступительный экзамен в высшее учебное заведение (гао као). Высшее образование представлено колледжами и университетами, при этом программы аспирантуры предлагаются только в университетах. Учебный год для всех учебных заведений разделен на два семестра: с февраля по середину июля (шесть недель летних каникул) и с сентября по середину/конец января (четыре недели зимних каникул). Школьные программы стандартизированы [1], в то время как университетские программы утверждаются непосредственно в университете, в связи с чем могут значительно варьироваться [2].

2. Специфика образовательных программ на примере программы истории [6].

Предисловие образовательной программы начинается со слов Си Цзиньпина об идеологии и политике партии в области образования и общих наставлений учителям. Здесь же содержится напоминание о политике двойного сокращения, о которой будет сказано в п.3. Программа включает: особенности курса, концепцию учебного плана, цели курса, комментарии по всем разделам истории: китайской и всемирной, рекомендации по реализации курса, по оценке знаний учащихся, по подготовке учебных материалов. В программе говорится об истории как о дисциплине, о ее функциях и особенностях, провозглашается материалистический взгляд на историю, в соответствии с которым существует пять формаций: первобытное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и коммунистическое общество. Отдельно стоит сказать о хронологизации истории, подразумевающей, что древняя история Китая начинается с ранней деятельности человека в Китае и заканчивается Опиумной войной 1840 г. Новая история Китая - с 1840 года до создания Китайской Народной Республики в 1949 году. Новейшая история - с 1949 года до наших дней. История Древнего мира берет начало от появления первых людей до XV века. Новая история приходится на период с начала XVI и по конец XIX века. Современная мировая история - с начала XX века и до наших дней. Помимо хронологической структуры, предложены также требования к содержанию материала и академические стандарты, включающие как требования к компетенциям

учащихся (Академическое качество - это показатели академической успеваемости студентов после завершения поэтапного изучения курса, отражающие основные требования к грамотности.), так и конкретным навыкам, таким как работа с картами, с историческими источниками. Особое внимание уделяется междисциплинарности.

3. Политика двойного сокращения (шуанцзянь чжэнсе).

Говоря о структуре и специфике образовательных программ КНР, нельзя не упомянуть так называемую “политику двойного сокращения”. 24 июля 2021 года Канцелярия Центрального комитета КПК и Канцелярия Государственного совета совместно опубликовали «Заключение о дальнейшем снижении бремени домашних заданий и внеуниверситетского обучения для учащихся обязательного образования». [4] Основными причинами реализации политики стали: недостаток сна и времени на отдых у учащихся школ; проблемы с психическим здоровьем, вызванные давлением со стороны школы и родителей; финансовые затраты родителей, которые они несут для оплаты дополнительных занятий и курсов. Основными последствиями этой политики стали: контроль за учреждениями дополнительного образования, сокращение объема обязательных домашних заданий, изменение подхода учителей к неуспевающим учащимся.

Литература:

1. http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/s8001/202204/t20220420_619921.html
2. 《中国近现代史纲要》编写组 高等教育出版社;第5版(2013年8月1日)
3. https://www.gov.cn/zhengce/2021-07/24/content_5627132.htm
4. https://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202107/24/content_WS60fc16dfc6d0df57f98dd873.html
5. The Impact of Double Reduction Policy on the China's Education System https://www.researchgate.net/publication/369871045_The_Impact_of_Double_Reduction_Policy_on_the_China's_Education_System.
6. <http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/s8001/202204/W020220420582345700037.pdf>

Подготовка международных талантов в области материаловедения

Ли Шукуй

PhD, профессор, декан (с китайской стороны) факультета наук о материалах университета МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь

Материалы, энергетика и информация были перечислены в качестве трех основных отраслей национальной экономики в 1960-х годах, и они сыграли жизненно важную роль в развитии экономики и общества современной КНР.

Материалы являются материальной основой энергетической и информационной отраслей. Технологический прогресс промышленности материалов сильно зависит от научных исследований в области материалов, и основная часть исследований в области материаловедения осуществляется специалистами на всех уровнях, занимающиеся исследованиями в области материаловедения.

В настоящее время исследования в области социальных наук в значительной степени интернационализированы. Исследования в области материаловедения охватывают множество дисциплин, таких как физика, химия и механика. Они обладают базовыми и взаимосвязанными характеристиками. Для этого требуются таланты в этой области, обладающие широким международным видением, высокой степенью способности к международному сотрудничеству и хорошим духом сотрудничества. Эти специалисты должны обладать проницательностью и чувствительностью к передовым дисциплинам и технологическому прогрессу.

В нынешних условиях построения сообщества человеческих судеб и китайско-российского стратегического сотрудничества совместная подготовка Китая и Россией международных высококвалифицированных специалистов в области материаловедения, безусловно, внесет вклад в технологический прогресс и социально-экономическое развитие Китая и России.

Ключевые слова: материаловедение, промышленность материалов, технологический прогресс, российско-китайское стратегическое партнерство

Основные подходы к подготовке кадров высшей квалификации в РФ: уровни, траектории, особенности

Машкина О.А.

*ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии
mashkina@iaas.msu.ru; oliya-m@yandex.ru*

Практика присуждения ученых степеней пришла в Россию на рубеже 18-19 вв. В 1884 г. ученые степени в России были унифицированы как в Европе «магистр-доктор». В СССР степени до 1934 г. не присуждались, а затем были введены степени кандидата и доктора наук. Таким образом, система степеней стала отличаться как от дореволюционной российской, так и европейской. Профессия ученых была одна из самых престижных и в царской России, и в СССР.

После распада СССР наметились *два противоположных уклона*: девальвация научной степени из-за низкой оплаты труда, а с другой – ее востребованность в среде высокопоставленных государственных чиновников как показатель престижа. При этом в российских вузах до сих пор остается много преподавателей, не имеющих возможность защититься из-за большой педагогической нагрузки. Многие российские ученые уезжают за границу или уходят в сферу бизнеса. Главная причина – очевидна, это – низкие зарплаты. Но немаловажными представляются и другие факторы, в том числе, недофинансирование научных исследований, обусловившее дефицит качественного исследовательского оборудования, что подрывает конкурентоспособность российской науки, перспективы научного роста исследователей и удовлетворенность результатами своего труда.

Новый закон «Об образовании» (2012 г.) изменил организацию подготовки кандидатов и докторов наук. До этого подготовка научных кадров проходила по так называемой модели наставничества, то есть выполнения под контролем научного руководителя диссертационного исследования и успешной защите диссертации. По закону 2012 г. у аспирантов появилась возможность завершить учебу без защиты диссертации по итогам освоения образовательной программы. В Государственную итоговую аттестацию (ГИА) вошли государственный экзамен по специальности и защита научно-квалификационной работы (НКР). С 1 сентября 2013 г. аспирантура из послевузовского образования превратилась в *третий уровень высшего образования*.

Переход на новую, так называемую «структурированную подготовку» кадров высшей квалификации (КВК) объяснялся как необходимостью создавать инновационную экономику знаний, так и ориентацией на более широкий, чем академический, рынок труда. Акцент в высшем образовании был сделан на развитие так называемых «мягких навыков» (soft skills) в сочетании с профильными знаниями. Рост потребности экономики в кадрах, способных внедрять результаты исследований и прикладных разработок, обеспечивающих инновационное развитие страны, представляется закономерным, однако результаты проводимой реформы подготовки КВК не столь бесспорны.

Оказалось, что в условиях заниженных требований к результатам окончания аспирантуры, туда часто поступают не для того, чтобы заниматься наукой, а для получения социальных льгот. Многие аспиранты совмещают учебу с работой, которая не связана с темой диссертации. Число аспирантов с 2010 по 2021 г. сократилось с 157,4 тыс. до 90,2 тыс. чел. Значительный спад (на 42,3%) объясняется как демографическими факторами, так и социальными. Наибольшее число аспирантов и докторантов сосредоточены в вузах (87% и 92%), что на наш взгляд, свидетельствует о том, что свой будущий карьерный рост аспиранты связывают не с работой на производстве, а с получением штатной

академической должности. После 2012 г. доля аспирантов в возрасте 30 лет и старше удвоилась и в 2021 г. составила 29% от общего числа. Эта тенденция нуждается в дополнительном изучении. Серьезным сигналом неблагополучия в системе подготовки КВК является сокращение в 2010–2021 гг. успешных защит кандидатских диссертаций почти на 85% (с 9611 до 1500). В 2021 г. в срок защитили диссертацию только 12,4% аспирантов [1, с. 71-72].

Назревшие проблемы в системе высшего образования послужили толчком к пересмотру задач подготовки кадров на всех ступенях и уровнях высшего образования, что нашло выражение в соответствующем указе Президента РФ от 12 мая 2023 г. Цель указа – совершенствование системы подготовки квалифицированных кадров для обеспечения долгосрочных потребностей социально-экономической сферы. Пилотный проект проходит в 2023\24 и 2025\26 учеб. гг. в 6 вузах страны: МАИ, МИСИС, МПГУ, Балтийском федеральном университете, Петербургском горном университете и Томском госуниверситете [2].

По указу, аспирантура становится новым уровнем профессионального образования, т.е. возвращается её первоначальное предназначение – проводить научные фундаментальные исследования и разрабатывать новые практико-ориентированные технологии.

Литература

1. А. Р. Кузнецова, А. И. Ахметьянова, А. И. Кузнецов. Тенденции подготовки кадров высшей квалификации в Российской Федерации (utmn.ru). – Siberian Socium, Том 7, № 1 (23) 2023, с. 71-87 . DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-71-87
2. <https://ivo.garant.ru/#/document/406868794/paragraph/1:1>. – дата обращения 20.02.2024.

Новые требования к разработке учебных пособий по китайскому языку в соответствии с Шкалой уровней владения китайским языком от 2021 г.

Селиверстова Ю.А.

*НИУ ВШЭ, доцент департамента зарубежного регионоведения
selyulya@yandex.ru*

Гун Мин

*РУДН, старший преподаватель КИЯ АТИ
violetmsk@gmail.com*

С развитием преподавания китайского языка по всему миру Министерство образования КНР осознало необходимость приблизить стандарты оценки знаний учащихся к международным. Прежняя система оценивания (до 2021 г. 国际汉语能力标准), в том числе и стандарты экзамена HSK (chinese proficiency test), имели определенные нестыковки с критериями, применяемыми к западным языкам. Имелось сильное расхождение с европейской системой языковых компетенций CEFR (знания и умения A1-C2). Так, ранее владение свыше 2,5 тыс. китайских слов (уровень знания родного языка 5-летним ребенком) давало пятый, высший, уровень, который должен был соответствовать C1 по CEFR (Продвинутый). В то время как продвинутый уровень C1 для европейских языков – это 4000-5500 слов.

В 2015 г. началась работа по изменению прежнего стандарта. За 6 лет Центром сотрудничества и языкового обмена (教育部中外语言交流合作中心, бывшая канцелярия китайского языка - Ханьбань) была проведена колоссальная работа, и в июле 2021 г. была официально обнародована новая Шкала уровней владения китайским языком 国际中文教育中文水平等级标准. Слоги, иероглифы, словарный запас и грамматика составили четыре базовые измерителя новой системы оценки. Новая шкала делится на три языковых ступени - начальную, среднюю и высшую. Каждая ступень в свою очередь поделена на три уровня, таким образом получается всего девять уровней. Для каждого из уровней были даны четкие количественные и качественные показатели оценивания навыков аудирования, разговорной речи, чтения, письма и перевода. В новой шкале для овладения продвинутым уровнем (7-9 уровень) необходимо знание 5500 – 11000 слов, что соответствует лексическому запасу взрослого человека и гораздо больше схоже со стандартами C1-C2 CEFR.

Особенностью новой системы стала иероглифика. Теперь градация перехода от одного уровня к другому основывается не на увеличении лексического запаса, как было ранее, а твердо привязана к узнаванию базовых иероглифов. Для перехода на каждый последующий уровень необходимо изучение новых 300 иероглифов (1ый – 300, 3ий – 900, бой - 1800). Высший уровень - последние три ступени, совокупно требует изучения еще 1200 иероглифов. Таким образом весь стандарт основывается на 3000 иероглифов, которые и формируют максимальный лексический запас в 11092 слова.

Введение нового стандарта повлекло за собой важные изменения. Потребовалась смена действующего международного экзамена на владение китайским языком с формата HSK2.0 на HSK3.0. Наличие сертификата HSK не только формально подтверждает владение языком, но и обязательно при поступлении на китайские образовательные программы, получении грантов, соискании должностей в ряде китайских компаний. Также

и во многих ВУЗах России преподавание китайского языка ведется с опорой на учебные пособия по HSK. Система подготовки к данному экзамену взята за основу во многих онлайн и оффлайн школах, при этом в интернете огромное количество медиаконтента для изучающих китайский язык неразрывно связано с действующими стандартами HSK2.0. Прежние требования к этому экзамену использовались более десяти лет с 2010 г. Разработка новой шкалы привела к введению формата 3.0, который на данном этапе сдается в тестовом режиме и еще не заменил прежнюю систему оценки знаний.

Медленное введение HSK3.0 во многом связано с полным отсутствием на рынке учебных пособий, написанных в соответствии с новой шкалой. Обнаруженные в 2021 г. стандарты оценки знаний в большой степени отличаются от прежней системы, на которой базировались почти все изданные в КНР учебные пособия. Различия заключаются и в грамматических требованиях, и в лексическом составе. Авторские коллективы в Китае и за рубежом включились в разработку новых пособий, привязанных к шкале требований, лишь после публикации полного комплекта поясняющих документов. Китайским министерством образования в конце 2021 г. было объявлено о грантовой поддержке авторов, разрабатывающих новые пособия по китайскому языку в 2022-23 гг. В соответствии с требованиями грантов, современные учебные пособия должны не только базироваться на новой шкале, но и сопровождаться мультимедийными материалами, которые могут выступать как основные элементы учебных ресурсов. Учебник должен представлять собой целый комплекс, который дополнен презентациями для ведения занятий, видео объяснениями по отдельным темам для самостоятельного изучения или повторения. Требуется медиа поддержка к каждому уроку, которая дополняет, дублирует или даже заменяет отдельные блоки информации из традиционного бумажного учебника. Приветствуется и разработка полностью цифровых материалов, которые реализуют основные задачи преподавания путем интеграции текста, графики, изображений, звука, видео, анимации и других средств с помощью цифровых технологий на определенной платформе или в формате приложения. В 2024 году первые такие пособия должны появиться на рынке.

Традиции и современность на Востоке

Динамика соотношения религиозного и светского в культуре Ирана периода модернизации (начало XX – 20-е гг. XXI в.)

Зайцев В.Н.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока
zalex93@mail.ru

Для Ирана, как и для других больших стран Азии (Китай, Индия, Япония, Османская империя), попавших в колониальную или полуколониальную зависимость от держав Запада, решающим условием избавления от этой зависимости и восстановления полностью или частично утраченного государственного суверенитета стала модернизация всех основ общества. Новые течения в культуре в той или иной степени влияли на самосознание и уклад жизни разных слоёв населения этих стран. Эти течения, как и вся идеология реформизма, проистекают в основном из западного опыта, что на долгое время предопределило "догоняющий" характер модернизации в Азии.

Одним из самых заметных проявлений культурной эволюции в этих странах можно считать отход от привычных, как правило, архаических ценностей и понятий традиционного общества в сторону буржуазно-космополитических норм и представлений – в основном *от религиозных к светским*. При этом секуляризм, будучи характерным элементом реформаторских доктрин и программ, обычно наталкивается на противодействие сил, опирающихся на приверженцев традиционного уклада жизни. Перманентная борьба светских и религиозных начал культуры в Иране наблюдается в течение всего XX в. и вплоть до наших дней. С воцарением в Иране в начале XVI в. династии Сефевидов, приверженцев шиитского толка ислама, созданная ими обширная империя стала своего рода метрополией шиизма, догматика и мифология которого заложили основу мировосприятия и самоотождествления большинства иранцев. Вплоть до XX века духовная и материальная культура, включая систему школьного обучения и воспитания иранских подданных, строилась на этих основаниях.

Одним из первых светских учреждений в культуре Ирана стало основанное 1851 г. по инициативе министра-реформатора Амира Кабира высшее учебное заведение университетского типа под названием Дар оль-фонун (Дом наук), в котором преподавались технические дисциплины, медицина геология, военное дело. Но школьное обучение всех уровней продолжало оставаться прерогативой духовенства, которое упорно противодействуя западным веяниям в культуре, тем не менее стало одной из движущих сил Конституционной революции 1905-1911 гг., изменившей строй Ирана созданием представительного органа власти меджлиса, аналога европейских парламентов.

Реза-шах, основатель правящей династии Пехлеви (1925-1979), предпринял ряд реформ, направленных на укрепление центральной власти и авторитета Ирана. Его политика в области идеологии и культуры основывалась на идеалистическом, но светском по природе постулате "бессмертия иранского духа", подкреплявшимся ссылками на величие иранских империй Древности. Официальная идеологическая доктрина

стимулировала изучение истории Ирана доисламских эпох. При Резе-шахе основан Тегеранский университет и многие светские учебные заведения. Предпринимались попытки реформировать школы на основе светских программ и ограничить финансовые ресурсы духовенства путём установления государственного контроля над доходами вакфов. Реформы в сфере брачных отношений и быта (запрет ношения женщинами хиджаба, замена традиционной мужской одежды и головных уборов на европейские) вызвали противодействие не только духовенства, но и значительной части населения, воспринимавшего эти новшества как посягательство на привычный образ жизни иранцев.

Преемник Резы-шаха на троне шах Мохаммад Реза-шах все годы своего правления (1945-1979) продолжая начатую отцом линию на модернизацию страны, усилил крен в сторону светских, преимущественно западных социально-политических моделей и культурных стандартов. В ходе реформ так называемой "Белой революции" (60-70-е гг. XX в.) вестернизация всех сторон городской культуры Ирана (в сельской местности она была менее выражена) приобрела небывалый размах. Эмансипация женщин ознаменовалась закреплением за ними избирательных прав и их возросшим представительством в общественно-политической жизни, государственных учреждениях и бизнесе. Всё это сопровождалось расширявшимся присутствием в стране западных, преимущественно американских советников, экспертов, деловых партнёров, агентов спецслужб. Одним из важнейших политических последствий культурной революции 60-70-х гг. было глубокое духовное отчуждение правящей династии и её ближайшего окружения от основной массы населения страны, что стало едва ли не решающим фактором, предопределившим падение монархии, которую многие иранцы воспринимать как вероотступническую, инородную силу, подчинившуюся безбожным и враждебным Ирану внешним интересам.

Руководство Исламской республики Иран, политический строй которой создан на основе разработанной вождём революции аятоллой Хомейни доктрины "исламского правления", стоит на том, что неукоснительное следование законам ислама не только в частной жизни верующих, но и в делах всей общины, а следовательно, и государства, есть единственно верный путь, на котором страна способна преодолеть внутренние противоречия и трудности, а также давление внешних сил. Курс властей ИРИ направлен на усиление роли ислама путём расширения сети религиозных учебных заведений и научных центров, поощрения благотворительной и просветительской деятельности крупнейших духовных центров. При этом магистральный путь развития страны поныне остаётся тем же самым, какой определился в начале минувшего столетия, – модернизация. В стране растёт число высших учебных заведений, развиваются фундаментальная и прикладная наука, промышленность. Среди образованной иранской молодёжи наблюдается тяга к расширению светского пространства своего культурного кругозора.

Система принятия решений в Японии: традиционные аспекты

Романова И.А.

*ИСАА МГУ имени Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии
стран Азии и Африки
ira.lambi@yandex.ru, iaromanova@iaas.msu.ru*

Процесс и механизмы принятия решений органами государственной власти в Японии пронизывают специфические черты, обусловленные традиционными нормами и

стандартами, которые формируют способы принятия политических решений. Если говорить в целом о системе принятия решений в Японии, в ее основе лежат традиционные нормы так называемого коллективного, или группового сознания (*сюдан исики*).

Коллективное или групповое сознание в Японии происходит из идеи о том, что все в мире взаимообусловлено и взаимосвязано, поэтому успех самого человека зависит от успеха группы, членом которой он является. В то же время японцы воспринимают мир как постоянно меняющуюся череду событий, что в политике, например, проявляется в отсутствии четкой политической линии. Ярким примером этого является, в частности, деятельность правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). Программные установки ЛДП размыты, она не ориентирована на какой-то определенный электорат, пытается привлечь к своей деятельности самые различные слои населения.

Характерными чертами группового сознания являются коллегиальный характер принятия решений, конформизм, стремление достигать консенсуса в группе и избегать личной ответственности за принятие решений. Иными словами, ответственность за подготовку решений несет весь коллектив. В целях поддержания гармонии (*ва*) – важная особенность японской традиционной культуры – члены одного подразделения, например, министерства или ведомства, предпочитают высказывать не субъективную оценку, а ту, что была согласована в ходе консультаций всем коллективом. Алгоритм принятия решений обеспечивается системой *ринги*. Дословно этот термин можно перевести как утверждение проекта через круговой письменный опрос всех ответственных лиц. *Ринги* – это механизм, при котором проект решения последовательно проходит через различные министерства и иные структурные подразделения. С помощью *ринги* обеспечивается коллегиальность принимаемого решения.

Наряду с *ринги*, в японской системе принятия решений существует еще один механизм, обеспечивающий консолидацию мнений – *нэмаваси*. *Нэмаваси* переводится с японского языка как «окучивание корней» и означает обязательность неформального согласования мнений всех причастных лиц и организаций в целях принятия компромиссного решения, приемлемого для большинства и во избежание противоречивости проекта решения. Целью *нэмаваси* является не только достижение консенсуса, но и внушение всем ощущения сопричастности к процессу принятия решения и поддержания духа корпоративной солидарности.

Для японского способа принятия решений также характерно так называемое закулисное маневрирование. Политические решения в Японии, как правило, принимаются лидерами парламентских фракций в ходе консультаций с представителями политической элиты и деловых кругов не на официальных мероприятиях, а «за кулисами», где-нибудь в ресторанах или местах отдыха, а затем уже формально подтверждаются голосованием в парламенте или правительством. Закулисное маневрирование в Японии так же освящено традициями постоянного поиска консенсуса, стремлением избежать явных противоречий и конфликтов. Таким образом, традиционные аспекты, обусловленные исторически сформировавшимися в Японии чертами национального менталитета, играют значимую роль в процессе формирования и принятия в том числе и политических решений в современной Японии.

Литература:

1. Democracy in Japan / ed. by T. Ishida, E. Krauss. – Pittsburgh: 1990.
2. Doi Takeo. The Anatomy of Dependence. – London: Kodansha Europe, 1978. Pp. 170.
3. Chie Nakane. Japanese Society. – London, 2016. Pp. 176.

Модернизационное наследие японской колониальной администрации в Корее

Овчинникова Л.В.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии
lovchin@yandex.ru*

Тема колониального управления в Корее (1910-1945 гг.) сохраняет свою актуальность; она исследуется как зарубежными, так и отечественными востоковедами. Вместе с тем историография японского колониального управления в Корее постепенно трансформируется. Обвинительный подход, характерный для работ, которые фокусировались на эксплуатации Кореи метрополией, превалировал с начала 1950-х до середины 1990-х гг. Их авторы справедливо писали, что именно соображения военно-стратегического характера побудили японские власти и японские монополии расширить промышленное строительство в колонии, развивать добычу военно-стратегического сырья, строить железные дороги. Деятельность японской колониальной администрации часто оценивалась как «полностью деструктивная»; её вклад в модернизацию Кореи долгие годы не исследовался. Вместе с тем вступление Кореи в современный мир произошло в основном в колониальную эпоху. С середины 1980-х гг. историки начали писать о модернизации Кореи в период японского управления, изучая положительные изменения в социально-экономической сфере. Автор предпринимает попытку рассмотреть деятельность японского генерал-губернаторства по модернизации Кореи, включающую разные сферы общественной и экономической жизни – строительство железных дорог и эксплуатацию в городах электрических трамваев, архитектурное строительство, новые формы городского строительства и досуга, обучение широких слоев населения и др.

Цифры показывают, что Япония в Корее имела одни из лучших показателей системы обучения по сравнению с другими колониями. В колониальные годы 1/3 корейских детей посещала школы; грамотность в Корее в 1945 г. составила чуть менее 50%. В 1939 г. в колледжах и образовательных семинариях было зарегистрировано 6 313 слушателя. В 1925 г. в Сеульском университете обучалось 200 корейских студентов. Тысячи корейцев прошли обучение в Японии. В 1942 г. 6 771 корейский студент учился в колледжах и университетах Японии, а 14 тыс. корейцев проходили обучение в японских средних школах. Генерал-губернаторство развивало общественное здравоохранение. В 1938 г. в Корее было 149 современных госпиталей, где лечились как японские (334 438 чел.), так и корейские пациенты (389 739 чел.). Проводилась вакцинация населения, в результате которой средняя продолжительность жизни корейцев выросла с 26 до 42 лет. Колониальные власти также вкладывали большие средства в индустриальное развитие Кореи. С 1929 г. по 1938 г. количество современных предприятий выросло с 484 до 1 203, а количество занятых на них рабочих и служащих увеличилось в 1922-1938 гг. с 46 тыс. до 231 тыс. чел. Большинство предприятий открывались в химической, пищевой, текстильной и металлообрабатывающих отраслях. Если рассмотреть сферу производства шире, включив горную промышленность,

сельскохозяйственный сектор и строительство, то получится, что около 2,1 млн. корейцев в 1938 г. работали на современных предприятиях. Самые большие нововведения касались транспорта. К 1940 г. в Корее было построено 5 671 км железных дорог (в самой Японии – 24 955 км.), железнодорожный пассажиропоток составил 47,3 млн. чел. Модернизация Кореи включает и жизнь горожан. Сеул из города с грязными, неасфальтированными улицами и одноэтажными зданиями с соломенными крышами превратился в город, где ходят электрические трамваи, строятся современные здания и дома, жители которых участвуют в современных видах досуга и развлечений. Горожане стали ходить на бейсбольные игры, выставки и показы. Получили развитие почтовая система, газеты, банки, корпорации и торговые ассоциации, современная система государственной службы. Изменился и состав корейского общества: ранее население состояло преимущественно из крестьян; теперь большую его часть стали составлять рабочие промышленных предприятий и служащие. Появился и средний класс. С ростом популярности универмагов в 1930 гг. росло потребление; корейцы стали покупать современные товары; делали покупки в универмагах, а не на рынках.

Думается, что следует рассматривать японское колониальное управление во всем комплексе его проявления и развития. Нельзя ни абсолютизировать, ни преуменьшать эксплуатацию колонии, также как и факты ее модернизации. Колониальные власти рассматривали Корею как плацдарм для экспансии в Восточной Азии, использовали ее как колониальный рынок. Нельзя забывать о больших потерях и жертвах, которые корейский народ понес в колониальную эпоху, проявившихся в том числе и в введении системы военной и трудовой мобилизации молодых корейцев, узаконенной проституции; нельзя не сказать и о жертвах антияпонского сопротивления. В то же время именно в период японского управления в Корее началось строительство современной инфраструктуры, были созданы предпосылки для развития государственности, здравоохранения, образования. Превалирующей частью японской колониальной политики была эксплуатационная составляющая, но с ней соседствовали элементы модернизации экономической и общественной жизни.

Эстетика сервировки и сезонная символика в японском застольном этикете

Никитина Л.В.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник кафедры японской филологии
ledenets@yandex.ru

Сервировка японского стола – это особая область японской культуры, имеющая свои строгие законы и эстетические принципы. Думается, что основными требованиями сервировки можно назвать удобство, верность традиции, благопожелательность и визуальное наслаждение.

Говоря об удобстве, надо помнить, что на протяжении столетий японцы сидели на полу, принимая еду. В связи с этим необходимы были такие размеры и конфигурации столовых предметов, чтобы они идеально подходили к форме ладони, так как если не

держат тарелку или чашку в руке, палочкам придется проделать от тарелки до рта длинный путь и вероятность уронить еду весьма велика [4, с.95].

Количество и разнообразие японской столовой утвари достаточно велико. И, может быть, даже не за счет большого числа «разрядов» этой посуды (тарелки, чашки, палочки и т.д.), а за счет многообразия форм, размеров, цветов и используемого материала в рамках каждого из «разрядов». Именно поэтому у иностранцев нередко возникает впечатление разностильности, случайного набора чашек и тарелок на японском столе. Людям, привыкшим к понятию европейского столового сервиза, японская сервировка представляется несколько хаотичной. Однако это совсем не так, и, как сказал г-н Мурата Ёсихиро, владелец первоклассного ресторана традиционной японской кухни «Кикунои» в Киото, «может показаться, что разнообразие размеров посуды чересчур велико, но каждый предмет изготовлен для своей цели, а это и определяет размер» [1, с.10].

Тема достаточно полно раскрыта на рубеже веков, когда традиционные вкусы и устои японского общества подвергались влиянию массовой культуры, но это не влияет на актуальность данного интереснейшего раздела в культуре японского питания и поныне.

Литература:

1. Отани Хироми. Столовая утварь и сервировка стола // Ниппония, 2006, № 36.
2. Оцука Тикара. Хондзэнрёри (Трапеза в торжественных случаях) // Нихон фудзоку си дзитэн (Словарь по истории японских обычаев и нравов). – Токио, 1979.
3. Синода Осаму. О-сэти рёри (Праздничная пища) // Нихон фудзоку си дзитэн (Словарь по истории японских обычаев и нравов). – Токио, 1979.
4. Сугияма Акихиро. Нихон бунка-но ката то катати (Форма и образ в японской культуре). – Токио, 1982.

Изменения в предпочтениях китайских потребителей

Кузнецова В.В.

*ФГУ, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью
vkuz_55@mail.ru*

В силу неравномерности социально-экономического развития и дифференциации оплаты труда по возрасту, полу, сферы занятости, уровню образования, географии проживания потребительские предпочтения китайских граждан существенно различаются, также различны модели потребительского поведения.

1. Основные потребители в КНР проживают в 30 крупнейших городах страны: на их долю приходится 25% численности населения страны, но 45% совокупного потребления домашних хозяйств [1]. Среднедушевые расходы жителей 30 городов на 80% больше, чем

в среднем по стране. Под влиянием интеграции социальных сетей в повседневную жизнь потребительское поведение многих китайцев стало трансформироваться быстрее, чем 10 лет назад, формируя потребительские предпочтения ряда городских домашних хозяйств и определяя выбор ими покупаемых товаров.

2. Одной из наиболее важных для поставщиков группой потребителей стала когорта граждан в возрасте 20-30 лет, или рожденные после 1990 г. В целом, для них характерны: более высокий уровень образования по сравнению с родителями; меньшая склонность к сбережениям; готовность совершать покупки в кредит и стремление к развлечениям. Молодое поколение, проживающее в крупных приморских городах, больше ценит значимость и качество приобретаемых благ. Они меньше внимания обращают на цены.

3. Практически полный охват сетями интернета 5G крупных городов и мобильными устройствами стимулировали формирование среди поколения Z новых специфичных групп потребителей:

- обитателей «мета-вселенной» (формирование и развитие интернет-пространства);
- «цифровых аборигенов». В КНР 29% поколения Z проводят в интернете более 6 часов в день (основные потребители игр и видео контента);
- любителей животных (резкий рост после 2021 г., сейчас их насчитывается более 68 млн чел.; 85% из них считает домашних животных членами семьи) [2].

4. Если еще в 2000-х гг. основным фактором принятия потребителем решения о покупке были цены, то сейчас поколение Z ориентируется на иные факторы:

- при выборе продуктов питания на качество и вкус; потребление здоровой пищи. По данным маркетинговых исследований, 73% респондентов ответили, что готовы платить более высокие цены за «зеленые» продукты (в среднем в мире – 19%);
- при выборе одежды и электроники на бренд и товары «лакшери». После пандемии объем рынка таких товаров удвоился, чему способствовало смягчение регуляторных ограничений и расширение сети магазинов беспопылинной торговли.

5. Изменение отношения к известности бренда. Потребители поколения Z больше внимания стали уделять личным предпочтениями и индивидуальной оценке ценности благ. При выборе напитков они отдают предпочтение национальным брендам, но при покупке детских товаров и косметики больше доверяют иностранным брендам. Основным трендом в выборе одежды стало предпочтение китайских брендов. Известные международные компании стали переформировать свои продуктовые линейки с учетом предпочтений китайских покупателей. Так, Gucci запустила продуктовую линейку «Gucci Tap», учитывающую вкусовые предпочтения китайского поколения Z [1]. В то же время маркетинговые обследования показывают, что в целом китайские потребители не всегда понимают, какой бренд является иностранным, а какой – национальным, не проводят разграничения между страной происхождения и страной производства товара.

6. Китайские компании бигтеха (Big Tech) создают инновационные цифровые экосистемы в сферах электронной торговли, цифровых платежей, доставки, мобильных услуг. По оценкам, к 2030 г. их предложения станут основными и на других рынках.

Государственная политика и бизнес-стратегии компаний бигтеха меняют потребительские предпочтения китайских домашних хозяйств. В то же время они ориентированы на ограниченную группу населения – жителей крупнейших городов страны,

реальный годовой доход которых составляет от 230 тыс. юаней (жэньминьби) и выше¹. В 2023 г. среднедушевой располагаемый доход в Китае составлял только 39218 юаней [3].

Литература:

1. Zipser D., Seong Jeongmin, Woetzel L. Five consumer trends shaping the next decade of growth in China. – McKinsey, 2021, 11 Nov. URL.: <https://www.mckinsey.com/cn/our-insights/five-consumer-trends-shaping-the-next-decade-of-growth-in-china>.
2. China's major consumption trends in 2023. – China daily, 2024, 2 Jan.
3. Average annual per capita disposable income of households in China from 1990 to 2023 URL.:<https://www.statista.com/statistics/278698/annual-per-capita-income-of-households-in-china/> - дата обращения 20.02.2024.

Перемена блюд. Как меняется питание китайцев

Кириллов А.В.

*Руководитель представительства ТАСС в КНР (Пекин)
pekinec@hotmail.com*

С бытовой точки зрения в китайской трапезе можно видеть набор экзотических рецептов. Но для ученого она представляет зеркало истории и многообразия Поднебесной. Автор трактата «Яньши цзясюнь» (颜氏家训), составленного в период Южных и Северных династий (420-589), писал: «Еда для народа – Небо». Прошло полтора тысячелетия, но в этом отношении мало что изменилось. Однако если более предметно говорить о развитии рациона китайцев, пищевых традициях в разных слоях населения и в разные времена, то изменения и целые революции, конечно, происходили. Можно упомянуть ряд исторических сюжетов и тайн китайского застолья. Навскидку назовем путь лапши и происхождение пельменей. Даже в наши дни вокруг этих вопросов ломают копья ученые и политики.

Если мы обратимся к истокам китайской цивилизации, то увидим, что складывание китайского этноса, его культуры происходило, образно говоря, вокруг стола. Об этом свидетельствуют керамические, бронзовые, лаковые сосуды, которыми мы восхищаемся в музеях Китая и мира. Для древних они в большинстве случаев служили предметами столовой сервировки, получившими ритуальное значение. Формирование местных кулинарных комплексов в огромной степени зависело от природных условий, экономического развития, внешних связей (либо, наоборот, изолированности) и других региональных особенностей. Так сложились базовые пищевые предпочтения, основные кулинарные школы. Сами китайцы считают, что на Юге еда «сладкая», на Севере – «соленая», на Востоке – «острая», а на Западе – «кислая». Внешние влияния играли свою роль, при внимательном анализе – весьма заметную. Ряд блюд попали в Китай благодаря Великому Шелковому пути. В этом плане некоторые блюда можно сопоставить с танцем

¹ Курс китайского юаня к рублю на конец 2023 г. – 1:12,58 руб.– Прим. автора

львов. Проникновение в Китай западных культур особенно заметно сказалось на восточно-китайских кулинарных комплексах, русская кухня оказала воздействие на уникальную кухню Харбина с ее «леба» и «гэвасы». Другой пример – шанхайская кухня.

На протяжении веков в Поднебесную попадали разные овощные культуры, которые также сказывались на региональных особенностях (наньгуа, сигуа и др.). Формирование китайского стола шло не только по географической горизонтали, но и по социальной вертикали. Так складывался «гунтин» (императорский стол) и праздничный стол китайцев с его региональной спецификой (клецки юаньсяо на Севере и таньюань на Востоке). Мы наблюдаем своеобразную диффузию стола высших слоев и низших («гнездышки»). Истории многих блюд вошли в кулинарный фольклор. Свою роль сыграли и разные конфессии (буддизм, ислам, христианство). Под их воздействием сложились целые школы (цинцзяцай, вегетарианская буддийская кухня). Перемены на китайском столе происходили также под влиянием революционных событий 30-40-х гг. XX в. Образование КНР в 1949 г. привело к обрушению всего «верхнего этажа» национального кулинарного комплекса, хотя какие-то его обломки уцелели в виде «дипломатической» кухни. Культурная революция (1966-1976) нанесла новый удар по традиционной китайской кухне, способствуя ее дальнейшему опрощению и общей деградации. С началом реформ 1980-х гг. в кулинарии наблюдался своего рода ренессанс: появившаяся прослойка предпринимателей и чиновничье-бюрократические группы, которые соперничая друг с другом, возрождали национальный кулинарный модус.

Однако здесь китайскую кухню подстерегал новый (или подзабытый) враг – нашествие западных ресторанных брендов, западное влияние в целом. Политика открытости сопровождалась интересом китайцев к молочным продуктам. В 1980-х гг. в городах начали широко употреблять «суаньнай» – китаизированный йогурт. Молодое поколение китайцев устремилось в заведения зарубежной кухни. Модным стало сидеть с компьютером и чашкой кофе в сетевых кафе Starbucks, лирические сцены в китайском кино непременно происходят за столом с бокалами красного вина и т.д. Новые испытания традиционная кухня и в особенности ее региональные комплексы претерпели в периоды атипичной пневмонии (2002-2003) и недавней пандемии. В результате оказались законодательно запрещены к употреблению в пищу практически все дикие животные, например, бамбуковые крысы, блюда с которыми считаются деликатесами в Юго-Западном Китае. Перед Олимпийскими играми 2008 г. под влиянием «зеленой» повестки запретили к употреблению змей, после чего исчезли экзотические наборы «змея из пяти блюд». Архаичным выглядит теперь описание знаменитой «Битвы тигра с драконом», в которой использовались змея и виверра.

Карантины и новые торговые практики привели к распространению быстрой доставки еды, потреблению еды быстрого приготовления, что отразилось на образе питания. Свою лепту в корректировку пищевых традиций внесла политика КПК, направленная на сбережение пищи. Китайцам предписано есть умеренно (правило чистой тарелки). «Восемь правил» кодекса китайских коммунистов запрещают чиновникам предаваться кулинарным излишествам. Борьба с коррупцией таким образом влияет на перспективы расцвета высокой кухни. Курс китайского руководства на Великое национальное возрождение способствует ограничению западных кулинарных влияний, но в целом будущее традиционной китайской трапезы выглядит достаточно неопределенным.

Эстетическая концепция «вэньжэньхуа» в китайской живописи

Мяо Чунь

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ст. пр., кафедра китайской филологии
miaoc@my.msu.ru; miaochun16@gmail.com

Понятие «вэньжэнь» (文人) означает «культурный человек», «учёный», «литератор», «интеллектуал». «Вэньжэньхуа» (文人画) – это живопись интеллектуалов, элитарное направление в традиционной китайской живописи. Благодаря блестящему конфуцианскому образованию, они занимались поэзией, каллиграфией и живописью не ради заработка, но лишь по «собственному устремлению». Творческим кредо интеллектуалов было «се-и» (写意, буквально «писать идею»), т. е. их живопись «была призвана выразить философский смысл явлений» [1, с. 101].

Живопись «вэньжэньхуа» в эпоху Тан (618-907) сформировалась как отдельное от академической живописи направление, в эпоху Сун (960-1279) достигла зрелости, а в эпоху Юань (1271-1368) стала преобладающим направлением китайской живописи. Наиболее яркое выражение в живописи «вэньжэньхуа» получил жанр «горы и воды» (山水), который в эпоху Тан приобрел самостоятельное значение. Прославленный живописец и поэт Ван Вэй 王维 (699–759) перешёл от полихромной к монохромной технике и стал первым художником в истории китайской живописи, который включил в свои картины снежные сцены, положив начало созданию пустынного и холодного пейзажа. Последующие поколения считали Ван Вэя основоположником литературной лирической пейзажной живописи. Картина «Заснеженный ручей» — типичный образец живописи Ван Вэя. Здесь впервые встречается выдвинутая им идея «внедрить поэзию в живопись». В картине он удачно использует тушь, чтобы передать свет и тьму, расстояние и глубину пейзажа.

В китайской живописи «горы и воды» династии Сун особую роль играли три направления китайской философии: конфуцианство, даосизм и чань-буддизм. Одним из самых ярких представителей эпохи Сун является Су Дунпо (настоящее имя Су Ши, 1037-1101). Он был противником академической живописи того времени. По его мнению, внешняя форма – безжизненная оболочка, подлинными же являются духовные ощущения, которые способны раскрыть внутренний мир человека. Су Ши полагал, что люди благородного происхождения и высоких духовных качеств могут достичь в живописи подлинного выражения существа мира (重意趣), в то время как академические и профессиональные живописцы остаются лишь ремесленниками, уделяющими внимание техническим приемам (重技法). В его работе «Засохшее дерево и причудливый камень» камень, земля и дерево нарисованы тушью, разведённой в малом количестве воды. Каллиграфия и печати, занимающие большую часть пространства, дополняют картину, в которой не всё выражено кистью.

В эпоху Юань патриотические переживания живописцев проявлялись в сложной символике изображения природы, что было единственным возможным способом утверждения своего национального достоинства. Юаньская живопись, пожалуй, одна из наиболее совершенных страниц в истории китайского искусства. Живопись и каллиграфия

этой поры явили необычайную тонкость монохромной техники, ясность и гармоничность восприятия мира, воплощенную в пейзажах Чжао Мэнфу (1254-1322) и Ни Цзяня (1301-1374) [2, с. 208]. Главным в живописи Чжао Мэнфу считал воплощение идеи древности – простой безыскусности, а в некоторых случаях даже примитива. В его работе «Изящные скалы и редкие деревья» в левой части расположены стихи, в которых подчеркивается, что техника живописи подобна каллиграфии (戏墨: игра с тушью). Живопись выдающегося художника эпохи Юань Ни Цзяня (倪瓚) значительно ближе к природе и свободнее в выражении. Так, его работа «Горный пейзаж с беседкой под соснами» представляет собой традиционный пейзаж, выполненный в узнаваемом стиле, со свойственными ему отличительными чертами: композиция «одна река, два берега» (一河两岸), безлюдная беседка на переднем плане. Композиция использует «пустоту», чтобы выразить общий смысл картины и передать дух чань-буддизма. Известное чань-буддийское изречение гласит: «В одном цветке весь мир, в одном листке – просветление-бодхи» (一花一世界, 一叶一菩提). Именно так можно охарактеризовать живопись «вэньжэньхуа» [3].

Литература:

1. Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. – М.: Искусство, 1975. 101 с.
2. Малявин В.В. Китайское искусство (новые переводы). – М.: Издательство Астрель, 2004. 238 с.
3. Чжу Лианчжи. Дух китайского искусства. – Аньхой, Издательство Просвещения, 2006. 205 с. (中国艺术的生命精神. 安徽教育出版社. 安徽, 2006年, 205页).

Традиционная культура в современном обществе Китая: поучительная функция и потребительские ресурсы (на примере песни «Ракшасский морской базар»)

Юй Цзе

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры китайской

филологии

YuJI@my.msu.ru kaqusha686@yahoo.com

С раннего этапа Западного Чжоу (1066–771 гг. до н. э.) в китайской культуре складывалась традиция, суть которой в том, что посредством поэзии представители служилых сословий порицали правителей, а простой народ бичевал социальные пороки. Зарождалась литература, которой была присвоена нравственно поучительная функция. Данная традиция ярко себя предьявляла в первом в истории Китая сборнике стихов "Книга песен" (*Шицзин*) (XI-VI вв. до н. э.) и впоследствии, получив философско-политическую систематизацию усилиями Конфуция (551– 479 гг. до н. э.) и его последователей, стала

фундаментом конфуцианской поэтики, направленной на этическое воспитание совершенного человека (*цзюньцзы*) и построение идеального конфуцианского гуманного общества и государства (*жэньчжэн*). В «Большом предисловии» (*Дасюй*, II в. до н. э. – I в. н. э.) к «Книге песен» объясняется, что такое «Нравы царств»: «напевами (*фэн*) преобразуют (*хуа*) низших; низшие напевами (*фэн*) укалывают (*цы*) высших [3:112].

Со временем эта традиция дала литературной жизни последующих эпох Китая толчок в направлении общественно-политической критики. Она выработала умение в аллегорическом жанре художественных произведений избегать литературной инквизиции, порожденной авторитаризмом в императорском Китае. Эта общественно-политическая критическая и поучительная аллегория ярким образом проявилась в творчестве Пу Сунлина и нашла отражение в сборнике его фантастических новелл «Странные истории из кабинета неудачника» («*Ляо Чжай Чжи И*») ¹. Сборник снискал славу шедевра китайской фантастики: удивительные истории о лисах, чародеях, бесах, призраках, странных животных, проклятых зеркалах, также о сверхъестественных божественных и потусторонних силах. Помимо изящного литературного языка, захватывающих сюжетов, художественных приемов, свойственных фантастическому жанру, новеллы Пу Сунлина имеют явные социальные ноты обличения правящего класса, взяточников-чиновников, несправедливые экзамены, нравы и устои Цинского Китая.

«Странные истории» и по сей день и пользуются огромной популярностью в Китае. Благодаря своим жанровым особенностям и необыкновенного очарования фабулы, «странные истории» Пу Сунлина оказались в вихре современной индустрии культуры: лишь за 2020-2022 гг. в Китае вышли 11 онлайн-фильмов по мотивам новелл Ляо Чжяя. Альбом песен «Фольклорные песни Ляо Цзай» (*山歌寥哉*), выпущенный певцом Дао Ланом, стал знаковым событием в культурной жизни Китая в 2023 г. благодаря песне «Ракшасский морской базар» (*Лоча хайши, 罗刹海市*) по мотивам одноименной повести из «Странных историй». В ней рассказывается о судьбе китайского юноши Ма Цзи, случайно попавшегося в страну диких ракушек. Это – мир перевернутых ценностей, где уроды считаются красавцами, а герой, прозванный Красавцем» на родине, вызывает повальный ужас. Текст песни, сохранив характерную для Ляо Чжяя острую сатиру испорченных нравов и невежества общества, состоит при этом из современных разговорных выражений и игры слов. Песня стала в Китае хитом, её глобальные онлайн-просмотры в 2023 г. достигли 8 млрд. Ошеломляющим успехом, помимо упомянутого социального обличения в аллегорической форме и фольклорного нарратива, песня также обязана современным интернет-технологиям, ставшими продуктом и катализатором роста китайского потребительского общества. В этом смысле традиционная культура становится потребительским ресурсом, поскольку в потребительском обществе можно потребить все что угодно, не пощадив и классическую культуру. Но, как любые продукты «фастфута», такого рода культурная продукция быстро исчезает из памяти потребителей. Не прошел и год после выпуска альбома, а его хитовую песню уже редко можно услышать в Китае.

Случай со «Странными историями» не является одиночным. Можно привести множество примеров сетевой литературы, кинематографических, телевизионных,

¹ Пу Сун-лин (литературное прозвание, или псевдоним Ляо Чжай, 1640—1715). Его рассказы распространялись сначала в рукописи и печатались только в 1766 г. В России они впервые изданы с 1878 г. Первое для русскоязычных читателей полное собрание Ляо Чжяя началось выпускаться в 2022 г. издательством СПбУ в 7 томах под названием «Странные истории из кабинета неудачника» в переводе В. М. Алексеева и проф. А.Г. Сторожука [2].

музыкальных работ, созданных по мотивам произведений классической литературы и адресованных современным читательским и зрительским аудиториям. Таким образом, традиционная культура становится, с одной стороны, инструментом выражения общественного критического настроения, а с другой, потребительским ресурсом, активно используемым для производства продуктов массовой культуры, удовлетворяющих вкусы потребителей и нивелирующих социально-политическую напряженность в обществе.

Литература:

1. Алексеев В. М. Труды по китайской культуре. В 2 кн. Кн. 1. – М. 2002. 574 с.
2. Пу Сун-лин. Рассказы о необычном. Пер. с кит. В. Алексеева. – СПб., 2023. 400 с.
3. Семененко И. И. Первая поэтика Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 112.

Триста лет забвения: об истории публикации трактата Цзи Чэна "Устройство садов" (*Юанье* 園冶, XVII в.)

Бобрикова Е.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель кафедры китайской филологии
Bobrikovaea@my.msu.ru*

Трактат Цзи Чэна (計成, 1582 – после 1637) “Устройство садов” или *Юанье* 園冶 – первое и единственное в китайской традиции сочинение, целиком посвященное садово-парковому искусству. Уникальная проблематика и исключительное место среди других памятников классической литературы Китая должны были немедленно привлечь к нему всеобщее внимание. Однако вместо этого написанный в последние годы династии Мин (1368-1644) и опубликованный при содействии сановника и драматурга Жуань Дачэна (阮大鍼, 1587–1646) трактат “Устройство садов” был забыт на протяжении почти трех столетий, пока в 1931 г. известный коллекционер и библиофил Тао Ланьцюань не выпустил в свет офсетные копии рукописей трактата.

В ходе многолетних исследований высказывались различные точки зрения о причинах бесславной судьбы *Юанье*: от сложной исторической обстановки в момент его выхода до обстоятельств его публикации. Кроме того, в последнее время нередко оспаривают саму идею “трехсот лет забвения”, утверждая, что при династии Цин (1644-1911) трактат был хорошо известен как в Китае, так и в Японии. Очевидно, пришло время пересмотреть историю публикации и переизданий *Юанье*.

Согласно авторскому предисловию к “Устроению садов”, работа над текстом трактата завершилась в 1631 г. Примерно в это время Цзи Чэн познакомился с Жуань Дачэном – большим энтузиастом садово-паркового искусства. В дальнейшем их связывали тесные отношения: Цзи Чэн устроил для отца Жуань Дачэна сад *Чу юань* (букв. “Сад доброго начала”) на озере Мочоуху в Нанкине, а Жуань Дачэн неоднократно посвящал Цзи Чэну стихотворения, в которых восхищался его архитектурным талантом и выказывал свое

расположение [1]. В 1634 г. Жуань Дачэн написал предисловие к трактату *Юанье* и вскоре после этого издал его в домашней типографии в своем “родовом гнезде” в Аньцине (сов. пров. Аньхой). По мнению ряда исследователей, связь с Жуань Дачэном и определила злополучную судьбу трактата.

Действительно, печать и предисловие Жуань Дачэна могли настроить читающую публику на воинственный лад. Талантливый литератор и харизматичный интеллектуал, Жуань Дачэн наибольшую известность приобрел своим легендарным вероломством. При дворе императора Си-цзуна (1620–1627) он принимал активное участие в борьбе политических группировок, выступая на стороне самого порицаемого в истории Китая евнуха Вэй Чжунсяня (1568–1627). В первый год правления императора под девизом Чунчжэнь (1627–1644) Жуань Дачэн был отстранен от службы и вернулся на родину, но продолжил политическую борьбу, теперь уже – с членами общества “Возрождение” (复社 *Фушэ*), обвинившими его в коррупции и измене. Когда же в результате дворцовых интриг Жуань Дачэн получил высокий пост при дворе южносунского императора Чжу Юсуна (1644–1645), он отомстил “Возрождению”, устроив жестокую расправу над членами группы. Видя успехи маньчжурских завоевателей, Жуань Дачэн перешел на их сторону и служил новой империи Цин (1644–1911), пока в 1646 г. не умер при загадочных обстоятельствах. В итоге имя Жуань Дачэна стало ассоциироваться с интригами, жестокостью и предательством, что не могло не повлиять на судьбу его литературного и издательского наследия. В свете сказанного становится понятно, почему научное сообщество так легко приняло на веру версию о том, что за 300 лет правления династии Цин *Юанье* упоминался лишь однажды и ни разу не переиздавался.

Однако новейшие исследования, основанные на анализе каталогов частных коллекций книг, печатей издателей и записей об импорте китайских книг в Японию, показали, что при династии Цин *Юанье* переиздавался, как минимум, дважды, а издания трактата, считавшиеся японскими, на самом деле были завезены в Японию из Китая [2]. Поскольку первая публикация *Юанье* пришлось на небывалый подъем издательского дела, когда во множестве появлялись издания информационно-просветительской направленности для широкой публики, не исключено, что трактат Цзи Чэна *Юанье* был идентифицирован как “популярная литература”. Потому он оставался без должного внимания, пока китайские исследователи XX в. не распознали его подлинную культурную и историческую ценность.

Литература:

[1] Alison Hardie. *The Many Faces of Ruan Dacheng: Poet, Playwright, Politician in Seventeenth-Century China*. – Hong Kong: 2022. P. 76-78.

[2] 韦雨涓. (2014). 造园奇书《园冶》的出版及版本源流考 (Исследование публикации и переизданий величайшего руководства в области устройства садов *Юанье*). – 中国出版 (#5, pp. 62–64). 山东大学儒学高等研究院. (Китай. 2014. #5, с. 62-64).

Система послевузовского образования КНР: академические, исследовательские, профессиональные треки

Машикина О.А.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры китайской филологии
mashkina@iaas.msu.ru; oliya-m@yandex.ru*

В культуре Китая с древности заложена традиция уважения учености. Уже с эпохи Хань (206 до н. э. – 220 н. э.) начала складываться система ранжирования людей по знанию конфуцианских канонов и ритуалов, а в эпохи Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1636–1912 гг.) присуждаемые по результатам императорских государственных экзаменов («кэцзюй») степени стали обязательным условием получения государственной должности. Система «кэцзюй» сформировала традицию самосовершенствования через постижение знаний, но она же послужила катализатором к формированию у китайцев с детства привычки конкурировать, что противоречит принципу взаимопомощи, присущему китайским традиционным ценностям.

После отхода от советской модели образования, в конце 1970-х гг. в КНР была введена система подготовки кадров высшей квалификации (КВК) (研究生教育体制), объединяющая две ступени – магистратуру и докторантуру – под единым названием «образование в аспирантуре». Таким образом, под последипломным образованием в системе образования Китая считается образование на ступенях и уровнях выше степени бакалавра или диплома о высшем профессиональном образовании. Как и в большинстве западных стран, понятие «Postgraduate education» объединяет любое обучение после бакалавриата (бакалавр, соответственно - undergraduate). При переводе с китайского языка слова 研究生 часто возникает терминологическая ошибка: смешение понятий магистр и аспирант, что нередко приводит к некорректному сопоставлению с уровнями и ступенями образования в РФ. Для избежания путаницы обозначим постбакалаврское образование в КНР общим названием последипломное или послевузовское образование.

В первый год приема на обучение по послевузовским программам в китайские вуз в 1978 г. поступило 10 708 чел., а в 2019 г. уже обучались 2,86 млн. чел, в том числе, 2,44 млн. магистрантов. В отличие от РФ, но как принято во многих других странах, магистратура и аспирантура в КНР делится на академическую, т.е. научную, и практико-ориентированную, т.е. профессиональную, что и отражено в названиях степеней (博士学位, 博士专业学位; 硕士学位, 硕士专业学位). Статистические данные о численности обучающихся на ступенях послевузовского образования в 2019 г., свидетельствуют, что доля тех, кто обучается на программах получения академических степеней составляет 47,7% от общего числа, а доля тех, кто учится на программах получения профессиональных степеней – 52,3%. При этом в аспирантуре прослеживается явная нацеленность аспирантов на получение ученой степени PhD, а не профессиональной ScD. В сегменте профессионального послевузовского образования в 2019 г. докторанты составляли лишь 1,52% а 98,48% были магистрантами [1, с.261].

Преобладание профессионального трека подготовки в магистратуре отражает государственную стратегию подготовки кадров высокой квалификации. Руководство страны нацелено для поддержания высоких темпов развития экономики знаний через создание интеграционной сети, связующей послевузовское образование с потребностями рынка и каналами трудоустройства. Министерство образования КНР недавно опубликовало

рекомендации "Мнения об углубленном содействии разработке классификации послевузовского образования по академическим\исследовательским степеням и профессиональным степеням". Планируется к 2027 г. полностью сформировать модель двух типов степеней: академических и профессиональных, добавив ряд категорий профессиональных степеней магистра и доктора и расширив прием студентов на получение профессиональных степеней, с тем, чтобы они составили 2\3 от общего числа магистрантов. Одновременно планируется значительно увеличить прием докторантов на получение профессиональной степени [2].

Перенос акцента в системе подготовки КВК с получения академических степеней на профессиональные отражает потребности страны, но не традиционные предпочтения китайского населения. Растет конкуренция за поступление в элитные университеты, которые ориентированы на академическую, научную подготовку. Дети из зажиточных семей также часто выбирают возможность обучаться за рубежом. "Дисбаланс" между запросами государства и населения может привести к усилению социального неравенства и подорвать принцип социальной справедливости, который артикулируется как одна из основ построения сильной державы с китайской спецификой.

Литература:

1. 中国高等教育发展报告(2020-2021). – 北京: 社会科学文献出版社, 2021 (Ежегодный доклад о развитии высшего образования Китая 2020-2021). – Пекин: Из-во «Социальные науки», 2021, 306 с.
2. [教研 \[2023\] 2 号《教育部关于深入推进学术学位与专业学位研究生教育分类发展的意见》 - 规范性文件 - 郑州威驰外资企业服务中心 \(waizi.org.cn\)](https://www.waizi.org.cn/doc/214277.html) – Исследования образования [2023] № 2. «Мнение Минобразования о дальнейшем содействии классификации и развитию образования магистрантов и аспирантов для получения академической и профессиональной степени».

Чань-буддийские гун-ани как инструментарий в педагогической практике корейского конфуцианца Чон Дасана

Ермаков К. В.

*Институт востоковедения РАН, лаборант-исследователь,
hanguksa_kirill@yahoo.com*

Существует целый пласт произведений корейского конфуцианского мыслителя Чон Дасана (1762–1836), которые не вошли в его собрание сочинений, изданное в колониальной Корее под названием «Ёюдан чонсо» («Полное собрание сочинений Ёюдана»). Речь идет о произведениях буддийской тематики. Большая их часть была написана в период ссылки в уезд Канджин на юго-западе полуострова с 1801 по 1818 гг. Эти интереснейшие

свидетельства эпохи явились результатом общения конфуцианского энциклопедиста с буддийскими монахами из окрестных монастырей. Считается, что Чон Дасан намеренно не стал включать эти работы в перечень своих сочинений. Причина подобной самоцензуры заключается в том, что автор, единожды будучи подвергнут репрессиям по подозрению в симпатиях к объявленному вне закона католичество, по-видимому, не хотел, чтобы теперь его обвинили в увлечении «ересью» буддийской. Работы буддийской тематики, не войдя в официальный свод его произведений, разбросаны по описаниям монастырей, собраниям сочинений буддийских монахов, воспоминаниям современников. В последние годы историки ведут поиск этих трудов, их систематизацию и введение в научный оборот [1].

Особый интерес представляет применение Чон Дасаном метода парадоксальных вопросов и ответов, побуждавших собеседника к самостоятельной работе мысли. Приведу лишь один пример использования данного инструментария. Среди учеников конфуцианского теоретика был буддийский монах Ыйсун (1786 – 1866), вошедший в историю под псевдонимом Чхой («Травяная одежда») и внесший впоследствии немалый вклад в возрождение в Корее чайной традиции. Дабы привить вкус к поэзии, учитель давал монаху почитать стихотворение, после чего в форме вопросов-ответов занимался с ним разбором содержания. Известно, что с особенным удовольствием Чхой читал стихи Ханьшаня (дословно «Холодная гора») – поэта-отшельника танского Китая. В одном из них говорится о миловидном создании посреди нитей из бусинок во дворце. Внешность у этого создания подобна даосскому бессмертному, а лицо – цветам персика и сливы. Дом на востоке, – повествуется далее в стихотворении, – окутан весенним туманом, а в доме на западе поднимается осенний ветер. Прошло еще тридцать лет – и в итоге сахарный тростник превратился в жмых. Далее между учителем и учеником разворачивается диалог следующего содержания, где в роли вопрошающего выступает Чхой:

— Что такое весенний туман и осенний ветер?

— На востоке под звуки дудочки и барабана красивое румяное лицо, на западе листья мари и сои обволакивают белые волосы.

— Что такое жмых сахарного тростника?

— Когда заканчивается сладкая патока, появляется горький сок.

— Какое создать средство, чтобы этого не произошло?

— Пороть мелких бесов и бранить румяного дьявола.

Стихотворение Ханьшаня и комментарии к нему Чон Дасана можно интерпретировать следующим образом. В роскошных хоромах живет девица. Она хороша собой и ни в чем не знает нужды. Кажется, что красота, богатство и знатность пребудут с ней навеки, но они проходят подобно мимолетному весеннему туману, сменяясь осенним ветром. У бесцельно прожитой жизни горькое послевкусие – на это иносказательно указывает Чон Дасан, говоря про сменяющийся сладкую патоку горький сок. Рецепт от этого – избавляться от пристрастия к посторонним предметам и быть хозяином своих помыслов [2].

Период правления династии Чосон (1392 – 1910) характеризуется постепенным упадком буддизма, утратой им политического и интеллектуального влияния. Буддийским монахам со временем запрещают появляться в столице, само буддийское учение оказывается отодвинуто на обочину духовной жизни. Таким образом, преподавание буддийским монахам, причем с использованием понятных им практик и ценностей,

характеризует Чон Дасана как человека широких взглядов, умеющего, перешагнув через сословные барьеры и идейные предрассудки, найти понятные для собеседника символы, смыслы и понятия, установив диалог там, где ему, казалось бы, изначально не было места.

Литература:

[1]. «Дасан тоже вел чань-буддийские диалоги»: подтверждено наличие 98 буддийских документов, не вошедших в собрание сочинений. [“다산도 선문답 나왔다”... 문집서 빠진 불교문서 98 편 확인]. // «Йонхап» [연합뉴스], 03.05.2017. — URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20170502163900005> (Дата обращения: 11.03.2024).

[2]. Чон Мин [정민]. Преподавание и методика обучения учеников Чон Дасана в Канджине. [다산의 강진 강학과 제자 교학방식]. // «Гасанхак» [다산학], июнь 2011, № 18.

Христианский Восток

Модели восточнохристианских Церквей в монографии П. Кроун и М. Кука «Агарянство» как образец манипулятивных практик в сфере научного и интеллектуального дискурса

Войтенко А.А.

*Центр египтологических исследований РАН, ведущий научный сотрудник,
voytenko@yandex.ru*

Принято полагать, что манипулятивные технологии при анализе, обработке или презентации информации применяются в основном в сфере медиа, пропаганды и рекламы. Однако их уже давно не без успеха используют и в научном дискурсе. И речь вовсе не об истории СССР, когда жесткая идеологическая парадигма «индуцировала» их применение. Скорее, мы имеем дело с определенным типом интеллектуальной практики, когда при установке на «концептуальность» исследователи заменяют трудоемкую и многовекторную работу по исследованию и интерпретации источников принципом «подгона под ответ». В этом случае эмпирические данные проходят селекцию не по принципу релевантности, а по принципу соответствия заранее заданной интеллектуальной конструкции. Ярким примером такого рода, на наш взгляд, являются представления о христианских общинах Ближнего Востока в книге П. Кроун и М. Кука «Агарянство» [1]. Этот пример, как нам кажется, позволяет выявить некоторые особенности применения манипулятивных технологий в научной монографии.

Информационными единицами для П. Кроун и М. Кука являются не данные источников, а историографический материал. Отсюда они черпают как факты, так и аргументы. Немногочисленные ссылки на источники носят явно вторичный и «индуцированный» историографией характер. Основной метод, примененный авторами при работе с массивом историографических данных, вполне стандартен для манипулятивных практик: оттуда берутся только те факты и аргументы, которые работают на авторскую концепцию, все остальное подвергается фигуре умолчания (лишь иногда делаются оговорки, не меняющие основного смысла высказывания [см. напр.: 1, р. 59, 63]). Так, при разговоре о характере египетской Церкви, П. Кроун и М. Кук характеризуют ее как шовинистическую [1, р. 54], полностью игнорируя выводы статьи А. Х. М. Джонса, которая им хорошо известна [1, р. 187, п. 24]. В своей статье Джонс писал о том, что

категории национализма (а, значит, и шовинизма, добавим мы) к истории миафизитского раскола не применимы, так как являются анахронизмом.

Конструирование моделей христианских общин Ближнего Востока на основании этого метода имеет у П. Кроун и М. Кука одну, ярко выраженную особенность. Они стремятся представить их максимально непохожими друг на друга, что фактически маркируется уже в самом начале разговора на эту тему («Сирия», «Египет» и «Ирак») [1, р. 47]. В соответствии с этим региональным принципом презентуются «крестьянская» Коптская Церковь [1, pp. 50-55], «аристократическая» Ассирийская Церковь Востока [1, pp. 55-60] и «пустая» идентичность сиро-яковитов [1, pp. 60-70]. Подобная инаковость достигается полным игнорированием общих параметров развития христианских общин Ближнего Востока и абсолютизацией некоторых региональных особенностей их развития, а иногда — и прямой фальсификацией. Так, египетская Церковь искусственно разрывается на два кластера (греческий и коптский), между которыми исключаются какие-либо промежуточные звенья, а последним известным «александрийским богословом» объявляется свт. Кирилл [1, р. 54], хотя хорошо известно, что линия «александрийского» богословствования не прерывалась вплоть до миафизитского патриарха Дамиана. «Аристократическая» модель Церкви Востока конструируется на не подтвержденных гипотезах об особенностях исторической памяти месопотамских арамеев, якобы легитимизирующих языческую Ассирию как часть своего «славного прошлого», некритической абсолютизацией данных сирийской агиографии мучеников и тенденциозным подбором данных из источников [1, р. 57-58; р. 190, п. 71, р. 192, п. 99]. «Пустота» сирийской идентичности достигается, главным образом, с помощью фокусирования на полиэтнической, поликультурной и полирелигиозной ситуации в Приморской Сирии в период Селевкидов при почти полном игнорировании той интеграционной роли, которую сыграла политика последних именно в этом регионе. Авторы, когда им это нужно, широко ссылаются на работы А. Выбуса [1, р. 190, п. 75; р. 193, nn. 107, 111; р. 194, nn. 113, 116, 117; р. 196, nn. 146, 147; р. 197, п. 163; р. 198, nn. 172, 174, 175; р. 199, nn. 177, 178; р. 199, п. 183; р. 200, п. 199; р. 201, п. 204], но при этом полностью замалчивают его историческую географию, объединяющую Приморскую Сирию и Верхнюю Месопотамию в один культурно-исторический ареал (Syrian Orient), поскольку принятие последней с неизбежностью потребовало бы интеграции арамеоязычных христиан Сирии и Месопотамии, искусственно разорванных авторами монографии на два принципиально разных «кейса».

Наконец, следует отметить одну интересную особенность интеллектуального дискурса авторов монографии. Вместо характерного для манипулятивных практик приема «складывать» заранее подобранные факты и аргументы в таком порядке, чтобы читатель (или слушатель) сам приходил к «нужным» умозаключениям, авторы демонстрируют иную стратегию. Наряду с подкреплением правоты своей позиции ссылками на историографию (реже - на источники), их нарратив пестрит броскими (характерными для публицистического стиля) и совершенно безапелляционными утверждениями, рассчитанными не на рационально-логическое, а, скорее, на суггестивное восприятие. Приведем несколько примеров: «если бы римское завоевание не состоялось, Птолемеи оказались бы под угрозой поглощения политическим египтизмом (Egyptian polity)» [1, p. 50], «интеллектуальным лейтмотивом Коптской Церкви была не александрийская философия, а крестьянская неотесанность (boorishness)» [1, p. 54], «в то время как Коптская Церковь отвергала греческую мысль как морально языческую, несторианская Церковь узаконила ее как пролептически христианскую» [1, p. 59], «культурный плюрализм, конечно, всегда является разрушительным явлением» [1, p. 62].

Как нам представляется, изучение разных типов манипулятивных практик является насущной задачей в современном контексте, когда характерной приметой времени становятся информационные войны, а объективные научные исследования в сфере гуманитарных дисциплин нередко подменяются интеллектуальным конструированием и «концептуальным» прогнозированием.

Литература:

[1] *Crone P., Cook M. Hagarianism. The Making of the Islamic World. Cambridge-London-N.Y.-Melbourn, 1977.*

Концепция "строгости исламской истории" (Austerity of Islamic History): "за" и "против."

Жантиев Д.Р.

ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и

Среднего Востока
zhantiev@iaas.msu.ru

Заявленная британскими исследователями П. Кроун и М. Куком концепция «строгости» (*austerity*) исламской истории представляет собой амбициозную теоретическую попытку осмысления исторического аспекта исламского мировоззрения в сравнительном сопоставлении с аналогичным (по мнению авторов) феноменом религиозной картины всемирного исторического процесса, сформировавшимся в Европе в ходе протестантской реформации (XVI в.). Общими характерными чертами как для исламского, так и для протестантского (кальвинистского) восприятия истории авторы считают чёткое противопоставление монотеизма и политеизма в сочетании с идеей полного подчинения человеческой истории божественной воле [*Crone P., Cook M., 1977. P. 139*]. Особого внимания заслуживает тезис, согласно которому, как в исламе, так и в кальвинизме непосредственные отношения верующего с Богом превосходят влияние политических структур, а выборочное изучение эллинистического философского наследия в то же время способствуют богословскому дискурсу.

Выдвинутая концепция вызывает некоторые критические замечания, связанные, прежде всего, с несколько упрощённым онтологическим подходом к исламу, представленному авторами в качестве монолитной традиции. Между тем, в разных регионах и социумах с преобладающим мусульманским населением традиции передачи исторических знаний во многом различались. Наряду с вниманием к идее божественной предопределённости истории в исламе, представляется продуктивным обратить внимание на присущий исламским историческим традициям особый акцент на принятие и передачу исламской веры в пространственном и временном измерениях [*Thum R., 2019. P. 17-18*]. Ответы на вопрос о том, когда и каким образом ислам был воспринят и распространён в данной местности и в данном сообществе, порождали самоописательные определения, нарративные, биографические и генеалогические традиции, которые в конечном итоге связывали историю данного сообщества мусульман с ранней исламской общиной [*Chandio, Abdul Rahim, 2023. P. 30*]. Указанная специфика, на наш взгляд, существенным образом отличает исламское видение истории от протестантского (кальвинистского) подхода эпохи реформации XVI в. Исследование исламских представлений об историческом процессе, на наш взгляд, предполагает анализ множества традиций формулирования нарратива о принятии ислама и передачи исторических знаний.

Литература:

1. *Crone P., Cook M.* Hagarism. The Making of the Islamic World. London, New York, Melbourne: Cambridge University Press. 1977. 258 p.
2. *Chandio, Abdul Rahim.* Concept of History in an Islamic understanding // International Journal of Academic Multidisciplinary Research. Vol. 7, Issue 8, 2023. P. 30-34.
3. *Thum R.* What is Islamic History? // History and Theory, Theme Issue 57, December 2019. P. 7-19.

Халиф Абд аль-Малик, Купол скалы и первые христианские полемисты с исламом

Заболотный Е.А.

*Исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры истории
средних веков
e.zabolotnyj20@gmail.com*

Одной из отправных точек полемики христиан с исламом на территории Арабского халифата стал приход к власти халифа Абд аль-Малика (685–705), правление которого характеризовалось усилением антихристианской пропаганды. Построенная при нем к 691 г. мечеть Купол скалы была украшена мозаичными надписями, содержащими парафразы и цитаты из Корана, весьма важные с вероучительной точки зрения. Так, сура СХII («Очищение веры») с ее формулой «Аллах — вечен, не рождал и не был рожден, и нет никого, равного Ему» (аяты 2–4) и сура XIX («Марйам»), посвященная Деве Марии и подчеркивавшая в аятах 34–37/33–36 неравенство Иисуса (Исы) Богу («Не подобает Аллаху брать Себе детей, хвала Ему! <...> Аллах — мой Господь и ваш Господь»), не могли не восприниматься христианами, жившими на землях, подчиненных Омейядам, как направленные против догматов о Святой Троице и о Воплощении Сына Божия [издание надписей: *Blair*. 1992. P. 86; о двух традициях, связывающих появление суры СХII с вопросами соответственно «многобожников» и иудеев, а также в целом комментарии к ней: *Фролов*. 2014. С. 360–386].

Это в свою очередь привело к созданию арамеоязычными христианскими авторами трудов, которые по праву могут быть названы самыми ранними антимусульманскими сочинениями. Первое в этом ряду — знаменитое «Откровение», приписываемое Мефодию, епископу Патарскому († ок. 311), и включающее изложение истории человечества в свете грядущего конца мира, которому будет предшествовать захват «измаильятянами» обширных византийских владений. В действительности эсхатологическая часть «Откровения Псевдо-Мефодия» является *vaticinium ex eventu*, а сочинение в целом

представляет собой начальную попытку историко-богословского осмысления кризиса, постигшего Византию в результате арабских завоеваний. По мнению издателя оригинального сирийского текста Геррита Яна Рейнинка [см. издание и немецкий перевод: *Reinink*. 1993; имеются также греческая, латинская и славянская версии, а также армянский перевод, полный текст которого, по всей видимости, утрачен], «Откровение» составлено именно после строительства Купола скалы. При этом в «Откровении» прямо не говорится об исламе, а «измаильтяне» характеризуются как язычники.

Открытая полемика с мусульманами характерна для произведений Авы Бар Бриха Севьянеха, родившегося в середине VII в. и уже в весьма преклонном возрасте ставшего католикосом-патриархом Церкви Востока под именем Авы II (741–751). К сожалению, от его многочисленных проповедей до нас дошли лишь фрагменты, сохранившиеся в составе сборника «Сад наслаждений» (сир. *gannaṭ bussāmē*), подготовленного между X и XIII столетиями и включавшего толкования на литургические чтения. В частности, сохранились отрывки комментариев Авы на евангельские тексты (Мф 1. 18–25 и Ин 20. 17), в которых он подверг резкой критике именно суры, написанные на стенах Купола скалы, что также дает основания рассматривать 691 г. в качестве *terminus post quem* для этих комментариев, а первый указанный отрывок — в качестве самого раннего известного нам обращения в христианской литературе к суре СХII [см.: *Reinink*. 1999].

Таким образом, реконструкция образа арабов и основных положений полемики с исламом, содержащихся в сочинениях сироязычных христианских авторов — современников халифа Абд аль-Малика, является главной целью доклада.

Литература:

1. *Заболотный Е.А.* Мар Аба II // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 43. С. 424–425.
2. *Фролов Д.В.* Комментарий к Корану: Тридцатый джуз'. М., 2014. Т. 3: Суры 98–114.
3. *Blair S.S.* What is the Date of the Dome of the Rock? // *Bayt al-Maqdis: 'Abd al-Malik's Jerusalem* / Ed. J. Raby, J. Johns. Oxford, 1992. P. 59–87.
4. *Reinink G.J.* An Early Syriac Reference to Qur'an 112? // *All Those Nations...: Cultural Encounters within and with the Near East: Studies presented to H. Drijvers* / Ed. H. Vanstiphout. Groningen, 1999. P. 123–129.
5. *Reinink G.J., Hrsg., überz.* Die Syrische Apokalypse des Pseudo-Methodius. Lovanii, 1993. 2 Bde. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium; 540–541. Scriptorum Syri; 220–221).

Больница св. Георгия в Бейруте в XX веке: эпоха второго рождения

Копоть Е.М.

Старший преподаватель кафедры истории России Института истории и политики

МПУ

em.kopot@mpgu.su

Впервые идея о необходимости оказания помощи Антиохийской православной церкви (далее – АПЦ) со стороны РПЦ МП в сфере здравоохранения (в виде 2–3 бесплатных амбулаторий,) была высказана 30 июля 1955 г. в докладной записке на имя патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) деятелем русской общины в Бейруте Е.Н. Барановским. По его мнению, чтобы завоевать симпатии и приверженность православных, необходимо, чтобы помощь исходила из русских рук и со строгим финансовым контролем. Докладная записка Е.Н. Барановского подготовила почву для благоприятного решения вопроса в будущем.

28 августа 1956 г. митр. Бейрутский Илья (Салиби) обратился к патр. Алексию I с просьбой оказать помощь православному госпиталю св. Георгия. В приложении к посланию перечислялось необходимое оборудование. В ответ на просьбы о поддержке в марте 1957 г. ОВЦС МП отправило специальную комиссию (еп. Иоанн (Разумов), прот. Б.Д. Давыдов, А.П. Горбачев) с целью изучения размера и форм необходимой помощи. В ходе встреч с делегацией митр. Илья (Салиби) запросил 200 тыс. лив. лир (250 тыс. руб.) на расширение и улучшение госпиталя, что было признано делегацией приоритетной целью в списке запросов. Московская патриархия поддержала мнение комиссии и обратилась в Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР с просьбой о выделении средств. На совещании в Совете 24 июля 1957 г. представитель МИД СССР Д.С. Солод (зам. заведующего отделом стран Бл. Востока), говоря о помощи АПЦ высказался за то, чтобы основные средства шли на школы и госпитали, что должно было способствовать росту авторитета Москвы. Решение о выделении помощи было одобрено совещанием.

В 1959 г. еп. Иоанн (Вендланд), развивая вопрос учреждения православного госпиталя в пределах АПЦ, предложил выстроить его на участке, принадлежащем посольству СССР в Ливане в бейрутском квартале Ашрафия, где проживали бедные русские эмигранты.

8 апреля 1960 г. митр. Илья (Салиби) от имени комитета собора св. Георгия обратился к зам. представителя Московской патриархии при патриархе Антиохийском П. Статову с сообщением, что община решила построить новый корпус госпиталя св.

Георгия на 40 мест и что, в свою очередь, он хочет просить о предоставлении мед. оборудования РПЦ в счет помощи АПЦ.

5 мая 1960 г посланием, переданным через архим. Гавриила (Салиби), глава ОВЦС митр. Николай (Ярушевич) уведомил митр. Бейрутского Илью о положительном решении (от 4 мая 1960 г.) патр. Алексия I оказать помощь. Ответным посланием 20 мая 1960 г. митр. Илья (Салиби) сообщал о решении общины назвать рентгеновский кабинет именем патриарха Алексия I, а также просил оказать честь своим визитом и освятить новый госпиталь. Известие о помощи вызвало широкое одобрительное обсуждение ливанской общественности. В то же время брат Антиохийского патриарха антисоветски настроенный Жорж Абурджели отзывался об этом как об «иллюзии» и «просто пропаганде». Задержка в поставке оборудования могла вызвать негативный эффект.

2 декабря 1960 г. патр. Алексий I прибыл с визитом в Дамаск, а 11 декабря он совершил богослужение в Бейрутском православном соборе, после чего при участии премьер-министра С. Саяма и ряда министров патриарх заложил первый камень нового корпуса православной больницы св. Георгия. Выступая на церемонии, премьер-министр С. Саям выразил от лица ливанского народа и правительства благодарность Русской Православной Церкви за ее дар, заявив, что эта больница, построенная на средства Русской Православной Церкви в 1877 г., обслуживала не только православных, но и ливанцев других вероисповеданий, показав тем самым, что она служит интересами ливанской нации в целом. Ливанское правительство наградило патр. Алексия I высшим знаком ордена «За заслуги перед Ливаном». Одновременно, против митр. Ильи (Салиби) началась кампания в прессе с обвинениями в том, что он продался большевикам (в том числе со стороны лидеров Движения православной молодежи).

1 марта 1961 г. министерство здравоохранения СССР приступило к составлению списка оборудования для госпиталя на 150 коек (общий вес оборудования достиг 132 тонн). В июле 1961 г. Бейрутская митрополия просила РПЦ в качестве братского подарка доставить строительное железо для возведения корпуса. 25 сентября – 7 октября 1961 г. Москву посетил главный врач госпиталя св. Георгия Ричард Салиба. Он был принят патриархом Алексием I. Во время визита Р. Салиба заявил о необходимости предоставления оборудования на 300 мест. Патриарх обещал увеличить размер помощи. В июне 1962 г. первое оборудование прибыло в Бейрут. Строительство затянулось, и в течение 1965 г. и начала 1966 г. советские специалисты занимались установкой оборудования. Летом 1965 г. еп. Гавриил (Салиби) поднял вопрос перед посольством СССР в Ливане о недостаточности оборудования и необходимости либо кредита на его

покупку с советской стороны, либо новой дарственной помощи. Однако к концу 1965 г. года выяснилось, что средств у митрополии для завершения работ нет, что замедлило работы. Торжественное освящение православного госпиталя во имя св. Георгия Победоносца в Бейруте состоялось лишь 4 июня 1966 г. На торжествах присутствовала делегация РПЦ во главе с митр. Ленинградским и Ладожским Никодимом, президент Ливана Ш. Хелу и др.

Весной 1967 г. госпиталь все еще не был в полном объеме открыт для пациентов. Со стороны иностранного мед. персонала, который приглашался из американского и французского госпиталей в Бейруте высказывалось неудовольствие советской техникой. Вероятно, с подачи администратора госпиталя англичанина д-ра Стилла, Гавриил (Салиби) поднял вопрос о дополнительной закупке техники на 80 тыс. долл. в Швейцарии и др. странах. Все это дискредитировало помощь РПЦ и СССР. В мае 1967 г. док-р Р. Салиби и еп. Гавриил (Салиби) отправился во Францию для заключения контракта с институтом Пастера о сотрудничестве с госпиталем. Уже в июле 1967 митр. Илья (Салиби) обвинил РПЦ в том, что она его толкнула на постройку госпиталя, но не поставила всего необходимого оборудования. Вслед за этим он выдвинул ультиматум, что если РПЦ не поставит оборудования, то госпиталь может быть закрыт. Параллельно еп. Гавриил (Салиби) рассматривал возможность превращения госпиталя в доходную гостиницу.

Несмотря на то, что целью постройки нового корпуса было заявлено использование старого здания для лечения бедных жителей, попечительский комитет и Бейрутская митрополия заключили контракт с ливанским правительством об использовании здания для лечения пострадавших в авариях за 1,5 млн. лив. лир в год. Первоначальный мед. персонал составляли англичане во главе с д-ром Стиллом, а к нач. 1970-х гг. он был заменен французским. Госпиталь св. Георгия считался самым дорогим в Бейруте и труднодоступным для бедных пациентов. Кандидатуры врачей (Спиро Фахри, Антуанетта Малуф), получивших образование в СССР, под разными предлогами отклонялись. На судьбе больницы в полной мере отразилась прозападная ориентация АПЦ после 1966 г.

Экономика стран Азии и Африки

Наука как вид экономической деятельности: история и практика использования библиографических баз данных в ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова

Барбошкина Т.А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки
baraboshkina@mail.ru

История библиометрии насчитывает более 200 лет. За последнее столетие библиометрические системы эволюционировали в наукометрические и стали одним из экономических инструментов регуляции научной деятельности в академической среде. Базисом для составления международных рейтингов выступают наукометрические базы данных, размещенные на платформах Scopus (Elsevier), Web of Science Core Collection (Clarivate Analytics) и др.

Согласно докладу Института комплексных исследований образования (ИКИО) МГУ имени М.В. Ломоносова [Кружалин, 2012] при анализе эффективности работы университетов их рейтинги рассчитываются по аналогии с академическими институтами. К сожалению, процесс подготовки квалифицированных кадров и качество образования для международных рейтинговых агентств не относятся к приоритетным параметрам оценки. Акцент делается на коммерческую составляющую посредством анализа информации по публикациям в англоязычных журналах: их цитируемость, индекс Хирша; данных о соавторстве, импакт-факторе и квантиле журналов и др. Вклад фундаментальных трудов публикуемых на языках народов мира игнорируется.

С целью объективного анализа и систематики междисциплинарной научной и образовательной деятельности в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2012 г началось активное внедрение российской информационной аналитической системы (ИАС) - «Интеллектуальной системы тематического исследования научно-технической информации — ИСТИНА), разрабатываемой на принципах Лейденской декларации [Интеллектуальная..., 2013; Садовничий, 2015].

В отличие от зарубежных аналогов на платформе «ИАС ИСТИНА» (1) зарегистрированный пользователь может оперативно вносить информацию о своих достижениях; (2) поэтапная верификация данных минимизирует технические ошибки ввода; (3) факультеты адаптируют формулу расчета рейтинга сотрудников подразделения с учетом ключевых показателей эффективного контракта; (4) разработчики создают

алгоритмы шаблонов для автоматической подготовки разноплановых отчетных материалов для обоснования принятия управляющих решений на уровне подразделений и университета [Интеллектуальная..., 2014].

За десятилетний период коллективной работы сотрудников Института стран Азии и Африки на платформе «ИСТИНА» создан электронный каталог междисциплинарных научных публикаций Школы востоковедения МГУ имени М.В. Ломоносова, послуживший фундаментом для оперативной диверсификации направлений экономической деятельности Российской Федерации на рубеже первых десятилетий XXI века.

Научные труды востоковедов ИСАА так же широко представлены на портале eLibrary.ru [Научная..., 2024]. Большинство сотрудников сформировали «цифровой ключ» для своих публикаций на платформе ORCID, имеют идентификаторы (ID) в Scopus, Web of Science, зафиксированные в авторском профиле в «ИАС ИСТИНА» для «онлайн верификации» вводимых новых публикаций во внешних библиографических системах.

Опыт практической работы с национальной библиографической базой данных научного цитирования позволяет выделить два современных актуальных момента: (1) для корректного расчета российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе eLibrary.ru важен авторский контроль точности привязки издательствами новых публикаций и их цитирования к профилю автора; (2) принципиально важно усовершенствовать алгоритм обновления списка журналов «ядра РИНЦ» на eLibrary.ru синхронно с аналогичной базой данных в «ИСТИНЕ». Вероятно, автоматизация данного процесса возможна при наличии коллективного договора на уровне университета с eLibrary.ru. Реализация данной стратегии может способствовать дальнейшему совершенствованию отечественных библиографических баз данных, разрабатываемых на основе достижений в сфере искусственного интеллекта, в том числе, и в рамках решения задач Программы развития МГУ имени М.В. Ломоносова.

Литература:

Интеллектуальная система тематического исследования научно-технической информации (ИСТИНА) / С.А. Афонин, А.В. Бахтин, В.Ю. Бухонов, В.А. Васенин, Г.М. и др. / Под ред. академика В.А. Садовниченко. – М.: Изд-во Московского университета, 2014. 262 с.

Кружалин В.И. Рейтинговая оценка качества деятельности университетов//Ломоносовские чтения. – М.: МГУ имени М. В. Ломоносова. 2012. – 24 с.

Садовничий В.А. Лейденская декларация принята Российским союзом ректоров//Российская газета. 21.07.2015. [Электронный ресурс] <https://istina.msu.ru/about/> (дата обращения 09.03.2024).

Научная электронная библиотека eLibrary.ru: Каталог журналов. [Электронный ресурс] <https://elibrary.ru/titles.asp> (дата обращения 09.03.2024).

Возможности и проблемы диверсификации промышленности Марокко на этапе энергетического перехода

Бочарова Л.С.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки
bocharovaludmila@mail.ru*

Преобразование энергетического сектора Марокко в сторону возобновляемых технологий стало важным фактором структурной трансформации и диверсификации экономики страны. Несмотря на огромные природные ресурсы ветровой, солнечной и гидроэнергетики, королевство долгое время было одним из крупнейших импортеров энергоносителей в регионе. Однако за последние два десятилетия страна продемонстрировала впечатляющий рост возобновляемой энергетики. Быстрое увеличение ее мощностей явилось результатом долгосрочной стратегии правительства, а также значительных объемов прямых иностранных инвестиций.

Динамика мощностей возобновляемой энергетики открывает потенциальные возможности диверсификации цепочек создания стоимости возобновляемых технологий (вертикальных) и структурных преобразований в отдельных отраслях (горизонтальных). Эти возможности опираются на наличие больших запасов критически важных минеральных ресурсов, технологического опыта, промышленных мощностей и квалифицированной рабочей силы. Учитывая амбициозные цели в сфере возобновляемой энергетики на 2030 год, следует ожидать резкого увеличения внутреннего спроса в Марокко на солнечные панели и батареи. К тому же для укрепления энергетической безопасности и поддержки устойчивого экономического роста происходит пусть и медленное, но все же распространение и внедрение солнечных технологий и в других странах Африки. И Марокко может стать региональным лидером в производстве и сборке солнечных панелей, а также промышленных аккумуляторных элементов.

Производство компонентов, из которых состоят солнечные панели и батареи, основано на сочетании различных металлов, неметаллических минералов и полимеров.

Некоторые необходимые критически важные минералы и редкоземельные элементы в достаточном количестве залегают в недрах Марокко. С целью использования своих важнейших природных ископаемых при производстве солнечной фотоэлектрической энергии правительство Марокко в 2015 г. провело реформу нормативно-правовой базы в горнодобывающем секторе для привлечения иностранных инвестиций, увеличения добавленной стоимости и стимулирования экспорта. Наряду со стимулами для горнодобывающих компаний, такими как освобождение от налогов на импортируемое оборудование и снижение налоговых ставок для компаний, поставляющих руду отечественным компаниям по переработке и обогащению полезных ископаемых, Марокко все чаще ищет новые пути диверсификации и рынки для достижения своих целей.

Одним из таких направлений может стать формирование промышленно-сырьевого комплекса на базе хорошо развитого автомобилестроения и разработки важнейших минералов, необходимых для производства электрических аккумуляторов, прежде всего лития и фосфатов. Спрос на такие батареи растет как внутри Марокко, так и за ее пределами.

Кроме того, правительство королевства разработало концепцию развития автомобильного сектора, нацеленного на производство 1 млн автомобилей и полную декарбонизацию производства. Идея направлена на привлечение новых инвесторов, которые смогут воспользоваться местными возобновляемыми источниками энергии, высококвалифицированной рабочей силой и невысокими логистическими расходами, связанными с близостью к европейскому рынку. Королевство в настоящее время является единственной страной в регионе МЕНА, которая предлагает местные поставки металлов для аккумуляторов электромобилей через горнодобывающую компанию Managem. В июле 2020 г. Managem объявила о партнерстве с BMW для удовлетворения пятой части своих потребностей в кобальте в 2020–2025 гг. За последние два года аналогичные партнерские соглашения были достигнуты с Renault, одним из двух ведущих автопроизводителей марокканской автомобильной промышленности наряду со Stellantis. Стимулирующим фактором для Renault является то, что кобальт, поставляемый Марокко, как ожидается, будет иметь низкий углеродный след, поскольку до 80% энергии для производства будет поступать из возобновляемых источников. Сокращение выбросов углекислого газа предполагается достичь за счет переработки аккумуляторов с истекшим сроком службы. Развитие модели экономики замкнутого цикла – сквозного производства электромобилей – потенциально может привлечь ряд дополнительных инвестиций, которые откроют путь к развитию внутренней вертикальной цепочки поставок электромобилей, включающей производство металлов для аккумуляторов электромобилей, аккумуляторов, электромобилей и переработку аккумуляторов. Совместное размещение этих процессов в

одной стране и близость к европейскому рынку делает Марокко еще более привлекательным местом для производства электромобилей. Недавние инвестиции также позволяют предположить, что Марокко имеет потенциал стать региональным центром производства электромобилей в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Однако для создания надежных региональных цепочек добавленной стоимости марокканскому правительству необходимо прилагать больше усилий с целью укрепления партнерства с другими странами, включив внутренние стратегии в региональные планы промышленного развития.

Глобальные цепочки добавленной стоимости во внутрирегиональной торговле стран Юго-Восточной Азии

В.В. Бойцов

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки
v.boitsov@mail.ru

Страны ЮВА принадлежат к числу экономик с высокой степенью вовлеченности в систему глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС) и ее торговлю. Это относится не только к их участию в мировой торговле в целом, но и к ее региональной составляющей. Более того, доля торговли, связанной с ГЦДС во внутрирегиональной торговле большинства этих стран, как правило, имеет тенденцию к росту и превосходит соответствующий показатель для всей их международной торговли или вполне сопоставима с ним. Так, если доля торговли, связанной с ГЦДС во всей международной торговле стран ЮВА в 2020 г. составляла от 28,1% (в Индонезии) до 58,8% (в Сингапуре), то во внутрирегиональной – от 28,4% (в Мьянме) до 61,2% (во Вьетнаме). За счет внутрирегиональной торговли страны ЮВА реализуют от 10,3% (во Вьетнаме) до 58,3% (в Лаосе) всего объема их торговли добавленной стоимостью, что за исключением Малайзии и Вьетнама, превосходит, как правило, весьма заметно, масштабы их соответствующей торговли с их наиболее динамичным партнером – КНР (от 1,3 раза в Сингапуре до 2,6 раза в Брунее). В результате промежуточная торговля во всех этих странах, за исключением Камбоджи, превышает половину всей их внутрирегиональной торговли. При этом в пяти из них она превосходит и средний уровень вклада промежуточной торговли этих стран во всю их внешнюю торговлю. Как следствие, индекс участия стран ЮВА во внутрирегиональной торговле добавленной стоимостью этих стран в четырех из них (в Сингапуре, Лаосе, Индонезии и на Филиппинах) превосходит соответствующий индекс их участия во всей их

торговле добавленной стоимостью, в одной (Малайзии) – соответствует ему и в трех (в Мьянме, Таиланде и Брунее) уступает в пределах 1,1 - 1,9 пунктов.

В отраслевой структуре торговли добавленной стоимостью между большинством стран ЮВА, преобладает продукция обрабатывающей промышленности. Исключения составляют, во-первых, Бруней и Мьянма, где ведущие позиции в большинстве случаев занимают добывающая индустрия (в Брунее до 58,9% в торговле с Малайзией) и сфера услуг (в Мьянме до 91,0% в торговле с Сингапуром). Еще один, особый случай представляет собой Лаос, где в торговле в рамках цепочек добавленной стоимости с некоторыми соседними странами региона от 44,2% ее объема (в торговле с Таиландом) до 69,0% (в торговле с Камбоджей) составляет электроэнергия. Однако в целом, отраслевая структура торговли в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости между странами ЮВА отличается высокой степенью диверсификации и характеризуется сокращением позиций некоторых традиционных отраслей (текстильной и в особенности пищевкусовой) при росте значения нефтеперерабатывающей и нефтехимической. Все более заметное место во внутрирегиональной торговле по каналам ГЦДС занимают в ЮВА металлы, металлоизделия, транспортное оборудование, а в последние годы и продукция электронной промышленности. Особенно заметные позиции продукция электронной промышленности, включая компьютерную технику и другое информационное оборудование, занимает в цепочках торговли добавленной стоимостью между Сингапуром и Таиландом, а также Филиппинами, и между Филиппинами, с одной стороны, и Малайзией с Таиландом, с другой. Достаточно сказать, что доля только одной компьютерной техники в 2020 г. составила во всей торговле добавленной стоимостью Филиппин с Малайзией 33,3% всего ее объема. В то же время удельный вес производственного оборудования в этой торговле между странами региона остается по-прежнему исключительно низким. Наконец, во внутрирегиональной торговле добавленной стоимостью стран ЮВА, созданной ими в сфере услуг, ведущие позиции, как правило, принадлежат таким ее традиционным видам как торговля и транспорт. Вместе с тем, нельзя не заметить появление среди них, хотя пока и в очень незначительных масштабах, и отраслей наиболее актуальных для современного этапа социально-экономического развития, таких отраслей, как финансы и страхование, торговля недвижимостью, образование, здравоохранение и т. п.

В целом, отмечая положительную динамику роста внутрирегиональной торговли добавленной стоимости большинства стран ЮВА и рост ее вклада во всю взаимную торговлю этих стран за период с 1995 по 2020 гг., можно предположить, что по мере дальнейшей диверсификации их производства тенденция к росту взаимных производственно-сбытовых связей стран этого региона в рамках ГЦДС будет сохраняться.

Факты свидетельствуют, что в ЮВА успешно формируется зона производства и торговли добавленной стоимостью, включающая предположительно не только цепочки, выходящие за пределы региона, но и возможно целиком находящиеся в его границах. Выделение и индентификация последних представляет собой отдельную и достаточно сложную и трудоемкую проблему.

Литература:

[1]World Integrated Trade Solution/gvc/visualization. Available at <https://wits.worldbank.org/gvc-data-visualisation.html> (accessed February, 21)

[2]OECD Stat. Available at <https://stats.oecd.org> (accessed February, 21)

Особенности динамики индикаторов человеческого развития в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (1990-е–2020-е гг.)

Карамурзов Р.Б.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки
karamourzov@gmail.com*

Несмотря на относительную простоту индекса человеческого развития (ИЧР), уже более трёх десятилетий он широко используется при анализе результатов социально-экономического развития стран и регионов мира.

В основу методики расчёта данного показателя положены количественные характеристики здоровья, уровня образования и уровня жизни людей. Здоровье оценивается с помощью ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В качестве индикаторов образования применяются ожидаемая продолжительность обучения и средняя продолжительность обучения. Для квантификации уровня жизни используется подушевой валовой национальный доход страны, рассчитанный в долларах США на основе ППС валют. Путём применения минимаксной нормализации, показатели сравниваемых стран по каждому из трёх направлений – долголетию, образованию, уровню жизни – масштабируются таким образом, что все значения оказываются в диапазоне от 0 до 1; далее показатели рассчитанных индексов ожидаемой продолжительности жизни, образования и ВНД усредняются по формуле среднего геометрического.

Результаты полученного по такой методике итогового индекса публикуются ПРООН в докладах о человеческом развитии. Важной особенностью этих официальных изданий, на

которую прямо указывают их авторы, является то, что значения показателя даже по одним и тем же странам, представленные в докладах разных лет не могут быть прямо сопоставлены [1, с. 336]. Очевидным (но, вероятно, не единственным) объяснением этой специфики является то, что для расчёта ИЧР применяются подушевые ВНД, рассчитанные в текущих ценах, тогда как для «межвременных» сопоставлений непременно должны применяться показатели, исчисленные в постоянных ценах какого-то определенного года. Таким образом, получить представление о положении дел в соответствующей сфере за тот или иной период времени на основе данных о компонентах ИЧР, не прибегая при этом к существенным корректировкам методики его расчёта, можно путём рассмотрения динамики показателей ожидаемой продолжительности жизни, ожидаемой и средней продолжительности обучения, а также подушевых ВВП в ценах какого-то одного базисного года.

Предметом исследования настоящей работы стали особенности динамики ИЧР и его компонентов в странах Центральной Азии и Южного Кавказа. Поскольку новые независимые государства этих регионов появились на политической карте мира лишь после 1991 г., итоги их включения в мировые хозяйственные процессы, как представляется, имеют немалый научный и практический интерес.

Согласно доступным данным, большая часть стран Центральной Азии и Южного Кавказа (по крайней мере в отдельные годы рассматриваемого периода) относились к группам с высоким и очень высоким значением индекса человеческого развития¹. Исключение составлял Таджикистан, показатели которого ни разу за период с 1990 по 2022 г. ни разу не превысили 0,699, что позволило бы отнести страну к группе стран с высоким ИЧР.

Общей для всех стран Центральной Азии и Южного Кавказа чертой является их практически неизменно лучшее – по сравнению с другими компонентами ИЧР, – положение в рейтингах индекса образования. Так, в отдельных случаях, в рейтингах по показателям образования бывшие советские республики рассматриваемых регионов на несколько десятков ранговых позиций превосходили свои места в рейтингах по показателям продолжительности жизни и ВНД. Поскольку, как уже отмечалось, итоговое значение ИЧР определяется по формуле среднего геометрического индексов ожидаемой продолжительности жизни, образования и ВНД, в формате обзорного исследования затруднительно количественно оценить в какой именно степени положение дел в сфере

¹ По состоянию на 2024 г., для отнесения страны к одной из четырех групп по величине ИЧР использовались следующие интервалы: для низкого уровня человеческого развития — ИЧР меньше 0,550; для среднего уровня человеческого развития — 0,550–0,699, для высокого уровня человеческого развития — 0,700–0,799 и для очень высокого уровня человеческого развития — от 0,800 и выше; см. подробнее, напр. [3, p.270]

образования определило позиции рассматриваемых бывших советских республик в отдельные годы. Тем не менее, не приходится сомневаться, что если бы показатели образования республик Центральной Азии и Южного Кавказа были на уровне «типичных» для их групп значений, реальное положение стран рассматриваемых регионов в рейтинге ИЧР было бы значительно хуже фактических.

Литература:

- 1) База данных ПРООН «Human Development Reports» (URL: <https://hdr.undp.org>)
- 2) ПРООН. Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж - Человеческое развитие и антропоцен. Нью-Йорк, 2020
- 3) UNDP. The 2023/2024 Human Development Report. New York, 2024

Сравнительный анализ межвременных бизнес-моделей национальных элит стран БРИКС

Касимовская Е.Н.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки
kasim@iaas.msu.ru*

Межгосударственное неформальное объединение стран с динамично развивающейся экономикой, известное как БРИКС, в последнее время вызывает повышенный интерес как у экономистов и политологов, так и у широкой публики. Возникнув в 2006 году в рамках Петербургского международного форума, объединение пережило несколько волн расширения за счет присоединения новых стран. Недавно новыми членами БРИКС стали Эфиопия, Египет, Иран, Саудовская Аравия, и целый ряд государств объявил о намерениях о присоединении: по некоторым оценкам, в листе «ожидания» сейчас присутствуют уже более 30 стран. Столь стремительное расширение объединения несет в себе как шансы, так и риски. Основной целью создания БРИКС в свое время стало стремление реализовать стратегию экономического партнерства в условиях формирующегося многополярного мира, направленную на увеличение темпов экономического роста стран-участниц и усиление их позиций в мире за счет активного сотрудничества. В связи с этим возникает вопрос о качестве правящих национальных элит в этих странах. Современные элиты характеризуются своей политико-экономической и идеологической неоднородностью, что обосновывает необходимость выработки новых

методологических основ определения качественного состояния элит [1]. Особое внимание в последнее время уделяется такому моменту, как трансфер или сохранение ценностей в интересах будущих поколений в рамках реализуемой правящей элитой модели развития страны. В этой связи исследовательский проект швейцарского университета Санкт-Галлена по оценке индекса качества элит (Elite Quality Index) представляется новым междисциплинарным подходом к исследованию элит и двухуровневых элитных бизнес-моделей, ориентированных как на создание ценности, так и на ее извлечение. Индекс качества элит 2023 года охватывает 150 стран, опирается на 134 индикатора, являясь композитным по своему характеру, и включает в себя также и те позиции, которые отражают деятельность правящей элиты по сохранению национальных ресурсов и созданию общественной ценности в интересах будущих поколений, что соотносится с ЦУР ООН [2, с.9]. К таковым, в частности, относятся экология и природный капитал (30% суммарного значения); равные возможности (оценивает распределение экономических возможностей между поколениями с учетом социальной мобильности, молодежной безработицы и государственного долга, 17,5% суммарного значения); образование и человеческий капитал (17,5% суммарного значения); здоровье и благополучие (качество и эффективность национальных систем здравоохранения, 17,5% суммарного значения); инновации и технологии (потенциал для стимулирования научных открытий и реализации прорывных технологий и бизнес-моделей, 17,5% суммарного значения) [2]. Будучи объединены в отдельную подкатегорию, эти показатели получили название барометра создания ценностей для будущих поколений (NextGen). Позиция страны в данной подкатегории говорит о том, в какой мере национальная элита учитывает эти долгосрочные цели устойчивого развития в рамках реализации своей бизнес-модели развития страны. Можно предположить, что стратегические «разрывы» в национальных бизнес-моделях могут компенсироваться совместной деятельностью стран в рамках объединения. Сравнительный анализ межпоколенческой составляющей национальных бизнес-моделей стран БРИКС позволяет выявить данные разрывы и определить потенциальные взаимовыгодные направления сотрудничества. В целом, стоит отметить, что все страны БРИКС, за исключением РФ, улучшили свои позиции в глобальном рейтинге-2023: Индия поднялась на 38 пунктов, Бразилия – на 12, Южная Африка – на 16. Китай, улучшив свою позицию на 5 пунктов (22-е место), фактически догнал США (21-е место). При этом, по показателю межпоколенческого трансфера ценности Китай обошел своего главного глобального конкурента и демонстрирует самую высокую позицию среди стран БРИКС (54). Что касается составных частей межпоколенческого трансфера ценностей, то Индия и Китай лидируют по инновационной составляющей. Экологическая компонента во всех

странах БРИКС реализована сравнительно слабо. Стратегия в области обеспечения здоровья и благосостояния нации более результативна в Китае и Бразилии, в то время как обеспечение равных возможностей – в РФ. Примечательно, что присоединившая недавно к БРИКС Эфиопия по двум позициям (экология и равнодоступные возможности) превосходит все прочие страны-члены объединения, в то же время существенно уступая по инновационной составляющей и человеческому капиталу. Таким образом, перед национальными элитами большинства стран БРИКС стоит комплекс задач по повышению научно-образовательного и инновационно-технологического потенциалов посредством развития институциональных механизмов национального и международного сотрудничества в целях увеличения инклюзивной составляющей реализуемых бизнес-моделей и наращивания коллективного социально-экономического потенциала глобального Юга в целях обеспечения устойчивого создания ценности.

Литература:

1. Головин В.Г., Головина Е.Е. (2023) «Элиты в современном социальном пространстве» - «Вопросы элитологии», 2023, №3, с. 14-45
2. Casas, T., & Cozzi, G. (2023). Elite quality. Report 2023. Country scores and global rankings. The Sustainable Value Creation of Nations Measuring long-term economic and human development prospects.

Иностраный бизнес на японском рынке.

Тимонина И.Л.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки
timonina2000@yahoo.com*

Япония играет заметную роль на мировом рынке капитала, обладает огромными золотовалютными резервами и является одним из мировых лидеров по экспорту прямых инвестиций (ПИИ). Однако особенность позиции Японии на международном рынке прямых инвестиций состоит в том, что объемы импорта инвестиций чрезвычайно малы, как по сравнению с их экспортом, так и по отношению к масштабам экономики страны, несмотря на то, что страна занимает довольно высокие позиции в международных рейтингах, оценивающих условия ведения бизнеса.

Подобная ситуация обусловлена особенностями инвестиционного климата Японии. При отсутствии формальных ограничений для иностранных инвесторов страна по-прежнему имеет имидж закрытой и «трудной» – главным образом из-за сохранения неформальных барьеров для предпринимателей (закрытость предпринимательской структуры и рынка труда, высокая стоимость производственных ресурсов, высокий уровень ставки налога на доход корпораций).

На протяжении уже нескольких десятилетий японское правительство проводит политику по привлечению инвестиций в страну, которая приносит определенные плоды. Поставленная правительством в 2013 г. цель удвоения к 2020 г. объема накопленных ПИИ была достигнута (39,7 трлн иен против целевого показателя в 35 трлн иен). В Стратегии содействия прямым иностранным инвестициям в Японии 2021 г. была поставлена цель нового удвоения объема накопленных ПИИ — до 80 трлн иен (эквивалентно 12% прогнозируемого размера ВВП) к 2030 г.

В 2023 г. правительством (План действий Совета по привлечению прямых инвестиций) было подтверждено, что в условиях, когда восстановление мировой экономики происходит медленно из-за повышенной экономической неопределенности, активизация притока прямых инвестиций в Японию является основным ключом к оживлению внутренней экономики и планируемый показатель был увеличен до 100 трлн иен [3].

Проблема привлечения ПИИ в страну в современных условиях обретает новые смыслы и рассматривается под углом зрения экономической безопасности и устойчивости цепочек поставок, особенно в части поставок критически важных электронных компонентов.

В условиях распространения парадигмы френдшоринга (friend-shoring), когда глобальные цепочки поставок демонстрируют признаки переориентации на «дружественные» страны, у Японии появляется шанс использовать свои реальные конкурентные преимущества для привлечения высококачественных и высокотехнологичных инвестиций. И этот шанс страна, по-видимому, намерена использовать, делая ставку на обеспечение «предсказуемости» в глазах иностранных инвесторов, наряду с такими преимуществами как наличие квалифицированной рабочей силы и сети высококачественных поставщиков, сильных потенциальных партнеров для реализации совместных проектов, развитой инфраструктуры и системы защиты прав интеллектуальной собственности, лояльности местных властей и населения, мощной поддержки, в том числе и финансовой, инвестиционных проектов со стороны японского правительства.

Ярким примером изменения отношения иностранного бизнеса к японскому рынку может быть активизация деятельности зарубежных производителей микроэлектроники. Помимо стабильности и предсказуемости привлекательным рынком для компаний отрасли Японию делает высокий и растущий спрос на электронные компоненты со стороны японской промышленности. Успех мировых лидеров микроэлектроники на японском рынке может иметь демонстрационный и мультипликационный эффект и способствовать тому, чтобы международные компании других отраслей по-новому и непредвзято взглянули на Японию.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что привлечение передовых иностранных производителей в отрасль рассматривается правительством и японскими компаниями как один из инструментов развития отрасли – для приобретения нового опыта в организации производства, подготовки кадров и обеспечения текущих потребностей промышленности в электронных компонентах для производства электроники и автомобилей.

Литература:

1. JETRO Global Trade and Investment Report 2023 https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2023_rev2.pdf (дата обращения: 30.01.2024).
2. Grand Design and Action Plan for a New Form of Capitalism ~Investing in People, Technology, and Startups~, p.18 https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2022en.pdf (дата обращения: 30.01.2024).
3. Action Plan for Attracting Human and Financial Resources from Overseas, p.1 Decision by the Council for Promotion of Foreign Direct Investment in Japan on April 26, 2023 http://www.invest-japan.go.jp/documents/pdf/action_plan_en.pdf (дата обращения: 30.01.2024).

Проблематика учения о рецитации Корана в сочинении «ал-Иткан фи ‘улум ал-Кур’ан» Джалал ад-Дин ас-Суйути

Аганина Г.Р.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии
lavrov10@gmail.com*

Трактат «ал-Иткан фи ‘улум ал-Кур’ан» (Совершенство в коранических науках) представляет собой одно из самых авторитетных для мусульманской традиции сочинений по корановедению, охватывающий весь спектр исламских наук, включая учение о коранической рецитации. Его автор, известный египетский учёный-энциклопедист, корановед, хадисовед и филолог Джалал ад-Дин ас-Суйути (1445–1505), относится к числу тех учёных, чей творческий путь пришёлся на завершающий этап классического периода развития коранических наук, характерной чертой которого стало подведение итогов научной деятельности учёных всего предшествующего периода.

Согласно сложившимся в мусульманской традиции представлениям, рецитация Корана предполагала не только понимание смыслов священного откровения, но и благоговейное отношение к произнесению коранического текста, следуя чтению, полученному от Пророка ислама его ближайшими сподвижниками, ставшими первым звеном в цепи передатчиков чтения чтецам и наставникам чтения.

Учение о рецитации, регламентирующее орфоэпическую норму коранического чтения, зародилось в рамках науки о коранических чтениях, основным содержанием которой была фиксация имеющихся в них разночтений. Она формировалась параллельно с двумя процессами: систематизацией и в конечном итоге канонизацией коранических чтений на основе выработанных мусульманской традицией критериев, с одной стороны, и развитием традиционной арабской грамматики, включая звукоучение, с другой.

Как и все другие разделы трактата «Иткан», раздел о рецитации Корана Суйути излагает, суммируя мнения авторитетных учёных в области науки о чтениях, корановедов и хадисоведов, отражающих широкий спектр взглядов мусульманской традиции. Благодаря этому, читатель получает возможность составить многостороннее представление о традиционном учении о коранической рецитации, сложившемся к XV в.

В объёмном сочинении «Иткан» различным аспектам коранической рецитации посвящены восемь глав, шесть из которых касаются языковой проблематики. Они охватывают следующие темы: паузальное членение коранического текста, вариантная артикуляция гласного [a] и гортанной смычки (*hamza*), ассимиляция согласных, комбинаторная добавочная длительность гласных, фонетическая характеристика фонем по месту и способу артикуляции, а также комбинаторная веляризация согласных [l] и [r].

Тема паузальной сегментации коранического текста, коррелирует с лингвистической проблемой синтагматического членения речи и языковых средств ее реализации. Правильная расстановка пауз, по общему мнению учёных в области рецитации, предполагает знание толкования Корана, грамматики арабского языка, разных

коранических чтений, исторических повествований, а по мнению некоторых, и мусульманского права, поскольку расстановка пауз могла зависеть и от толкования текста разными мазхабами. Что касается языковых средств паузального членения, главным для классической науки, как языковедения, так и науки о рецитации, был вопрос оформления исхода слова в паузе, отвечающего требованиям просодического строя классического арабского языка (КЛАЯ).

Включение в тему фонетической вариантности в коранических чтениях только двух фонем, гласного [а] и гортанной смычки *хамза*, объясняется тем, что обе они рассматривались в КЛАЯ как нормативные, используемые в коранических чтениях и широко распространённые в двух авторитетных с точки зрения чистоты языка аравийских говорах племён Хиджаза и таких племен центральной части Аравии, как таим, кайс и асад.

Вопросы ассимиляции, которые были одним из аспектов различий в коранических чтениях, касаются исключительно консонантизма и охватывают такие ее разновидности, как полная ассимиляция с геминацией ассимилирующего согласного, частичная ассимиляция и чередование.

Комбинаторная сверхдолгота гласного в коранической рецитации, хотя и касается релевантной для арабского вокализма количественной характеристики, рассматривается как чисто фонетическое явление, не нарушающее фонологически значимую оппозицию долготы и краткости.

Классификация согласных фонем по месту артикуляции, согласно утверждению Суйути, базируется на классификации ал-Халила ибн Ахмада. На самом же деле она представляет собой творчески переработанные классификации ал-Халила ибн Ахмада и Сибавайхи и преимущественно базируется на классификации последнего.

При описании фонемного состава по способу артикуляции, или, по выражению Суйути, «других» характеристик, используемая терминология свидетельствует о более высоком уровне абстракции лингвистического анализа, поскольку в отличие от языковедческой традиции для передачи соответствующих категорий используется не прилагательное, а имя действия *масдар*.

**К вопросу записи японских слов латиницей (по материалам опросов, проводимых
Агентством по делам культуры Японии)**

Бессонова Е.Ю.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры японской филологии
elaoniti@gmail.com*

Экспертный совет Агентства по делам культуры при Министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии 23 января 2024 года пришёл к выводу о необходимости пересмотра существующих в Японии систем латиницы, применяемых для записи японских слов. Ожидается, что правила использования латинского алфавита будут в основном опираться на широко используемую в Японии систему Хепбёрна, которая ближе всего передаёт произношение, в отличие от системы *кунрэи* (официально

поддержанной Кабинетом министров для записи японских слов ровно 70 лет назад, а именно в 1954 году). Различия систем можно продемонстрировать на примере названия префектур: так префектура Гифу 岐阜 в системе Хепбёрна записывается Gifu, а в системе *кунрэи* Gihu. Экспертный совет Агентства по делам культуры признал факт того, что система Хепбёрна больше распространена в современном японском языковом пространстве. Отметим, что эта система на данный момент успешно применяется в разных сферах языковой деятельности и даже обслуживает транслитерацию имён в заграничных паспортах японцев, но в целом не является официально признанной.

На протяжении последних лет Агентство по делам культуры активно изучало проблему использования латиницы в рамках японского языка, в том числе провело опросы относительно применения/востребованности латинского алфавита для записи японских слов. Соответственно основным материалам нашего исследования стали данные опросов 2022 г. и 2023 г. [1], [2]. В ходе опроса, проведённого в январе 2022 года, были заданы следующие вопросы: «приходилось ли видеть записанные латиницей японские слова», «места, где видели записанные латиницей слова», «используете ли латиницу при вводе слов на современной коммуникативной технике», «как записать латиницей конкретные японские слова» [1, Сс. 17-29]. Например, при выборе варианта записи названия Гифу 岐阜 83,1% опрошенных высказались за предложенный вариант Gifu (в соответствии с системой Хепбёрна) и только 15,6% опрошенных за вариант Gihu; по вариантам записи латиницей слова 抹茶 *маття* (зеленый порошок чай) 23,6% опрошенных высказались за предложенный вариант *mattea*; 30,3% – за вариант *maccha*; 12,1% – за вариант *massua*; 32,4% поддержали вариант *matcha* [1, Сс. 26-28]. При этом *maccha* и *matcha*, набравшие больше всего голосов, относились к вариантам системы Хепбёрна.

В ходе опроса, проведённого в январе 2023 года были заданы следующие вопросы: «приходилось ли записывать японские слова латиницей», «какой длины были слова/фразы, записанные латиницей», «какие преимущества даёт знание латиницы», «как выражать долготу звуков в латинице», «какой вариант латиницы легче освоить» [2, Сс. 27-35]. Например, при выборе наиболее удобного для освоения варианта латиницы для знаков ちゃ *тя*, チュ *тю*, チョ *тё* 53% опрошенных высказались за предложенный вариант *cha, chu, cho*; 28,8% – за вариант *tya, tyu, tyo*; 16,5% – за вариант *суа, суи, суо*. [2, С. 33]. Причём в ответах всех возрастных категорий преобладал вариант *cha, chu, cho*, что соответствует системе Хепбёрна.

В качестве выводов отметим преобладание ответов, поддерживающих систему Хепбёрна. В целом подчеркнем актуальность темы записи японских слов латиницей. В Японии на данный момент заметно внимания правительственных органов к проблеме использования латиницы в японском языковом пространстве, результатом должно стать утверждение Кабинетом министров Японии варианта латиницы, который бы соответствовал языковым нормам и отвечал запросам современного общества.

Литература:

1. 令和3年度「国語に関する世論調査」の結果の概要 Результаты «Опроса общественного мнения «по вопросам государственного языка» за 2021 финансовый год.

Электронный ресурс, режим доступа ULR:
http://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/.../h22_chosa_kekka.pdf.

2. 令和4年度「国語に関する世論調査」の結果の概要 Результаты «Опроса общественного мнения «по вопросам государственного языка» за 2022 финансовый год.

Электронный ресурс, режим доступа ULR:
http://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/.../h23_chosa_kekka.pdf.

Паузальная форма слова в современной арабской лингвистике

Бутакова Д.Д.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант кафедры арабской филологии
butakova.darya@yandex.ru*

Современная арабская лингвистика отказалась от традиционной терминологической базы, выработанной грамматистами за долгие века и основывавшейся на понятии «харф» как минимальной единице арабской речи, в вопросах описания просодической структуры языка, в т.ч. явления паузальной формы слова. Толчок к переходу на общелингвистическую терминологию арабской лингвистике дал египетский филолог Ибрагим Анис.

Ученый [2] отказался от термина «харф», который может быть огласованным (*mutaḥarrīk*) и неогласованным (*sākin*), что соответствует полной и неполной мере, и является минимальной единицей как фонетического, так и просодического уровня, в пользу общелингвистического понятия звук, подчеркнув, что и его арабские предшественники знали о данном разделении, хотя и не использовали его при описании как классического арабского, так и говоров.

Переход к звуковому образу структуры арабского языка привёл Аниса к необходимости введения такого понятия, как слог, а вслед за ним и ударения. Отсутствие у грамматистов классического периода подобных терминов он объяснял тем, что они считали их очевидными, а при описании языка делали упор на просодию, отражённую термином «харф». Однако и сам учёный отмечал, что в некоторых случаях предложенная им теоретическая база не находит реального отражения в разговорном языке. При этом феномен паузальной формы слова получил у Аниса крайне скупое описание, что можно объяснить отсутствием понятия «харф» и его видов, на котором базируется противопоставление полной и паузальной форм слова в арабском литературном языке.

Однако не все современные арабские учёные настаивают на полном отказе от традиционной арабской терминологии при описании фонетических и фонологических явлений. Так, лингвист Саад Маслух [1], рассуждая о фонетической структуре арабской поэзии, придерживается европейской терминологии, но делает отдельный акцент на том, что современная наука утратила присущий традиционной поэтике ориентир на просодический аспект стихосложения, сосредоточив своё внимание на фонетике, что порой приводит к неверной интерпретации норм арабского стихосложения.

Литература:

1. Маслук С.А. аль-Азиз. Акустическая характеристика арабского консонантизма и вокализма и нормы поэтической рифмовки: дис... канд. филол. наук / С.А. эль-Азиз Маслук; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. – М., 1975. 174 с.
2. Anis, Ibrahim. 'Al-'Aṣwāt 'al-luġawiyya. Maktabat Nahḍat Masr wa-maṭba'atuha bi-Masr, Cairo: 1958. 278 p.

Категория лексики *васэй эйго* в японском языке

Быкова С.А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой японской филологии
sbykova@iaas.msu.ru

Слова категории *васэй эйго* букв. «английские слова японского происхождения» являются одним из разрядов *катаканаго*, слов, записываемых *катаканой*. В *катаканаго* входят слова, заимствованные из европейских языков, лексика *васэй эйго* и некоторое количество исконно японских слов. При употреблении в современном японском языке *васэй эйго* воспринимаются носителями японского языка как лексика английского происхождения, но в действительности они отсутствуют и в британском, и в американском вариантах английского языка. Компоненты, или части, этих слов действительно являются единицами английского языка, но в языке-источнике не употребляются в комбинации, зафиксированной в японском языке. Как отмечал Сибата Такэси, это «псевдоанглийские» слова, которые созданы в Японии. Они непонятны носителям английского языка, поскольку в английском языке для выражения тех же лексических значений употребляют другие лексические единицы [Сибата, с. 159-160]. Так, японскому слову *гасорин-сутандо* «бензоколонка» в Великобритании соответствует словосочетание *service station*, в США – *gas station*, а, например, слова *фуронто гарасу* (*front+ glass*) «лобовое стекло» или *бакумира*: (*back+mirror*) «заднее стекло» отсутствуют в английском языке.

Одним из видов *васэй эйго* является вариант с использованием в качестве одного из компонентов слова усечённой части английского слова (*хатти*: *эндо* «счастливый конец» от *happу ending*) или с присоединением английского же суффикса к заимствованию, в результате чего создаётся слово, отсутствующее в английском языке: *эна:дзисутто* «энергичный человек», где к *энадзи*: (англ. *energy*) присоединён английский суффикс *ist*. Вариантом подобной модели словообразования может быть слово, созданное по аналогичной модели с присоединением того же суффикса к японскому слову: *танкисутто* «поэт-сочинитель стихов танка (*танка+ist*; *танка* – вид японского стихотворения). Распространено образование глаголов по моделям «заимствование+японский формант ру» (*паникуру* «паниковать» от англ. *panic*, *дисуру* «презирать» от англ. *disrespect*) или «заимствование+ глагол суру «делать» в служебном употреблении» (*о:ру-суру* (от *all*) «веселиться всю ночь с друзьями», гэтто-суру «заполучить, достать» от англ. *get*). Компоненты заимствованных единиц могут переставляться, и, таким образом, слово или выражение меняет исходную форму. Так, одна из новостных программ японского

телевидения носит название *Нью:су вайдо* (newswide) «Все новости», хотя в английском языке правильный порядок слов обратный – wide news. Анализ новейших *васэй эйго* демонстрирует всё большее распространение аббревиации заимствованных основ как способа словообразования, в особенности в модных словах *рю:ко:го* и молодёжном языке: *гурутя* (от *гуруппу тятто*) «групповой чат», *ова кон* (от *оватта* «окончившийся» + *котэнцу* = англ. content «контент») «вышедший из моды контент» и т.д. Фиксируются также соединения английского и исконно японского компонентов в одно слово по типу *караокэ* «караокэ», где часть *кара* – усечённая форма японского слова *караппо* «пустой», а *окэ* – начальная часть (начальные слоги) заимствования *о:кэсутора* (англ. orchestra) «оркестр». Вариантом подобных образований являются слова, состоящие из японского компонента-префикса и усечённых заимствованных основ: *тёбэриба* «очень плохо», где *тё* – японская префиксальная морфема китайского происхождения со значением «чрезвычайно, очень», а часть *бэриба* представляет собой сложение английского слова *very* и усечённого слова *bad*. Аналогичным образом создано слово *тёбэригу*, где *бэригу* восходит к англ. *very good*. Ещё одним видом *васэй эйго* являются слова, составленные по модели «заимствованное слово (основа) + японское слово категории *канго*: *о:ру дэнка* «использование только электрической энергии для всех приборов в доме» (от *all* + *電化 дэнка* «электрификация»), *аминосан* «аминокислота» (*amino* + *сан* «кислота»).

Как разновидность *васэй эйго* японские лингвисты рассматривают также слова, заимствованные из английского языка, но употребляющиеся в значении, отличном от исходного. Домашний кондиционер в Японии называют *ку:ра:* (*cooler*) в отличие от англоязычных стран, где этим словом называют походные кулеры, используемые, например, при выезде на пикник или в походах (Таномура, 2019).

Литература:

1. Сибата Такэси. Нихонго эссэй, 1 (Эссе о японском языке, 1). Токио: Тайсю:кан сётэн, 1987.
2. Таномура Тадохару. Васэй эйго (Английские слова японского происхождения)// Нихонгогаку, 2019, vol. 7.

Сравнение параметра VOT (voice onset time) в китайском и русском языках

Вихрова А.Ю.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующая Лабораторией экспериментальной фонетики
avikhrova@gmail.com

Время начала озвончения (ВНО, Voice onset time) — интервал между началом размыкания смычки взрывного согласного и моментом начала колебания голосовых связок. Используется в фонетике для различения взрывных согласных с разной звонкостью, обычно применяется к взрывным в начальной позиции. Термин был введён в широкое употребление американскими фонетистами Л. Лискером и А. Абрамсоном в 60-е годы XX

века. ВНО описывается с помощью его длительности и вектора. При положительном векторе ВНО размещается после взрыва смычки. Взрывные обладают либо длинным (long lag), либо коротким (short lag) интервалом ВНО. При отрицательном векторе озвончение имеет место до момента взрыва смычного (pre-voicing).

Опорные значения ВНО для русского языка составляют: [p] = 16,8 – 18 мс, [t] = 18,7 – 20 мс, [k] = 34,3 – 38 мс; [b] = -70 – -99,6 мс, [d] = -75 – -105,3 мс, [g] = -78 – -80,8 мс. Для китайского языка эти данные ещё недостаточно изучены.

Основные значения параметра ВНО следующие:

а) звонкие взрывные — колебания голосовых связок начинаются до начала размыкания смычки взрывного согласного (значения ВНО выражаются отрицательными величинами). К звонким взрывным относят полнзвонкие согласные (например, русские [б], [д], [г]), у которых начало колебания голосовых связок обычно совпадает с началом смычки, а также полувзвонкие согласные (например, английские [b], [d], [g]), у которых колебания начинаются ближе к концу смычки;

б) глухие непрдыхательные взрывные — колебания голосовых связок начинаются в момент размыкания смычки взрывного согласного (значения ВНО выражаются положительными величинами в диапазоне 0-30 мс.) К глухим непрдыхательным относят русские [п], [т], [к], французские и испанские [p], [t], [k], английские [p], [t], [k] после [s], а также в ряде случаев английские и немецкие [b], [d], [g] в начале слова;

в) глухие прдыхательные взрывные — связки начинают колебаться через значительный промежуток времени после начала размыкания смычки взрывного согласного (значения ВНО выражаются положительными величинами в диапазоне 40 – 100 мс). К глухим прдыхательным относят среднеаспирированные английские и немецкие [p^h], [t^h], [k^h] перед ударным гласным, а также сильноаспирированные [p^h], [t^h], [k^h] в навахо.

Согласные звуки в современном китайском языке (его разновидности путунхуа) делятся на прдыхательные и непрдыхательные. Вторые произносятся на сильном выдохе, с чётким призвуком [x], например: p, t, k, ch, c. В нашем исследовании нас интересовали непрдыхательные согласные звуки [b], [d], [g], стоящие в начале слога (инициали). Их мы сравнивали со звонкими [b], [d], [g] в начале слова в русском языке. В русском и китайском языке эти звуки произносятся очень похоже, что нередко приводит к путанице при изучении произносительной нормы современного китайского языка.

Эксперимент проходил следующим образом. Пятерым китайцам, не владеющим русским языком, было предложено записать на аудио текст, выбранный нами ранее. Из каждого аудио файла было вырезано 20 слов, начинающихся со звуков [b d g] (это могли быть как односложные, так и двухсложные слова). Далее аудио файл с каждым словом обрабатывался в программе Praat (Praat – компьютерная программа, разработанная в институте фонетических исследований Амстердамского университета, Нидерланды, профессором Полом Боерсма и Дэвидом Вининком в 2009 году. Программа позволяет анализировать и синтезировать речь, по мнению многих фонетистов является наиболее удобной для исследования звучащей стороны языка). На выходе получались осциллограммы, на которых отчётливо виден интервал ВНО каждого начального звука. Данные заносились в таблицу и анализировались.

В результате эксперимента были полученные следующие опорные значения для [b d g] китайского языка: [b] = 14 – 20 мс, [d] = 20 – 24 мс, [g] = 21 – 28 мс. Таким образом,

наглядно показано, что китайские начальные звуки [b] [d] [g] по произношению и артикуляции ближе к русским глухим [p] [t] [k], чем к звонким [b] [d] [g].

К структурно-семантической характеристике глаголов в шугнанском и таджикском языках (на примере глагольной лексики, связанной с небесными телами)

Додыхудоева Л.Р.

Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора иранских языков
leiladod@yahoo.com

При структурно-семантическом анализе таджикские и шугнанские глаголы дифференцируются на простые, производные (префиксальные и суффиксальные) и сложные. Представляющие последние аналитические формы играют ведущую роль в современных процессах словообразования. Такие глагольные образования представляют собой в основном двучленные сочетания, составной частью которых исходно являются знаменательные слова именного и глагольного происхождения. В первой части выступают именные части речи (существительные, прилагательные, наречия, а также эмотивная лексика). Глагольные компоненты выполняют грамматические функции, в некоторых случаях влияя на формирование лексико-грамматическое значение.

В докладе планируется рассмотреть глагольную лексику, связанную с небесными светилами и передающую различные виды излучения и особенности их восприятия в таджикском и шугнанском языках. В докладе рассматривается несколько простых глаголов, передающих понятия «сиять, сверкать», «греть» (т. *toftan*, *tobidan* ‘сиять, блестеть греть (о солнце, луне)’, ш. *ǰipaltow* ‘блестеть, сверкать (о солнце, звёздах)’, *ǰaltidow* ‘блестеть, сиять’).

В дополнение рассматриваются аналитически образованные глаголы со значениями «сиять, светить (о небесных светилах)» (т. *ǰalas kardan* ‘сверкать’, ш. *cirax čidow* ‘сиять, светить (о солнце)’), «затмение» (т. *moh-gereft(an)* ‘лунное затмение’, букв. хватать (луну)), а также глагольные обороты, связанные с восприятием человеком влияния небесных тел (ш. *sitorā tūr kiǰt* ‘мурашки по телу бегают’).

Виды морфологических единиц и варианты элизии в санскритской грамматике

Панини

Захарьин Б.А.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Лаборатории экологии культуры, заслуженный профессор МГУ
zakharyin@mail.ru

‘*Aṣṭādhyāyī*’, санскритская грамматика Панини (V в. до н.э.), демонстрирует нам отсутствие у автора ясных представлений о морфологии как уровне языка и о ее важнейших составляющих. Однако в своих конкретных правилах Панини оказывается весьма близок к осознанию того, что основными единицами морфологического анализа должны служить некие мельчайшие двусторонние языковые знаки, в определённых контекстах манифестирующиеся несколькими конкретными вариантами. Соответственно, он использует в качестве базисных такие понятия и термины, как «(глагольный) корень» (*dhātu*), «(именная) основа» (*prātipadika*) и «аффикс» (*pratyaya*). К последним он относит преимущественно постфиксы (см. А 3.2.12), но упоминает и о существовании префиксов (в А 5.3.68) и одного из инфиксов (в *ru-ṇa-ddhi* 3 л. ед. ч. наст. вр. от *rudh-* «противиться»), тем самым демонстрируя общее знакомство с типами грамматических показателей. Приводя в начале грамматики списки словоизменительных (падежно-числовых и лично-числовых) аффиксов, отделённых от остальных *pratyaya*, Панини – вопреки назойливо повторяемым умозаключениям позднейших лингвистов – отчётливо указывает на вполне осознаваемую им разницу между словоизменением и словообразованием.

Разделяя в целом с современным языкознанием концепцию общей двусторонности языковых знаков, Панини и его последователи анализируют и употребление особых единиц – таких, которые, имея выраженные означающие, предполагают либо «фиктивные», либо «пустые» означаемые. Например, при порождении формы 3 л. ед.ч. презенса от корня II класса *ad-* «есть» (т.е. такого, который прямо соединяется с лично-числовыми окончаниями, без посредничества основообразующих суффиксов) вначале выбирается типовое окончание 3 л. ед.ч. *-ti*; затем (по правилу А 2.4.72) между ним и корнем вставляется «фиктивный» суффикс основы *-a-*, и таким образом получается универсальная трёхкомпонентная форма *ad-a-ti*; после чего «фиктивный» *-a-* опускается (согласно правилам А 1.1.61 и 1.1.63), а в сохранившейся последовательности *ad-ti* согласный *-d-* ассимилируется со следующим за ним глухим *-t-* (по правилу А 8.4.55), и образуется необходимая итоговая форма ‘*atti*’ «(он/она) ест». Другой пример: при соединении некоторых корней с аффиксом, начинающимся на *-t* или *-s*, аффиксу может предшествовать «нулевой» в плане означаемого вокалический суффикс *-i-* (*khād-* + суффикс инфинитива *-tum* → *khād-i-tum* «есть»), с другими корнями *-i-* в этом контексте невозможен (*dhar-* + *-tum* → *dhar-tum* «ставить»); наконец, есть и корни, соединяющиеся с *-i-* факультативно (*gup-* + *-tum* → *gup-i-tum* / *gop-tum* «прятать»). Считаясь с этими особенностями *-i-*, Панини разбил все корни на три неравных множества (‘*seṭ*’, ‘*aniṭ*’ и ‘*veṭ*’), установив, тем самым, жесткие правила использования в отношении «нулевого» показателя.

Одно из величайших достижений Панини – установление им правил опущения единиц и введение соответствующих терминов. Любая элизия – звука ли, морфемы или грамматического показателя – обозначается им общим термином ‘*lopa-*’ «опуск» (см. А 1.1.60), но опущение исключительно грамматических элементов, разных в разных контекстах, описывается при помощи специальных терминов ‘*luk*’, ‘*ṣlu*’ и ‘*lup*’. Объединяющий их слог *lu* служит указателем на то, что производимый опуск не вызывает изменений в функционировании предшествующей части основы. Наиболее ограниченной является процедура ‘*lup*’, применяемая только в отношении некоторых отглагольных дериватов; менее связанной оказывается ‘*ṣlu*’, используемая лишь с формами определенного класса корней; наименьшим числом ограничений характеризуется элизия типа ‘*luk*’, применяемая и с именными, и с глагольными формами. – Подробнее об этом будет сказано в докладе.

Резюмируя, можно с уверенностью сказать, что в своей грамматике Панини, по сути, хотя и имплицитно, заложил основы общей морфологии, но эти его разработки, к сожалению, не были изучены во-время и только очень поздно сделались объектом использования в науке о языке; при этом многие его достижения в данной и в других областях языковедения остаются и по сей день неосвоенными.

Пение священной книги зороастрийцев Авесты

Иванов В.Б.

ИСАА МГУ имени Ломоносова, зав. кафедрой иранской филологии
iranorus@mail.ru

Зороастрийские священнослужители как в Иране, так и в Индии уделяют музыкальной стороне дела: мелодии и ритмике исполнения Авесты. В Иране существует своя школа пения, в Индии — своя. Каждый стиль исполнения легко распознаётся на слух. При этом как в Иране, так и в Индии женщины-зороастрийки поют Авесту несколько по-иному, чем мужчины-священнослужители. Роль женского пения Авесты для воспитания зороастрийца трудно переоценить: ребёнок всасывает мелодию Авесты с молоком матери.

В среде зороастрийцев Заратуштра считается самым великим певцом всех времён и народов. Приводим мнение Президента зороастрийской академии в Мумбае г-жи проф. Мехер Мастер-Мус: «Существует 4 способа воспроизведения Авесты. Когда священнослужители ведут службу по Ясне, из всех 72 её глав только Гаты поются так, чтобы создавать уровень «фрашүша мánтра» (singing). Остальные главы напеваются на уровне «мантра спéнта» (chanting)».

Разные части Авесты имеют различную частотность. Наиболее часто воспроизводимы мантры: Аша Вахишта (Ašém vohú, Ясна 27, 14), Ахуна Варья (Yatá ahú véyruō, Ясна 27, 13), Йенгхе Хатам (Yeñhē hātām, Ясна 4, 26). Первая из них (самая высокочастотная) повторяется верующими несколько десятков, а священнослужителями — несколько тысяч раз в день. Чем больше частотность текста, тем лучше он сохраняется в устной передаче из поколения в поколение. Таким образом, для синтеза древней фонетики приоритетным является произношение мантр, затем текстов стиля «фрашүша мантра», и только затем текстов стиля «мантра спента».

Европейская транслитерация мантры Аша Вахишта выглядит следующим образом:

Ašém vohú vahīštəm astí, uštá astí / Uštá ahmái, hyaṭ ašái vahīštái ašém.

Истина — это высшее благо, это добро / Добро для того, чья Истина равна Высшей Истине (Перевод Михаила Чистякова).

При сопоставлении европейского варианта мантры Аша Вахишта с иранским и индийским замечаем, что азиатские (очевидно более близкие к древнему оригиналу) варианты имеют следующие отличия от европейской интерпретации:

- а) слово ašém *праведность* произносится с гласным /e/ вместо /ə/;
- б) ш-образные звуки /š/ и /ṣ/ произносятся одинаково;

в) т-образные звуки /t/ и /t/ также произносятся одинаково;

г) имеет место сцепление и перераспределение конечных согласных *vahíštəm astí* → *vahíštə mastí*; *hyaṭ ašái* → *ya tašáyu*.

Внутри группы азиатских вариантов иранский по сравнению с индийским имеет следующие особенности:

а) в слове *vahíštəm* наилучший произносится безударная шва /ə/;

б) псевдодифтонг *āi* в слове *ahmāi* произносится в 2 слога;

в) первый слог в первом слове *uštá* поётся с сильным повышением тона (примерно на одну кварту), индийский вариант поётся более ровно;

г) иранский вариант поётся в четвертьтоновой системе в дастгахе (тональности) чаргах. Индийский вариант поётся в полутоновой системе (мажор). На его мелодию и ритмику оказала влияния индийская тональная система рага и ритмическая система тала. Иранский вариант отражает более древнее состояние.

Темп произнесения мантр может варьировать в широких пределах. Это зависит от конкретной задачи, обстановки и индивидуального вкуса исполнителя. В приводимом материале индийские варианты мантр звучат более напевно, и на каждый их слог приходится большая длительность. Но может быть и наоборот.

Преподавательница пения Авесты (Ш.Ш. из Йезда) обращает внимание на то, что мелодическая основа всех фраз одна и та же: на первом полустушии происходит общее повышение тона, на втором — его понижение (до тоники). Между полустушиями либо реализуется пауза, либо тянется последний гласный. В конце полустушия ещё дольше тянется последний слог (фермата).

Очевидно, это отражает интонацию древнего иранского повествовательного предложения. Аналогично и в современном персидском языке на первой части фразы (группе подлежащего) происходит заметное повышение тона. Далее идёт пауза. Последний слог перед паузой оформляется интонацией незавершённости (дополнительным повышением тона). После паузы наблюдается общее снижение тона. В русском, английском и гуджарати (родной язык индийских зороастрийцев) интонационная основа фразы другая, более ровная. В этих языках тон может повышаться в самом начале фразы и падать к её середине, что для западноиранских языков не характерно. В процессе преподавания персидского языка приходится тратить много сил на перестройку интонации, неправильная реализация которой создаёт сильное впечатление иностранного акцента.

Европейская запись мантр ближе к индийской, чем к иранской. Это и понятно, поскольку европейцы перенимали тексты и правила чтения у индийцев. В индийском исполнении есть ряд черт, которые объяснимы законами фонетики гуджарати. В иранском звучании есть некоторые фонетические особенности, которые можно возвести к йездо-керманскому дари. В частности, нами отмечена шва в дар. *pəvád девяносто*. Она не является самостоятельной фонемой, а лишь аллофоном /a/. Для неё обязательна безударная позиция. Эта же закономерность прослеживаются в иранском варианте авестийских слов *ratú šəšátcīt* ← *ratuš ašátcīt*; *šátənanām* ← *šyaοθənanam*.

Количество слогов по полустушиям может различаться, но их сумма в каждой строке постоянна (см. таб. Таб. 1).

Таб. 1. Вариации числа слогов в мантре Ахуна Вайрья

Варианты	Индийский		Иранский		Σ слогов в строке в обоих случаях	
	№ полустишия	I	II	I		II
I строка		6	9	6	9	15
II строка		8	9	7	10	17
III строка		6	10	7	9	16

В 3-ем полустишии (II строка) иранского варианта «съедается» один слог слова $manajhō \rightarrow mēnhō$. В качестве компенсации в 4-м полустишии разлагается дифтонг au в слове $Mazday \rightarrow Mazdāi$. Сумма слогов в строке остаётся прежней — 17.

Из окончания 5-го полустишия (III строка) индийского варианта долгое \bar{a} после точки переходит в начало 6-го полустишия $Ahurāi.\bar{a} yim \rightarrow Ahurāy \bar{a}yim$. В иранском варианте то же самое $[\bar{a}]$ остаётся на месте, но приобретает дифтонгоидное произношение: $Ahurāi.\bar{a} yim \rightarrow Ahurāeāo yem$. В данном случае европейская запись ближе к иранскому варианту.

Ранее уже высказывалось предположение о том, что появление более широких $/o/$ и $/e/$ вместо соответствующих $/u/$ и $/i/$ объясняется законами вокального искусства, а не речевой фонетики. Обследованный фрагмент иранского материала подтверждает это: $driḡubyo \rightarrow dreg^{w}obyō$ (см. также предыдущий пример).

Индийский вариант хуже сохранил $/h/$ в контакте с $/ṅ/$, иранский вариант сохранил его лучше: евр. $aḡhēiṣ \sim$ инд. $angeiṣ \sim$ ир. $ank^{h}euṣ$. Дифтонг $aī$ в слове $vaiṅyo$ переходит в дифтонг eu : $veuṅyo$. Согласные $\theta = \text{ṭ} = t$ читаются в обоих азиатских вариантах одинаково — t : $yaṭa \rightarrow yata$, $aṭā \rightarrow atā$.

Семо-синтаксические конструкции с инфинитивами в языке пали

Камаданова С.С.

ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, аспирант кафедры индийской филологии
kamadanovass@my.msu.ru

Предметом нашего исследования являются конструкции с инфинитивами на $-(i)tuṃ$ в языке пали — представителе раннесреднеиндийской фазы развития индоарийского. В первую очередь пали известен как классический язык религиозно-философского канона южного буддизма «Тхеравады». Как наиболее частотный суффикс в пали, $-(i)tuṃ$ (исторически – показатель застывшего в аккумулятиве отглагольного имени) также являлся наиболее продуктивным способом порождения инфинитивов в классическом санскрите (но при этом наименее продуктивным в ведийском) [3: 191]. Сфера дистрибуции инфинитивов на $-(i)tuṃ$ в пали несоизмеримо больше по сравнению с таковой форм на $-tave$, $-(i)tāye$, $-(i)tuṃye$ и $-tase$.

Основываясь на текстологическом анализе палийских джатак (историй-притч о земных перевоплощениях Будды), нами был выделен довольно ограниченный набор

устойчивых семо-синтаксических контекстов, в которых инфинитивы на *-(i)tuṃ* имели наиболее частое употребление [2].

Обнаруженные нами конструкции были проанализированы и систематизированы через призму функционально-семантического поля модальности. Круг модальных значений, выраженных теми или иными конструкциями с инфинитивами на *-(i)tuṃ* в пали, охватывают разные оттенки возможности, предположительности, желательности, долженствования, способности или отсутствия таковых к совершению действия или претерпеванию какого-либо состояния.

Многообразие этих модальных значений можно условно сгруппировать в два основных функционально-семантических микрополя:

- (1) возможности и необходимости (или их отрицания/отсутствия);
- (2) волюнтаривности [1].

Значения (не)возможности и необходимости отчётливо подразделяются на две подгруппы по признаку объективности/субъективности.

1. В рамках объективной (не)возможности/необходимости реализация действия или состояния обусловлено внешними предскрипциями, являющимися объективными по отношению к субъективному восприятию ситуации адресатом этого предписания или запрета. Можно выделить четыре наиболее употребительные аналитические конструкции с инфинитивами на *-(i)tuṃ*, являющиеся конститuentами микрополя объективной (не)возможности/необходимости в пали:

- a)** Пермиссивная конструкция с инфинитивом на *-(i)tuṃ* и глагольной формой, образованной от корня *dā-* «давать»;
- b)** Конструкция с инфинитивом на *-(i)tuṃ* и формой глагола, образованной от корня *labh-* «получать»;
- c)** Конструкция с инфинитивом на *-(i)tuṃ* и формой вспомогательного глагола, образованной от основы *vaṭṭa-*, которая восходит к древнеиндоарийскому (ДИА) корню *vrt-* «вращать(ся)/вертеть(ся) (и – по переносу значения – «существовать»);
- d)** Конструкция с инфинитивом на *-(i)tuṃ* и прилагательным *yutta-* «надлежащий/пригодный». Палийское прилагательное *yutta* по происхождению является перфективным причастием от ДИА корня *yuiñj-* «запрягать/связывать».

2. В рамках субъективной (не)возможности осуществить действие наличие возможности и способности (или отсутствие таковых) совершить действие или претерпеть состояние обуславливается внутренними свойствами или намерениями субъекта. Здесь мы можем выделить три соответствующие конструкции:

а) Конструкция с инфинитивом на *-(i)tuṃ* и формой глагола, образованной от ДИА корня *sak-* «мочь/быть способным»;

б) Конструкция с инфинитивом на *-(i)tuṃ* и глагольной формой, образованной от корня *sah-* «терпеть» (встречается также в приставочном виде *vi-sah-* или *ussah-*).

в) Конструкция с инфинитивом на *-(i)tuṃ* и прилагательным *sam-attha* (< ДИА *saṃ-artha-*) «способный/могущий [сделать что-то]».

Сфера модальных значений волюнтативности находится несколько в стороне от таковых возможности, способности и необходимости. Она проявляется, прежде всего, в целенаправленном волевом намерении субъекта осуществить действие или испытать то или иное состояние. В пали конструкции с инфинитивом, реализующие это значение, включают лексические единицы со значением «намереваться/пытаться/стремиться/готовиться/желать» и т.п. [1: 119].

Литература:

[1] Бондарко А.В., Беляева Е.И., Бирюлин Л.А. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Ленинград: Наука, 1990. — 264 с.

[2] Fausbøll, V., ed. The Jātaka, Together with its Commentary, being Tales of the Anterior Births of Gotama Buddha, Vol. I-VI. London: Trübner & Co., 1872-1897.

[3] Geiger, W. A Pali Grammar. Translated into English by Batakrishna Ghosh. Revised and edited by K.R. Norman, – Oxford: Published by The Pali Text Society, reprinted 2005 (1916).

Троичность и двоичность в грамматической системе литературного арабского языка (вопросы теории арабской грамматики)

Лебедев В.В.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры арабской филологии
lebedev@iaas.msu.ru*

I. Троичность и двоичность в устройстве мира, их роль в познании **музыкально-числовой** структуры космоса, их органичность для человеческого сознания, их отражение в знаковой системе «Литературный арабский язык», в арабской языковедческой традиции, и оптимизация процесса обучения арабскому языку.

II. Троичными в арабской грамматической системе являются:

1. Обозначения **пространства**: *hunā* *здесь* → *hunāka* *там (где ты)* → *hunālika* *там (за тобой)*.

2. Обозначение **времени**: прошедшее: *gasama* *рисовал-он* → настоящее *yarsum^u* *рисует-он* → будущее *sawfa yarsum^u* *будет рисует-он*.

3. Обозначение **временной отдаленности** действия относительно момента говорения: настоящее *yarsum^u* *рисует-он* ← прошедшее близкое *qad rasama* *только-что нарисовал-он* – *lammā yarsum⁰* *еще не нарисовал-он* ← прошедшее далекое *rasama* *рисовал-он* – *lam yarsum⁰* *не рисовал-он*; настоящее *yarsum^u* *рисует-он* → будущее близкое *sa-yarsum^u* *нарисует-он* – *lan yarsum^a* *не нарисует-он* → будущее далекое *sawfa yarsum^u* *будет рисует-он* – *sawfa lā yarsum^u* *будет не рисует-он*.

4. Система **личного местоимения** в дейктической функции: Говорящий - *'anā Я -rassām^{un}* -художник *أنا رَسَّامٌ*; *rasam^t* *рисовал-Я* *رَسَمْتُ*; *rasama-nī* *рисовал-он-меня* *رَسَمَنِي*; *'iyūāya* *меня* *رَسَمَ لِي*; *rasama* *рисовал-он* *رَسَمَ*; *lī* *у меня* *لِي*; → слушающий - *'anta Ты rassām^{un}* -художник *أنت رَسَّامٌ*; *rasam^t* *рисовал-Ты* *رَسَمْتَ*; *rasama-ka* *рисовал-он-тебя* *رَسَمَكَ*; *'iyūāka* *тебя* *رَسَمَ لَكَ*; *rasama* *рисовал-он* *رَسَمَ*; *laka* *у тебя* *لَكَ* → отсутствующий – *huwa Он rassām^{un}* -художник *هُوَ رَسَّامٌ*; *rasama* *рисовал-Он* *رَسَمَ*; *rasama-hu* *рисовал-он-его* *رَسَمَهُ*; *'iyūāhu* *его* *رَسَمَ لَهُ*; *lahu* *у него* *لَهُ*.

5. Система **арабского артикля**: неопределённый *walad^{un}* → определённый *'al-walad^u* → нулевой *walad^u* *мальчик*

6. Категория **словоизменения** *'i'gāb*: у имени - *raf'* «словоизменительная подкатегория на -u, выражающая самодостаточность словесной формы» → *naṣb* «словоизменительная подкатегория на -a, выражающая несамодостаточность» → *jaṣṣ* – «словоизменительная подкатегория на -i, выражающая несамодостаточность»; у глагола – *raf'*-u «самодостаточность» → *naṣb* -a «несамодостаточность» → *jazm* -⁰ «несамодостаточность» (определения проф. Г.М. Габучана).

7. Структура **минимального сегмента слова с гласным компонентом** *ḥarf mutaḥarrik*: $b^a \rightarrow b^u \rightarrow b^i$; $t^a \rightarrow t^u \rightarrow t^i$; ... $y^a \rightarrow y^u \rightarrow y^i$.

8. Структура **арабского знаменательного слова** (в подавляющем большинстве): три *корневых сегмента / харфа* *ḥurūf 'aṣliyyah* + 1/2/3 *добавочных харфа* *ḥurūf zā'idah*, представленные закрытым списком: *أ-ل-ي-و-م-ت-ن-س-ا-ه* ←.

9. **Части речи**: *имя 'ism* → *глагол fi'l* → *частица ḥarf*.

10. Морфология и синтаксис числительного первого десятка и имени исчисляемого: 1) *walad^{un}* *один мальчик* (*wāḥid^{un}*) *один* - **значение единичности** выражается танвином (нунацией) последнего сегмента (харфа) имени исчисляемого и может быть подтверждено и усилено числительным с теми же значениями рода и падежа *walad^{un} wāḥid^{un}* «один мальчик»; 2) *waladāni* *два мальчика* (*'iṣnāni*) *два* – **значение двойственности** выражается харфом -ā (*'alif*) имени исчисляемого и может быть подтверждено и усилено числительным с теми же значениями рода и падежа: *waladāni 'iṣnāni* «два мальчика»; 3) *salāṣat^u* *три* *'awlādⁱⁿ* *мальчика* – **значения множества** в диапазоне **3-10** выражаются генитивной конструкцией числительного с исчисляемым: при этом исчисляемое имеет форму *мн. ч. jam'*, *неопр. nakirah*, *род. п. majrūr*.

III. Двоичными в арабской грамматической системе являются:

1. **Элементарный сегмент просодической и словообразовательной модели арабского слова** – **харф** *ḥarf* во всех своих вариантах: ¹ *Согласный + Гласный* ($b^{a/u/i}$), ² *Согласный + ⁰гласный* (b^0), ³ *⁰согласный + Гласный* (0a ; 0u ; 0i).

2. **Предложения субъектно-предикатного типа** *musnad wa-musnad 'ilayh*: **именное предложение** *jumlah 'ismiyyah*, информирующее о состоянии субъекта, и **глагольное предложение** *jumlah fi'liyyah*, информирующее о событии.

3. **Глагольная основа** имеет две формы: *прошедшую* fi'l māḍin, связанную преимущественно с выражением прошедшего времени māḍin, и *подобную* fi'l muḍāri', имеющую, подобно имени, три словоизменительных формы: прямую – marfū' и косвенные – mansūb и jazm. Первая выражает преимущественно *настоящее время* ḥāḍir, косвенные – *прошедшее* māḍin, или *будущее* mustaqbal, или неопределенное – в зависимости от предшествующей частицы.

IV. Двоичность в троичности в функционировании языковых подсистем.

Внутри троичных списков элементов арабской языковой системы, как правило, наличествует пара противопоставлений (оппозиций):

1. **Функционирование харфа:** в троичном списке разновидностей парных сегментов-харфов ($C^r / C^0 / {}^0\Gamma$) два элемента «объединяются», составляя оппозицию третьему элементу: $[C^r + C^0] \longleftrightarrow [{}^0\Gamma]$ – *сильный харф* ḥarf ṣaḥīḥ ($b^a/b^u/b^i/b^o$) противопоставляется здесь *слабому* ḥarf^u 'illah); а также: $[C^r] \longleftrightarrow [C^0 + {}^0\Gamma]$ – *харф, в котором его обе позиции материально реализованы* ḥarf mutaḥarrīk, противопоставляется *харфам, в которых одна из позиций имеет нулевую реализацию* ḥarf sākin: здесь *движение* ḥarakah как бы противопоставляется *покою* sukūn в звучащей речи. Оба противопоставления значимы для словообразования, формообразования и продуцирования самой речи: сильный харф всегда остается самим собой, слабый же может быть либо преобразован в другой слабый, либо *упразднен* uḥḏaf; харф *подвижный* mutaḥarrīk может быть озвучен в начале слова и не может – в конце, а харф *покоящийся* sākin не может быть в начале слова, но должен звучать в его конце (т.н. *паузальная* waqf форма каждого слова); покоящиеся харфы также не могут следовать друг за другом).

2. **Слабые харфы корневой основы:** 0a ('alif) / 0u (wāw) / 0i (yā') противопоставляются по линии $[{}^0u$ (wāw) + 0i (yā')] $\longleftrightarrow [{}^0a]$ как первичные, исходные корневые замещающему их харфу.

3. **Структура личного местоимения:** в троичном списке значений – *говорящий* mutakallim и *слушающий* muḥāṭab «объединяются» друг с другом [*«я»* + *«ты»*] как присутствующие в своем противопоставлении *отсутствующему* ḡā'ib «он»: [*«я»* + *«ты»*] \longleftrightarrow [*«он»*]. Это получает формальное выражение: все «отсутствующие» начинаются с харфа h ه, все «присутствующие» – с харфов ${}^a n^0$ اء, при этом «слушающие» из «присутствующих» помечаются харфом -t: اءت. И h-местоимения, и ${}^a n^0$ -местоимения выступают в дейктической функции; в анафорической, замещающей функции выступают только h-местоимения. Число в разных функциях h-местоимения выражается по-разному.

4. **Части речи:** в троичном списке частей речи *имя* 'ism и *глагол* fi'l «объединяются», противопоставляя себя *частице* ḥarf, как знаменательные части речи незнаменательной: [имя \longleftrightarrow глагол] \longleftrightarrow [частица].

Некоторые особенности морфологии и синтаксиса определительных конструкций в японских пословично-поговорочных выражениях

Линяев Д.В.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры японской филологии
mitya465@mail.ru

В японском синтаксисе функцию приименного определения в предложении могут выполнять глаголы, предикативные, полупредикативные и непредикативные прилагательные, прилагательные, а также многочисленные субстантивы: существительные, числительные, местоимения.

Выполняя роль приименного определения в японских котовадза (пословично-поговорочных выражениях – ППВ), слова данных групп демонстрируют четко прослеживаемые тренды морфологической деривации. Одни словоформы, употребляются в ППВ систематически, другие – сравнительно редко, есть и те, которые возможны в японском синтаксисе и встречаются в устной и письменной речи, но в ППВ не употребляются практически никогда.

При самом беглом знакомстве с корпусом японских ППВ бросается в глаза одна их особенность – весьма малое число прилагательных. Как ни парадоксально, в японских ППВ приименными определениями чаще всего являются слова других частей речи: глаголы и существительные. Именных и глагольных определений в японских ППВ многократно больше, чем адъективных.

Субстантивы, характеризующиеся общностью синтаксического функционирования, представлены в японских ППВ почти исключительно **СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ**. Крайне редко встречаются числительные, а местоимений в корпусе ППВ мы не нашли вовсе. В определительных позициях собственно существительные связываются с определяемыми словами через коннектор の, определяемый в практическом японоведении как аналог родительного падежа в русском языке. С точки зрения семантики такие определения выражают наиболее часто отношения притяжательности: 人の口には戸が立てられぬ, 蛙の子は蛙. Кроме того, могут быть выражены временные (後の祭り, 昨日の友は今日の敵 (仇)), пространственные (遠くの親戚より近くの他人, 川向の喧嘩) и прочие отношения.

Гораздо более примечательна нередко наблюдаемая прямая смычка существительных – без предписываемого японским синтаксисом коннектора: 空き樽は音が高い, 秋茄子は嫁に食わすな. Отглагольное существительное 空き, означающее пустоту, незанятость, довольно часто соединяется подобным способом с другими существительными (空き缶, 空き部屋, 空き巣), а прямая смычка существительного 秋 с существительным 茄子 в словосочетании «осенний баклажан» является явным отступлением от общепринятых правил грамматики.

Как известно, **ГЛАГОЛ** в позиции приименного определения в регулярном синтаксисе ЯЯ может употребляться в утвердительной или отрицательной словоформе прошедшего или не прошедшего времени. В ППВ глагольные определения характеризуются следующими особенностями:

– Словоформы прошедшего времени употребляются редко (鯛も 鮓も 食うた者が知る, 倒した雪は消えるが, 倒された竹は起きる). В корпусе японских ППВ значительно больше единиц, в которых определение выражено глаголом в форме непрошедшего (настояще-будущего) времени (立つ鳥跡を濁さず, 流行る稲荷は鳥居から知られる, 光あるところに影あり, 笑う門には福来る, 捨てる神あれば拾う/助ける神あり). К совсем редким примерам глагольного определения относится пословица 老いたる馬は道を忘れず, в которой суффикс ~たる, являющийся словоформой вспомогательного глагола たり, употреблявшегося в старояпонском языке, присоединяется к отглагольному существительному «старик».

– В отрицательных конструкциях глаголы чаще всего употребляются в форме на ~ぬ (捕らぬ狸の皮算用, 知らぬことも金が教える, 要らぬ物も三年経てば用に立つ). Отрицательная словоформа на ~ざる нечасто употребляется в современном ЯЯ. Она используется, скажем, в переводе поговорки «Кто не работает – тот не ест»: 働かざる者は食うべからず. Однако в корпусе исконно японских ППВ обнаружить примеры употребления данной определительной словоформы нам пока не удалось.

Предикативные **ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ** употребляются в определительных конструкциях весьма редко. Если же прилагательное становится определением, оно, как правило, принимает утвердительную форму непрошедшего времени: 親しき中にも礼儀あり, 遠い親戚より近くの他人, 言いたいことは明日言え, いい後は悪い, (悪い後は良い).

Ещё одной характерной особенностью японской лексики в целом и корпуса ППВ в частности является наличие корне- и основосложных слов, в которых один из компонентов является определением ко второму (в русском языке их аналогами будут слова *чернокнижник*, *крупноплодный* и пр.). Примером основосложения в определительной конструкции является уже упоминавшееся слово 空き樽. Примеры сложения корней китайского происхождения находим в пословицах 覆水盆に返らず, 良薬は口に苦し, 聖人に夢無し и пр. Китайские корневые морфемы в таких словах могут ассоциироваться с глаголами (覆水 → 覆された水), с прилагательными (良薬 → 良い薬) и с существительными (成人 → 聖の人).

Литература:

ことわざ辞典.池田利夫監修. ナツメ社.東京, 1987.

Реалии как средство языкового манипулирования в современных медиатекстах (на материале персидского языка)

Рогожина А.Н.

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны

Российской Федерации, преподаватель

rogozhina-alina@mail.ru

В современном обществе медиатексты являются основным источником получения информации. Вследствие активного развития интернета и мультимедийных технологий у людей появилась возможность следить за новостями и узнавать новое за считанные секунды. Сейчас СМИ активно используют в своих материалах различные языковые средства с целью привлечь внимание или скрытно убедить аудиторию в «правильности» своей точки зрения.

Речь идёт о языковом манипулировании. Даже во времена Античности многие философы и ораторы использовали в своих выступлениях различные средства манипуляции для достижения своих целей. В действительности языковое манипулирование можно увидеть не только в политике, религии и обществе. Стремление навязать свою точку зрения и сформировать определённое мнение присутствует даже в таких сферах как педагогика и литература. В большинстве случаев языковая манипуляция незаметна для аудитории, поскольку она скрывается за простыми предложениями или игрой слов. Все чаще становится очевидным тот факт, что «...чем тоньше происходит манипуляция языковыми средствами и чем ненавязчиво становится слово-оружие, тем коварнее его воздействие на ничего не подозревающую общественность» [1].

Сегодня эта проблема все ещё не теряет своей актуальности: пропаганда, агитация, политические выступления, реклама, фейковые новости и прочие формы воздействия посредством языка получили более широкое распространение в нынешних условиях информационной войны.

В ходе исследования были рассмотрены аутентичные материалы, находящиеся в открытом доступе и опубликованные в 2020–2023 гг. При помощи метода случайной выборки удалось определить те языковые реалии, которые и выступили объектом данного исследования. Предметом исследования стало использование функциональных возможностей реалий в медиатекстах.

Медиатексты принадлежат публицистическому стилю, для которого характерно использование языковых элементов, привлекающих внимание и неосознанно влияющих на мнение читателя. Каждый информационный медиатекст обладает таким свойством как идеологическая модальность, которая передаётся при помощи различных языковых средств. Несмотря на то, что качественный новостной текст должен быть объективно-нейтральным, это не отменяет наличия экстралингвистического фактора, а именно категории культуроспецифичности, которая находит отражение в первую очередь в реалиях [2]. Реалии — это культурно-специфическая лексика, не имеющая эквивалентов в чужом языке. Они встречаются в том или ином виде во всех функциональных стилях, в том числе и в публицистическом, чья главная задача — убедить и побудить читателя к действиям.

Языковые реалии могут оказать непосредственное влияние на формирование общественного мнения. Например, использование таких реалий как شیطان بزرگ šeytān-e

bozorg и شیطان کوچک *šeytān-e kuček* («Большой Сатана» и «Малый Сатана») для обозначения политических противников Ирана — США и Израиля создаёт отрицательный образ этих стран в сознании иранского народа.

Распознать языковое манипулирование, особенно скрытое, сложно, но возможно. Благодаря конкретным примерам можно увидеть, как в реальности выглядит языковое манипулирование, каким образом оно используется в публикуемых материалах и как его распознать.

Проведённое исследование показывает, что реалии могут быть эффективным средством манипулирования и воздействия на публику, поскольку они легко «сливаются» с основным текстом, но быстро находят отклик у носителей языка. Их употребление в медиатекстах, безусловно, может оказать влияние на формирование общественного мнения и «натолкнуть» читателя на определённые выводы.

Литература:

1. Нурутдинова А.Р., Исмагилова Г.К., Туганова С.В., Вагнер К.Р., Гагарина В.Р., Дмитриева Е.В. Феномен языка и риторики в политике: Лингвистическая манипуляция СМИ как инструмент массового убеждения (на примере русского и английского языков) // Международный научно-исследовательский журнал. 2023, № 9 (135), с. 1-10.

2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008.

Формальный и коммуникативный анализ синтаксических конструкций с лексемой *ba'aa* в разговорном арабском языке Египта

Савватеева Т.С.

*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ст. преподаватель кафедры арабской филологии
savvateevats@my.msu.ru*

В лингвистических работах по арабской диалектологии довольно часто в качестве иллюстрирующих примеров приводятся не материалы полевых исследований, а фрагменты из литературных произведений на разговорном арабском языке. Так, в статье о прагматике высказываний, содержащих глагол «говорить, сказать», Манфреда Войдиха – крупного специалиста по разговорным языкам Египта, участника многих лингвистических экспедиций, одного из авторов Атласа диалектов арабского мира – список источников включает 33 позиции, и почти все они являются произведениями египетской прозы и драмы XX в. (с 1922 г. по 2005 г.) [Woidich 2007: 699–700].

Использование авторитетными диалектологами подобных материалов для лингвистического анализа наряду с языковыми примерами, собранными от информантов в рамках полевой работы, подтверждает максимальное сходство данных высказываний с образцами спонтанной речи. В этой связи, особый интерес представляет выявление

синтаксических и семантических средств, позволяющих автору воссоздать живой диалог, не воспринимающийся как конструктор.

Диалогический текст значительно сокращает число нарративных пояснений, создаёт впечатление перехода к устным формам. В работах по проблематике диалога как коммуникативной формы выделяются следующие синтаксические средства диалогизации текста: вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы, восклицания; вводные и вставные конструкции, разные формы обращения к читателю [Старостенко 2021: 66].

Некоторые структурно-семантические элементы диалогических текстов на разговорном арабском языке Египта (египетском диалекте) связаны с выражением модальности в широком смысле¹, то есть не только морфологически – в рамках глагольных форм, но и с помощью особых средств т.н. субъективной модальности. В частности, среди подобных средств выделяются синтаксические конструкции, которые содержат глаголы, вставшие на путь грамматикализации. Настоящий доклад рассматривает формальную структуру, семантику и прагматику высказываний, содержащих лексему *ba'ā – yib'ā*.

Все возможные глагольные значения данной лексики перечислены и проиллюстрированы в словаре египетского диалекта [Badawī, Hinds 1986: 91]: быть (каким-то/кем-то), больше не быть (каким-то/кем-то), становиться, достигать (какого-то места, времени или состояния), продолжительное результативное действие в прошлом, повторяющееся действие в прошлом, начинать и др. Употребление лексики *ba'ā – yib'ā* в качестве средства субъективной модальности выходит за рамки данного списка.

Лексема *ba'ā – yib'ā* может занимать как начальное, так и конечное положение в высказывании. В начальной позиции форма имперфектива *yib'ā*, как правило, выражает эпистемическую необходимость. В конечной позиции в вопросительных контекстах форма перфектива *ba'ā* выражает значения обобщения, следствия:

(1) *w-yihimm-ik* *ra'y-ī* *fī* *'eyh*
ba'ā

и-3волноватьIPFV;SG-2SG;VOC взгляд-1SG;GEN PREP что же
А почему тебя [вообще] волнует моё мнение?

Также форма перфектива употребляется с целью эмфазы – непосредственно после акцентуруемого слова:

(2) *wi-šmi'nā* *ba'ā* *dilwa'tī*
и-вдруг *ba'ā* теперь
ba'ye-t *'ana* *r-rāgil* *il-mausū' fī-h* *ya'nī?*
1остатьсяPFV,SG 1SG ART-человек ART-заслуживающий доверия то есть
И что же, теперь я вдруг стал человеком, заслуживающим доверия?!

В качестве аналогии обратимся к случаям употребления частицы ЖЕ в русском языке. Она имеет ряд значений, которые зависят в том числе от ее положения в высказывании. Так, поставленная после вопросительного местоимения, частица ЖЕ выражает вопрос,

¹ Мы понимаем *модальность* как категорию, значения которой выражают оценку статуса ситуации по отношению к реальному миру, субъективную оценку содержания высказывания говорящим, а также его коммуникативное намерение. Подробнее см. [Савватеева: 117–129].

порождённый предшествующим контекстом, иногда выражает нетерпеливое требование ответа [Падучева 2019: 344].

Анализ типовых высказываний с лексемой *ba'ā – yib'ā* заслуживает внимания, поскольку даёт значимые выводы не только для эффективного обучения разговорному языку, но также способствует пониманию языковой картины мира носителей и выстраиванию успешной коммуникации с ними.

Литература:

1. Badawi, El-Said, & Hinds, Martin. A Dictionary of Egyptian Arabic. Arabic-English. Beirut: Typopress, 1986.
2. Woidich, M. Everything you always wanted to know about *'āl, yi'ūl 'to say'* in Egyptian Arabic//Approaches to Arabic Linguistics. BRILL, 2007.
3. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.
4. Савватеева Т.С. Субъективно-модальные значения в египетском диалекте// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67, № 4.
5. Старостенко Т.Е. Текст как диалог // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. №4, 2021. С. 66-71.

Коэффициент открытости голосовой щели в речи носителей персидского языка

Силантьева Л.Г.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры иранской филологии

silantevalg@my.msu.ru, lyubovsilantieva@yandex.ru

На современном этапе исследований персидской просодии в отечественной, иранской и западных школах уже нет расхождения мнений о том, что на уровне акустики словесное ударение в персидском языке является тоническим. Однако связь ларингальных параметров со словесным ударением в персидском языке ранее специально не изучалась. Это во многом обусловлено тем, что детальное описание работы речевых органов, расположенных более глубоко в речевом тракте (в т.ч. ларинкса и голосовых связок), стало возможным сравнительно недавно, когда появились соответствующие аппараты, такие как спектрографы, осциллографы, глоттографы, ларингостробоскопы и др. Без специального оборудования данные исследования не представлялись возможными, т.к. названные органы речи недостаточно ощущаются говорящим и не могут быть описаны путём самонаблюдения.

В рамках акустико-глоттографического исследования, нацеленного на определение основных акустических и артикуляторных характеристик ударения и описание работы

ларинкса и голосовых связок носителей персидского языка при артикуляции речевых сегментов, был проведён ряд экспериментов с использованием электроглоттографа [1].

На данный момент изучение работы ларинкса с помощью глоттографа является одним из наиболее точных методов экспериментального лингвистического исследования.

Глоттограф – прибор для исследования вибрации голосовых складок, снабжённый двумя электродами, накладываемыми на шею информанта. Принцип работы глоттографа основан на изменении сопротивления кожи току ультравысокой частоты, который, проходя через ларинкс, меняет силу в соответствии с колебаниями голосовых связок: смыкание понижает сопротивление, размыкание – повышает. Изменения силы тока фиксируются в виде глоттограммы – кривой с выраженными фазами ларингальных движений, по которой можно судить о колебательных движениях ларинкса и фазах раскрытия-смыкания голосовых связок.

При использовании глоттографа речевой поток регистрируется в двух разных каналах: в первый идёт запись микрофонного сигнала, а во второй – сигнала глоттографа. Первый канал позволяет оценить акустические характеристики: частоту основного тона (F_0), интенсивность (I), длительность (T). Во второй канал регистрируются ларингальные параметры: вертикальное смещение ларинкса (VLP), инфразвуковая частота (Sub), коэффициент открытости голосовой щели (OQ). Использование дополнительного канала информации – глоттограммы – значительно повышает точность сегментации речевого потока по сравнению с одноканальной записью.

Ранее [1, 2, 3] были проанализированы основные акустические параметры персидских гласных слогоносителей, их интегральные параметры F_0 -area, I -area и Volume, а также ларингальные параметры: инфразвуковая частота и вертикальное смещение ларинкса. Проведённые эксперименты показали, что маркирование ударного слога в персидском языке помимо известного фактора повышения частоты основного тона на 3,44% (0,59 полутона) производится снижением инфразвуковой частоты колебаний ларинкса на 3,47% (2,65 полутона). Данный фактор был назван ларингальным коррелятом персидского словесного ударения. Пилот-эксперимент исследования амплитудной составляющей вертикального движения ларинкса показал нерелевантность параметра вертикального смещения для маркирования ударного слога в персидской речи.

Для исследования взаимосвязи работы ларинкса с просодией необходимо было рассмотреть участие в речеобразовании такого параметра как коэффициент открытости голосовой щели (OQ), который регистрируется глоттографом. Коэффициент открытости показывает отношение времени, в течение которого голосовая щель открыта, ко всему периоду колебания голосовых связок. Данный параметр позволяет также косвенно судить о внутриротовом давлении при артикуляции речевых сегментов.

Пилот-эксперимент по измерению коэффициента открытости голосовой щели обнаружил тенденцию, что среднее значение OQ в ударном слоге меньше, чем в безударном. При артикуляции ударного слогоносителя голосовая щель закрыта чуть более длительное время, чем при артикуляции безударного. Представляется, что при увеличении сопротивления голосовой щели, в т.ч. при уменьшении периода её открытости, внутриротовое давление повышается, что может влиять на характеристики звука, включая повышение тона. Снижение же давления, наоборот, выражается в увеличении времени открытости голосовой щели.

Литература:

1. *Ivanov V.B., Silanteva L.G.* Research on word stress in Iranian languages by Soviet and Russian scholars // Russian Journal of Linguistics. — М.: 2023, Vol. 27, no. 2. — P. 392–417.
2. *Silanteva L.G.* Acoustic-Glottographic Correlates of Prosody in Persian Speech // Conference Abstracts. Tenth European Conference of Iranian Studies (ECIS 10). — The Netherlands: Leiden University, 2023. — P. 179.
3. *Силантьева Л.Г.* Глоттографический анализ ударения в персидском языке // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика. — М.: ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023. — С. 193–195.

Однонаправленные и разнонаправленные изменения морфосинтаксической структуры западных новоиндийских языков (XIV–XX вв.)

Хохлова Л.В.

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры индийской филологии
khokhl@iaas.msu.ru

Индийские языки демонстрируют редко встречающийся тип диахронического развития: номинативно-аккузативная стратегия синтаксического кодирования, характерная для древнеиндийского, в среднеиндийском сменяется расщепленной эргативной системой, которая в новоиндийских языках утрачивает многие свойства эргативных языков. В данной работе ставится вопрос, какие изменения структуры в процессе типологического развития западных новоиндийских языков носили однонаправленный и какие разнонаправленный характер.

I. Расщепленная система синтаксического кодирования (номинативно-аккузативная в формах несовершенного вида и эргативная в перфективной сфере) была характерна для начального периода развития эргативной системы [Bubenik 1998] и сохранилась в большинстве индоарийских языков. В дакхини эргативная стратегия первоначально распространилась на всю систему видовременных форм, включая формы настоящего времени, затем синтаксическая система вернулась к номинативно-аккузативному типу, демонстрируя тем самым *разнонаправленное* развитие [Шаматов 1974, Shmidt 1981].

II. Среднеиндийский и начало новоиндийского периода демонстрируют последовательно эргативный тип падежного маркирования в перфективной сфере (S=P≠A). В результате разрушения характерной для древнеиндийского падежной системы выходят из употребления формы исторического инструментального падежа и т. о. стирается оппозиция S и A. Отсутствие различий в маркировании S и A можно было бы интерпретировать как решительный поворот в направлении номинативного синтаксиса, однако в большинстве новоиндийских языков наблюдается появление специального эргативного послелого, маркирующего агенс переходного действия в формах совершенного вида. Т.о. исторические изменения в маркировании S и A носили *разнонаправленный* характер.

III. Решительным шагом в направлении стирания эргативности было появление аккузативно-дательного послелого, который употребляется для оформления местоимений, одушевлённых существительных и существительных, маркированных по признаку «определённость». Аккузативно-дательный послелог появился вначале в предложениях с предикатами несовершенного вида, позже – в эргативной сфере, его распространение носило исключительно *однонаправленный* характер.

IV. Исторические изменения в маркировании А и Р приводили к смене стратегий синтаксического кодирования. Середина и начало новоиндийского периода характеризовались пиком развития морфологической эргативности. В ходе последующего развития эргативная стратегия ($S=P\neq A$) сменилась нейтральной ($S=P=A$), затем контрастивной ($S\neq P\neq A$), которая в значительной части именных парадигм раджастхани и в местоименных парадигмах панджаби перешла к номинативно-аккузативной системе падежного маркирования ($S=A\neq P$). В случае неодушевленного пациенса преобладала эргативная система, сменившая контрастивную в результате развития эргативных послелогов. Наблюдались также некоторые недолговечные системы падежного маркирования, например, редкая стратегия в парадигмах местоимений западного панджаби: $A=P\neq S$. В целом изменение стратегий синтаксического кодирования происходило в направлении от эргативного к номинативно-аккузативному типу [Stump, 1983], однако этот процесс *не был последовательно однонаправленным*.

V. Диахронические изменения правил глагольного согласования носили преимущественно *однонаправленный* характер. В некоторых языках эргативная конструкция сохранила согласование в роде и числе с прямым дополнением, маркированным послелогом (гуджарати, марвари), но в других маркированное дополнение блокировало согласование (панджаби, маратхи, хинди-урду). В некоторых раджастханских диалектах возможно согласование с эргативным агенсом.

VI. Переход к эргативной стратегии синтаксического кодирования сопровождался в среднеиндийском и в начале новоиндийского периода развитием таких черт синтаксической эргативности, как свободная элизия агенса и эргативный тип кореферентных опущений [Кибрик 1992]. Процесс стирания обеих черт синтаксической эргативности, нетипичной для современных западных НИА, имел последовательно *однонаправленный* характер.

Таким образом, морфосинтаксическая эволюция западных новоиндийских языков демонстрировала преимущественно однонаправленное движение в сторону номинативно-аккузативного синтаксиса, при этом процесс изменения стратегий синтаксического кодирования не был последовательно однонаправленным.

Литература:

Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания, М, Изд-во МГУ, 1992.

Шаматов, А.Н. Классический дакхини, Москва, Наука, 1974.

Bubenik, V. A. Historical Syntax of Late Middle Indo-Aryan (Apabhramsha), Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998.

Shmidt, R. L. *Dakhini Urdu. History and Structure*, New Delhi–Chandigarh, Bahri Publication, 1981.

Stump, G. T. The Elimination of Ergative patterns of Case Marking and Verbal Agreement in Modern Indic Languages, *Ohio State University Working Papers in Linguistics* 27, 1983:140–164.

Содержание:

Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа.....	1
Территория расселения и этнический состав казахов Среднего жуза.....	1
Национальная политика Советского государства и Туркестанская АССР.....	3
Суверенитет и субъектность государства в эпоху неоглобализации.....	5
Центральноазиатский «логос» в «Красе известий» Гардизи: тюрко-монгольский мир глазами новоперсидского хрониста XI в.	8
Кочевая цивилизация: локальная кыргызская цивилизация.....	10
Туркмены в восточной политике Российской империи 20—30-х гг. XIX в. по материалам Азиатского комитета.	12
Багратиони в кавказской политике России в первой четверти XIX в.	15
Политика Турции и Ирана на Южном Кавказе после Второй Карабахской войны: Сравнительный анализ.....	17
Детские дома в Казахстане в 1930-е гг.	19
Гендерные стереотипы в казахстанском обществе в контексте традиционных взглядов на социальную роль мужчины и женщины.....	21
Национальные меньшинства Советского Востока в материалах периодического издания "Революция и национальности" (1930-1937): от научной дискуссии к новой переписи населения.....	24
О роли Ибрахим-ходжи в истории Хивинского ханства в последней четверти XIX в.....	26
Сопряжение категорий прогресса и нации в дореволюционных воззрениях туркестанских джадидов.....	28
Научное исследование историко-культурных памятников Сырдарьинской области Туркестанского края русскими учеными (XIX- начало XX вв.).....	28
Россия и Казахстан-ядро Шанхайской организации сотрудничества.....	31
Реперные точки сотрудничества Центральной Азии и России.....	34
Особенности гендерной политики в современном Кыргызстане.....	36
Африканистика.....	40
Сущность и содержание российской мягкой силы в Нигерии и ЮАР.....	40
Новые африканские имена на базе лексики суахили.....	41
Малагасийско-занзибарские отношения в первой половине XIX века.....	43
«Галла» (оромо) в восприятии европейцев и эфиопов.....	45
Страны Тропической Африки в глобальном рейтинге элит.....	47
Домашнее чтение в системе преподавания амхарского языка.....	49
Новые источники по истории и антропологии Бельгийского Конго (по фотоматериалам К. Загурского).....	51
Апеллятивы в хауса.....	52

Южноафриканский писатель Хенни Аукамп: заметки о литературе, творчестве и жизни	54
Общие арабские заимствования в системе агглютинативных языков (на примере суахили и татарского языка)	56
Роль этнической группы белуджей в освоении Восточной Африки	57
История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока	60
Правитель Чинь Зянг: pro et contra	60
Источники по семейному праву доколониального Вьетнама	62
На стыке эпох и научных школ: историк Алексей Борисович Поляков (1949–2020) и его исследования вьетнамского средневековья	64
Девиантное поведение в «эпоху мира и спокойствия»: насилие в жизни придворной знати периода Хэйан	66
Посольский обмен между государствами Северная Сун и Корё в X–XII в.	69
Болезни знатных особ в эпоху Хэйан	70
Хо Куи Ли как историческая личность и литературный персонаж (историография vs. исторический роман)	72
Литература стран Азии и Африки	76
Жанровая природа «Книги о Туглуке» (<i>Туглук-нама</i>) Амира Хусрава Дихлави (1253–1325)	76
Дискуссия о гендерной норме на страницах иранской женской прессы XX в.	77
Рамон Мусонес и его роман « <i>Маргосатубиг</i> » в литературе XX века на языке хилигайнон	79
Образ дракона в классической китайской литературе (на примере главы «Ложные [сообщения] о драконах» трактата Ван Чуна I в. н.э.)	82
Язык ненависти в грузинской версии «Висрамиани» (XII в.)	84
Скрытый оптимизм повести-дистопии Тавада Ёко «Посланец» (2014 г.)	86
Прием обращения в санскритской поэзии малой формы (II–X вв. н.э.)	88
Роман «Амба» (2012) индонезийской писательницы Лаксми Памунчак: борьба с забвением	90
Мифологическая и неомифологическая картина мира	92
Истоки японского реинкарнационного фэнтези	95
Жанровые особенности традиционной малайской поэмы- <i>шаира</i> в современных представлениях городского театра <i>бориа</i>	96
Дискуссия вокруг стихотворения Нима Юшиджа «Мерзкая надежда» (1941): литературная критика «новой поэзии» в Иране	98
Феномен диалога в японской средневековой литературе	99
Споры вокруг литературного наследия Зебуннисо (1639–1702)	101
Образ Хюррем-Султан (Роксоланы) в турецкой драматургии XX–XXI вв.	103

Классическая арабская поэзия тоски по родине (<i>ал-ханин ила-л-аутан</i>) сквозь призму теории топосов Э.Р. Курциуса.....	105
Мифологические схемы в современной арабской прозе (на примере произведений Рашида ад-Да'ифа).....	106
Программа R-Style: опыт стилеметрического анализа литературных текстов на языках фарси и пашто	108
Художественный мир стихотворений в прозе (<i>саньвэньши</i>) в китайской литературе первых десятилетий XX в.	109
Мир земной в конвенциональном языке персидской классической поэзии X–XIV вв. (касыда и газель)	111
Историческая составляющая романистики Зюльфю Ливанели	114
Японские топонимические предания о «строительной жертве».....	116
Феномен художественного свиста в традиционной культуре Китая и его связь с китайской классической литературой.....	117
Элементы детектива в рассказе Май Цзя «Две девушки из Фуяна» (2005 г.)	119
Особенности двух поэтических сборников поэтессы хинди Чампы Вайд	121
Методика и практика преподавания восточных языков	124
Семейные ценности: арабский мир и Россия (опыт обсуждения проблематики со студентами-арабистами).....	124
Трудности при освоении арабской скорописи	126
Введение русской и латинской транскрипции на начальном этапе обучения японскому языку	127
Создание учебно-методических пособий по турецкому языку в свете теории коннективизма.....	129
Средства сети Интернет как инструмент подготовки переводчиков	130
О целесообразности применения коммуникативной методики на начальном этапе обучения арабскому языку	131
Ошибки при переводе на русский язык названий китайских ключей	134
К вопросу о роли преподавателей-носителей языка в формировании компетенции иноязычной диалогической речи обучающихся	136
Новая и Новейшая история стран Азии и Африки.....	139
Японский национализм и его роль в новом миропорядке XXI века.....	139
Санскритологи в нацистской Германии	140
Кризис руководства караимских общин Крыма на рубеже XVIII - XIX вв. и эволюция традиционной культуры.....	142
Лути в кадjarском Иране: рыцари базара или городские бандиты?	144
Женское лицо достижений авиации «Новой Турции»: образ Сабихи Гёкчен в турецкой прессе второй половины 1930-х гг.....	146
Газета «Гунжэнь чжи лу» («Рабочий путь») как источник по истории китайских мигрантов на Дальнем Востоке Советского союза 1920-30-х гг.....	148

Касты индийского Юга в начале XVIII века: история одного термина	150
Буддизм в политической риторике современной Индии	152
Некоторые географические несоответствия на картах Японии Дайкокуя Кодая (1751-1828).	154
Индийские коммунисты и деятельность МОПР в 1920-1930-ые гг.	156
Иноверцы на службе падишаха: полк султанских казаков в армии Османской империи (1850-1870-е гг.)	157
Соотношение «жесткой» и «мягкой силы» в стратегии британской Ост-Индской компании	159
Надир-шах и грузинская элита	161
Динамика политического процесса в Турции 2000-х и 2010-х гг.: соотношение внутренних и внешних факторов его трансформации	163
Гражданская активность в период становления «Новой Турции» (1920-е и 1930-е гг.)	165
Круглый стол «Преподавание западноевропейских языков студентам-востоковедам и африканистам: особенности методики на современном этапе»	168
ИИ в преподавании иностранных языков: новые возможности или примитивное мышление?	168
О необходимости развития навыка публичных выступлений как способа передачи адекватной информации на английском языке у студентов младших курсов	170
Изучение культурологических особенностей восточных стран на интерактивных занятиях по английскому языку	172
Лингвистические черты "русскости" в русском варианте английского языка как методологическая дилемма	173
Реализация метода microlearning в работе с группами уровня B2	176
Методический потенциал мультимодальности	177
Религии, философия и культура на Востоке	180
Движение Талибан: религиозная и этническая идентичность	180
Религиозные аспекты движения ади-андхра в Южной Индии (первая половина XX в.)	181
Судьба и наследие отечественного исламоведа Г.С. Саблукова (1804–1880): его письма академику Х.Д. Френу (1782–1851) из фонда Санкт-Петербургского филиала Архива РАН	183
Салтанат и валаят: представления об источнике власти в послемонгольском Иране ..	185
Специфика рок-музыки в Индии: этапы развития и смысловое наполнение	187
Палестинское движение ХАМАС и ассоциация «Братья-мусульмане»	189
Консерваторы-традиционалисты против реформаторов-салафитов: «инцидент с муджтахидами» в османском Дамаске в 1896 г.	191
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока	191
Символика инструментов поддержания огня в ведийском ритуале	193

Переводчик Корана Г.С. Саблуков (1804–1880) и академические традиции корановедения в России (к 220-летию со дня рождения)	195
Мир дикого Запада: Европа в восприятии мусульман Ирака XVIII – начала XIX в.	197
Христианский компонент в культуре могольского Дели	198
Изображение исторических событий в современной поэзии хинди. На примере стихотворений о городе Айодхья.....	200
Ливийские евреи в русле истории и исторической памяти: современная историография истории еврейской общины в Ливии в XX в.....	202
«Может быть, вы уразумеете»: истоки и эволюция ваххабитского радикализма в XVIII в.....	204
От панисламизма к национализму: проекты османских и германских спецслужб в Магрибе (1914–1918 гг.).....	207
Суфийская обитель Дила': альтернативный очаг государственности в Марокко (середина XVII в.)	209
Мусульманские касты в современной социально-политической жизни Северной Индии (на примере штата Бихар)	211
Идеи гуманизма в творчестве Алишера Навои.....	213
Сикхская диаспора в Великобритании: история и современность	215
Реорганизация медресе и роль андалусской культуры в маринидском Марокко (XIII–XIV вв.)	217
Святая София Константинопольская в описании Генриха фон Реймерса и Гаврилы Сергеева (1793 г.).....	219
Церемониал приема высокопоставленных российских дипломатов Д.М. Голицына, П.А. Толстого, А.И. Дашкова и А.И. Румянцева при османском дворе	221
Современное образование в странах Востока и в России (Contemporary Education in Russia and Asia).....	224
Анализ библиографических данных в мире глобальной науки:	224
Исследование по скоординированному развитию создания дисциплин и программ ученых степеней в новых китайско-иностранных совместных университетах – на примере Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.....	226
Немецкий язык в странах Южной Азии	226
Реализация российских образовательных программ в КНР. Проблемы и решения. Опыт Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне	229
Transformational Instructor Leadership’s Effect on Students’ Outcomes-evidence from Post-graduate Business Degree Students in Hong Kong	230
Структура и специфика образовательных программ среднего и высшего образования в КНР.....	232
Подготовка международных талантов в области материаловедения	233
Основные подходы к подготовке кадров высшей квалификации в РФ: уровни, траектории, особенности.....	234

Новые требования к разработке учебных пособий по китайскому языку в соответствии с Шкалой уровней владения китайским языком от 2021 г.	236
Традиции и современность на Востоке	239
Динамика соотношения религиозного и светского в культуре Ирана периода модернизации (начало XX – 20-е гг. XXI в в.).....	239
Система принятия решений в Японии: традиционные аспекты	240
Модернизационное наследие японской колониальной администрации в Корее	242
Эстетика сервировки и сезонная символика в японском застольном этикете.....	243
Изменения в предпочтениях китайских потребителей	244
Перемена блюд. Как меняется питание китайцев.....	246
Эстетическая концепция «вэньжэньхуа» в китайской живописи	248
Традиционная культура в современном обществе Китая: поучительная функция и потребительские ресурсы (на примере песни «Ракшасский морской базар»).....	249
Триста лет забвения: об истории публикации трактата Цзи Чэна "Устройство садов" (Юань 園治, XVII в.).....	251
Система послевузовского образования КНР: академические, исследовательские, профессиональные треки	253
Чань-буддийские гун-ани как инструментарий в педагогической практике корейского конфуцианца Чон Дасана	254
Христианский Восток	257
Модели восточнохристианских Церквей в монографии П. Кроун и М. Кука «Агарянство» как образец манипулятивных практик в сфере научного и интеллектуального дискурса	257
Концепция "строгости исламской истории" (Austerity of Islamic History): "за" и "против."	259
Халиф Абд аль-Малик, Купол скалы и первые христианские полемисты с исламом	261
Больница св. Георгия в Бейруте в XX веке: эпоха второго рождения	263
Экономика стран Азии и Африки	266
Наука как вид экономической деятельности: история и практика использования библиографических баз данных в ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова.....	266
Возможности и проблемы диверсификации промышленности Марокко на этапе энергетического перехода	268
Глобальные цепочки добавленной стоимости во внутрирегиональной торговле стран Юго-Восточной Азии	270
Особенности динамики индикаторов человеческого развития в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (1990-е–2020-е гг.)	272
Сравнительный анализ межвременных бизнес-моделей национальных элит стран БРИКС.....	274
Иностраный бизнес на японском рынке.....	276
Языкознание.....	279

Проблематика учения о рецитации Корана в сочинении «ал-Иткан фи ‘улум ал-Кур’ан» Джалал ад-Дин ас-Суйути.....	279
К вопросу записи японских слов латиницей (по материалам опросов, проводимых Агентством по делам культуры Японии)	280
Паузальная форма слова в современной арабской лингвистике.....	282
Категория лексики <i>васэй эйго</i> в японском языке.....	283
Сравнение параметра VOT (voice onset time) в китайском и русском языках.....	284
К структурно-семантической характеристике глаголов в шугнанском и таджикском языках (на примере глагольной лексики, связанной с небесными телами)	286
Виды морфологических единиц и варианты элизии в санскритской грамматике Панини	286
Пение священной книги зороастрийцев Авесты	288
Семо-синтаксические конструкции с инфинитивами в языке пали	290
Троичность и двоичность в грамматической системе литературного арабского языка (вопросы теории арабской грамматики)	292
Некоторые особенности морфологии и синтаксиса определительных конструкций в японских пословично-поговорочных выражениях.....	294
Реалии как средство языкового манипулирования в современных медиатекстах (на материале персидского языка).....	297
Формальный и коммуникативный анализ синтаксических конструкций с лексемой <i>ba’aa</i> в разговорном арабском языке Египта.....	298
Коэффициент открытости голосовой щели в речи носителей персидского языка	300
Однонаправленные и разнонаправленные изменения морфосинтаксической структуры западных новоиндийских языков (XIV–XX вв.).....	302

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

Москва 28 марта - 3 апреля 2024
Материалы научной конференции

Главный редактор

Доктор исторических наук А.А. Маслов

Ответственный редактор

Кандидат исторических наук А.Г. Фесюн

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ИССА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Редакционная коллегия:

А.В. Бочковская, М.В. Воронцова, Н.В. Громова, В.Б.Иванов, Р.Б. Карамурзов,
М.В.Карпов, С.А. Кириллина, О.А. Машкина, В.В. Орлов, К.А. Панченко, М.Л.
Рейснер, Н.Г. Румак, А.Л. Сафронова, Ж.С. Сыздыкова, М.А. Сюнненберг, М.Р.
Урб, Т.А. Барабошкина, Т.Д. Черкасова, Е.В. Черновол

Публикуется в авторской редакции

Верстка А.Г. Фесюн

Усл. печ. л. 20,3

[Электронное издание]

ISBN 978-5-19-012027-1 (e-book)

© ИССА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024

© Коллектив авторов, 2024

125009, г. Москва, ул. Моховая д.11., стр. 1.

science@iaas.msu.ru

+7 495 629 5493